

С. М. Соловьев

ИСТОРИЯ РОССИИ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Annotation

Сергей Михайлович Соловьев – один из самых выдающихся и плодотворных историков дореволюционной России. Его 29-томное исследование «История России с древнейших времен» – это не просто достойный вклад в сокровищницу отечественной и мировой исторической мысли, это практически подвиг ученого, равного которому не было в русской исторической науке ни до Соловьева, ни после.

Книга «Иван Грозный» рассказывает о правлении первого русского царя Ивана IV Васильевича. Автор детально рассматривает как внешнюю и внутреннюю политику, так и процесс становления личности самого правителя.

Это иллюстрированное издание будет интересно не только историкам, но и широким кругам читателей.

-
- [Сергей Михайлович Соловьев](#)
 -
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
-

Сергей Михайлович Соловьев
История России. Иван Грозный

* * *

Глава первая

Правление великой княгини Елены

Право Елены на правление. – Смуты. – Заключение удельного князя Юрия. – Торжество Телпнева-Оболенского и заключение Глинского. – Бегство вельмож в Литву. – Бегство удельного князя Андрея из Старицы, приезд его в Москву и заключение. – Война литовская, переговоры и перемирие. – Дела крымские. – Происки Бельского в Константинополе. – Вмешательство Гиреев в дела казанские. – Мирный договор с Швециею и сношения с другими государствами. – Построение городов; вызов поселенцев из-за границы. – Меры против поддельных и резаных денег. – Дети боярские, живущие в Думе. – Онежская уставная грамота; грамота владимирским бобровникам. – Могущество Телпнева-Оболенского. – Смерть Елены.

Уже в Русской Правде находим, что по смерти отца опека над малолетними детьми, распоряжение имуществом их принадлежат матери; не говоря о древней Ольге, в позднейшее время мы видели важное значение матери семейства княжеского, ее влияние на дела не только при малолетних, но даже и при возрастных сыновьях; следовательно, по смерти Василия опека над малолетним Иоанном и управление великим княжеством, естественно, принадлежали великой княгине – вдове Елене. В описании кончины Василия не говорится прямо о том, чтоб великий князь назначил жену свою правительницею; говорится только, что трем приближенным лицам – Михаилу Юрьеву, князю Михаилу Глинскому и Шигоне – Василий приказал о великой княгине Елене, как ей без него быть, как к ней боярам ходить. Последние слова о боярском хождении мы должны принимать как прямо относящиеся к правительственному значению Елены, должны видеть здесь хождение с докладами. В одной летописи говорится о возведении малолетнего Иоанна на престол таким образом: начали государя ставить на великое княжение в соборной церкви Пречистыя Богородицы митрополит Даниил и весь причет церковный, князья,

бояре и все православное христианство; благословил его митрополит крестом и сказал громким голосом: «Бог благословляет тебя, государь, князь великий Иван Васильевич, владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский, смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси! Добр, здоров будь на великом княжении, на столе отца своего». Новому государю пропели многолетие, и пошли к нему князья и бояре, понесли дары многие; после этого отправили по всем городам детей боярских приводить к присяге жителей городских и сельских.

Умиравший Василий имел много причин беспокоиться о судьбе малолетнего сына: при малютке осталось двое дядей, которые хотя отказались от прав своих на старшинство, однако могли при первом удобном случае возобновить старые притязания; эти притязания тем более были опасны, что вельможи также тяготились новым порядком вещей, введенным при Василии и отце его. «Вы бы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем мы крест целовали», – говорил умирающий братьям; боярам он счел нужным напомнить о происхождении своем от Владимира киевского, напомнить, что он и сын его – прирожденные государи; Василий знал, что в случае усобицы и торжества братьев должны повториться те же явления, какие происходили при деде его, Василии Темном, что тогда малюткам – детям его нельзя ждать пощады от победителя; и вот он обращается к человеку, по близкому родству обязанному и по способностям могущему блюсти за сохранением семьи великокняжеской: «А ты бы, князь Михайло Глинский, за моего сына, великого князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына, князя Юрья, кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал».

К. Маковский. Боярышня. 1880-е гг.

Опасения умирающего сбылись: тотчас после похорон Василия вдове его донесли уже о крамоле. Летописцы оставили нам об этом деле разные свидетельства: по одним, Андрей Шуйский начал

подговаривать князя Бориса Горбатого к отъезду, объявил, что князь Юрий зовет его, Андрея, к себе, и он хочет к нему ехать. Горбатый не только сам не согласился отъехать, но и Шуйскому отсоветовал; тогда последний, видя неудачу и опасаясь последствий своей откровенности с Горбатым, решился предупредить его: явился к великой княгине и объявил, что князь Борис зовет его отъехать к князю Юрию, который также присылал и к нему с приглашением; но правда открылась, и князя Шуйского посадили опять под стражу. При этом бояре сказали правительнице, что надобно схватить и князя Юрия; Елена отвечала им: «Как будет лучше, так и делайте». Бояре сочли за лучшее отделаться заблаговременно от удельного князя, и Юрий вместе с своими боярами посажен был под стражу.

По второму известию, князь Юрий прислал дьяка своего, Третьяка Тишкова, к князю Андрею Шуйскому звать его к себе на службу. Шуйский сказал дьяку: «Князь ваш вчера крест целовал великому князю, клялся добра ему хотеть, а теперь от него людей зовет!» Третьяк отвечал на это: «Князя Юрия бояре приводили, заперши к целованию, а сами ему за великого князя присяги не дали: так что это за целование? Это невольное целование!» Андрей Шуйский сказал об этом князю Горбатову, последний сказал боярам, а бояре – великой княгине. Елена отвечала им: «Вчера вы крест целовали сыну моему на том, что будете ему служить и во всем добра хотеть; так вы по тому и делайте: если является зло, то не давайте ему усилиться». И по приказанию великой княгини Юрий был захвачен.

Какое же из этих двух известий мы должны предпочесть? Автор первого старается оправдать князя Юрия и обвинить во всем бояр и князя Андрея Шуйского; по его словам, «дьявол вложил мысль недобрую: только не схватить князя Юрия Ивановича, то великого князя государству крепка быть нельзя, потому что государь молод, а Юрий совершенный человек и людей приучить умеет; как люди к нему пойдут, то он станет под великим князем подыскивать государства. Дьявол вложил эту мысль, зная, что если князь Юрий не будет схвачен, то не так совершится воля его (дьявола) в граблении, продажах, убийствах». Последние слова показывают нам, что известие составлено в то время, когда уже бояре возбудили против себя всеобщее негодование граблениями, продажами и убийствами. Когда бояре еще только думали, как сказать великой княгине о необходимости схватить

Юрия, дьявол вошел в князя Шуйского и побудил его, злодея, замыслить отъезд; у князя Юрия и на мысли этого не было, потому что он крест целовал великому князю: как было ему изменить? Многие рассказывали, что дети боярские и даже бояре говорили князю Юрию, чтоб ехал поскорей в Дмитров; Юрий отвечал им: «Приехал я к государю, великому князю Василию, а государь, по грехам, болен; я ему целовал крест, да и сыну его, великому князю Ивану: так как же мне крестное целование преступить? Я готов на своей правде и умереть!» Автор известия мог быть убежден в невинности князя Юрия, но, к сожалению, он не приводит ясных доказательств этой невинности; что князь Юрий крест целовал – это еще не доказательство, ибо и Андрей Шуйский также крест целовал; рассказы об ответе Юрия своим боярам и детям боярским также не имеют сильной убедительности. Второе известие имеет за себя обстоятельность рассказа: автор его знает, кого именно князь Юрий присылал к Андрею Шуйскому – дьяка Третьяка Тишкова; знает, чем дьяк оправдывал своего князя в нарушении присяги. Против этого известия приводят то обстоятельство, что Андрей Шуйский действительно был признан виновным и содержался под стражею до самой смерти Елены; но из второго известия нельзя несколько заключать о невинности Шуйского; первое его возражение насчет недавней присяги Юрия несколько еще не ведет к заключению, что он после не мог согласиться с доводом Тишкова, не убедился в выгоде отъехать к князю Юрию и не обратился с тем же предложением к Горбатову; в этом отношении второе известие несколько не противоречит первому: имея в виду только рассказать причину заключения князя Юрия, оно опускает подробности, относящиеся к другому лицу.

Нельзя думать, чтоб донос известного нам Яганова относился к замыслам князя Юрия в то время, когда еще последний был на свободе; гораздо вероятнее, что Яганов донес на дмитровских детей боярских князя Юрия, объявил, что они жалеют о своем князе, порицают московское правительство. Вот как он рассказывает о своем деле в челобитной: «Приказал ко мне князя Юрия Ивановича сын боярский Яков Мещеринов, чтоб я ехал к нему в деревню для некоторого твоего государева дела; я сказал об этом Ивану Юрьевичу Шигоне, и Шигона мне отвечал: ступай к Якову, и если у него какое-нибудь дело государево поновилось, то ты вместе с Яковым пораньше приезжай в

Москву: я об нем и об его службе представлю государю. Я приехал к Якову, и, что он мне сказал, я тотчас послал об этом грамоту с моим человеком к князю Михаилу (Глинскому) и к Шигоне, а сам остался у Якова, чтоб доведаться полных вестей о деле. Иван Шигона моего человека к нам отпустил с приказом ехать нам в Москву, а ты, государь, прислал за нами своих детей боярских и велел нас к Москве взять. Здесь, перед твоими боярами, Яков то дело с меня снял, что он мне сказывал, а слышал, говорит, у княж Юрьевых детей боярских; а которые речи Яков мне сказывал о дмитровских делах, тех речей список я подал твоим боярам; Яков и те речи с меня снял». Донос оказался ложным, и Яганова заключили в оковы; это наказание за ложный донос показывает нам, что правительство не было расположено верить всякому слуху относительно удельных князей и что если оно решилось заключить Юрия, то имело на то основания.

Из челобитной Яганова видно, кто были самые доверенные, самые влиятельные люди при дворе в первое время по смерти Василия; то были князь Михаил Глинский и Шигона Поджогин: к ним двоим обращался Яганов с известиями о государевых делах. Таким образом, Глинский и в Москве достиг почти такого же положения, какое имел в Литве при Александре; но скоро явился ему опасный соперник – то был князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, умевший приобрести особенное расположение великой княгини. Оболенскому и Глинскому стало тесно друг с другом, и Елена должна была выбирать между ними; она выбрала Оболенского. Глинский был обвинен в том, что захотел держать государство вместе с единомышленником своим, Михаилом Семеновичем Воронцовым; это обвинение понятно для нас, ибо прежняя деятельность Глинского обличала в нем человека, не умевшего умерять свое честолюбие и выбирать средства для достижения своих целей; но для современников нужно было еще другое обвинение: и Глинского в Москве обвиняли в том, что он отравил великого князя Василия, точно так как в Литве обвиняли его в отравлении великого князя Александра; оба обвинения явно несправедливы. Что же касается до соумышленника Глинского, Воронцова, то это тот самый вельможа, с которым великий князь Василий помирился перед смертью.

В августе 1534 года был схвачен Глинский и посажен в той самой палате, где прежде сидел при Василии; он скоро умер. В том же августе двое людей из самых знатных родов: князь Семен Бельский и Иван

Ляцкий – последний из рода Кошкиных – убежали в Литву; за соумышленничество с ними правительница велела схватить брата Семенова, князя Ивана Федоровича Бельского, и князя Ивана Михайловича Воротынского с детьми. Бегство Семена Бельского и Ляцкого, заключение Ивана Бельского, Воротынского, Глинского и Воронцова, случившиеся в одно время, в одном месяце, могут навести на мысль, что все это было следствием общего негодования вельмож на Елену и ее любимца Оболенского, – негодования, которого мы увидим сильные следы. В первые минуты по смерти Василия, когда правление твердого государя сменилось правлением слабой женщины, каждый при этой смене видел возможность для осуществления своих честолюбивых замыслов, и потому все охотно согласилось на скорые и решительные меры против замыслов удельного князя Юрия; но когда по прошествии некоторого времени увидели Телепнева-Оболенского занимающим первое место в управлении, когда, следовательно, многие обманулись в своих честолюбивых надеждах, то негодование и обнаружилось.

При заключении князя Юрия источники выставляют на первый план бояр, на решение которых Елена отдала это дело; при заключении второго дяди Иоаннова, князя Андрея Ивановича, мы видим действующими саму Елену и князя Телепнева-Оболенского. Князь Андрей не был нисколько заподозрен в соумышленничестве с братом своим Юрием и спокойно жил в Москве до сорочин по великом князе Василии; но, собравшись после этого ехать в удел, стал припрашивать у Елены городов к своей отчине; в городах ему отказали. Андрей уехал с неудовольствием в Старицу; нашлись люди, которые передали об этом неудовольствии в Москву; нашлись также люди, которые сказали Андрею, что в Москве хотят его схватить. Елена отправила в Старицу князя Ивана Васильевича Шуйского и дьяка Меньшого Путятина внушить Андрею, что это слух ложный. Андрей не удовольствовался этим, но требовал от Елены письменного удостоверения и, получив его, приехал в Москву для личных объяснений с правительницею, причем митрополит Даниил был посредником; Андрей начал с того, что до него дошел слух, будто великий князь и она, Елена, хотят положить на него опалу; Елена отвечала: «Нам про тебя также слух доходит, что ты на нас сердисься; и ты б в своей правде стоял крепко, а лихих людей не слушал, да объявил бы нам, что это за люди, чтоб вперед между нами

ничего дурного не было». Князь Андрей не назвал никого, сказал, что ему так самому показалось. Елена повторила ему, что она ничего против него не имеет. Как видно, в это время взята была с Андрея запись, в которой он клялся исполнить договор, заключенный им прежде с племянником, обязался не утаивать ничего, что ни услышит о великом князе и его матери от брата своего, от князей, бояр, дьяков великокняжеских или от своих бояр и дьяков, ссорщиков не слушать и объявлять о их речах великому князю и его матери. Эта запись особенно замечательна тем, что в ней впервые встречаем ограничение или, лучше сказать, уничтожение права удельных князей принимать к себе служивых князей, бояр и слуг вольных; Андрей обязался не принимать князей, бояр, дьяков, детей боярских и никого другого, если они отъедут от великого князя на его лихо. Но при всяком почти отъезде предполагалось неудовольствие отъехавшего, ибо какие выгоды могли заставить отъехать от великого князя к удельному? При всяком отъезде он мог подозревать, что на лихо, и требовать выдачи отъехавшего.

К. Маковский. Боярин с кубком. Этюд к картине «Поцелуйный обряд». 1895 г.

По возвращении из Москвы в Старицу Андрей подозрения и страха не отложил и продолжал сердиться на Елену, зачем не прибавила городов к его уделу. В Москву опять начали доносить, что Андрей собирается бежать. Елена, по свидетельству летописи, не поверила этим доносам и послала звать Андрея на совет по случаю войны казанской; Андрей отвечал, что не может приехать по причине болезни, и просил прислать лекаря. Правительница послала к нему известного нам Феофила, который, возвратившись, донес ей, что у Андрея болезнь легкая, говорит, что на стегне болячка, а лежит на постели. Тогда Елена послала опять к Андрею осведомиться о его здоровье, а между тем велела тайно разузнать, нет ли какого о нем слуха и почему он в Москву не поехал. Посланные донесли, что у старицкого князя есть лишние люди, которых обыкновенно у него не бывает, и эти люди говорить ничего не смеют; но, по словам других людей, Андрей затем притворился больным, что не смеет ехать в Москву. Елена послала вторично звать его в Москву, и вторично та же отговорка болезнью; послали в третий раз с требованием непременно приехать в каком бы ни было положении. С ответом Андрей отправил в Москву князя Федора Пронского, и этот ответ дошел до нас; здесь дядя государев, удельный князь, называет себя холопом великого князя; несмотря, однако, на такой униженный тон, удельный князь не может удержаться, чтоб не напомнить племяннику старины, он велит сказать ему: «Ты, государь, приказал к нам с великим запрещением, чтоб нам непременно у тебя быть, как ни есть; нам, государь, скорбь и кручина большая, что ты не веришь нашей болезни и за нами посылаешь неотложно; а прежде, государь, того не бывало, чтоб нас к вам, государям, на носилках волочили».

Но не успел еще Пронский доехать до Москвы, как один из детей боярских Андреевых, князь Голубой-Ростовский, тайно ночью прислал к князю Телепневу-Оболенскому с вестию, что князь Андрей непременно побежит из своего удела на другой день. Тогда Елена отправила к Андрею трех духовных особ: крутицкого владыку, симоновского архимандрита и спасского протопопа, которые должны были сказать удельному князю от имени митрополита: «Слух до нас

дошел, что ты хочешь оставить благословение отца своего, гробы родительские, святое отечество, жалованье и береженье государя своего, великого князя Василия и сына его; я благословляю тебя и молю жить вместе с государем своим и соблюдать присягу без всякой хитрости; да ехал бы ты к государю и к государыне без всякого сомнения, и мы тебя благословляем и берем на свои руки». В случае если Андрей не послушает митрополичьих увещаний, посланные должны были наложить на него проклятие. Не полагаясь, однако, на действительность церковных увещаний и угроз, московское правительство выслало к Волоку сильные полки под начальством двоих князей Оболенских – князя Никиты Хромого и князя Ивана Овчины-Телепнева. Посланника Андреева, князя Пронского, перехватили на дороге; но в то время как брали Пронского, одному из его провожатых, сыну боярскому Сатину, удалось убежать. Он прискакал в Старицу и объявил своему князю, что Пронский схвачен и великокняжеские войска идут схватить самого его, Андрея; с Волока пришли вести, что московские полки уже тут. Тогда Андрей не стал более медлить и 2 мая 1537 года выехал из Старицы. Неизвестно, имел ли он прежде намерение броситься к Новгороду и поднять здесь недовольных; по всем вероятностям, единственным средством спасения в крайности представлялось для него бегство в Литву. Но теперь, при известии, что московские полки уже находятся в Волоке с целью отрезать ему дорогу к юго-западу, к литовским границам, Андрею не оставалось ничего более, как двинуться прямо на север, в новгородские области, причем он велел писать грамоты к помещикам, детям боярским и в погосты: «Князь великий молод, держат государство бояре, и вам у кого служить? Я же вас рад жаловать». Многие помещики из погостов действительно приехали к нему служить, но зато в собственных полках Андреевых открылась измена: с третьего стану, на Цне, побежало несколько детей боярских; одного из них успели перехватить и привели к князю, который отдал его под присмотр своему дворянину Каше; Каша велел связать руки и ноги перебежчику, посадить его в озеро в одной сорочке, выставя только голову на берег, чтоб не захлебнулся, и таким образом пытал, кто еще хотел бежать с ним вместе. Перебежчик назвал так много соумышленников, что князь Андрей велел потушить дело, потому что нельзя же было их всех перевешать, как говорит летописец. Зато редкою по тогдашним отношениям верностию

отличился воевода Андреев, князь Юрий Оболенский: еще прежде, заподозрив старицкого князя во враждебных замыслах, Елена потребовала, чтоб он послал на Коломну воеводу, князя Юрия Оболенского, с большим отрядом детей боярских. Узнавши о бегстве своего князя, Оболенский, по выражению летописца, начал Богу молиться и, утаясь от воевод великокняжеских, выехал из Коломны, перевезся через Волгу под Дегулиным и соединился с Андреем на речке Березне. В Тухоле настиг Андрея другой Оболенский, князь Иван Овчина-Телепнев, товарищ которого, князь Никита, отправился укреплять Новгород. Здесь известия начинают разногласить, потому что одни летописцы держали сторону московского правительства, другие – сторону удельного князя. По московским известиям, когда оба войска выстроились для бою, князь Андрей не захотел сражаться, завел переговоры с князем Оболенским, обещал бросить оружие, если тот даст ему клятву, что большой опалы на него не положат. Оболенский, не обославшись с Еленою, дал Андрею требуемую клятву и вместе с ним отправился в Москву; но Елена сделала ему строгий выговор, зачем без ее приказанья дал клятву князю Андрею, велела схватить последнего и заключить в оковы, чтоб вперед такой смуты и волнения не было. По другим известиям, Оболенские получили в Москве от правительницы наказ звать князя Андрея, чтоб шел в Москву, а князь великий его пожалует и вотчин ему придаст. При встрече с московскими войсками князь Андрей хотел биться, но Оболенский первый стал посылать к нему с обещанием свободного возвращения в отчину; Андрей приехал в Москву в четверг, а схвачен был в субботу, следовательно, с ведома или без ведома правительницы, Оболенский дал клятву, в Москве не вдруг решились ее нарушить. Одинаковой участи с Андреем подверглась жена его и сын Владимир. Бояре его – князь Пронский, двое Оболенских, Иван и Юрий Андреевичи Пенинские, князь Палецкий, также князья и дети боярские, которые были в избе у Андрея и его думу знали, – были пытаны, казнены торговою казнию и заключены в оковы; тридцать человек помещиков новгородских, которые передалась на сторону Андрея, были биты в Москве кнутом и потом повешены по новгородской дороге вплоть до Новгорода. Андрей не более полугода прожил в неволе.

К. Маковский. Боярин. 1880 г.

Должно было ожидать, что смутами и неудовольствиями во время малолетства московского великого князя прежде всего захотят воспользоваться в Литве. Мы видели, что здесь ошиблись в расчетах на смуты при восшествии на престол Василия и должны были закрепить за сыном Иоанна III не только все приобретения последнего, но даже уступить Смоленск. Срок перемирия исходил, и престарелому Сигизмунду вовсе не хотелось начинать войны с Василием; его паны радные, по обычаю, отправили посланника Клиновского к боярам московским с просьбою уговорить великого князя прежде истечения перемирия отправить к королю великих послов для заключения вечного мира или нового перемирия; если же великий князь не согласится отправить послов своих к королю, то пусть пришлет в Литву гонца с опасною грамотою на послов королевских. Клиновский не застал уже в живых Василия, и новое правительство распорядилось, чтоб бояре отправили к панам своего посланника с опасною грамотою на больших послов литовских. В то же самое время новый великий князь отправил к Сигизмунду сына боярского Заболоцкого с извещением о смерти отцовой и о своем восшествии на престол. Заболоцкому велено было проведать: королю в Вильне долго ли быть, и послов своих к великому князю хочет он отправить или не хочет? В Москве имели причины беспокоиться насчет решения последнего вопроса, ибо известие о смерти Василия и восшествии малолетнего сына его возбудило надежды короля и его Рады, и вместо того, чтоб прислать своих великих послов по опасной грамоте, Сигизмунд прислал свою опасную грамоту на послов московских, велев сказать Заболоцкому: «Хочу быть с великим князем в братстве и приязни точно так же, как отец наш, Казимир король, был с дедом его, великим князем Иваном Васильевичем. И если он на этих условиях захочет быть с нами в братстве и приязни, то пусть шлет к нам своих великих послов, да чтоб не медлил». То же самое и паны радные отвечали боярам московским.

Великому князю опасная королевская грамота не понравилась, потому что он к королю об ней не приказывал и послов своих, к королю отправлять не хотел. Перемирие истекло, сношения прекратились, и летом 1534 года гетман Юрий Радзивилл вместе с татарами опустошил окрестности Чернигова, Новгорода Северского, Радогоща, Стародуба, Брянска. Королю доносит, что в Москве господствует сильное

несогласие между боярами и несколько раз едва дело не доходило между ними до ножей; во Пскове нет войска, одни только купцы, переведенные из Москвы, да черные люди-псковичи; но черные люди часто сходятся на вече; наместники и дьяки это им запрещают, не зная, что они там думают. Всего важнее был для короля приезд таких знатных беглецов, как князь Семен Бельский и Иван Ляцкий; королю писали, что если он хорошо примет этих беглецов, то многие московские князья и знатные дети боярские последуют их примеру; Сигизмунд послушался и богато наградил Бельского и Ляцкого. Осенью гетман Радзивилл отрядил в Северскую страну киевского воеводу Андрея Немировича и конюшего дворного Василья Чижа; они сожгли Радогощ, но с уроном должны были отступить от Стародуба и Чернигова; такую ж неудачу потерпел и князь Александр Вишневецкий под Смоленском.

Встречая сопротивление под городами, литовские воеводы не встречали московских полков в поле. В Москве боялись крымского хана больше, чем Литвы, и рать стояла под Серпуховом; кроме того, мешали сбору и движению войск внутренние смуты, бегство Семена Бельского и Ляцкого, опала Ивана Бельского, Воротынского, Глинского. Только в сентябре, как видно, явилась возможность действовать решительнее. Не ранее конца октября московская рать двинулась в Литву: большой полк вели князя Михайло Горбатый-Суздальский и Никита Оболенский; передовой полк – боярин конюший, князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский; из Новгорода вел полки князь Борис Горбатый для соединения с князем Михаилом. В свою очередь московские войска не встретили теперь королевских в поле и безнаказанно опустошили области литовские, не дошедши только 50 или 40 верст до Вильны; с другой стороны, князь Федор Овчина-Телепнев-Оболенский ходил из Стародуба до самого Новгорода литовского.

На другой год, узнавши о сильных приготовлениях короля к походу, из Москвы выступила рать: большой полк под начальством князя Василья Васильевича Шуйского и передовой – опять под начальством князя Ивана Телепнева-Оболенского. Эта рать имела целью добыть Мстиславль, а с другой стороны, Бутурлин с псковичами должен был поставить город в Литовской земле, на озере Себеже. Но литовское войско под начальством гетмана Юрия Радзивилла, Андрея Немировича, польского гетмана Тарновского и московского беглеца

Семена Бельского вторглось опять в Северскую область, взяло Гомель и Стародуб; воевода князь Федор Телепнев-Оболенский со многими людьми взят был в плен. Литовские воеводы удовольствовались взятием Гомеля и Стародуба, не пошли дальше; у них было много наемных иностранных ратников, пушкарей, пищальников и подкопщиков. У московских воевод не было подобных мастеров, и потому они, сожегши посад Мстиславский, не могли взять самого города и удовольствовались опустошением окрестностей; Бутурлин успел построить и укрепить новый город – Себеж. В начале 1536 года литовский воевода Андрей Немирович явился под ним; но пушки его действовали плохо, не причинили никакого вреда городу, били своих; под конец осажденные сделали вылазку и нанесли сильное поражение литовцам. После этого успеха московские воеводы ходили воевать Литовскую землю под Любеч, сожгли посад Витебска, много волостей и сел повоевали, много людей в плен побрали, много богатства у литовских людей взяли и пришли домой все целы и здоровы. Кроме Себежа построены были на литовском рубеже Заволочье в Ржевском и Велиж в Торопецком уездах; Стародуб и Почеп, покинутые литовцами, были возобновлены.

Не такой войны ждали в Литве, где надеялись на внутренние смуты и совершенное бессилие правительства в малолетство сына Василиева; Сигизмунд обманулся в своих расчетах и хотел прекратить бесполезную борьбу. Еще в сентябре 1535 года приехал в Москву к князю Ивану Телепневу-Оболенскому Андрей Горбатый, человек брата его, князя Федора, находившегося в литовском плену. Горбатый объявил, что гетман Юрий Радзивилл говорил ему о желании короля быть в мире и братстве с великим князем и поручил ему говорить об этом в Москве всем боярам и дьякам. Бояре приговорили, что надобно Горбатого отпустить к князю Федору, к которому князь Иван пошлет свою грамоту. В этой грамоте Оболенский писал к брату, что, как ему хорошо известно, война начата не с московской стороны, что великий князь посылал к королю Тимофея Заболоцкого для мира и братства, а король вместо посла отправил рать свою на государеву землю. А государь наш, как есть истинный христианский государь, и прежде не хотел и теперь не хочет, чтоб кровь христианская лилась, а бусурманская рука высилась. Так если король желает того же и

пришлет к нашему государю, то пересылками между государей добрые дела становятся.

Прошло четыре месяца. В начале февраля 1536 года в Москву дали знать из Смоленска, что к князю Оболенскому идет посол от гетмана Радзивилла. Посол подал опасную грамоту королевскую для проезда московских послов в Литву, а в грамоте к Оболенскому Радзивилл писал, будто пленник князь Федор Овчина-Оболенский бил челом, чтобы паны ходатайствовали у короля о мире, и король по их ходатайству посылает теперь опасную грамоту. Эта опасная грамота опять не понравилась в Думе великокняжеской; здесь рассуждали: «Пишут на князя Федора, что им князь Федор бьет челом; а князь Федор у них в руках, что хотят, то на него пишут»; приговорили, чтоб Оболенский послал к Радзивиллу вместе с его человеком своего человека с грамотою; приговорили также послать по прежним обычаям свою опасную грамоту на королевских послов; князю же Оболенскому потому нужно было послать своего человека, чтобы дело не порвалось.

Неизвестный художник. Гетман Юрий Радзивилл. XVII в.

В тот самый день, как Оболенский отпустил Гайку из Москвы, именно 27 февраля, литовские войска потерпели поражение под Себежом. В Литве понимали, что это событие не заставит московское

правительство исполнить требование короля и потому придумали новое средство согласить требования обеих сторон. В мае Радзивилл прислал к Оболенскому новую грамоту, в которой писал: «Ты пишешь, чтобы наш государь отправил своих послов к вашему государю; но рассудите сами, кому приличнее отправить своих послов – нашему ли государю, который в таких преклонных летах, или вашему, который так еще молод? Прилично вашему государю послать к нашему, как к отцу своему. Но если б ваш государь и отправил своих послов к нашему государю, давши им полный наказ, то может легко случиться, что наш государь не примет этих условий и послы возвратятся, ничего не сделавши; то же самое может случиться, если и наш государь пришлет к вам в Москву своих послов. Для избежания этого посоветуй государю своему, чтоб он отправил послов своих великих на границы, давши им полномочие; а король пошлет с своей стороны также великих послов с полномочием, так чтоб, не заключивши мира или перемирия, они не могли разъехаться».

Но это средство не помогло, особенно после себежского дела; великий князь говорил с матерью своею и с боярами, что отправлять к королю послов своих ему непригоже: прежде отец его никогда не посылал; и на съезд ему послов своих отправить также непригоже; много о том бывало речей, чтоб послам быть на съезде, и князь великий Василий всегда отговаривал. С этим решением Оболенский опять отправил человека своего к Радзивиллу; в грамоте своей он дал ему знать, что государи в сношениях своих друг с другом должны поддерживать достоинство государств своих, а не считаться летами.

Король сделал еще шаг вперед: в июле месяце прислал уже прямо от себя к Иоанну кревского наместника Никодима Техановского с прежним требованием присылки великих послов в Литву и с опасною грамотою на них. В Думе решили: Никодима отпустить, а к королю послать сына боярского доброго, для того чтоб с королем дела не порвать. И отправили в Литву сына боярского Хлуденева с опасною грамотою на королевских послов. Хлуденев возвратился уже в ноябре и объявил, что к Рождеству будут в Москву великие литовские послы – полоцкий воевода Ян Юрьевич Глебович с товарищами; Хлуденев сказывал также, что по дороге честь ему была велика, кормы давали вдоволь и чтили его. Ян Глебович явился к назначенному сроку, и переговоры открылись; они начались спором о том, кто первый начал

войну – литовцы или русские. Послы говорили, что король посылал гетмана на северские города, потому что эти города его; король Казимир отдал их Шемякину и Можайскому, и те изменили и передали их Москве. Бояре отвечали, что северские города были к Киеву, а Киев – отчина великому князю; и о том речей спорных и бранных много говорили. Когда эти споры наскучили, послы сказали, что не для чего говорить о старине, а надобно найти доброе дело, как бы между государями мир устроить. Когда бояре согласились говорить о настоящем деле, то начался спор, кому первому излагать свои условия; бояре настояли, чтобы первые говорили послы, и те начали требованием Новгорода и Пскова. Бояре отвечали: «И прежде о том бывали речи, да плода не было и не будет». После многих спорных речей послы сказали: «Много поговоривши, как бы к концу приговориться» – и стали требовать мира, какой был между Казимиром и Василием Темным. Бояре назвали и это бесплодными речами. Послы стали говорить о мире Иоанна III с Александром, Василия с Сигизмундом; бояре, разбранившись с ними, пошли прочь, и великий князь велел послам ехать на подворье.

Во второе совещание послы приехали и долго сидели молча; наскучив их молчанием, боярин Михаил Юрьевич сказал: «Паны! Хотя бы теперь дни были и большие, то молчаньем ничего не сделать; а теперь дни короткие, и говорить будете, так все мало времени». Послы отвечали: «Мы уже говорим два дня и все по приказу господаря своего спускаем, а вы ни одного слова не спустите; скажите нам, как ваш государь с нашим господарем в вечном мире быть хочет?» Бояре отвечали, что вечный мир может быть заключен только на тех условиях, на каких было перемирие между Сигизмундом и покойным великим князем Василием, т. е. чтоб Смоленск навеки был уступлен Москве; а которые дела случились уже при Иоанне, о тех вперед будет разговор (говоря). Послы сказали на это: «Положите на своем разуме: для чего господарю нашему своей отчины отступиться и в полную писать?» Бояре опять разбранились с послами, и те уехали на подворье. Третье совещание началось так же, как окончилось второе, многими спорными речами; наконец один из послов сказал: «Много говорим речей, а к концу не приговоримся; поискать бы нам среднего пути. Если государь ваш Смоленска отдать не хочет, то пусть даст господарю нашему другой какой-нибудь город, равный Смоленску величиною и

богатством». Бояре с этим предложением пошли к великому князю и, возвратившись, отвечали именем Иоан на: «Отец наш ту свою отчину с Божьею волею достал и благословил ею нас; мы ее держим за собою и королю никак не уступим; а другой город за нее для чего нам давать? Смоленск – наша отчина изначала, от предков, и если наши предки случайно ее потеряли, то нам опять дал ее Бог, и мы ее не уступим». Видя, что нет возможности заключить вечный мир, послы предложили перемирие. Великий князь говорил с боярами: «Пригоже ли с королем взять перемирье на время?» И приговорил, что «пригоже для иных сторон недружных: Крым неведом, с царем Саип-Гиреем крепости еще нет никакой, и Ислам-Гирей – человек шаткий, нестойкий; а казанские люди изменили, и с ними еще дела никакого не сделано; для этого пригоже с королем взять перемирье, чтоб с теми сторонами поуправиться». В переговорах о перемирии главное затруднение состояло в том, что бояре требовали назад Гомель и свободы пленных, на что послы никак не соглашались, желая, чтобы война кончилась хотя каким-нибудь приобретением для Литвы; относительно же пленных представляли опять на вид, как и во времена Василиевы, что у короля в руках знатные пленники московские и ему невыгодно променять их на незнатных литовских. Послы требовали также, чтоб великий князь разорил городки, поставленные им во время войны на своей и на Литовской земле. Согласились, что пленным свободы не будет, что Гомель останется за королем, а новые городки, Заволочье и Себеж, – за великим князем; но после этого начались споры относительно границ волостям; тут уладиться не могли, переговоры рушились, послы уже откланялись великому князю, но перед самым отъездом сказали приставу: «Захотят бояре еще делать, и мы с ними хотим делать; а государевым здоровьем у нас хоромы теплы и кормов много, можно нам мешкать за государевыми делами, только бы дал Бог дело сделалось». Пристав сказал об этом боярам, послов опять позвали на совещание, и, наконец, уладилось, заключили перемирие на пять лет, от Благовещеньева дня 1537 до Благовещеньева дня 1542 года.

В Думе прямо объявили о необходимости заключить перемирие с королем, чтоб иметь возможность поуправиться с Казанью и Крымом. Одним из первых распоряжений правительства по смерти Василия было отправление сына боярского Челищева в Крым с известием о восшествии на престол Иоанна. Челищев должен был бить челом Саип-

Гирею, чтоб пожаловал нового великого князя, учинил его себе впрок братом и другом, как великий князь Василий был с Менгли-Гиреем; посол должен был также сказать хану: «Если дашь шертную грамоту, то большой посол, князь Стригин-Оболенский, уже ждет в Путивле с большими поминками и немедленно пойдет к тебе».

В генваре отправлен был Челищев в Крым, а в мае татары уже разоряли русские места по реке Проне, но были прогнаны. Скоро, однако, в самом Крыму встала усобица между ханом Саип-Гиреем и старшим по нем из Гиреев-Исламом; Орда разделилась между соперниками, и это разделение было очень полезно для Москвы. Ислам дал обещание королю стоять с ним заодно на всех неприятелей, следовательно, и на московского великого князя и в то же время прислал в Москву с предложением союза; но, разумеется, главная цель посылки была требование казны: «Которую казну ты к Саип-Гирею послал, ту казну пришли мне: меня царем учинил турецкий султан, так ему надобно послать много поминков». В Москве действительно сочли за лучшее послать казну к Исламу, потому что нерасположение Саипа было слишком явно: он пограбил Челищева и всех его людей. Князь Стригин-Оболенский получил приказ ехать из Путивля в Крым к Исламу с большими поминками; очень вероятно, что Оболенский не хотел ехать в Крым, зная, что обыкновенно терпели там московские послы, и он искал всякого рода отговорок; он писал великому князю: «Ислам отправил к тебе послом Темеша; по этого Темеша в Крыму не знают и имени ему не ведают; в том Бог волен да ты, государь: опалу на меня положить или казнить меня велишь, а мне против этого Исламова посла, Темеша, нельзя идти». Великий князь положил на Оболенского опалу и вместо него велел идти в Крым князю Мезецкому. Начались пересылки с обычным характером: московское правительство требовало от Ислама шертной грамоты, деятельного союза против Литвы; Ислам требовал денег, жаловался, что великий князь не исполнил отцовского завещания, по которому будто бы Василий в знак дружбы отказал ему, Исламу, половину казны своей. В августе 1535 года, когда полки московские шли на защиту Северной стороны от литовцев, крымцы напали на берега Оки, были отражены, но отвлекли московские силы от Северной стороны и облегчили королевскому войску взятие Гомеля и Стародуба. Исламовых послов задержали за это в Москве, но хан отговорился, что воевал московские области не он, а

Саип, и послов выпустили. С московскими людьми в Крыму поступали по-прежнему; в Москве, наоборот, старались избегать всякого повода к жалобе со стороны хана.

Скоро сношения с Крымом получили для Москвы новое значение. Московский отъезжик, князь Семен Бельский, видя, что дела Сигизмундовы с Москвою идут вовсе не так хорошо, как ему хотелось и как он обещал в Литве, отпросился у короля в Иерусалим, но вместо того стал хлопотать в Константинополе, как бы поднять султана и крымцев на Москву в союзе с Литвою. С помощью турок и Литвы ему хотелось восстановить для себя не только независимое княжество Бельское, но и Рязанское, потому что он считал себя по матери, княжне рязанской, единственным наследником этого княжества по пресечении мужеской линии князей рязанских. По заключении уже мира с Москвою Сигизмунд получил от Бельского письмо с уведомлением, что султан взялся помогать ему, приказал Саип-Гирею крымскому и двоим пашам, силистрийскому и кафинскому, выступить с ним в поход; писал, чтоб и Сигизмунд высылал своих великих гетманов со всеми войсками в Московскую землю; просил также короля, чтоб дал ему лист, за которым бы мог безопасно приехать в Литву для своих дел и безопасно отъехать, и чтоб король позволил людям, живущим в имениях его, Бельского, в Литве, ехать к нему в Перекоп.

В. Шварц. Гонец. 1868 г.

Королю это письмо было вовсе не ко времени, ибо война с Москвою уже прекратилась; он отвечал Бельскому: «Ты отпросился у нас в Иерусалим для исполнения обета, а не сказал ни слова, что хочешь ехать к турецкому султану; когда сам к нам приедешь и грамоту султанову к нам привезешь, тогда и сделаем, как будет пригоже. Ты

просишь у нас грамоты для свободного проезда в Литву, но ведь ты наш слуга, имение у тебя в нашем государстве есть, так нет тебе никакой нужды в проездной грамоте: все наши княжата и панята свободно к нам приезжают; слуг же твоих мы немедленно велели к тебе отпустить».

В Москву о происках Бельского дал знать Ислам-Гирей, выставляя при этом свое доброхотство к великому князю. Он писал, будто Саип-Гирей известил султана, что Ислам более не существует, и вследствие этой вести начались приготовления к походу с князем Бельским, но когда Бельский, приехав в Белгород, узнал здесь, что Ислам жив, и дал знать об этом султану, то последний сказал: «Если только Ислам жив, то нашему делу статья нельзя». Бельский присылал человека к Исламу с просьбою дать ему дорогу и быть ему товарищем, но Ислам не согласился. «И ты ведай, – писал Ислам великому князю, – что оттоманы – люди лихие; султан начинает это дело вовсе не для князя Бельского; он не думает о том, пригоже ли Бельскому княжение или непригоже, лишь бы только камень о камень ударил, лишь бы ему при этом что-нибудь к себе приволочь. Султан и нашей земле покоя не дает, с таким устремлением живет, не рассуждая, кто ему земли достает, от холопа или от рабы родился – ему все равно, лишь бы земли доставал».

Московское правительство благодарило Ислама за дружбу и послало ему дары с просьбою, чтоб выдал или убил Бельского; в то же время человек Бельского объявил московскому послу в Крыму, Наумову, что господин его возвратится в Москву, если великая княгиня его простит и даст ему опасную грамоту. На основании этого объявления послана была Бельскому опасная грамота такого содержания: «Мы тебя жаловать хотим и гнев свой отложим; вины твоей, которую ты сделал по молодости, памятовать не хотим, а еще и больше прежнего пожалуем тебя нашим великим жалованьем. Ведаешь и сам, что и прежде некоторые наши слуги ездили от нас к нашим неприятелям, опять назад приезжали и этим отечества своего не теряли, предки наши их жаловали и опять их в отечестве восстанавливали. И ты б ныне поехал к нам без всякого опасения».

Но Бельский почему-то не ехал, и московское правительство продолжало вести о нем переговоры и с Исламом, и с Саип-Гиреем, которому от времени до времени также отправляло посольства. Со стороны Саип-Гирея целию присылок в Москву были, разумеется, запросы: «Прислал бы ты нам платье, три шубы собольи, три шубы

лиси, три кречета да и сокольников бы прислал; а мы, сколько будет пригоже, братству твоему готовы; да прислал бы пять лисиц черных да пять черных зубов рыбьих». Сын Саипов писал: «Сколько прошения нашего ни будет, ты б нам ни за что не стоял, чтоб тебе с отцом нашим в добром братстве быть». Гонцу отвечали от имени великого князя: «Когда будет у нас от брата нашего большой посол добрый человек, тогда мы с ним вместе отпустим своего большого посла, и, что у нас случится, то мы брату своему и пошлем; а что ты нам от царя говорил о нашем холопе Бельском, называл его Саип-Гирей нашим другом, то разве царь по незнанию о нем так приказал, назвал его нашим другом? Бельский – холоп наш, а не друг; и если брат наш захочет нам дружбу свою показать, то он бы его к нам прислал или велел бы его там убить; это была б нам от него первая дружба». Гонец отвечал: «Приехал Бельский от турецкого султана к хану, привез грамоту и рать подвигает на московскую украину; государю вашему другом и братом называет себя; и которые люди бывали на Москве и его знали, что он великого князя холоп, те его бранят и в глаза ему плюют; а которые люди молодые этого не знают, те к нему пристают и идти с ним хотят; ведь Орда, и в ней люди разные, один говорит одно, а другой – другое, а государь наш для людей так молвил: а он и сам знает, что Бельский – холоп». В одно время с гонцом Саиповым отпускали и гонцов Исламовых; последние сказали боярам: «Некоторые бояре говорят, чтоб князь великий был в дружбе и братстве с Саип-Гиреем царем, а Ислама оставил: ведомое дело, помирится князь великий с царем, то государю нашему Ислам-салтану плохо будет, но и великому князю добра никакого не прибудет же, так великий князь не потакал бы этим речам». Им отвечали, что великий князь Ислама оставить не хочет и у бояр об этом ни у кого ничего не слыхал и слышать не хочет.

Ислама не хотели оставить в Москве; Ислам был нужен: он обещал выдать Бельского. Но ему не удалось исполнить этого обещания: один из ногайских князей, друг Саип-Гиреев, нечаянно напал на Ислама и убил его, захватив в то же время и Бельского, которого Саип выкупил у него по приказанию султана. Ставши один ханом в Крыму, Саип послал сказать великому князю московскому: «Если пришлешь мне, что посылали вы всегда нам по обычаю, то хорошо, и мы по дружбе стоим; а не придут поминки к нам всю зиму, станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надеясь на Бога, сами искать пойдем, и если найдем,

то ты уже потом не гневайся. Не жди от нас посла, за этим дела не откладывай, а станешь медлить, то от нас добра не жди. Теперь не постарому, с голою ратью татарскою, пойдем: кроме собственного моего наряду пушечного будет со мною счастливого хана (султана турецкого) сто тысяч конных людей; я не так буду, как Магмет-Гирей, с голою ратью, не думай, побольше его силы идет со мною. Казанская земля – мой юрт, и Сафа-Гирей – царь – брат мне; так ты б с этого дня на Казанскую землю войной больше не ходил, а пойдешь на нее войною, то меня на Москве смотри».

Опять с единовластием Саипа началось вмешательство крымских ханов в дела казанские, ибо мысль об освобождении Казани от русских и соединении всех татарских орд в одну или, по крайней мере, под одним владеющим родом была постоянною мыслию Гиреев, которую они высказывали, к осуществлению которой стремились при первом удобном случае. Мы видели, что в последнее время жизни великого князя Василия Казань спокойно повиновалась Москве в лице хана своего Еналея. Еналей перенес свои подручные отношения и к наследнику Василиеву: по-прежнему остался верен Москве. Но вследствие перемены ханов в Казани уже давно успели образоваться стороны, из которых каждая ждала удобного случая низложить сторону противную. В тяжкой войне Москвы с Литвою крымская сторона в Казани увидела удобный случай свергнуть московского подручника: составился заговор осенью 1535 года под руководством царевны, сестры Магмет-Аминя и князя Булата. Еналей был убит, и царем провозглашен Сафа-Гирей крымский. Но это было торжество одной стороны, другая оставалась; в Москву приехали с Волги козаки, городецкие татары, и сказывали, что к ним на остров приезжали казанские князья, мурзы и козаки, объявили об убийстве Еналея и прибавили: «Нас в заговоре князей и мурз с 500 человек; помня жалование великих князей Василия и Ивана и свою присягу, хотим государю великому князю служить прямо, а государь бы нас пожаловал, простил царя Шиг-Алея и велел ему быть в Москву; и когда Шиг-Алей будет у великого князя в Москве, то мы соединимся с своими советниками, и крымскому царю в Казани не быть». Получив эти вести, великая княгиня решила с боярами, что надобно Шиг-Алея освободить из заключения. В декабре Шиг-Алея привезли с Белоозера и представили великому князю; хан стал на колени и говорил: «Отец

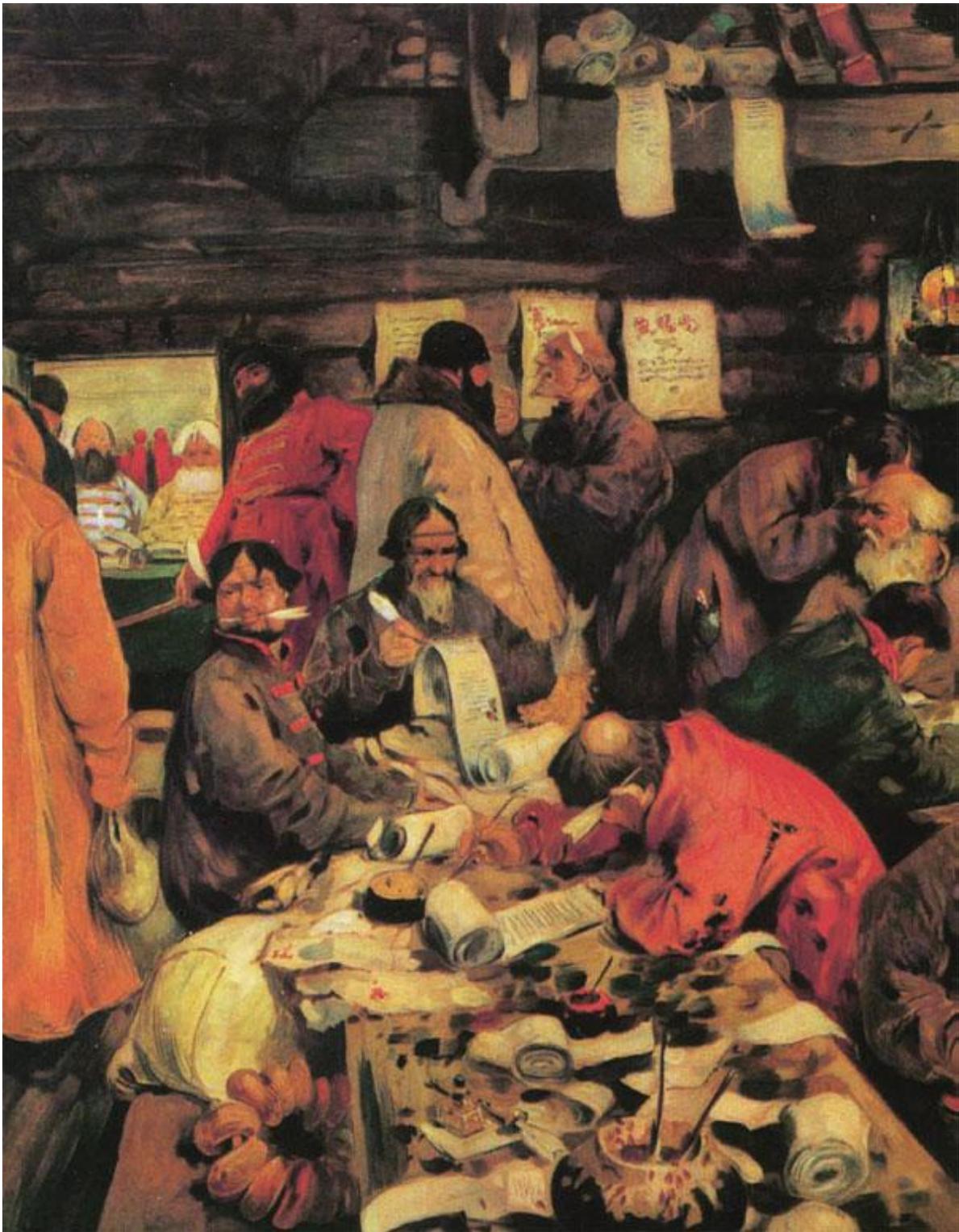
твой, великий князь Василий, взял меня, детинку малого, и жаловал, как отец сына, посадил царем в Казани; но, по грехам моим, в Казани пришла в князьях и в людях несогласица, и я опять к отцу твоему пришел на Москву. Отец твой меня пожаловал в своей земле, дал мне города; а я, грехом своим, перед государем провинился гордостным своим умом и лукавым помыслом. Тогда Бог меня выдал, и отец твой меня за мое преступление наказал, опалу свою положил, смиряя меня; а теперь ты, государь, помня отца своего ко мне жалованье, надо мною милость показал».

Великий князь велел царю встать, позвал его к себе поздороваться (карашеваться) и велел ему сесть с правой руки на другой лавке, потом подарил ему шубу и отпустил на подворье. Но Шиг-Алей бил челом, чтоб позволено ему было представиться и великой княгине. Елена держала совет с боярами, прилично ли быть у нее царю; бояре решили, что прилично, потому что великий князь мал и все правление государством лежит на ней. 9 января 1536 года был прием Шиг-Алея у Елены. У саней встретили его бояре – князь Василий Васильевич Шуйский и князь Иван Федорович Телепнев-Оболенский с двумя дьяками; в сенях встретил его сам великий князь с боярами. Елену окружали боярыни; бояре сидели по обе стороны, как обыкновенно водилось при посольских представлениях. Шиг-Алей, войдя, ударил челом в землю и сказал: «Государыня великая княгиня Елена! Взял меня государь мой, князь Василий Иванович, молодого, пожаловал меня, вскормил, как щенка, и жалованьем своим великим жаловал меня, как отец сына, и на Казани меня царем посадил. По грехам моим, казанские люди меня с Казани сослали, и я опять к государю своему пришел: государь меня пожаловал, города дал в своей земле, а я ему изменил и во всех своих делах перед государем виноват. Вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, проступку мне отдали, меня, холопа своего, пощадили и очи свои государские дали мне видеть. А я, холоп ваш, как вам теперь клятву дал, так по этой своей присяге до смерти своей хочу крепко стоять и умереть за ваше государское жалованье; так же хочу умереть, как брат мой умер, чтоб вину свою загладить». Елена приказала ему отвечать: «Царь Шиг-Алей! Великий князь Василий Иванович опалу свою на тебя положил, а сын наш и мы пожаловали тебя, милость свою показали и очи свои дали тебе видеть. Так ты теперь прежнее свое забывай и вперед делай так, как обещался,

а мы будем великое жалованье и бережение к тебе держать». Царь ударил челом в землю великому князю и великой княгине, его опять одарили и отпустили на подворье. Жена его, Фатма-салтан, била также челом, чтоб дали ей посмотреть очи государские; Елена приняла ее; у саней и по лестнице встречали ханшу боярыни; в сенях встретила великая княгиня, поздоровалась и ввела в палату, куда скоро вошел и великий князь; маленький Иван сказал ей: «Табуг салам», и карашевался, после чего сел на своем месте у матери, а у царицы с правой руки, бояре с ним по обе стороны, а около великой княгини-боярыни. В тот же день царица обедала у великой княгини; Иван с боярами обедал также в материнской избе; после обеда Елена подавала ханше чашу и дарила ее.

Но в то время как в Москве угощали и дарили Шиг-Алея, чтоб дать в нем опору противной крымцам стороне в Казани, война уже началась с Сафа-Гиреем. Московские воеводы дурно действовали наступательно; татары успели сжечь села около Нижнего, но отбиты были от Бала хны, не имели удачи и в нападениях на другие места. Потом казанцы вторглись в костромские волости; стоявший здесь для защиты князь Засекин, не собравшись с людьми, ударил на татар, был разбит и убит; но приближение больших воевод московских заставило татар удалиться. Мы видели, что казанские дела, шедшие довольно плохо, преимущественно заставили московское правительство спешить заключением перемирия с Литвою. Успокоивши этим перемирием западные границы, правительство в начале 1537 года двинуло войска во Владимир и Мещеру; Сафа-Гирей явился под Муромом, сжег предместья, но города взять не мог и ушел; и таком положении находились дела, когда единовластие Саип-Гирея дало новое препятствие к успешному наступлению на Казань. Угрозы крымского хана произвели впечатление в Москве: послу отвечали, что хотя царь в грамоте писал многие непригожие речи, однако требования его будут уважены и если Сафа-Гирей казанский пришлет к государю и захочет мира, то государь с ним мира хочет, как пригоже. Саип-Гирей повторял: «Ты б к нам прислал большого своего посла, доброго человека, князя Василия Шуйского или Овчину, и казну б свою большую к нам прислал, а с Казанью помирился и оброков своих с казанских мест брать не велел; а пошлешь на Казань рать свою, и ты к нам посла не отправляй, недруг я твой тогда». В Думе рассуждали: «Не послушать

царя, послать рать свою на Казань, и царь пойдет на наши украины, то с двух сторон христианству будет дурно, от Крыма и от Казани». Приговорили: рати на Казань не посылать, Саип-Гиреева человека отпустить в Казань и с ним вместе послать сына боярского к Сафа-Гирею с грамотою; а в ответной грамоте Саип-Гирею великий князь писал: «Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья я удержал рать и послал своего человека к Сафа-Гирею: захочет он с нами мира, то пусть пришлет к нам добрых людей, а мы хотим держать его так, как дед и отец наш держали прежних казанских царей. А что ты писал к нам, что Казанская земля-юрт твой, то посмотри в старые твои летописцы: не того ли земля будет, кто ее взял? Ты помнишь, как цари, потерявши свои ордынские юрты, приходили на Казанский юрт и брали его войнами, неправдами, а как дед наш милостию Божию Казань взял и царя свел, того ты не помнишь! Так ты бы, брат наш, помня свою старину, и нашей не забывал».

С. Иванов. В приказе московских времён. 1908 г. Фрагмент

Таковы были важнейшие внешние отношения в правление Елены. Кроме того, в 1537 году заключен был мирный договор с Швециею, по

которому Густав Ваза обязался не помогать ни Литве, ни Ливонскому ордену в войне с Москвою; утверждена была взаимная свободная торговля и выдача беглецов с обеих сторон. Подтверждены прежние договоры с Ливониею. Продолжались сношения с Империею – неизвестно, впрочем, в чем они состояли. По отношениям к Польше поддерживалась пересылками приязнь молдавского воеводы Петра Степановича, врага Сигизмундова. Султан турецкий по-прежнему присылал грека в Москву для закупки разных товаров.

Внутри первым делом правительства было построение городов или крепостей; опасные нападения с трех сторон делали это необходимым. Уже упомянуто было о построении городов на литовских границах, даже на Литовской земле, о возобновлении старых, пострадавших во время войны. В 1535 году построен был город в Перми, на месте сгоревшего старого; в том же году поставлен деревянный город в Мещере, на реке Мокше, на месте, называемом Мурунза; в 1536 году били челом великому князю и его матери Костромского уезда волости: Корега, Ликурги, Залесье, Борок Железный, чтоб государь велел поставить город для того, что там волостей много, а от городов далеко; вследствие этой челобитной поставлен был Буйгород; на Балахне, у Соли, сделан город земляной для того, что посад велик, а людей много; поставлен город на Проне; сделан город Устюг, деревянный весь, новый; город Ярославль сгорел весь: в том месяце велено на старом месте ставить новый город; во Владимире большой пожар также повредил городскую стену; ее немедленно починили; так же поступлено и в Твери после больших пожаров; сделаны новые укрепления в Новгороде Великом и Вологде; в Москве, по мысли великого князя Василия, обведено каменными стенами место, получившее название Китая или Среднего города. По-прежнему заботились об умножении народонаселения выходцами из чужих стран: в 1535 году выехали из Литвы на государево слово триста семей.

Уже в последнее время княжения Василиева обнаружилось важное зло – обрез и подмесь в деньгах: искажение дошло до того, что у каждой денги отрезывали по половине и в гривенку шло таких искаженных денег по 500 и больше, отсюда при каждой торговой сделке крики, брань, клятвы. В сентябре 1533 года, незадолго до смерти великого князя Василия, казнили в Москве за порчу денег многих людей: москвичей, смолян, костромичей, вологжан, ярославцев и из

других городов, лили олово в рот, руки секли. В марте 1535 года Елена запретила обращение поддельных и резаных денег и приказала их переделывать. При великом князе Василии изображался на деньгах великий князь на коне с мечом в руке, а теперь стал изображаться с копьем в руке, и деньги оттого стали называться копейными.

Кроме этих распоряжений, выставляемых летописями, мы должны остановиться еще на некоторых явлениях, о которых впервые встречаем известие в правление Елены. Так, например, у нас утвердилось мнение, что до Иоанна IV присутствовали в Думе только бояре и окольные и что только этот государь из противоборства влиянию знатных людей ввел в Думу третий, низший разряд членов, так называемых думных дворян; но при описании приема польского посла Никодима Техановского в правление Елены читаем: «Князь великий сидел в брусяной избе, а у него бояре, и окольные, и дворецкие, и дети боярские, которые живут в Думе, и дети боярские прибыльные, которые не живут в Думе». Если под именем Думы мы будем здесь разуметь совет великокняжеский и слову жить придадим обыкновенное значение существования или присутствия, то должны будем признать, что еще прежде самостоятельного правления Иоанна IV были введены в Думу дети боярские. Конечно, мы никак не решимся утверждать, что это введение последовало именно в правление Елены, а не ранее.

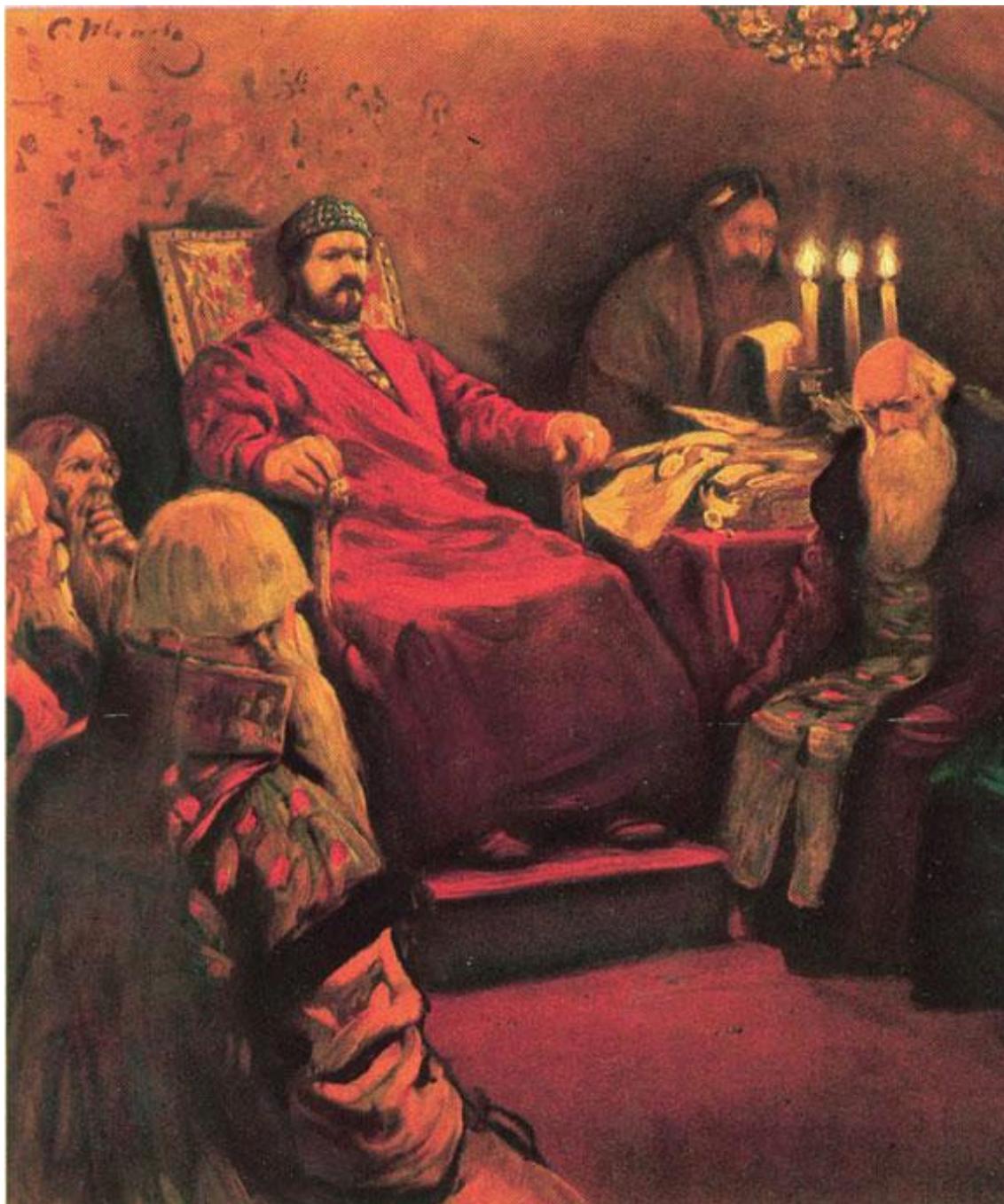
В 1536 году дана была уставная грамота старостам и всем людям Онежской земли, сходная с уставною грамотою Белозерскою Иоанна III и уставною артемоновским крестьянам Василия Иоанновича. В Белозерской говорится: наместнику, тиунам и доводчикам побора в стану не брать, брать им свой побор у соцкого в городе; кормы наместничьи и тиунские и доводчиковы поборы старосты берут по деревням да платят наместнику, его тиуну и доводчику на стану. Как в Белозерской, так и в Онежской грамоте говорится: «Если будет волостным людям и становым от наместника, тиуна, доводчика, от других наместничьих людей или посторонних какая обида, то они на обидчиков сами срок наметывают, когда им стать перед великим князем»; этого нет в Артемоновской грамоте. Согласно с Белозерскою, в Онежской грамоте говорится: ездить доводчику в волости без паробка и без простой лошади. В Белозерской говорится: тиунам и наместничьим людям на пир и на братчину незванным не ходить; в Онежской – тиуну и другим наместничьим людям на пир и на

братчины незванным не ездить, кроме доводчика. Онежанам дано право не пропускать к морю за солью белозерцев и вологжан, отнимающих у них промысел, пусть белозерцы и вологжане торгуют с ними в Каргополе. В 1537 году дана была уставная грамота владимирским бобровникам, в существенных частях сходная с известною нам грамотою удельного князя дмитровского Юрия; но есть и различия, например в Юриевой грамоте: доводчику у них проехать по деревням на весь год дважды, сам-друг с паробком, а лошадей с ним три; в Иоанновой – доводчику ездить по бобровным деревням одному, на одной лошади, без паробка и без простых лошадей.

Грамоты давались от имени великого князя Иоанна; при описании посольских сношений говорится, что великий князь рассуждал с боярами и решал дела; но это все выражения форменные. После этих выражений встречаем известия, что все правление было положено на великой княгине Елене; видим также, кто был главным ее советником: желая мира, литовский гетман Радзивилл отправлял послов к боярину конюшему, князю Овчине-Телепневу-Оболенскому; гонец казанский, желая отправить татарина домой, бил челом тому же боярину конюшему. После опалы Глинского, Бельского и Воронцова у Оболенского не было явных врагов и соперников; но могли ли равнодушно сносить первенствующее положение Оболенского люди, считавшие за собой более прав на такое положение? Пока жива была Елена, перемены нельзя было ожидать. 3 апреля 1538 года Елена умерла. Герберштейн говорит утвердительно, что ее отравили.

А. Рябушкин. Боярская дума. 1893 г.

С. Иванов. Боярская дума. 1903 г. Фрагмент

Глава вторая

Правление боярское

Характер князя Василия Шуйского. – Гибель Телепнева-Оболенского. – Ссора Шуйского с Бельским и заключение последнего; казнь дьяка Мишурина. – Правление Ивана Шуйского. – Свержение митрополита Даниила и возведение Иоасафа. – Освобождение Ивана Бельского; правление его и митрополита Иоасафа. – Освобождение князя Владимира Андреевича Старицкого. – Торжество Шуйских. – Гибель Бельского. – Свержение митрополита Иоасафа и возведение Макария. – Правление Андрея Шуйского. – Удаление любимца государева – Воронцова. – Воспитание Иоанна и образование его характера. – Гибель Андрея Шуйского. – Опалы. – Принятие царского титула и женитьба Иоанна на Анастасии Романовне. – Пожары, в Москве. – Обвинения Глинских в волшебстве; восстание на них народа. – Сильвестр и Адашев. – Созвание выборных и речь царя на Лобном месте. – Значение правления боярского. – Дела литовские, крымские и казанские в это правление. – Бедствия от врагов внешних и внутренних. – Губные грамоты. – Новое известие о детях боярских, живущих в Думе. – Бегство Петра Фрязина.

Кто же из бояр более других должен был негодовать на первенствующее положение Оболенского, кто имел право явиться на первом месте, на которое только случайность возвела Оболенского? Мы видели, что в последнее время княжения Василия и в начале княжения сына его первое место между боярами занимал князь Василий Васильевич Шуйский. Мы видели, что этот Шуйский энергическою мерой успел удержать Смоленск за Москву после Оршинской битвы; энергическая мера состояла в перевешании в виду литовского войска всех знатных смолян, державших сторону королевскую. Эта черта уже несколько знакомит нас с человеком и заставляет ожидать от него подобных же мер и при достижении личных целей. В седьмой день по

кончине Елены схвачены были конюший – боярин князь Овчина-Телепнев-Оболенский и сестра его Аграфена, мамка великого князя, по совету князя Василия Шуйского, брата его Ивана и других. Оболенский умер в заключении от недостатка в пище и тяжести оков; сестру его сослали в Каргополь и постригли. Заключенные в правление Елены князь Иван Бельский и князь Андрей Шуйский были освобождены.

Освобождение Бельского не могло обещать Шуйским долговременного первенства. Бельские, Гедиминовичи, подобно Патрикеевым, не менее последних гордились своим происхождением и стремились к первенству; женитьба князя Федора Бельского на княжне рязанской, родной племяннице Иоанна III, конечно, не могла содействовать ослаблению этих притязаний. Старший сын князя Федора, Димитрий, несмотря на видное положение свое, оставался в стороне при всех движениях и переворотках, но не таковы были братья его – Иван и Семен. Мы познакомились с первым во время походов казанских при великом князе Василии; характер Семена обнаружился в его беспокойных движениях по смерти Василия. Князь Иван подвергся опале вследствие бегства брата своего и, конечно, не потому только, что был братом изменника. Теперь, освободившись из заключения, Бельский не хочет оставаться спокойным зрителем распоряжений Шуйского, хочет сам также распоряжаться. Так как главною заботой первенствующего боярина, Шуйского, и добивавшегося первенства Бельского было усиление своей стороны, повышение своих доброжелателей и, разумеется, родственников, то первое столкновение между Шуйским и Бельским необходимо должно было произойти отсюда. Встала вражда, говорит летописец, между боярами: князь Василий да князь Иван Васильевич Шуйские стали враждовать на князя Ивана Федоровича Бельского да на Михаила Васильевича Тучкова за то, что Бельский и Тучков советовали великому князю пожаловать боярством князя Юрия Михайловича Голицына (Патрикеева), а Ивана Ивановича Хабарова – окольников, князья же Шуйские этого не хотели. На стороне Бельского был митрополит Даниил и дьяк Федор Мишурин. Но сторона Шуйских была сильнее: Бельского снова посадили в заключение, советников его разослали по деревням. Знатные враги Шуйских подверглись только заключению или ссылке, зато горькая участь постигла дьяка Мишурина. Шуйские захватили Мишурина на своем дворе, велели княжатам, боярским детям

и дворянам ободрать его, нагого велели положить на плаху и отрубить голову без государева приказания. Василий Шуйский скоро умер; брат его, Иван, наследовал его значение и продолжал тот же образ действия; Василий из врагов своего рода оставил нетронутым митрополита Даниила, Иван свергнул Даниила, на место которого был возведен игумен Троицкого Сергиева монастыря Иоасаф Скрыпицын в феврале 1539 года. Но Иоасаф недолго оставался на стороне Шуйского: в июле 1540 года он выхлопотал у великого князя приказание освободить Бельского, который и явился во дворец. Шуйский и его сторона были застигнуты врасплох; в сердцах князь Иван перестал ездить к государю и советоваться с боярами. Правление перешло к Бельскому и митрополиту Иоасафу. Ходатайству митрополита и бояр летописи приписывают освобождение из темницы семейства удельного князя Андрея Ивановича – жены Евфросинии и сына Владимира; им позволили приехать во дворец видеться с великим князем, возвратили Владимиру отцовский удел, дали бояр и детей боярских. В то же время оказали милость и другому удельному князю, Димитрию, сыну Андрея Ивановича углецкого, племяннику Иоанна III, сидевшему около 50 лет в оковах: оковы были сняты, но темница не отворилась для несчастного. Неравенство милости объясняется тем, что у Владимира Андреевича было много доброхотов, тогда как участь Димитрия никого уже не занимала.

П. Чистяков. Боярин. 1876 г.

В то самое время, как Бельский и митрополит обнаруживали свое влияние, возвращая удел опальному князю, против них составлялся страшный заговор: бояре, говорит летописец, вознегодовали на князя

Бельского и на митрополита за то, что великий князь держал их у себя в приближении. Эти бояре были: князя Михайла и Иван Кубенские, князь Димитрий Палецкий, казначей Иван Третьяков, с ними княжата, дворяне и дети боярские многие и новгородцы Великого Новгорода – всем городом. Шуйский находился в это время во Владимире, оберегая восточные области от набега казанцев. Имя Шуйского может объяснить нам, почему в заговоре участвовали новгородцы всем городом: один из Шуйских был последним воеводою вольного Новгорода; и мы увидим, что новгородцы останутся навсегда преданы этой фамилии. Московские заговорщики назначали Ивану Шуйскому и его советникам срок – 3 января 1542 года, чтоб быть в этот день в Москву из Владимира; Шуйский привел к присяге многих детей боярских и ночью на 3 января приехал в Москву с своими советниками без приказания великокняжеского. В ту же ночь, со 2 на 3 число, Бельский был схвачен на своем дворе, и утром на другой день отослан на Белоозеро в заточение; но живой он был страшен и на Белоозере, и потому в мае месяце трое преданных Шуйским людей отправились на Белоозеро и умертвили Бельского в тюрьме. Двоих главных советников Бельского разослали по городам: князя Петра Щенятева – в Ярославль, Ивана Хабарова – в Тверь. Митрополит Иоасаф был разбужен камнями, которые заговорщики бросали к нему в келью; он кинулся во дворец; заговорщики ворвались за ним с шумом в спальню великого князя, разбудили последнего за три часа до свету. Иоасаф уехал на Троицкое подворье, но туда за ним новгородцев с неподобными речами; новгородцы чуть-чуть не убили митрополита, только Троицкий игумен Алексей именем св. Сергия да боярин князь Димитрий Палецкий успели удержать их от убийства; Иоасафа взяли наконец и сослали в Кириллов Белозерский монастырь, на его место возведен был в митрополиты новгородский архиепископ Макарий. Иван Шуйский недолго жил после этого; власть перешла в руки троих его родственников – князя Ивана и Андрея Михайловичей Шуйских и князя Федора Ивановича Скопина-Шуйского; первенствовал между ними князь Андрей. По свержении и смерти Бельского у Шуйских не могло быть соперника, сильного по собственным средствам; могли выступить на сцену люди, страшные не собственными силами, но доверенностию государя, теперь уже не младенца. Шуйские свестили, что расположением Иоанна успел овладеть Федор Семенович Воронцов

– брат известного уже нам Михаила Семеновича. Трое Шуйских и советники их – князь Шкурлятев, князья Пронские, Кубенские, Палецкий и Алексей Басманов – схватили Воронцова, били его по щекам, оборвали платье и хотели убить до смерти; Иоанн послал митрополита и бояр Морозовых уговорить их, чтоб не убивали Воронцова, и они не убили, но отдали под стражу. Государь прислал опять митрополита и бояр к Шуйским сказать им, что если уже Воронцову и сыну его нельзя оставаться в Москве, то пусть пошлют их на службу в Коломну. Но Шуйским показалось это очень близко и опасно; они сослали Воронцовых в Кострому.

К. Маковский. Нянька Ивана Грозного. 1876 г.

Иоанну исполнилось уже тогда 13 лет. Ребенок родился с блестящими дарованиями; быть может, он родился также с восприимчивою, легко увлекающеюся, страстною природою, но, без сомнения, эта восприимчивость, страстность, раздражительность если не были произведены, то, по крайней мере, были развиты до высшей степени воспитанием, обстоятельствами детства его. Известно, что

ребенок даровитый, предоставленный с раннего детства самому себе и поставленный при этом в затруднительное, неприятное положение, развивается быстро, преждевременно во всех отношениях. По смерти матери Иоанн был окружен людьми, которые заботились только о собственных выгодах, которые употребляли его только орудием для своих корыстных целей; среди эгоистических стремлений людей, окружавших его, Иоанн был совершенно предоставлен самому себе, своему собственному эгоизму. С трех лет был он уже великим князем, и хотя не мог править государством на деле, однако самые формы должны были беспрестанно напоминать ему его положение; необходимо стоял он в средоточии государственной деятельности, в средоточии важных вопросов. Перед его глазами происходила борьба сторон: людей к нему близких, которых он любил, у него отнимали, перед ним наглым, зверским образом влекли их в заточение, несмотря на его просьбы; в то же время он ясно понимал свое верховное положение, ибо те же самые люди, которые не обращали на него никакого внимания, которые при нем били, обрывали людей к нему близких, при посольских приемах и других церемониях стояли перед ним как покорные слуги; видел он, как все преклонялось перед ним, как все делалось его именем и, следовательно, должно было так делаться; да и было около него много людей, которые из собственных выгод, из ненависти к осилившей стороне твердили, что поступки последней незаконны, оскорбительны для него. Таким образом, ребенок видел перед собою врагов, похитителей его прав, но бороться с ними на деле не мог; вся борьба должна была сосредоточиться у него в голове и в сердце – самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человека борьба, особенно в том возрасте! Голова ребенка была постоянно занята мыслию об этой борьбе, о своих правах, о бесправии врагов, о том, как дать силу своим правам, доказать бесправие противников, обвинить их. Пытливый ум ребенка требовал пищи: он с жадностию прочел все, что мог прочесть, изучил священную, церковную, римскую историю, русские летописи, творения святых отцов. Но во всем, что ни читал, он искал доказательств в свою пользу; занятый постоянно борьбою, искал средств выйти победителем из этой борьбы, искал везде, преимущественно в Священном писании, доказательств в пользу своей власти, против незаконных слуг, отнимавших ее у него. Отсюда будут понятны нам последующие стремления Иоанна, стремления, так рано

обнаружившиеся, – принятие царского титула, желание быть тем же на московском престоле, чем Давид и Соломон были на иерусалимском; Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, первый составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически.

Но в то время как ум был занят мыслию о правах, дерзко нарушаемых, о средствах, как бы дать окончательное освящение этим правам, сердце волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые в своих стремлениях не обращали на него никакого внимания, оскорбляли его, в своих борбых не щадили друг друга, Иоанн привык не обращать внимания на интересы других, привык не уважать человеческого достоинства, не уважать жизни человека. Пренебрегали развитием хороших склонностей ребенка, подавлением дурных, позволяли ему предаваться чувственным, животным стремлениям, потворствовали ему, и в то же время, когда дело доходило до личных интересов боярских, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары в самые нежные, чувствительные места, оскорбляя память его родителей, позоря, умерщвляя людей, к которым он был привязан. От этого сочетания потворств, ласкательств и оскорблений в Иоанне развивались два чувства: презрение к рабам-ласкателям и ненависть к врагам, ненависть к строптивым вельможам, беззаконно похитившим его права. Иоанн в ответном письме к Курбскому так говорит о впечатлениях своего детства: «По смерти матери нашей, Елены, остались мы с братом Георгием круглыми сиротами; подданные наши хотение свое улучили, нашли царство без правителя: об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они наделали! Сколько бояр и воевод, доброхотов отца нашего, умертвили! Дворы, села и имения дядей наших взяли себе и водворились в них! Казну матери нашей перенесли в большую казну, причем неистово ногами пихали ее вещи и спицами кололи, иное и себе побрали; а сделал это дед твой – Михайла Тучков». Описавши поведение князей Шуйских относительно дьяка Мишурина, князя Ивана Бельского, двоих митрополитов, Иоанн продолжает: «Нас с братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или как нищих. Какой нужды ни натерпелись мы в одежде и в пище: ни в чем нам воли не было, ни в

чем не поступали с нами так, как следует поступать с детьми. Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на нее положив. Что сказать о казне родительской? Все расхитили лукавым умыслом, будто детям боярским на жалованье, а между тем все себе взяли; из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто бы это было наследственное добро; а всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая, зеленая, на куницах, да и те ветхи; так если б у них было отцовское богатство, то, чем посуду ковать, лучше б шубу переменить. Потом на города и села наскочили и без милости пограбили жителей, а какие напасти от них были соседям, исчислить нельзя; подчиненных всех сделали себе рабами, а рабов своих сделали вельможами; думали, что правят и строят, а вместо того везде были только неправды и нестроения, мзду безмерную отовсюду брали, все говорили и делали по мзде».

По словам Курбского, Иоанна воспитывали великие и гордые бояре на свою и на детей своих беду, стараясь друг перед другом угождать ему во всяком наслаждении и сладострастии. Когда он начал приходить в возраст, был лет двенадцати, то стал, прежде всего, проливать кровь бессловесных, бросая их на землю с высоких теремов, а пестуны позволяли ему это и даже хвалили, уча отрока на свою беду. Когда начал приближаться к пятнадцатому году, то принялся и за людей: собрал около себя толпу знатной молодежи и начал с нею скакать верхом по улицам и площадям, бить, грабить встречавшихся мужчин и женщин, поистине в самых разбойнических делах упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: «О! Храбр будет этот царь и мужествен!»

Прежде, когда Иоанн был еще очень мал, то Шуйские считали ненужным обращать на него большое внимание: князь Иван в его присутствии клал ногу на постель его отца, Тучков пихал ногами вещи его матери, позабывши, что ребенок такие явления помнит лучше, чем взрослый; в это время многое делалось и не так, как хотел ребенок: и платье ему давали дурное и не давали долго есть. Но когда ребенок стал вырастать, то окружающие переменили обращение с ним; стали готовить в нем себе будущего милостивца, начали смотреть на него как на великого князя, которому должно было угождать. Воронцов счел для

себя выгодным приобрести расположение тринадцатилетнего государя, и это расположение Шуйские и товарищи их сочли для себя опасным; по всем вероятностям, и сами Шуйские обходились теперь с Иоанном не так, как прежде их старшие. Поступок Шуйских с Воронцовым был последним боярским самовольством; неизвестно, как, вследствие чьих внушений и ободрений, вследствие каких приготовлений тринадцатилетний Иоанн решился напасть на Шуйского – иначе нельзя выразить тогдашних отношений. Молодой великий князь должен был начать свою деятельность нападением на первого вельможу в государстве; понятно, что это нападение будет такое, к каким приучили его Шуйские. 29 декабря 1543 года Иоанн велел схватить князя Андрея Шуйского, и отдать его псарям; псари убили его, волоча к тюрьмам; советников его – князя Федора Шуйского, князя Юрия Темкина, Фому Головина – разослали.

Нападение было удачное, враги застигнуты врасплох, напуганы; с тех пор, говорит летопись, начали бояре от государя страх иметь и послушание. Прошел год. Иоанну было уже четырнадцать лет, и опала постигла князя Ивана Кубенского: его сослали в Переяславль и посадили под стражу. Князь Иван Кубенский с братом Михайлом были главами заговора против Бельского и митрополита Иоасафа, в пользу Шуйского; Иван же Кубенский упоминается в числе бояр, бросившихся на Воронцова с Шуйскими. 16 декабря 1544 года был схвачен Кубенский, в мае 1545 был освобожден. 10 сентября Афанасию Бутурлину отрезали язык за невежливые слова; но в следующем месяце – опять опала на князя Ивана Кубенского, князя Петра Шуйского, князя Александра Горбатого, князя Димитрия Палецкого и на Федора Воронцова. Нам не удивительно, что не могли остаться в покое или не умели сдержать своего неудовольствия Шуйские и главные их советники, так много потерявшие при новом порядке вещей, – князь Петр Шуйский, князь Кубенский, князь Палецкий; но поражает нас среди этих имен имя Федора Воронцова, подвергшегося опале вместе с заклятыми врагами своими. К счастью, на этот раз летописец объясняет нам дело, и совершенно удовлетворительно. После казни Андрея Шуйского первым делом великого князя было возвращение из ссылки Воронцова, который ничего не потерял из прежнего его расположения; возвратившись к двору с торжеством, блистательно отомщенный, Воронцов стал думать, как бы самому занять место Андрея Шуйского,

одному управлять всем, одному раздавать все милости именем еще несовершеннолетнего государя: кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно, говорит летописец; сам ли Иоанн заметил эти досады, или другие, которым было тесно с Воронцовым, указали ему в Воронцове другого Шуйского, только Воронцов подвергся опале вместе с прежними своими врагами. Но и на этот раз опала продолжалась не более двух месяцев: в декабре 1545 года для отца своего, Макария-митрополита, великий князь пожаловал бояр своих.

Святитель Макарий, митрополит московский. Икона

Этих колебаний, опал, налагаемых на одни и те же лица, прощений их в продолжение 14, 15 и 16 года Иоанновой жизни нельзя оставить без внимания: странно было бы предположить, что молодой Иоанн только по старой неприязни к родственникам и друзьям Шуйских, безо всякого повода бросался на них и потом прощал; трудно предположить,

чтобы могущественная сторона Шуйских так была поражена казнью князя Андрея, что отказалась совершенно от борьбы; но кто боролся с нею именем Иоанна – летописи молчат. Можно указывать вначале на Воронцова, можно указывать на князей Глинских, которых могущество обнаруживается во всеобщей ненависти вельмож к ним. Но окончательно Кубенский и Воронцов были погублены не Глинскими; на это есть определенное свидетельство источников. В мае 1546 великий князь отправился с войском в Коломну по вестям, что крымский хан идет к этим местам. Однажды Иоанн, выехавши погулять за город, был остановлен новгородскими пищальниками, которые стали о чем-то бить ему челом; он не расположен был их слушать и велел отослать. Летописец не говорит, как посланные великим князем исполнили его приказание, говорит только, что пищальники начали бросать в них колпаками и грязью. Видя это, Иоанн отправил отряд дворян своих для отсылки пищальников, но последние стали сопротивляться и дворянам; те вздумали употребить силу, тогда пищальники стали на бой, начали биться ослопами, из пищалей стрелять, а дворяне дрались из луков и саблями; с обеих сторон осталось на месте человек по пяти или по шести; великого князя не пропустили проехать прямо к его стану, он должен был пробираться окольною дорогою. Легко понять, какое впечатление должно было произвести это происшествие на Иоанна, напуганного в детстве подобными сценами и сохранившего на всю жизнь следствия этого испуга. Но он привык видеть врагов своих, дерзких ослушников своей власти, не в рядах простых ратных людей, и потому сейчас же им овладело подозрение: он велел проведать, по чьей науке пищальники осмелились так поступить, потому что без науки этого случиться не могло. Разузнать об этом он поручил не знатному человеку, но дьяку своему, Василию Захарову, который был у него в приближении; мы видим, следовательно, что Иоанн, подобно отцу, уже начал приближать к себе людей новых, без родовых преданий и притязаний, дьяков. Захаров донес, что пищальников подучили бояре, князь Кубенский и двое Воронцовых, Федор и Василий Михайловичи. Великий князь поверил дьяку и в великой ярости велел казнить Кубенского и двоих Воронцовых как вследствие нового обвинения, так и по прежним их преступлениям; людей близких к ним разослали в ссылку. Летописцы говорят, что дьяк оклеветал бояр. Курбский относит к тем же временам и другие казни.

К. Лебедев. Венчание и принятие царского титула Иваном IV. Конец XIX в.

Так проводил Иоанн шестнадцатый год своего возраста; на семнадцатом, 13 декабря 1546 года, он позвал к себе митрополита и

объявил, что хочет жениться; на другой день митрополит отслужил молебен в Успенском соборе, пригласил к себе всех бояр, даже и опальных, и со всеми отправился к великому князю, который сказал Макарию: «Милостию Божию и Пречистой Его Матери, молитвами и милостию великих чудотворцев, Петра, Алексея, Ионы, Сергия и всех русских чудотворцев, положил я на них упование, а у тебя, отца своего, благословясь, помыслил жениться. Сперва думал я жениться в иностранных государствах у какого-нибудь короля или царя; но потом я эту мысль отложил, не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери остался мал; если я приведу себе жену из чужой земли и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житье будет; поэтому я хочу жениться в своем государстве, у кого Бог благословит, по твоему благословению». Митрополит и бояре, говорит летописец, заплакали от радости, видя, что государь так молод, а между тем ни с кем не советуется. Но молодой Иоанн тут же удивил их еще другою речью: «По твоему, отца своего митрополита, благословению и с вашего боярского совета хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители, цари и великие князья, и сродник наш великий князь Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение садились; и я также этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение сесть». Бояре обрадовались, что государь в таком еще младенчестве, а прародительских чинов искал. Но конечно, всего более удивились они тому, что шестнадцатилетний великий князь с этих пор внутри и вне государства принял титул, которого не решались принять ни отец, ни дед его, – титул царя. 16 января 1547 года совершено было царское венчание, подобное венчанию Дмитрия-внука при Иоанне III. Между тем еще в декабре разосланы были по областям, к князьям и детям боярским грамоты: «Когда к вам эта наша грамота придет, и у которых будут из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом не таили б. Кто же из вас дочь девку утаит и к наместникам нашим не повезет, тому от меня быть в великой опале и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу». Выбор пал на девушку из одного из самых знатных и древних московских боярских родов, Анастасию, дочь умершего окольного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянницу боярина Михаила Юрьевича,

близкого, как мы видели, человека к великому князю Василию; быть может, и эти отношения не были без влияния на выбор; надобно заметить, что представитель рода по смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасии, Григорий Юрьевич Захарьин, не принадлежал к стороне Шуйских, не упоминается ни в каких боярских смутах детства Иоаннова.

3 февраля была царская свадьба; 12 апреля вспыхнул сильный пожар в Москве; 20 числа – другой; 3 июня упал большой колокол – благовестник; 21 – новый страшный пожар, какого еще никогда не бывало в Москве; загорелась церковь Воздвижения на Арбате при сильной буре; огонь потек, как молния, спалил на запад все, вплоть до Москвы-реки у Семчинского сельца; потом буря обратилась на Кремль, вспыхнул верх Успенского собора, крыши на царском дворе, казенный двор, Благовещенский собор; сгорела Оружейная палата с оружием, Постельная палата с казною, двор митрополичий, по каменным церквам сгорели иконостасы и людское добро, которое продолжали и в это время прятать по церквам. В Успенском соборе уцелел иконостас и все сосуды церковные; митрополит Макарий едва не задохся от дыма в соборе, он вышел из него, неся образ Богородицы, написанный митрополитом Петром, за ним шел протопоп и нес церковные правила. Макарий ушел было сначала на городскую стену, на тайник, проведенный к Москве-реке, но здесь не мог долго оставаться от дыма; его стали спускать с тайника на канате на взруб к реке, канат оборвался, и митрополит сильно расшибся, едва мог прийти в себя и был отвезен в Новоспасский монастырь. Кремлевские монастыри – Чудов и Вознесенский – сгорели; в Китае сгорели все лавки с товарами и все дворы, за городом – большой посад по Неглинной, Рождественка – до Никольского Драчевского монастыря; по Мясницкой пожар шел до церкви святого Флора, на Покровке – до церкви святого Василия, народу сгорело 1700 человек. Великий князь с женою, братом и боярами уехал в село Воробьево.

На другой день он поехал с боярами в Новоспасский монастырь навестить митрополита. Здесь царский духовник, благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор Скопин-Шуйский, Иван Петрович Челяднин начали говорить, что Москва сгорела волшебством: чародеи вынимали сердца человеческие, мочили их в воде, водою этою кропили по улицам – от этого Москва и сгорела. Царь велел разыскать

дело; розыск произвели таким образом: 26 числа, в воскресенье, на пятый день после пожара, бояре приехали в Кремль, на площадь к Успенскому собору, собрали черных людей и начали спрашивать: кто зажигал Москву? В толпе закричали: «Княгиня Анна Глинская с своими детьми волхвовала: вынимала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, ездя по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела!» Черные люди говорили это потому, что Глинские были у государя в приближении и жаловании, от людей их черным людям насильство и грабеж, а Глинские людей своих не унимали. Конюший боярин, князь Михайла Васильевич Глинский, родной дядя царский, был в это время с матерью во Ржеве, полученном от царя в кормление; но брат его, князь Юрий, был в Москве и стоял вместе с боярами на Кремлевской площади. Услыхавши о себе и о матери своей такие речи в народе, он понял, что его может постигнуть, и ушел в Успенский собор, но бояре, злобясь на Глинских как на временщиков, напустили чернь: та бросилась в Успенский собор, убила Глинского, выволокла труп его из Кремля и положила перед торгом, где казнят преступников. Умертвивши Глинского, чернь бросилась на людей его, перебила их множество, разграбила двор; много погибло тут и неизвестных детей боярских из Северской страны, которых приняли за людей Глинского. Но одного Глинского было мало; на третий день после убиения князя Юрия толпы черни явились в селе Воробьева у дворца царского с криком, чтоб государь выдал им бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ее, князя Михаила, которые будто спрятаны у него в покоях; Иоанн в ответ велел схватить крикунов и казнить; на остальных напал страх, и они разбежались по городам. Виновниками восстания против Глинских, главными наустителями черни летописец называет благовещенского протопопа Федора Бармина, князя Федора Шуйского-Скопина, князя Юрия Темкина, Ивана Петровича Челяднина, Григория Юрьевича Захарьина, Федора Нагого. В малолетство Иоанна Шуйские и приятели их сами управлялись с людьми, себе враждебными; но когда Иоанн вырос, когда казнь Андрея Шуйского, Кубенского, Воронцова показала им невозможность дальнейшего самоуправства, то они начали действовать против приближенных к царю людей – Глинских не непосредственно, а посредством народа.

Виновники событий 26 июня умели закрыть себя и достигли своей цели относительно Глинских: оставшийся в живых князь Михайла

Васильевич Глинский не только потерял надежду восторжествовать над своими врагами, но даже отчаялся в собственной безопасности и вместе с приятелем своим, князем Турунтаем-Пронским, побежал в Литву; но беглецы были захвачены князем Петром Шуйским, посидели немного под стражею и были прощены, отданы на поруки, потому что вздумали бежать по неразумию, испугавшись судьбы князя Юрия Глинского. Могущество Глинских рушилось, но его не наследовали знатные, враги их: полною доверенностью Иоанна, могущественным влиянием на внутренние дела начинают пользоваться простой священник Благовещенского собора Сильвестр и ложничий царский Алексей Федоров Адашев, человек очень незначительного происхождения.

Сильные волнения, досады, поблажки чувственным, животным стремлениям и дурные примеры, которые видел Иоанн в детстве, бесспорно, имели пагубное влияние на его характер, произвели в нем, между прочим, раздражительность. Но эта самая раздражительность, впечатлительность, женственность природы Иоанна делали его способным и к скорому принятию доброго влияния, если это влияние шло от лица, имеющего нравственное достоинство, религиозное значение и неподозрительного для Иоанна. Пожар московский произвел на молодого царя сильное впечатление. Вот что сам царь писал об этом впечатлении собору, созванному для устройства церковного: «Нельзя ни описать, ни языком человеческим пересказать всего того, что я сделал дурного по грехам молодости моей. Прежде всего смирил меня Бог, отнял у меня отца, а у вас пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая вид, что мне доброхотствуют, а на самом деле доискиваясь самовластия, в помрачении ума своего дерзнули схватить и умертвить братьев отца моего. По смерти матери моей бояре самовластно владели царством; по моим грехам, сиротству и молодости много людей погибло в междоусобной брани, а я возрастал в небрежении, без наставлений, навыв злокозненным обычаям боярским и с того времени до сих пор сколько согрешил я перед Богом и сколько казней послал на нас Бог! Мы не раз покушались отомстить врагам своим, но все безуспешно; не понимал я, что Господь наказывает меня великими казнями, и не покаялся, но сам угнетал бедных христиан всяким насилием. Господь наказывал меня за грехи то потопом, то мором, и все я не каялся, наконец Бог наслал великие пожары, и вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой, умилился я и познал свои

согрешения: выпросив прощение у духовенства, дал прощение князьям и боярам». Курбский говорит, что во время народного возмущения против Глинских пришел к Иоанну один муж, чином пресвитер, именем Сильвестр, пришлец из Новгорода Великого, стал претить ему от Бога священными писаниями и строго заклинять его страшным Божиим именем; кроме того, поведал ему о чудесах, от Бога происшедших. Не знаю, прибавляет Курбский, правду ли он говорил о чудесах или выдумал, чтоб только напугать Иоанна для детских неистовых его нравов, но достиг своей цели: душу его исцелил и очистил, развращенный ум исправил с помощью Алексея Адашева, митрополита Макария и всех преподобных мужей, пресвитерством почтенных.

Из слов Курбского мы не имеем никакого права заключать, что Сильвестр явился только тут внезапно пред Иоанном, не будучи вовсе известен ему прежде. По всем вероятностям, Сильвестр уже давно переселился из Новгорода в Москву и был одним из священников придворного Благовещенского собора, поэтому был давно на глазах Иоанна, обратил на себя его внимание своими достоинствами, но теперь его внушение, его влияние получили большую силу. Царственная книга говорит, что Сильвестр был очень дружен с удельным князем Владимиром Андреевичем и его матерью, что по его старанию они были выпущены из заключения – свидетельство чрезвычайно важное, ибо мы знаем, что князь Владимир Андреевич был заключен вместе с отцом и освобожден из заключения во время правления князя Бельского и митрополита Иоасафа; мы должны заключить, что Сильвестр уже тогда имел важное значение. Для объяснения нравственного переворота в Иоанне, для объяснения при этом Сильвестрова значения припомним события, встречаемые нами в конце шестнадцатого и на семнадцатом году возраста Иоаннова: казнь Кубенского и Воронцова, бывшая следствием убеждения в несправимости бояр; сильная по летам степень развития ума и воли, обнаружившаяся в Иоанне намерением принять титул царский; нравственный переворот, долженствовавший произойти вследствие брака шестнадцатилетнего юноши, наконец, пожары, народное восстание против лиц, которым молодой царь доверял более всех по единству интересов, по близкому родству, – все это заставляло Иоанна порешить окончательно с князьями и боярами, искать опоры в лицах другого происхождения и в лицах испытанной нравственности.

*П. Плешанов. Царь Иван Грозный и иерей Сильвестр во время
большого московского пожара. 1856 г.*

Но если на семнадцатом году возраста вследствие означенных причин и влияний произошел в Иоанне важный нравственный переворот, то не ранее двадцатого года вследствие естественного развития молодой царь нашел в себе силы окончательно порешить с прошедшим, которое сильно тяготило его. Естественным следствием живости, страстности природы в Иоанне было неумение сдерживать свои мысли и чувства, необходимость высказываться; ни один государь нашей древней истории не отличался такою охотою и таким умением поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковном соборе, с отъехавшим боярином или с послами иностранными. Несчастное положение Иоанна с самого детства заставляло его постоянно защищать себя в собственных глазах и перед другими людьми – отсюда его речи и письма обыкновенно или защитительные или обвинительные. Раздражительная, страстная природа и несчастные обстоятельства увлекли его к страшным крайностям, но при этом сознание своего падения никогда не умирало в нем – отсюда это постоянное желание защитить себя, обвинить других в собственном падении.

Теперь он хотел защитить себя перед народом, сложить вину всего прошедшего зла на людей, которых он не переставал называть своими врагами, как мы видели из речи его на соборе. Прежде он хотел мстить им опалами и казнями; теперь, при новом настроении, он хочет торжественно объявить их вину. На двадцатом году возраста своего, видя государство в великой тоске и печали от насилия сильных и от неправд, умыслил царь привести всех в любовь. Посоветовавшись с митрополитом, как бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, приказал он собрать свое государство из городов всякого чина. Когда выборные съехались, Иоанн в воскресный день вышел с крестами на Лобное место и после молебна начал говорить митрополиту: «Молю тебя, святой владыко! Будь мне помощник и любви поборник; знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Знаешь сам, что я после отца своего остался четырех лет, после матери – осьми; родственники о мне не берегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мне не радели и самовластны были, сами себе саны и почести похитили моим именем и во многих корыстях, хищениях и обидах упражнялись. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите нам ответ, что многие слезы воздвигли на себя? Я же

чист от крови сей, ожидайте воздаяния своего». Поклонившись на все стороны, Иоанн продолжал: «Люди Божии и нам дарованные Богом! Молю вашу веру к Богу и к нам любовь. Теперь нам ваших обид, разорений и налогов исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности, вследствие неправд бояр моих и властей, бессудства несправедного, лихоимства и сребролюбия; молю вас, оставьте друг другу вражды и тягости, кроме разве очень больших дел: в этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать». В это время расположение царя к Алексею Адашеву достигло высшей степени: в тот самый день, в который говорена была речь к народу, Иоанн пожаловал Адашева в окольные и при этом сказал ему: «Алексей! Взял я тебя из нищих и самых незначительных людей. Слышал я о твоих добрых делах и теперь разыскал тебя выше меры твоей для помощи души моей; хотя твоего желания и нет на это, но я тебя пожелал и не одного тебя, но и других таких же. Поручаю тебе принимать челобитные от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных и славных, похитивших почести и губящих своим насилием бедных и немощных; не смотри и на ложные слезы бедного, клеветующего на богатых, ложными слезами хотящего быть правым, но все рассматривай внимательно и приноси к нам истину, боясь суда Божия; избери судей правдивых от бояр и вельмож». Говорил он это с прощением, прибавляет известие, и с тех пор начал сам судить многие суды и разыскивать праведно. Так кончилось правление боярское.

Неизвестный художник. Молодой Иван и иерей Сильвестр. Конец XIX в.

Неизвестный художник. Иерей Сильвестр и Алексей Адашев. Конец XIX в.

В это правление решен был чрезвычайно важный вопрос для государственной жизни России. Северо-Восточная Русь объединилась, образовалось государство благодаря деятельности князей московских; но около этих князей, ставших теперь государями всея Руси, собрались в виде слуг нового государства потомки князей великих и удельных, лишенных отчин своих потомками Калиты; они примкнули к московской дружине, к московскому боярству. Вокруг великого князя московского, представителя нового порядка, находившего свой главный интерес в его утверждении и развитии, собрались люди, которые не могли сочувствовать новому, которым самое их первенствующее положение, самый их титул указывали на более высокое значение в недавней старине. При таком сопоставлении двух начал, из которых одно стремилось к дальнейшему, полному развитию, а другое хотело удержать его при этом стремлении, удержать во имя старых, исчезнувших отношений, необходимо было столкновение. Это

столкновение видим в княжение Иоанна III и сына его, столкновение, выражающееся в судьбе Патрикеевых, Ряполовских, Холмского, Берсеня и других; необходимы были стремления со стороны великих князей освободиться от людей, живущих стариною и во имя этой старины мешающих новому. Но вот великому князю Василию Иоанновичу наследует малолетний сын его Иоанн, который остается все еще малолетним и по смерти матери своей, правившей государством; в челе управления становятся люди, не сочувствовавшие стремлениям государей московских. Мы видели, как Шуйские с товарищами воспользовались благоприятным для себя временем. В стремлении к личным целям они разрознили свои интересы с интересом государственным, не сумели даже возвыситься до сознания сословного интереса. Своим поведением они окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодействовать во имя старых прав своих; и без того уже связь, соединявшая их с землею, была очень слаба. Не говорится, что за Шуйских стояли суздальцы и нижегородцы всем городом, как за потомков своих прежних князей, а сказано, что за Шуйских стояли новгородцы Великого Новгорода всем городом: вот одно только чувствительное место, которое отзывается на новые движения во имя старых отношений! Понятно, что еще меньше могли найти сочувствия князья Бельские и Глинские, литовские выходцы. Сочувствие могло быть возбуждено к этим людям, если б они тесно соединили свой интерес с интересами земли; но вместо того народ увидал в них людей, которые остались совершенно преданы старине и в том отношении, что считали прирожденным правом своим кормиться на счет вверенного им народонаселения. Понятно, что земля всеми своими сочувствиями обратилась к началу, которое одно могло защитить ее от этих людей, – и вот молодой царь пользуется ошибками людей, в которых видит врагов своих, и с Лобного места во услышание всей земли говорит, что власть князей и бояр, лихоимцев, сребролюбцев, судей неправедных кончилась, что он сам будет теперь судья и оборона и разбор просьб поручает человеку, которого взял из среды бедных и незначительных людей.

Важно было во время боярского правления то обстоятельство, что трудная война с Литвою уже прекратилась. Престарелый Сигизмунд сам не думал уже начинать новой войны и хлопотал только о том, чтоб быть наготове в случае, если по истечении перемирия сама Москва

вздумает напасть на Литву. В сентябре 1538 года Сигизмунд послал сказать Литовской раде, что до истечения перемирия с Москвою остается только три года и потому надобно думать, как быть в случае новой войны. «Что касается до начатия войны с нашим неприятелем московским, то это дело важное, которое требует достаточного размышления. Не думаю, чтоб жители Великого княжества Литовского могли одни оборонить свою землю, без помощи наемного войска. Вам, Раде нашей, известно, что первую войну начали мы скоро без приготовлений, и хотя земские поборы давались, но так как заранее казна не была снабжена деньгами, то к чему привела эта война? Когда денег не стало, мы принуждены были мириться, какую же пользу мы от этого получили? Если теперь мы не позаботимся, то по истечении перемирия неприятель наш московский, видя ваше нерадение, к войне неготовность, замки пограничные в опущении, может послать свое войско в наше государство и причинить ему вред. Так, имея в виду войну с Москвою, объявляем вашей милости волю нашу, чтоб в остающиеся три года перемирных на каждый год был установлен побор: на первый год серебщица по 15 грошей с сохи, на второй – по 12, на третий – по 10; чтоб эти деньги были собираемы и складываемы в казну нашу, и не могли быть употреблены ни на какое другое дело, кроме жалованья наемным войскам».

Но когда перемирие вышло, в марте 1542 года приехали в Москву литовские послы: Ян Глебович, воевода полоцкий, и Никодим Техановский. Приставам, которые должны были провожать послов, дан был наказ: «Послов встретить на рубеже и ночевать с ними, не доезжая до Смоленска верст 10, а в Смоленске с послами ни под каким видом не ночевать и ехать с послами мимо Смоленска бережно, чтоб с смольнянами они не говорили ничего». Смоленск по-прежнему сделал бесплодными все толки о вечном мире; по-прежнему ничем кончились толки и об освобождении пленных, которого добивались московские бояре; смогли согласиться только на продолжение перемирия еще на семь лет, причем возник спор о границах. По этому делу отправлен был в Литву Сукин.

Готовясь на всякий случай к войне с Москвою, Сигизмунд не переставал сноситься с Крымом, где за него, против Москвы действовал Семен Бельский. Осенью 1540 года Бельский писал королю, что он успел отвратить поход крымцев на Литву и взял с хана клятву,

что весною пойдет на Москву. Король благодарил за это своего верного и доброго слугу и послал ему сто коп грошей, да королева от себя – некоторую сумму денег. В июле 1541 года Бельский писал Сигизмунду: «Весною рано хан не мог идти на Москву, потому что захворал; когда, выздоровевши, хотел выехать, пришли все князья и уланы и начали говорить, чтоб царь не ездил на Москву, потому что там собрано большое войско. Услыхавши это, я взял с собою троих вельмож, которые вашей милости служат, и просил царя, чтоб ехал на неприятеля вашей милости. Я, слуга вашей милости, призывая Бога на помощь, царя и войско взял на свою шею, не жалея горла своего, чтоб только оказать услугу вашей королевской милости. А перед выездом нашим приехали к нам послы от великого князя московского с немалыми подарками, прося нас, чтоб мы не поднимали царя на Москву, а князь великий и вся земля отдаются во всем в нашу волю и опеку, пока великий князь не придет в совершенные лета. Но мы, помня слово свое, которое дали вашей милости, не вошли ни в какие сношения с великим князем московским». Понятно, какое впечатление должно было произвести это хвастовство на умного Сигизмунда. Бельский узнал, что при дворе королевском смеются над опекуном великого князя московского, и писал опять к Сигизмунду, вычисляя свои услуги, писал, что три раза поднимал ногаев на Москву, поднял крымского хана и повоевал Московское государство, великого князя московского и его бояр из Москвы выгнал.

Мы видели, что единовластие Саип-Гирея и угрозы его поставили московское правительство в затруднительное положение. Чтобы не вести войны с двух сторон, оно соглашалось терпеть Сафа-Гирея в Казани, лишь бы он сохранил прежние подручные отношения к Москве. Но в Крыму именно добивались уничтожения этих отношений, и, получивши от Иоанна грамоту с изложением прав московских государей на Казань, Саип задержал великокняжеского гонца, отправленного к молдавскому господарю, и писал к Иоанну: «Государского обычая не держал твой отец, ни один государь того не делывал, что он: наших людей у себя побил. После, два года тому назад, посылал я в Казань своих людей; твои люди на дороге их перехватили да к себе привели, и твоя мать велела их побить. У меня больше ста тысяч рати: если возьму в твоей земле по одной голове, то сколько твоей земле убытка будет и сколько моей казне прибýtка? Вот я иду, ты

будь готов; я украдкою найду. Твою землю возьму, а ты захочешь мне зло сделать – в моей земле не будешь». Бояре определили послать в Крым окольников Злобина с хорошими поминками, чтоб склонить хана к принятию прежних условий относительно Казани, т. е. что великий князь не будет трогать Казани, но чтоб Сафа-Гирей оставался московским подручником.

Узнавши об этом, хан прислал в Москву большого посла, Дивия-мурзу, и писал в грамоте: «Что ты отправил к нам большого своего посла, Степана Злобина, с добрыми поминками, то помоги тебе Бог, мы этого от тебя и ждали». Хан требовал, чтоб великий князь наперед дал клятву в соблюдении союза перед Дивием-мурзою, а потом прислал бы своего большого посла взять шерть с него, хана; мир Москвы с Казанью поставлен был необходимым условием союзного договора.

Злобин взял у хана шертную грамоту, но когда ее привезли в Москву, то бояре увидели, что она написана не так, именно: в ней было обозначено, какие поминки великий князь постоянно должен был присылать в Крым, на что московское правительство никогда не хотело согласиться, ибо это было бы все равно, что обязаться данью. Для окончательного решения дела в Москву был прислан большой посол, Сулеш-мурза, сын Магмедина, племянник Аппака, родовой доброжелатель московский. Сулеш согласился, чтоб грамота была переписана в том виде, в каком хотели ее бояре, и отправлена к хану с требованием новой шерти. Хан в ответ прислал грамоту с непригожими словами, писал, что великий князь молод, в несовершенном разуме; вследствие этого, когда Сулеш стал проситься домой, то бояре велели отвечать ему: «Положи на своем разуме, с чем тебя государю отпустить! Царь такие непригожие речи к государю писал в своей грамоте; и государю что к царю приказать: бить ли челом или браниться? Государь наш хочет быть с ним в дружбе и в братстве, но поневоле за такие слова будет воевать». Хан не довольствовался одними непригожими речами: крымцы опустошили каширские и ростовские места. Когда в Москве узнали об этом, то у Сулеша взяли лошадей и приставили к нему стражу, а гонца ханского Егупа с товарищами роздали по гостям; но когда языки, взятые у татар, объявили, что хан нарочно послал рать, чтоб великий князь положил опалу на Сулеша, на которого Саип сердился за согласие переписать

шертную грамоту с выпуском статьи о поминках, то великий князь приговорил с боярами пожаловать Сулеша.

А. Васнецов. Татары идут! 1909 г.

Между тем казанцы, надеясь на защиту Крыма, начали опустошать пограничные области московские. В 1539 году они подходили к Мурому и Костроме; в упорном бою, происходившем ниже Костромы, убили четверых московских воевод, но сами принуждены были бежать и потерпели поражение от царя Шиг-Алея и князя Федора Михайловича Мстиславского. В декабре 1540 года Сафа-Гирей с казанцами, крымцами и ногаями подступил к Мурому, но, узнав о движении владимирских воевод и царя Шиг-Алея из Касимова, ушел назад. Сафа-Гирей был обязан казанским престолом князю Булату, но существовала сторона, противная крымской, как мы видели. Сначала эта сторона была слаба и не могла надеяться на деятельные движения со стороны Москвы, но чрез несколько лет обстоятельства переменились: Сафа-Гирей окружил себя крымцами, им одним доверял, их обогащал. Это оттолкнуло от него и тех вельмож, которые прежде были на стороне крымской; Булат теперь стал в челе недовольных и от имени всей Казанской земли прислал в Москву с просьбою, чтоб великий князь простил их и прислал под Казань воевод своих.

Великий князь отвечал Булату и всей земле, что прощает их и посылает к ним воевод. Действительно, боярин князь Иван Васильевич Шуйский с другими воеводами и многими людьми, дворцовыми и городскими отправился во Владимир с поручением наблюдать за ходом дел казанских. Зная, что война с Казанью, с Сафа-Гиреем есть вместе и война с Крымом, правительство, т. е. князь Иван Бельский и митрополит Иоасаф, отправили войска и в Коломну для наблюдения за южными границами. Их предусмотрительность оправдалась: прибежали в Москву из Крыма двое пленных и сказали, что Сафа-Гирей сведал о движении русского войска и дал знать об этом Саип-Гирею. Последний начал наряжаться на Русь, повел с собою всю Орду, оставил в Крыму только старого да малого. С ним вместе шел князь Семен Бельский, турецкого султана люди с пушками и пищалями, ногаи, кафинцы, астраханцы, азовцы, белгородцы, аккерманцы. Пошел хан на Русь с великою похвальбою. По этим вестям отправлен был приказ путивльскому наместнику, чтоб выслал станицу на поле, поперек дороги. Станичник ездил и объявил, что наехал на поле сакмы (следы) великие, шли многие люди к Руси, тысяч со сто и больше. Тогда двинулся из Москвы боярин князь Дмитрий Федорович Бельский; ему и воеводам, стоявшим на Коломне, велено стать на берегу Оки, там, где и

прежде становились воеводы против ханов. Князь Юрий Михайлович Булгаков-Голицын с одним из татарских царевичей должен был стать на Пахре. Но боялись в то же время нападения царя казанского, и потому царю Шиг-Алею из Касимова и костромским воеводам велено было стягиваться ко Владимиру на помощь князю Шуйскому. В июле приехал с поля станичник и сказал великому князю, что видел на этой стороне Дона много людей. 28 июля Саип-Гирей подошел к городу Осетру; воевода Глебов бился с неприятелем в посадах, много татар побил и девять человек живых прислал в Москву. Тогда князь Булгаков с Пахры был передвинут на Оку же, а на его место отправились другие воеводы. Между тем в Москве великий князь с братом ходил в Успенский собор, молился у образа Владимирской Богородицы, у гроба Петра-чудотворца и потом спрашивал у митрополита Иоасафа и у бояр, оставаться ли ему в Москве или ехать в другие города. Одни бояре говорили, что прежде, когда цари под городом Москвою стаивали, тогда государи наши были не малые дети, истому великую могли поднять и о себе промыслить и земле пособлять; а нынче государь мал, брат его еще меньше, скорой езды и истомы никакой не могут поднять. Митрополит говорил: «В которые города государи отступали в прежние приходы татарские, те города теперь не мирны с Казанью; в Новгород и Псков государи не отступали никогда по близости рубежей литовского и немецкого, а чудотворцев и Москву на кого оставить? Великие князья с Москвы съезжали, а в городе для обороны братьев своих оставляли; князь великий Димитрий с Москвы съехал, брата своего и крепких воевод не оставил, и над Москвою что стало? Господи, защити и помилуй от такой беды! А съезжали великие князья с Москвы для того, чтоб, собравшись с людьми, Москве пособлять и иным городам. А теперь у великого князя много людей, есть кому его дело беречь и Москве пособлять. Поручить лучше великого князя Богу, Пречистой Его Матери, и чудотворцам Петру и Алексею: они о Русской земле и о наших государях попечение имеют. Князь великий Василий этим чудотворцам сына своего и на руки отдал». Все бояре сошли на одну речь, что быть великому князю в городе. Тогда призвали прикащиков городских, велели запасы городские запасать, пушки и пищали по местам ставить, по воротам, по стрельницам и по стенам людей расписать и у посада по улицам надолбы делать. Городские люди начали усердно работать и обещали друг другу за великого князя и за

свои дома крепко стоять и головы свои класть. Пришли вести, что хан уже на берегу Оки и хочет перевозиться. Великий князь писал к воеводам, чтобы между ними розни не было, чтоб за святые церкви и за православное христианство крепко пострадали, с царем дело делали, а он, великий князь, рад жаловать не только их, но и детей их. Воеводы, прочтя грамоту, стали говорить со слезами: «Укрепимся, братья, любовью, помянем жалование великого князя Василия; государю нашему великому князю Ивану еще не пришло время самому вооружиться, еще мал. Послужим государю малому и от большого честь примем, а после нас и дети наши; постраждем за государя и за веру христианскую. Смертные мы люди: кому случится за веру и за государя до смерти пострадать, то у Бога незабвенно будет, а детям нашим от государя воздаяние будет». У которых воевод между собою были распри, и те начали со смирением и со слезами друг у друга прощения просить. Когда же князь Димитрий Бельский и другие воеводы стали говорить приказ великокняжеский всему войску, то ратные люди отвечали: «Рады государю служить и за христианство головы положить, хотим с татарами смертную чашу пить».

30 июля утром пришел Саип-Гирей к Оке на берег и стал на горе; татары готовились переправляться; передовой русский полк под начальством князя Ивана Турунта-Пронского начал с ними перестрелку. Хан велел палить из пушек и стрелять из пищалей, чтоб отбить русских от берега и дать своим возможность переправиться; передовой полк Пронского дрогнул было, но к нему на помощь подоспели князья Микулинский и Серебряный-Оболенский, а за ними начали показываться князь Курбский, Иван Михайлович Шуйский и князь Димитрий Бельский. Хан удивился, призвал князя Семена Бельского, своих князей и начал им говорить с сердцем: «Вы мне говорили, что великого князя люди в Казань пошли, что мне и встречи не будет, а я столько нарядных людей в одном месте никогда и не видывал». Саип удалился в свой стан и был в большом раздумье; но когда услышал, что к русским пришли пушки, то уж не стал более раздумывать, отступил от берега и пошел по той же дороге, по какой пришел. Двое воевод, князья Микулинский и Серебряный, отправились вслед за ним, били отсталых татар, брали в плен. Пленные рассказывали, будто царь жаловался своим князьям на бесчестие, какое он получил: привел с собою много людей, а Русской земле ничего не

сделал. Князья напомнили ему о Тамерлане, что приходил на Русь с большими силами и взял только один Елец; царь сказал на это: «Есть у великого князя город на поле, именован Пронск, близко нашего пути; возьмем его и сделаем с ним то же, что Тамерлан сделал с Ельцом; пусть не говорят, что царь приходил на Русь и ничего ей не сделал». 3 августа пришли татары под Пронск, где воеводами были Василий Жулебин, из рода Свибловых, да Александр Кобяков, из рязанских бояр. Целый день бились татары с осажденными; князья и мурзы подъезжали к городу, говорили Жулебину: «Сдай город – царь покажет милость; а не взявши города, царю прочь нейти». Жулебин отвечал: «Божиим велением город ставится, а без Божия веления кто может его взять? Пусть царь немного подождет великого князя воевод, они за ним идут». Царь велел всем своим людям туры делать и градобитные приступы припасать, хотел со всех сторон приступать к городу, а воеводы пронские всеми людьми и женским полом начали город крепить, велели носить на стены колья, камни, воду. В это время приехали в Пронск семь человек детей боярских от воевод Микулинского и Серебряного с вестью, «чтоб сидели в городе крепко, а мы идем к городу наспех со многими людьми и хотим с царем дело делать, сколько нам Бог поможет». Жители Пронска сильно обрадовались, а хан, узнав от пленника об этой радости, велел сжечь туры и пошел прочь от города. Воеводы, не заставши его у Пронска, пошли за ним дальше к Дону, но, приблизившись к берегам этой реки, увидали, что татары уже перевезлись. Тогда, отпустив за царем небольшой отряд, воеводы возвратились в Москву, и была здесь радость большая: государь бояр и воевод пожаловал великим жалованьем, шубами и кубками.

Весною следующего же, 1542 года старший сын Саипов, Имин-Гирей, напал на Северскую область, но был разбит воеводами; в августе того же года крымцы явились в Рязанской области, но, увидав пред собою русские полки под начальством князя Петра Пронского, дрогнули, пошли назад. Счастливее был Имин-Гирей в нападении своем на белевские и одоевские места в декабре 1544 года: тут его татары ушли с большим полоном, потому что трое воевод – князья Щенятев, Шкурлятев и Воротынский – рассорились за места и не пошли против крымцев. Хан писал великому князю: «Король дает мне по 15000 золотых ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей

мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться – и то в твоих же руках. До сих пор был ты молод, а теперь уже в разум вошел, можешь рассудить, что тебе прибыльнее и что убыточнее?» Иоанн рассудил, что нет никакой прибыли продолжать сношения с разбойниками, и приговорил: своего посла в Крым не посылать, а на крымских послов опалу положить, потому что крымский царь посланного к нему подьячего Ляпуна опозорил: нос и уши ему зашивали и, обнажа, по базару водили, на гонцах тридевять поминков берут и теперь московских людей 55 человек себе похолопили.

Нечего было надеяться на какой-нибудь успех в переговорах с Крымом и потому, что с Казанью надобно было покончить во что бы то ни стало. После неудачного похода Саип-Гиреева в Казани хотели мира. Здесь Булат помирился с Сафа-Гиреем и писал к боярам, чтоб просили великого князя о мире; царица Горшадна писала о том же самому Иоанну. Но эта присылка не имела дальнейших следствий, и мы не встречаем никаких известий о казанских делах до весны 1545 года; внутреннее состояние Московского государства, свержение Бельского, правление Шуйских, колебания нового правительства после казни Андрея Шуйского могут объяснить нам это молчание. Первым важным делом Иоаннова правления был поход на Казань, объявленный в апреле 1545 года. Князь Семен Пунков, Иван Шереметев и князь Давид Палецкий отправились к Казани легким делом на стругах, с Вятки пошел князь Василий Серебряный, из Перми – воевода Львов. Идучи Вяткою и Камою, Серебряный побил много неприятелей и сошелся с Пунковым у Казани в один день и час, как будто пошли из одного двора. Сошедшись, воеводы побили много казанцев и пожгли ханские кабаки, посылали детей боярских на Свягу и там побили много людей. После этих незначительных подвигов они возвратились назад и были щедро награждены. Не такова была судьба третьего: Львов с пермичами пришел поздно, не застал под Казанью русского войска, был окружен казанцами, разбит и убит. Но поход, совершенный с таким сомнительным успехом, имел, однако, благоприятные последствия, усилил внутреннее безнарядье в Казани, борьбу сторон: хан начал подозревать князей. «Вы, – говорил он, – приводили воевод московских», – и стал убивать князей. Тогда многие из них поехали в Москву к великому князю, а другие разъехались по иным землям, и 29 июля двое вельмож, Кадыш-князь да Чура Нарыков, прислали в Москву

с просьбою, чтоб великий князь послал рать свою к Казани, а они Сафа-Гирея и его крымцев 30 человек выдадут. Иоанн отвечал им, чтоб они царя схватили и держали, а он к ним рать свою пошлет. В декабре великий князь сам отправился во Владимир, вероятно, для того, чтоб получать скорее вести из Казани; действительно, 17 января 1546 года дали ему знать, что Сафа-Гирей выгнан из Казани и много крымцев его побито. Казанцы били челом государю, чтоб их пожаловал, гнев свой отложил и дал им в цари Шиг-Алея. В июне боярин князь Дмитрий Бельский посадил Шиг-Алея в Казани. Но изгнание Сафа-Гирея и посажение Шиг-Алея было делом только одной стороны, и едва князь Бельский успел возвратиться из Казани, как оттуда пришла весть, что казанцы привели Сафа-Гирея на Каму; Шиг-Алей убежал из Казани и поехал степью, где встретился с русскими людьми, высланными к нему великим князем.

*С. Иванов. На сторожевой границе московского государства.
1907 г. Фрагмент*

Крымская сторона восторжествовала, и первым делом Сафа-Гирея было убиение предводителей стороны противной: убиты были князья Чура, Кадыш и другие; братья Чуры и еще человек семьдесят московских или Шиг-Алеевых доброжелателей успели спастись бегством в Москву. Через несколько месяцев прислала горная черемиса бить челом великому князю, чтоб послал рать на Казань, а они хотят служить государю, пойдут вместе с воеводами. Вследствие этого челобитья отправился князь Александр Борисович Горбатый и воевал до Свияжского устья, привел в Москву сто человек черемисы. В конце 1547 года новый царь московский решился сам выступить в поход против Казани. Когда в феврале 1548 года Иоанн выступил из Нижнего и остановился на острове Роботке, то наступила сильная оттепель, лед на Волге покрылся водою, много пушек и пищалей провалилось в реку, много людей потонуло в продушинах. Три дня стоял царь на острове Роботке, ожидая пути, но пути не было; тогда, отпустивши к Казани князя Дмитрия Федоровича Бельского и приказавши ему соединиться с Шиг-Алеем в устье Цивильском, Иоанн возвратился в Москву в больших слезах, что не сподобил его Бог совершить похода. Эти слезы замечательны: они не были следствием только семнадцатилетнего возраста; они были следствием природы Иоанна, раздражительной, страстной, впечатлительной. Бельский соединился с Шиг-Алеем, и вместе подошли к Казани; на Арском поле встретил их Сафа-Гирей, но был втоптан в город передовым полком, находившимся под начальством князя Семена Микулинского. Семь дней после того стояли воеводы подле Казани, опустошая окрестности, и возвратились, потерявши из знатных людей убитым Григория Васильевича Шереметева. Осенью казанцы напали на Галицкую волость под начальством Арака-Богатыря, но костромской наместник Яковлев поразил их наголову и убил Арака. В марте 1549 года пришла весть в Москву о смерти Сафа-Гирея.

*Б. Кустодиев. Бунт против бояр на старой Руси. 1897 г.
Фрагмент*

Медленность московского правительства в войне с Казанью во время малолетства Иоаннова, медленность, происходившая главным образом от страха перед ханом крымским, дорого стоила пограничным областям, сильно опустошенным казанцами. Не менее, по

свидетельству современников, были опустошены и внутренние области государства в боярское правление. Из слов царя, сказанных на Лобном месте, можем заключить вообще о состоянии правосудия в Московском государстве; летописец псковский сообщает нам подробности воеводских насилий в его родном городе. В правление Елены псковичи были обрадованы выводом от них дьяка Колтыря Ракова, установившего многие новые пошлыны. Но радость их была непродолжительна: в первое правление Шуйских наместниками в Псков были отправлены известный уже нам князь Андрей Михайлович Шуйский и князь Василий Иванович Репнин-Оболенский; были эти наместники, говорит летописец, свирепы, как львы, а люди их, как звери, дикие до христиан начали поклепцы добрых людей клепать, и разбежались добрые люди по иным городам, а игумены честные из монастырей убежали в Новгород. Князь Шуйский был злодей, поднимал старые дела, правил на людях по сто рублей и больше, а во Пскове мастеровые люди все делали на него даром, большие же люди давали ему подарки. Любопытно, что игумены, по словам летописца, бежали в Новгород, значит, там было лучше; вспомним, что новгородцы всем городом стояли за Шуйских.

Смена Шуйских Бельским и митрополитом Иоасафом повлекла за собою перемену в Пскове и, вероятно, в других городах, терпевших при прежнем правлении. Смена верховного правителя необходимо вела за собою смену его родственников и приятелей в областях: жалобам на них давалась вера. Мы видели, как могущественна была сторона Шуйских, сколько знатных родов входило в нее; но мы не можем сказать этого о стороне Бельских, и потому естественно было князю Ивану и митрополиту Иоасафу стараться приобрести народное расположение переменаами к лучшему. В правление Бельского и Иоасафа начали давать грамоты всем городам большим, пригородам и волостям; по этим грамотам жители получали право сами обыскивать лихих людей по крестному целованию и казнить их смертною казнию, неводя к наместникам и к их тиунам. Псковичи взяли такую грамоту, и начали псковские целовальники и соцкие судить лихих людей на княжьем дворе, в суднице над Великою рекою, и смертною казнию их казнить. Князь Андрей Шуйский сведен был в Москву, остался один князь Репнин-Оболенский. И была христианам, говорит летописец, радость и льгота большая от лихих людей, от поклепов, от наместников,

от их недельщиков и ездоков, которые по волостям ездят, и начали псковичи за государя Бога молить. Злые люди разбежались, стала тишина, но ненадолго: опять наместники взяли силу. Значит, с падением Бельского и митрополита Иоасафа приверженцы Шуйских повторили прежнее поведение в областях. Есть известие, что князь Андрей Шуйский разорял землевладельцев, заставляя их силою за малую цену продавать ему свои отчины; крестьян разорял требованием большого числа подвод для своих людей, едущих к нему из его деревень и обратно; каждый его слуга, каждый крестьянин под защитою имени своего господина позволял себе всякого рода насилия. Насилия наместников во Пскове питались и усиливались враждою между большими и меньшими людьми: старые лучшие люди, псковичи, были выведены при великом князе Василии и заменены москвичами; следовательно, к вражде сословной присоединялась теперь вражда туземцев, меньших граждан, к пришельцам незванным. Под 1544 годом летописец говорит: вражда была большая во Пскове большим людям с меньшими, поездки частые в Москву и трата денег большая. В конце 1546 года, в одну из любимых поездок своих по монастырям, Иоанн заехал на короткое время во Псков: Печерскому монастырю дал много деревень, но свою отчину Псков не управил ни в чем, говорит летописец, только все гонял на ямских и христианам много убытка причинил. Летом 1547 года 70 человек псковичей поехали в Москву жаловаться на наместника; поступок с ними молодого царя показывает привычку Иоанна давать волю своему сердцу: неизвестно, чем они рассердили его, только он начал обливать их горячим вином, палил бороды, зажигал волосы свечою и велел покласть их нагих на землю; дело могло кончиться для них очень дурно, как вдруг пришла весть, что в Москве упал большой колокол; царь поехал тотчас в Москву, и жалобщики остались целы.

С. Иванов. Суд в московском государстве. 1909 г. Фрагмент

Но если мы, приняв свидетельство псковского летописца, что в правление князя Бельского Пскову было больше облегчения от насилий наместников, распространим это известие и на другие области, если положим, что и везде злоупотребления уменьшились, то мы не должны, однако, думать, что губные грамоты, о которых говорит псковский летописец, начали даваться только в правление Бельского. До нас

дошло несколько губных грамот от времени первого правления князей Шуйских; так, в октябре 1539 года даны были губные грамоты белозерцам и каргопольцам: «Князьям и детям боярским, отчинникам и помещикам, и всем служилым людям, и старостам, и соцким, и десяцким, и всем крестьянам моим, великого князя, митрополичьим, владычным, княжим, боярским, помещиковым, монастырским, черным, псарям, осочникам, перевестникам, бортникам, рыболовам, бобровникам, оброчникам и всем без исключения. Били вы нам челом, что у вас в волостях многие села и деревни разбойники разбивают, имение ваше грабят, села и деревни жгут, на дорогах много людей грабят и разбивают и убивают многих людей до смерти. А иные многие люди разбойников у себя держат, а к иным людям разбойники с разбоем приезжают и разбойную рухлядь к ним привозят. Мы к вам посылали обыщиков своих, но вы жалуетесь, что от наших обыщиков и недельщиков большие вам убытки, и вы с нашими обыщиками лихих людей разбойников не ловите, потому что вам волокита большая, а сами разбойников обыскивать и ловить без нашего ведома не смеете. Так вы бы, между собою свестясь, все вместе поставили себе в головах детей боярских, да с ними старост, да десяцких и лучших людей крестьян и между собою, в станах и волостях, лихих людей разбойников сами обыскивали бы по нашему крестному целованью, в правду, без хитрости. Где сыщете разбойников или тех, кто их у себя держит и разбойную рухлядь принимает, то вы таких людей пытайте накрепко, а допытавшись и бивши кнутом, казните смертью. Я положил это на ваших душах, а вам от меня опалы в том нет и от наших наместников и от волостей продажи вам нет. Если разбойник с пытки объявит о своих товарищах в других городах, то вы об них пишете грамоты в те города к детям боярским, которые там поставлены в головах для этих дел, и обсылались бы между собою немедленно. Кого поймаете в разбое, доведете, казните, кто разбойников поймал, в каких делах они уличены – все это пишете на список подлинно, а которые из вас грамоте умеют, то прикладывали бы к спискам руки. По недружбе друг другу не мстите, без вины не берите и не казните никого, но обыскивайте накрепко. А не станете разбойников обыскивать и брать или станете разбойников отпускать и им потакать, то я велю на вас на всех взыскивать по жалобам тех людей, кого в ваших волостях разобьют без суда, вдвое, а самим вам от меня быть в казни и в

продаже. А которых разбойников ведомых поймаете и, обыскав, казните, тех имение и подворья отдавайте людям, которых поставите у себя в головах, они же пусть отдадут тем людям, которых казненные разбойники разбивали, смотря по их искам; а что после этой раздачи останется, перепишите и положите, где пригоже, и отпишите об этом в Москву, к нашим боярам, которым разбойные дела приказаны».

В правление Бельского дана была губная грамота галичанам в такой форме: «Поставьте между собою у десяти дворов десяцкого, у пятидесяти – пятидесяцкого, у ста – соцкого; в которые дворы какие люди с чем-нибудь приедут, покупать ли соль или проезжие люди, объявляйте этих людей десяцким, те пусть объявляют их пятидесяцким, а пятидесяцкие соцким, соцкие с пятидесяцкими и десяцкими пусть этих людей осматривают и записывают. Остановятся на дворах люди проезжие незнакомые и станут сказываться не по именам и непутно, таких людей брать и приводить к городовым прикащикам и с городовыми прикащиками обыскивать вправду, без хитрости, какие они люди. Обыщите, что они люди добрые, то перепишите их и отпустите без задержки. Если же окажутся лихие люди, то пытайте их накрепко с городовыми прикащиками, а у пытки пусть стоит дворский, да целовальники, да лучшие люди; а что будут говорить с пытки, те речи пусть записывает дьяк земский, а вы прикладываете к ним руки, уличенного разбойника, бив кнутом по всем торгам, казните смертью». В такой же форме в 1541 году даны были губные грамоты селам и деревням Троицкого Сергиева монастыря по просьбе игумена Алексея: крестьяне должны были поставить себе прикащика в головах и выбрать соцких, пятидесяцких, десяцких. В 1549 году дан был губной наказ селам Кириллова монастыря: «Я, царь и великий князь, по их челобитью пожаловал, велел у них быть в разбойных делах в губных старостах, в выборных головах, детям боярским (имена), да с ними целовальникам, тех же сел крестьянам (имена)». Здесь против прежних грамот встречаются уже подробности управы: «Поймают татя в первой татьбе, то доправить на нем истцевы иски, а в продаже он наместнику, и волостелям, и их тиунам; как скоро наместники, волостели и их тиуны продажу свою на тате возьмут, то вы, старосты губные, велите его бить кнутом и потом выбить из земли вон. За второе воровство бить кнутом, отсекав руку и выбивать вон из земли; за третье воровство вешать. Дела небольшие выборным головам можно решать и не всем вместе; но

для больших они должны съезжаться из всех станом и волостей в город на Белоозеро, и, чего не смогут управить, пусть пишут к боярам, которым приказаны разбойные дела. В суды наместничьи губные старосты не должны вступаться, а наместники – в суды губных старост. Посулов и поминков старостам губным и целовальникам в разбойных и воровских делах не брать ни под каким видом и друг за другом смотреть, чтоб не брали».

Еще в правление Елены мы встретили упоминание о детях боярских, которые живут в Думе. Во время боярского правления встречаем такое же известие с любопытным дополнением: при описании приема литовских послов, Глебовича и Техановского, говорится: «Стояли у великого князя для береженья на правой стороне боярин князь М. И. Кубенский, а на левой – окольный И. С. Воронцов. А сидели у великого князя на правой стороне боярин князь Дмитрий Федорович Бельский и иные бояре, а на левой стороне – боярин князь Иван Васильевич Шуйский и иные бояре. Да в избе же были князья и дети боярские, которые в Думе живут и которые в Думе не живут. А вот князья и дети боярские, которые в Думе не живут, а при послах в избе были: князь Одоевский, Трубецкой, Воротынские, Оболенские, ростовские, ярославские, суздальские, стародубские, Москва (Ласкирев, Морозов, Шеины), Переяславль (кн. Куракин, Бутурлин и др.), Юрьев, Волок (кн. Хованские), Можайск (кн. Ногтев), Вязьма (Годунов), двор тверской (кн. Микулинские и др.), Калуга, Дмитров (кн. Охлябинин), Старица (Умный Колычев), ловчие (Нагой, Дятлов)».

Безнарядье, последовавшее за смертью великой княгини Елены, заставило бежать из Москвы известного архитектора, италианца Петра Фрязина, который выехал из Рима при великом князе Василии, принял православие, женился в Москве, получил поместья. В 1539 году, будучи послан укреплять город Себеж, Петр воспользовался этим случаем, чтоб пробраться за границу, в Ливонию. На вопрос дерптского епископа, что заставило его бежать из Москвы, Петр отвечал: «Великого князя и великой княгини не стало, государь нынешний мал остался, а бояре живут по своей воле, и от них великое насилие, управы в земле никому нет, между боярами самими вражда, и уехал я от великого мятежа и безгосударства».

Неизвестный художник. Боярин в опале. Конец XIX в.

А. Кившенко. Покорение Казани. 1880 г. Фрагмент

Глава третья

Казань, Астрахань, Ливония

Неудачный поход на Казань 1550 года. – Основание Свяжска; подчинение окрестных племен и самой Казани. – Ненависть в Казани к царю Шиг-Алею, подручнику московскому. – Просьба казанцев дать им в наместники боярина московского вместо Шиг-Алея. – Государь соглашается, но казанцы не пускают к себе бояр. – Поход под Казань 1552 года. – Нашествие крымского хана. – Осада и взятие Казани. – Возвращение царя в Москву. – Значение казанского взятия. – Борьба с пятью казанскими народами. – Отношение Москвы к ногаям. – Покорение Астрахани. – Отношение к народам прикавказским. – Борьба с Крымом. – Война и мир с Швецией. – Война Ливонская. – Сношения с Швецией, Даниею и Литвою. – Начало сношений с Англиею.

Смерть Сафа-Гирея, расстраивая крымскую сторону, усиливая внутренние волнения в Казани, была как нельзя более выгодна для предприятий московского царя. Крымцы и казанцы, их приверженцы, поспешили провозгласить ханом двухлетнего сына Сафа-Гиреева, Утемиша; но этим самым Казань теперь менялась своим положением с Москвою: долгое время она могла поддерживать свою независимость благодаря малолетству Иоаннову; теперь, когда Иоанн возмужал и обнаружил намерение решительно действовать против Казани, в последней явился царь-младенец. Казанцы понимали невыгоду своего положения и потому отправили послов в Крым просить помощи у взрослого царя, но московские козаки побили этих послов и ярлыки их переслали в Москву. В июле 1549 года казанцы прислали к Иоанну грамоту, писали от имени Утемиш-Гирея о мире; царь отвечал, чтоб прислали для переговоров добрых людей. Добрые люди не являлись, и 24 ноября сам Иоанн с родным братом Юрием выступил в поход, оставив оберегать Москву Владимира Андреевича; во Владимире сделаны были все распоряжения. Под Казань пришел царь уже в феврале 1550 года; приступ к городу не удался, множество людей было

побито с обеих сторон, а потом настала оттепель, подули сильные ветры, полился дождь, малые речки попортило, а иные прошли. Простоявши 11 дней под Казанью, Иоанн принужден был возвратиться назад. Это был уже второй поход, предпринятый им лично и кончившийся неудачно. На этот раз, впрочем, Иоанн не хотел возвратиться ни с чем в Москву: по примеру отца, основавшего Васильсурск, он заложил на устье Свияги Свияжск; дьяк Иван Выродков отправился с детьми боярскими в Углицкий уезд рубить лес для церквей и стен городских и везти его на судах вниз по Волге; а для поставления города отправились весною на судах царь Шиг-Алей с двумя главными воеводами – князем Юрием Булгаковым (Голицыным-Патрикеевым) и Данилою Романовичем Юрьевым, братом царицыным; туда же поехали с войском и казанские выходцы, которых было тогда в Москве 500 человек. Князю Петру Серебряному из Нижнего велено было идти изгоном на казанский посад; козаки стали по всем перевозам по Каме, Волге и Вятке, чтоб воинские люди из Казани и в Казань не ездили. Серебряный в точности исполнил приказ: явился внезапно перед казанским посадом, побил много людей и живых побрал и полону русского много отполонил.

*В. Худяков. Царица Сююмбике, покидающая Казань. 1870 г.
Фрагмент*

24 мая пришел Шиг-Алей с воеводами на Свягу; тотчас начали очищать от лесу место, где быть городу; очистивши гору, пели молебен, освятили воду и обошли с крестами по стенному месту; потом

обложили город и заложили церковь во имя Рождества Богородицы и чудотворца Сергия. Леса, который привезли сверху по Волге, стало только на половину горы; другую половину сделали тотчас же воеводы и дети боярские своими людьми, и все окончили в четыре недели. Следствия построения Свияжска оказались немедленно: горные черемисы, увидав, что русский город стал в их земле, начали приезжать к Шиг-Алею и воеводам с челобитьем, чтоб государь их пожаловал, облегчил в ясаке и дал свою грамоту жалованную, как им вперед быть. Государь их пожаловал, дал грамоту с золотою печатью и ясак им отдал на три года. Шиг-Алею и воеводам Иоанн послал золотые в награду и приказ – привести всю Горную сторону к присяге и послать черемис войною на казанские места, а с ними отправить детей боярских и казанских князей смотреть: прямо ли станут служить государю. Воеводы привели к присяге черемис, чуваш, мордву и сказали им: «Вы государю присягнули, так ступайте покажите свою правду государю, воюйте его недруга». Те собрались большими толпами, перевезлись на Луговую сторону и пришли к городу на Арское поле. Казанцы и крымцы вышли к ним навстречу и бились крепко; когда же из города вывезли пушки и пищали и начали стрелять, то черемисы и чуваша дрогнули и побежали. Казанцы убили у них человек со 100 да с 50 живых взяли. Воеводы увидали, что горные люди служат прямо, и велели их опять перевезти на их сторону. Показавши верную службу, горные начали ездить в Москву; государь их жаловал, князей, мурз и сотных козаков кормил и поил у себя за столом, дарил шубами, доспехами, конями, деньгами.

Построение Свияжска и отпадение Горной стороны скоро отозвались в Казани, усилив сторону, противную крымцам: начали розниться казанцы с крымцами, говорит летопись; арские чуваша пришли даже с оружием на крымцев, крича: «Отчего не бить челом государю?» – пришли и на царев двор, но крымцы побили их; эта удача, однако, не поправила дела Гиреев, потому что казанские князья и мурзы один за другим перебежали к русским. Тогда крымцы, видя, что при первом нападении московских воевод казанцы их выдадут, пограбили все, что было можно, и побежали из Казани, побросав жен и детей; они бежали вверх по Каме и вошли в Вятку, но тут вятский воевода Зюзин поразил их наголову и потопил; пленные были отосланы в Москву и там казнены. Бегство крымцев отдало Казань в руки

русской стороне; тотчас явились оттуда послы с челобитьем, чтоб государь пожаловал, пленить их не велел, дал бы им на государство царя Шиг-Алея, а царя Утемиш-Гирея с матерью Сююнбекою взял бы к себе. Иоанн отвечал, что хочет землю Казанскую пожаловать, если они царя, царицу, остальных крымцев и детей их выдадут и всех русских пленников освободят. Алексей Адашев отправился в Свияжск объявить Шиг-Алею, что государь жалует ему Казанское царство с Луговою стороною и Арскою, но Горная сторона отойдет к Свияжску, потому что государь саблю взял ее до челобитья казанцев. Это условие сильно оскорбило Шиг-Алея, но бояре прямо объявили ему, что решение ни под каким видом изменено не будет; то же было объявлено и вельможам казанским, когда они начали было говорить, что землю разделить нельзя. В августе Шиг-Алей посажен был в Казани и, согласно условиям, освободил русских пленников.

П. Коровин. Взятие Казани Иваном Грозным. Конец XIX в.

Господство, насилия крымцев поддерживали прежде русскую сторону; тяжелые условия, наложенные теперь русским царем, возбуждали большое неудовольствие, усилили сторону противную;

хану, вельможам нестерпимо было отрезание Горной стороны; простые люди терпели большой убыток чрез освобождение русских пленников. Оставленные при новом хане боярин Хабаров и дьяк Выродков уже в сентябре уведомили государя, что пленные освобождены не все, что Шиг-Алей знает это, но смотрит сквозь пальцы, боясь волнения. В Москве не могли отказаться от предписанных условий, не могли терпеть, чтоб русские люди томились в плену в подчиненном государстве; надеялись кроткими мерами, ласкою заставить Шиг-Алея и казанцев забыть свои лишения. В Казань поехали боярин князь Димитрий Палецкий и дьяк Клобуков; они повезли платье, сосуды, деньги хану, ханше, князьям казанским и городецким, повезли царю и земле Казанской жалованное слово за службу; но при этом они должны были требовать освобождения всех пленных. Шиг-Алею должны были сказать, чтоб он помнил жалованье царя и отца его, великого князя Василия, прямил по шертным грамотам, русских пленников всех освободил и укрепил бы Казань крепко государю и себе, как Касимов городок, чтоб при нем и после него кровь перестала бы литься навеки. Палецкий с этим наказом поехал в Казань, а из Казани в Москву приехали большие послы с челобитьем от Шиг-Алея, чтоб государь пожаловал. Горную сторону царю уступил, если же не хочет уступить всей стороны, то пусть даст хотя несколько ясаков с нее; да пожаловал бы государь, дал клятву царю и земле Казанской в соблюдении мира. Иоанн велел отвечать, что с Горной стороны не уступит Казани ни одной деньги, а клятву даст тогда, когда в Казани освободят русских пленных всех до одного человека. Тогда же возвратились из Казани боярин Хабаров и дьяк Выродков и сказали, что казанцы мало освобождают пленных, куют их и прячут по ямам, а Шиг-Алей не казнит тех, у кого найдут пленников, боится волнения: доносят ему, что князья казанские ссылаются с ногаями; он об этом разведывает и даст знать государю. Действительно, в ноябре Шиг-Алей и князь Палецкий дали знать, что казанские князья ссылаются с ногаями, хотели убить Шиг-Алея и князя Палецкого. Хан узнал о заговоре, перехватил грамоты и велел перебить заговорщиков у себя на пиру числом 70 человек; он просил, чтоб государь не отпускал из Москвы больших казанских послов, потому что они также в числе заговорщиков.

Это известие заставляло царя подумать о новом шаге вперед относительно Казани. Отправился туда Алексей Адашев с такими

словами к Шиг-Алею: «Сам он видит измену казанцев, изначала лгут государям московским, брата его, Еналея, убили, его самого несколько раз изгоняли и теперь хотели убить: нужно непременно, чтоб он укрепил город русскими людьми». Шиг-Алей отвечал на это: «Прожить мне в Казани нельзя: сильно я раздосадовал казанцев; обещал я им у царя и великого князя Горную сторону выпросить. Если меня государь пожалует, Горную сторону даст, то мне в Казани жить можно, и, пока я жив, до тех пор Казань государю крепка будет. Если же у меня Горной стороны не будет, то мне бежать к государю». Палецкий и Адашев отправились в Москву, оставя в Казани Ивана Черемисинова с отрядом стрельцов беречь Алея от казанцев и не держать государя без вести. Когда Палецкий приехал на Свиягу, то жившие здесь князья Чапкун и Бурнаш сказали ему, что в народе ходят слухи: придет весна, и казанцы изменят государю, а Шиг-Алея не любят; так государь бы своим делом промышлял, как ему крепче, а мы, говорили князья, государю дали правду и по правде к нему приказываем, что казанцы непременно изменят, тогда и горных не удержим.

Так прошел 1551 год. Дело приближалось к развязке. Казань не могла оставаться долго в таком положении; после кровавого пира ненависть к Алею достигла высшей степени; поддерживать долее силою ненавистного хана было бы очень неблагоприятно; двинуть большие полки к Казани, не дожидаясь первого движения со стороны ее жителей, значило ускорить кровавую развязку, подвергнуть явной опасности жизнь Алея и находившихся при нем русских стрельцов и дать казанцам полное право к восстанию; захватить город внезапно, без ведома хана, было нельзя, а хан не хотел изменить бусурманству. Но казанцы сами пошли навстречу намерениям московского царя: ненависть к Алею и в то же время невозможность избавиться от него, невозможность борьбы с Москвою привели их к мысли предложить Иоанну полное подданство, лишь бы только он вывел от них Алея. Мы видели, что в числе главных врагов последнего были вельможи, отправленные послами в Москву, и только это посольство избавило их от участи, постигшей товарищей их на пиру ханском; но погибли не все, оставались еще лихие люди, которых Алей также обещал извести. Понятно, что эти люди, трепеща каждую минуту за свою жизнь, должны были желать смены Алея каким бы то ни было способом, и понятно, что они в этом желании должны были прежде всего сойтись с

послами, задержанными в Москве, и действовать через них. В январе 1552 года эти послы явились к Иоанну и объявили, что им есть приказ от Казанской земли бить челом государю, чтоб царя Шиг-Алея свел и дал бы им в наместники боярина своего; если же государь не пожалует, то казанцы будут добывать себе государя из других земель. Иоанн велел поговорить с ними боярину Ивану Васильевичу Шереметеву, за что царя не любят в Казани, как его оттуда свести, как быть у них наместнику и как им в том верить. Послы отвечали, что Алей побивает их и грабит, жен и дочерей берет силою; если государь пожалует землю и хана сведет, то теперь здесь, в Москве, уланов, князей, мурз и козаков человек с триста, один из них поедет в Казань, и казанцы государю дадут правду, наместников его в город пустят и город весь государю сдадут; кому велит жить в городе, кому на посаде, тем там и жить; царские доходы будут собираться на государя, имения побитых бездетных князей государь раздаст кому хочет. Если же казанцы так не сделают, то пусть государь велит нас всех здесь побить; если же Алей не захочет ехать из Казани, то государю стоит только взять у него стрельцов, и он сам побежит.

В феврале отправился опять Алексей Адашев в Казань, чтоб свести Алея, и с ним татарин от послов с грамотою к казанцам, в которой описывалось, как они условились в Москве с государем. Адашев объявил Алею, чтоб пустил московских людей в город, а сам пусть просит у государя чего хочет, все получит. Алей отвечал по-прежнему, что бусурманского юрта не нарушит, но съедет в Свияжск, потому что в Казани ему жить нельзя, казанцы уже послали к ногаям просить другого царя. Заколотив несколько пушек и отправив в Свияжск пищали и порох, 6 марта Шиг-Алей выехал из Казани, взял с собою многих князей, мурз, горожан и всех пятьсот стрельцов московских. В тот же день боярин князь Семен Иванович Микулинский послал в Казань двух козаков с грамотами, что по челобитью казанских князей государь-царь Шиг-Алей свел и дал им в наместники его, князя Семена, чтоб они ехали в Свияжск присягать, и, когда присягнут, тогда он к ним поедет. Казанцы отвечали, что государеву жалованью рады, хотят во всем исполнить волю государеву, только бы боярин прислал к ним князей Чапкуна и Бурнаша, на чьи руки им дань. Чапкун и Бурнаш отправились на другой день в Казань вместе с Черемисиновым, и тот дал знать Микулянскому, что вся земля Казанская охотно присягает

государю и лучшие люди едут в Свияжск. Лучшие люди действительно приехали на другой день вместе с Чапкуном и Бурнашом и присягнули, взявши с Микулинского и товарищей его также клятву, что они будут жаловать добрых казанских людей. После этого Микулинский отправил в Казань Черемисинова с толмачом приводить к присяге остальных людей и смотреть, нет ли какого лиха; для того же отправил Чапкуна, еще одного князя казанского и восемь человек детей боярских; они должны были занять дворы, которые князья обещались очистить, и смотреть, чтоб все было тихо. Ночью Черемисинов дал знать Микулинскому, что все спокойно; царский двор опоражнивают, и сельские люди, давши присягу, разъезжаются по селам. Черемисинов писал, чтоб наместник уже отправлял в Казань свой легкий обоз с съестным и прислал козаков с сотню, потому что они на царево дворе пригодятся на всякое дело, и по этой присылке наместник отпустил обоз с семьюдесятью козаками.

Скоро двинулись к Казани и бояре: князь Семен Микулинский, Иван Васильевич Шереметев, князь Петр Серебряный; сторожевой полк вел князь Ромодановский; у него были все те казанцы, которых вывел царь Шиг-Алей. По дороге встречали их разные князья, били челом боярам, чтоб ехали в город, а они все холопы государевы, все в его воле; в Казань и из Казани ездили к воеводам дети боярские и сказывали, что все люди государеву жалованью рады и что Иван Черемисинов продолжает приводить к присяге. Все шло как нельзя лучше до тех пор, пока не отпросились у воевод в Казань двое князей. Ислам и Кебяк, и мурза Аликей, брат известного Чуры. Приехавши в Казань, они затворили город и объявили жителям, что русские непременно истребят их всех, что об этом говорят городские татары, да и сам Шиг-Алей говорит то же. Когда бояре подъехали к Казани, то встретил их на Булаке Иван Черемисинов с князем Кулалеем и объявил: «До сих пор лиха мы никакого не видали; но теперь, как прибежали от вас князья и стали говорить лихие слова, то люди замешались; с нами выехали к вам из города все князья, один Чапкун в городе остался». Бояре подъехали к царевым воротам: ворота растворены, а люди бегут на стены. Тут приехали к воеводам улан Кудайкул, князь Лиман и другие князья и стали бить челом, чтоб не кручинились: возмутили землю лихие люди; подождите, пока утихнут. Бояре отправили в город улана Кудайкула и князя Бурнаша сказать жителям: «Зачем вы

изменили? Вчера и даже сегодня еще присягали, и вдруг изменили! А мы клятву свою держим, ничего дурного вам не делаем». Действительно, русские ратные люди не обидели ничем посадских людей, которые спокойно оставались в домах своих со всем имуществом. Посланные возвратились с ответом: «Люди боятся побою, а нас не слушают». Бояре, видя, что доброго дела нет, велели перехватать Кудайкула, Лимана и всех князей и козаков, которых вывел Шиг-Алей, а казанцы задержали у себя детей боярских, которые наперед были отправлены с обозами воеводскими. Простоявши полтора дня под Казанью, воеводы пошли назад, к Свияжску; посада казанского не велели трогать, чтоб не нарушить с своей стороны крестного целования; а казанцы, послав к ногаям просить царя, немедленно начали войну, стали приходить на Горную сторону, отводить ее жителей от Москвы; но горные побили их отряд, взяли в плен двух князей и привели к воеводам; те велели казнить пленников.

Иоанн получил весть об этих событиях 24 марта и немедленно отправил на помощь к воеводам в Свияжск шурина своего, Данила Романовича Захарьина-Юрьева, а царю Шиг-Алею велел ехать в свой городок Касимов. В апреле царь созвал совет насчет решительного похода на Казань и объявил, что непременно сам хочет отправиться в поход. Решено было отпустить водою рать, наряд большой, запасы для царя и для всего войска, а самому государю, как приспеет время, идти полем.

П. Шамшин. Вступление Ивана IV в Казань. 1894 г. Фрагмент

В том же месяце пришли из Свияжска дурные вести: князь Микулинский писал, что горные люди волнуются, многие из них ссылаются с казанцами, да и во всех мало правды, непослушание большое; но что хуже всего, в русском войске открылась цинга, много уже померло, много лежит больных, детей боярских, стрельцов и козаков. Царь по этим вестям велел князьям Александру Борисовичу Горбатову и Петру Ивановичу Шуйскому немедленно двинуться в

Свияжск. Князья скоро достигли этого города, но вести, присланные ими оттуда к Иоанну, были еще менее утешительны: горные люди изменили все, сложились с Казанью и приходили к Свияжску; воеводы посылали на них козаков, но казанцы козаков разбили, убили 70 человек и пищали взяли, а болезнь не ослабевает, мрет много людей. От князя Михайлы Глинского из Камы ехали козаки в судах на Свиягу за кормом; и тех козаков казанцы всех перебили, перебили и всех детей боярских, которые приехали наперед в Казань с воеводскими обозами и были захвачены там жителями; казанцы уже получили царя от ногаев – астраханского царевича Едигера Магмета. Но от этих вестей в Москве не пришли в уныние: положено было прежде всего поднять дух в свияжском войске средствами религиозными, тем более что к болезни физической там присоединилась нравственная – сильный разврат. Из Благовещенского собора перенесены были в Успенский мощи святых отцов, с них освящена была вода и отправлена в Свияжск с архангельским протопопом Тимофеем; вместе с водою Тимофей повез также поучение к войску от митрополита Макария. В это время приехал из Касимова царь Шиг-Алей и начал говорить, чтоб Иоанн не выступал в поход до зимы, потому что летом должно ожидать прихода других недругов, и потому что Казанская земля сильно укреплена природою, зимою легче ее воевать. Иоанн отвечал ему, что уже воеводы со многими ратными людьми отпущены на судах с большим нарядом и со всеми запасами, а что у казанцев леса и воды – крепости великие, то Бог и непроходимые места проходимыми делает, и острые пути в гладкие претворяет.

Поручив царице заниматься делами благотворения, Иоанн выступил 16 июня в Коломну; обедал в селе Коломенском, откуда отправился ночевать в Остров, но на дороге встретил гонца, станичника из Путивля, с вестию, что идут многие люди крымские к украине. Царь, нимало не смутясь, продолжал путь в Коломну и пришел туда 19 числа; тут приехал новый гонец с вестию, что идут многие люди крымские, ждут их к Рязани и к Коломне. Государь послал полки на берег: большому полку велел стать под Колычевом, передовому – под Ростиславлем, левой руке – под Голутвиным монастырем. 21 июня пригнал гонец из Тулы: пришли крымцы к Туле, как видно, царевич, и не со многими людьми. Государь послал к Туле князей Щенятева, Курбского, Пронского, Хилкова, Воротынского, собрался и сам

выступить на другой день утром, как получил весть, что приходило к Туле татар немного, тысяч семь, повоевали окрестности и поворотили назад. Иоанн по этим вестям отпустил только воевод, а сам приостановился; но 23 числа пригнал гонец из Тулы с вестью, что сам царь пришел и приступает к городу, с ним наряд большой и янычары турецкие. Иоанн велел поскорее служить вечерню, потому что никогда не нарушал церковного правила, всем воеводам велел поскорее перевозиться через Оку и сам спешил к Кашире, где назначено было перевозиться; но тут прискакал новый гонец и объявил, что хана уже нет у Тулы: 22 июня пришли крымцы к Туле и приступали целый день, били по городу из пушек огненными ядрами, и, когда во многих местах в городе дворы загорелись, хан велел янычарам идти на приступ; но воевода, князь Григорий Темкин, несмотря на то, что с ним было немного людей в Туле, отбил приступ. На другой день утром хан велел уже готовиться к новому приступу, как пришла весть, что русский царь идет к городу; туляне с городских стен увидели столпы пыли, закричали: «Боже милостивый! Помоги нам! Царь православный идет!» – и бросились на татар; вышли из города не только ратные люди и все мужчины, но даже женщины и дети бросились за ними; татар много было побито в этой вылазке. Хан побежал в степь, и три часа спустя явились под городом воеводы, отправленные Иоанном; они погнались за татарами и разбили их на речке Шивороне. Татары, взятые в плен, рассказывали: царь потому пошел на Русь, что в Крыму сказали, будто великий князь со всеми людьми у Казани. Царь тогда же хотел возвратиться в Крым, но князья начали ему говорить: если хочешь покрыть свой стыд, то есть у великого князя город Тула на поле, за великими крепостями – за лесами. Царь их совета послушал и пошел к Туле.

Иоанн, получив эти вести, возвратился в Коломну, куда 1 июня пришли к нему воеводы с тульского дела; они говорили, что хан идет чрезвычайно поспешно и лошадей бросает много. Избавившись так счастливо от крымцев, царь начал думать с князем Владимиром Андреевичем, боярами и всеми воеводами, как идти к Казани, на какие места. Приговорили идти двумя дорогами: самому государю идти на Владимир и Муром, воевод отпустить на Рязань и Мещеру, чтоб они могли заслонить царя от внезапного нападения ногаев, а сходиться на поле за Алатырем. Но когда надобно было выступить в поход, боярские

дети новгородцы начали бить челом, что им нельзя больше оставаться при войске: с весны были они на службе в Коломне; иные за татарами ходили и на боях бывали, а теперь еще идти в такой долгий путь и там стоять многое время! Государю была немалая скорбь от этого челобитья, которое останавливало дело в самом начале; наконец он придумал средство, оказавшееся очень действительным: он велел переписать служилых людей и повестить: кто хочет идти с государем, тех государь хочет жаловать и будет под Казанью кормить, а кому нельзя идти, те пусть остаются в Коломне. Услыхав эту повестку, все отвечали в один голос: «Готовы идти с государем: он наш промышленник и здесь и там, промыслит нами, как ему Бог известит».

3 июля Иоанн выехал из Коломны с двоюродным братом, князем Владимиром Андреевичем; во Владимире получил он приятную весть из Свияжска, что цинга там прекратилась; в Муроме получил другую радостную весть, что воеводы, князь Микулинский и боярин Данила Романович, ходили на горных людей и разбили их. 20 июля царь выступил из Мурома, шел частым лесом и чистым полем, и везде войско находило обильную пищу. Черемисы и мордва, испуганные походом многочисленного войска, приходили к царю, отдаваясь в его волю, и приносили хлеб, мед, мясо; кроме того, мосты на реках делали. На реке Суре встретили государя посланцы от свияжских воевод и горных людей и объявили, что ходили бояре князь Петр Иванович Шуйский и Данила Романович на остальных горных людей и теперь уже все горные люди добились челом и приложились к Свияжскому городу. Иоанн позвал на обед посланцев от горных людей, объявил, что прощает их народу прежнюю измену, и приказал мостить мосты по рекам и чистить тесные места по дороге. За Сурою соединился государь с воеводами, шедшими через Рязань и Мещеру, и 13 августа достиг Свияжска. Ставши под городом на лугу в шатре, царь советовался с князем Владимиром Андреевичем, с царем Шиг-Алеем, с боярами и воеводами, как ему, государю, своим делом промышленять, и приговорил идти к Казани не мешкая, а к казанцам послать грамоты, что если захотят без крови бить челом государю, то государь их пожалует. Шиг-Алей должен был писать к родственнику своему, новому казанскому царю Едигеру, чтоб выехал из города к государю, не опасаясь ничего, и государь его пожалует; сам Иоанн послал грамоты к главному мулле и всей земле Казанской, чтоб били челом и он их простит. 16 августа

войска начали уже перевозиться чрез Волгу и становиться на Казанской стороне, 18 – сам царь переправился за Волгу, 20 – за Казанку и здесь получил ответ от Едигера: в нем заключалось ругательство на христианство, на Иоанна, на Шиг-Алея и вызов на брань. Иоанн велел вынимать из судов пушки и все устраивать, как идти к городу; тут приехал к нему служить Камай-мурза с семьей козаками и рассказывал, что их поехало человек с двести служить государю, но казанцы, узнав об этом, почти всех перехватили; про Казань рассказывал, что царь Едигер и вельможи бить челом государю не хотят и всю землю на лихо наводят, запасов в городе много, остальное войско, которое не в городе, собрано под начальством князя Япанчи в Арской засеке, чтоб не пропускать русских людей на Арское поле.

Царь созвал совет, рассказал Камаевы речи и рассуждал, как идти к городу. Приговорили: самому государю и князю Владимиру Андреевичу стать на Царском лугу, царю Шиг-Алею – за Булаком; на Арском поле стать большому полку, передовому и удельной дружине князя Владимира Андреевича; правой руке с козаками – за Казанкою; сторожевому полку – на устье Булака, а левой руке – выше его. Приказано было, чтоб во всей рати приготовили на 10 человек туру да чтоб всякий человек приготовил по бревну на тын; приказано было также настрого, чтоб без царского повеления, а в полках без воеводского повеления никто не смел бросаться к городу. 23 августа полки заняли назначенные им места; как вышел царь на луг против города, то велел развернуть свое знамя: на знамени был нерукотворенный образ, а наверху – крест, который был у великого князя Димитрия на Дону; когда отслужили молебен, царь подозвал князя Владимира Андреевича, бояр, воевод, ратных людей своего полка и говорил им: «Приспело время нашему подвигу! Потщитесь единодушно пострадать за благочестие, за святые церкви, за православную веру христианскую, за единокровную нашу братию, православных христиан, терпящих долгий плен, страдающих от этих безбожных казанцев; вспомним слово Христово, что нет ничего больше, как полагать души за други свои; припадем чистыми сердцами к создателю нашему Христу, попросим у него избавления бедным христианам, да не предаст нас в руки врагам нашим. Не пощадите голов своих за благочестие; если умрем, то не смерть это, а жизнь; если не теперь умрем, то умрем же после, а от этих безбожных как вперед

избавимся? Я с вами сам пришел: лучше мне здесь умереть, нежели жить и видеть за свои грехи Христа хулимого и порученных мне от Бога христиан, мучимых от безбожных казанцев! Если милосердый Бог милость свою нам пошлет, подаст помощь, то я рад вас жаловать великим жалованьем; а кому случится до смерти пострадать, рад я жен и детей их вечно жаловать».

150000 войска со 150 пушками обложили Казань, защищенную только деревянными стенами, но за этими стенами скрывалось 30000 отборного войска. 23 же числа начались сшибки с осажденными; при этих сшибках, обыкновенно удачных для русского войска.

В самом начале осады твердость Иоанна выдержала сильное испытание: страшная буря сломила шатры, и в том числе царский, на Волге разбило много судов, много запасов погибло; войско уныло, но не унывал царь: он послал приказ двинуть новые запасы из Свияжска, из Москвы, объявляя твердое намерение зимовать под Казанью; ездил днем и ночью кругом города, рассматривая места, где удобнее делать укрепления. Осадные работы шли безостановочно: ставили туры, снабжали их пушками; где нельзя было ставить тур, там ставили тын, так что Казань со всех сторон была окружена русскими укреплениями. Казанцы беспрестанно делали вылазки, бились отчаянно с защитниками тур, но были постоянно втаптываемы в город. От непрерывной пальбы по городу гибло в нем много людей; стрельцы и козаки, закопавшись во рвах перед турами, также не давали казанцам входить на стены, снимали их оттуда меткими выстрелами. Но скоро внимание осаждающих было развлечено: из леса на Арское поле высыпал неприятель многочисленными толпами, напал на русские полки и хотя был отражен с уроном, однако не меньший урон был и на стороне осаждающих; пленники объявили, что это приходит князь Япанча из засеки, о которой говорил прежде Камай-мурза. После этого Япанча не давал покоя русским: явится на самой высокой городской башне большое знамя, и вот Япанча по этому условному знаку нападает на русских из лесу, а казанцы изо всех ворот бросаются на их укрепления. Войско истомилось от беспрестанных вылазок из города, от наездов из лесу и от скудости в пище. Для истребления лесных наездников отправились 30 августа князя Александр Борисович Горбатый и Петр Семенович Серебряный; войско Япанчи, конное и пешее, высыпало к ним навстречу из лесу и потерпело решительное

поражение; победители преследовали его на расстоянии 15 верст, потом собрались и очистили лес, в котором скрывались беглецы; 340 человек пленных было приведено к Иоанну. Он послал одного из них в Казань с грамотами, писал, чтоб казанцы били челом и он их пожалует; если же не станут бить челом, то велит умертвить всех пленников; казанцы не дали ответа, и пленники были умерщвлены перед городом.

Г. Угрюмов. Взятие Казани Иваном Грозным. 1800 г.

На другой день, 31 августа, царь призвал размысла (инженера), немца, искусного в разорении городов, и велел ему сделать подкоп под Казань. Потом призвал Камай-мурзу и русских пленных, выбежавших из Казани, и спросил, откуда казанцы берут воду, потому что реку Казанку давно уже у них отняли. Те сказали, что есть тайник, ключ, в берегу реки Казанки у Муралеевых ворот, а ходят к нему подземным путем. Царь сперва приказал воеводам сторожевого полка, князю Василию Серебряному и Семену Шереметеву, уничтожить тайник, но воеводы отвечали, что этого сделать нельзя, а можно подкопаться под тайник от каменной Даировой башни, занятой уже давно русскими козаками; царь послал для этого Алексея Адашева и размысла. День и ночь работали над подкопом под тайник, наконец подкопались под мост, куда ходят за водою; сам князь Серебряный с товарищами вошел в подкоп и, услышав над собою голоса людей, едущих с водою, дал знать государю; царь велел поставить под тайник 11 бочек пороху, и 4 сентября тайник взлетел на воздух; поднялась на воздух часть стены, и множество казанцев в городе было побито камнями и бревнами, падавшими с огромной высоты; русские воспользовались этим, ворвались в город и много перебили и попленили татар. Только после этого несчастья осажденными овладело уныние; обнаружилось разногласие: одни хотели бить челом государю, но другие не соглашались, начали искать воды, нашли один смрадный поток и довольствовались им, хотя от гнилой воды заболели, пухли и умирали. 6 сентября с большим кровопролитием взят был острог, построенный казанцами в 15 верстах от города, на Арском поле. Взявши острог, воеводы пошли к Арскому городищу, воюя и пожигая села; от Арского городища возвратились другою дорогою к Казани, повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, жен и детей в плен взяли, а христиан многих из плена освободили; воевали они на 150 верст поперек, а в длину до самой Камы; выжгли села, множество скота пригнали к Казани в полки.

Между тем осадные работы продолжались: дьяк Иван Выродков поставил против Царевых ворот башню в шесть саженой вышиною; внесли на нее много наряду, пищали полуторные и затинные; стрельцы начали стрелять с башни в город и побивали много народу. Осажденные укрывались в ямах, копали рвы под городскими стенами и рыли норы под тарасами; выползая из нор, как змеи, бились они беспрестанно с

осаждающими, не давая придвигать тур ко рву. Несмотря на то, князь Михайла Воротынский успел придвинуть туры к самому рву, против Арской башни и Царевых ворот, так что между городскими стенами и русскими турами оставался один ров в три сажени шириною и в семь глубиною. Придвинув туры ко рву, осаждающие разошлись обедать, оставив немногих людей подле укреплений; увидавши эту оплошность, казанцы вылезли изо всех нор, из-за тарасов и внезапно напали на туры; защитники их дрогнули и побежали; но воеводы успели выстроить полки и ударили на казанцев, которые были сбиты во рвы. Дело было кровопролитное, и хотя туры были спасены, но это спасение дорого стоило осаждающим, потерявшим много убитыми и ранеными. В то время как ожесточенный бой кипел против Арской башни, ногаи и казанцы сделали вылазку из Збойлевых ворот на туры передового полка и ертоула; здесь воеводы были готовы, подпустили неприятеля к турам, ударили на него со всех сторон и поразили безо всякого для себя урона.

Видя, что русский огонь не причиняет большого вреда осажденным, царь велел подкопать тарасы и, как взорвет их, придвинуть туры к самым воротам. 30 сентября тарасы взлетели на воздух с людьми; бревна побили множество народа в городе, остальные обеспамятели от ужаса и долго оставались в бездействии; стрелы перестали летать из Казани. Пользуясь этим временем, воеводы утвердили туры подле ворот Царевых, Арских и Аталыковых. Наконец казанцы опомнились, выскочили изо всех ворот и с ожесточением напали на русских. В это время Иоанн сам показался у города; увидав его, русские с новым рвением ударили на неприятеля, схватились с ним в воротах, на мостах, у стен, бились копьями и саблями, схватывались за руки; наконец осаждающие одолели, взобрались на стены, заняли Арскую башню, втеснились в самый город; князь Михайла Воротынский послал сказать Иоанну, что надобно пользоваться удачею и вести общий приступ; но остальные полки не были приготовлены к этому дню, и по царскому указанию воинов вывели из города. Стены, ворота и мосты были зажжены, в Арской башне утвердились русские люди; мосты и стена горели целую ночь, из стены сыпалась земля; русские воеводы велели своим ратникам на занятых местах заставить крепкими щитами, а туры засыпать землею; татары также работали: ставили срубы против пробитых мест и насыпали землею.

На другой день, 1 октября, царь велел наполнить рвы лесом и землю, устроить мосты и бить из пушек беспрестанно; били весь день и сбили до основания городскую стену. Общий приступ был назначен на другой день, в воскресенье, 2 октября; во всех полках велено было ратным людям исповедоваться и приобщаться.

Но прежде решительного приступа царь хотел в последний раз испытать действие мирных переговоров; к городу был отправлен мурза Камай с предложением, чтобы казанцы били челом государю; если отдадутся в его волю и выдадут изменников, то государь простит их. Казанцы отвечали единогласно: «Не бьем челом! На стенах русь, на башне русь – ничего: мы другую стену поставим и все порем или отсидимся». Тогда царь велел готовиться к приступу; по дорогам велел расставить также полки, чтоб не пропускать казанцев, если вздумают бежать из города.

В ночь с первого числа на второе, с субботы на воскресенье, Иоанн, проведши несколько времени наедине с духовником, начал вооружаться; князь Михайла Воротынский прислал сказать ему, что размысл подставил уже порох под городские стены, что казанцы заметили его и потому нельзя мешкать. Царь послал повестить во все полки, чтоб готовились немедленно к делу, а сам пошел в церковь, где велел поскорее совершать правило; на рассвете, отпустив свой полк к городу и велев ему дожидаться себя в назначенном месте, пошел к обедне; здесь, когда дьякон оканчивал Евангелие словами: «И будет едино стадо и один пастырь», раздался сильный гром, земля дрогнула: царь выступил из церковных дверей и увидал, что городская стена взорвана, бревна и люди летят на высоту; вскоре после этого, когда дьякон читал на ектении молитву о царе и вымолвил слова: «Покорити под нозе его всякого врага и супостата», – последовал второй взрыв, сильнее прежнего, множество казанцев виднелось на воздухе, одни перерванные пополам, другие с оторванными руками и ногами. Тогда русское войско, воскликнув: «С нами Бог!» – пошло на приступ; казанцы встретили его криком: «Магомет! Все порем за юрт!» В воротах и на стенах началась страшная сеча. Один из ближних людей вошел в церковь и сказал царю: «Государь! Время тебе ехать; полки ждут тебя». Иоанн отвечал: «Если до конца отслушаем службу, то и совершенную милость от Христа получим». Приехал второй вестник и сказал: «Непременно нужно ехать царю, надобно подкрепить войско».

Иоанн вздохнул глубоко, слезы полились из глаз, он начал молиться: «Не остави мене, Господи Боже Мой! Не отступи от мене, вонми в помощь мою!» Обедня уже оканчивалась, Иоанн приложился к образу чудотворца Сергия, принял благословение духовника, сказал духовенству: «Простите меня и благословите пострадать за православие, помогайте нам молитвою!» – вышел из церкви, сел на коня и поскакал к своему полку.

Когда Иоанн подъехал к городу, знамена русские развевались уже на стенах; присутствие царя придало ратникам новые силы; князь Воротынский прислал сказать, что русские люди уже в городе, чтоб царь помог им своим полком; Иоанн велел своему полку спешиться и идти на помощь. Татары оказывали отчаянное сопротивление; несколько часов русские не могли сделать ни шага вперед, наконец им удалось взобраться на крыши домов и оттуда бить неприятеля. Но в эту решительную минуту многие ратники, прельстившись добычей, перестали биться и бросились на грабеж; казанцы начали одолевать остальных. Воеводы дали знать об этом царю, тот послал новую помощь, которая и успела поправить дело. Русские пробились к мечети, и здесь загорелась самая жаркая битва, в которой погиб главный мулла. С другой стороны царь Едигер затворился в своем дворе и крепко оборонялся; наконец, видя невозможность дальнейшего сопротивления, ринулся в нижнюю часть города к воротам. По трупам своих, лежавшим наравне с стеною, татары взобрались на башню и закричали, что хотят вступить в переговоры; русские перестали биться, и татары начали говорить: «Пока стоял юрт и место главное, где престол царский был, до тех пор мы бились до смерти за царя и за юрт; теперь отдаем вам царя живого и здорового; ведите его к своему царю! А мы выйдем на широкое поле испить с вами последнюю чашу». Выдавши царя вместе с тремя приближенными к нему вельможами, татары бросились прямо со стены на берег Казанки, хотели пробиться прямо к реке, но, встреченные залпом 113 русских пушек, поворотили налево вниз, бросили доспехи, разулись и перебрали реку в числе 6000. Двое князей Курбских, Андрей и Роман, обскакали неприятеля, врезались в его ряды и были смяты; но троим другим воеводам – князьям Микулинскому, Глинскому и Шереметеву – удалось нанести казанцам окончательное поражение; только немногие успели убежать в лес, и то раненые. В Казани не осталось в живых ни одного из ее защитников, потому что

Иоанн велел побивать всех вооруженных, а брать в плен только женщин и детей.

С. Иванов. Царь. 1902 г.

Узнавши, что Казань в руках его войска, царь велел служить молебен под своим знаменем, собственными руками вместе с духовником водрузил крест и велел поставить церковь во имя нерукотворенного образа на том месте, где стояло царское знамя во время взятия города. После молебна князь Владимир Андреевич, все бояре и воеводы поздравляли государя, князь Владимир говорил: «Радуйся, царь православный, Божию благодатию победивший супостатов! Будь здоров на многие лета на Богом дарованном тебе царстве Казанском! Ты по Боге наш заступник от безбожных агарян; тобою теперь бедные христиане освобождаются навеки и нечестивое место освящается благодатию. И вперед у Бога милости просим, чтоб умножил лет живота твоего и дал бы тебе сыновей – наследников царству твоему, чтоб нам пожить в тишине и покое». Царь отвечал: «Бог это совершил твоим, князь Владимир Андреевич, попечением, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою; буди воля Господня!» Приехал и Шиг-Алей с поздравлением. Татарскому царю, поздравляющему с разрушением Татарского царства, Иоанн счел приличным отвечать оправданием этого разрушения. «Царь господин! – сказал он. – Тебе, брату нашему, ведомо: много я к ним посылал, чтоб захотели покою; тебе упорство их ведомо, каким злым ухищрением много лет лгали; теперь милосердый Бог праведный суд свой показал, отомстил им за кровь христианскую». Иоанн велел очистить от мертвых одну улицу от Муралеевых ворот к цареву двору и въехал в город; впереди ехали воеводы и дворяне, сзади князь Владимир Андреевич и Шиг-Алей. Царь был встречен русскими пленниками, освобожденными от неволи; увидавши государя, они пали на землю со слезами и кричали: «Избавитель наш! Из ада ты нас вывел; для нас, сирот своих, головы своей не пощадил!» Царь велел отвести их в свой стан и кормить, потом распорядиться отсылкою по домам. Въехавши в город, Иоанн велел воеводам гасить пожар; все сокровища, взятые в Казани, и пленников, женщин и детей, он отдал войску, а себе взял только царя Едигера, знамена царские и пушки городские. Побыв несколько времени на царевом дворе, возвратился назад в стан, где прежде всего пошел в церковь св. Сергия принести благодарную молитву чудотворцу; потом отправился к столу, утешив все войско благодарными словами и обещанием жаловать.

Казань была взята, но надобно было распорядиться насчет дикого, воинственного народонаселения, жившего в ее области: Иоанн разослал по всем улусам черным ясачным людям жалованные грамоты, писал, чтоб шли к нему без страха, он их пожалует, а они бы платили ему ясак, как и прежним казанским царям; арские люди и луговая черемиса прислали с челобитьем. 4 октября вся Казань была очищена от трупов; царь поехал в нее в другой раз, выбрал среди города место, водрузил на нем своими руками крест и заложил церковь во имя Благовещения Богородицы. На третий день, 6 октября, заложенная церковь Благовещения уже была готова и освящена. В тот же день царь назначил наместником в Казань большого боярина князя Александра Борисовича Горбатого и боярина князя Василия Семеновича Серебряного, оставил с ними дворян своих больших, много детей боярских, стрельцов и козаков; 11 октября Иоанн выступил в обратный путь. В Нижнем Новгороде царь встретил посланных с поздравлением от царицы, от князя Юрия Васильевича и от митрополита. Во Владимире ждала его новая радость; прискакал боярин Траханиот с вестью о рождении первого сына, Дмитрия. Из Владимира чрез Суздаль и Юрьев царь поехал в Троицкий монастырь, где прежний митрополит Иоасаф, игумен и братия встретили его с крестами; в селе Тайнинском он встречен был братом Юрием, под Москвою – кликами бесчисленного множества народа: «Многая лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю христианскому!» У Сретенского монастыря встречен был митрополитом с крестами; благословившись у митрополита, Иоанн говорил ему речь, которая оканчивалась так: «А тебе, отцу своему и богомольцу, и всему освященному собору вместе с князем Владимиром Андреевичем и со всем войском за ваши труды и молитвы, потому что вашими молитвами Бог соделал такие великие чудеса, много челом бьем». Митрополит отвечал также речью, в которой прославлял милость Божию и подвиги царя, сравнивал его с Константином Великим, Владимиром Святым, Дмитрием Донским, Александром Невским; по окончании речи митрополит и все духовенство пали также на землю пред царем, благодаря его за труды. Здесь, у Сретенского монастыря, Иоанн переделся: снял воинские доспехи и надел одежду царскую и пошел пешком в Успенский собор, а оттуда во дворец. 8, 9, 10 ноября были столы у царя для знатного духовенства и вельмож, и три дня раздавались дары митрополиту,

владыкам и награды воеводам и воинам, начиная с князя Владимира Андреевича до последнего сына боярского; кроме вотчин, поместий и кормлений роздано было деньгами, платьем, сосудами, доспехами, конями 48000 рублей.

Шапка царства Казанского. Художник-реставратор Ф. Солнцев

Награды соответствовали подвигу, соответствовали понятию, которое современники имели о нем. В конце XIV века русские одержали впервые победу над татарами, пришедшими напомнить им времена Батыя; русские решились защищаться от татар, отражать их нападения, но долго еще не решались вести с ними войны наступательной; и вот благодаря великодушным усилиям молодого государя Казань взята, присоединена окончательно к Московскому государству, завоевано Татарское царство. Надобно перенестись в XVI век, чтоб понять всю силу впечатления, какое производили на современников эти слова: завоевано Татарское царство! Только несколько лет назад молодой великий князь решился принять этот страшный титул царя, означавший до сих пор преимущество татарских ханов, верховных повелителей, перед которыми преклонялись наши князья. И вот царство Татарское завоевано, и завоевано с необыкновенными усилиями, которые соответствовали усилиям Северо-Восточной Руси для отражения Мамая в 1380 году; но следствия усилий были совершенно различны: следствием усилий Донского было только отражение страшного царя, следствием усилий Иоанна IV было завоевание царства. В тумане самой отдаленной древности представлялись первые князья русские, эти герои, завоевывавшие чуждые страны; давно миновались эти счастливые времена и заменились временами усобиц, несших розно Русскую землю. Недавно Русская земля начала опять собираться, но о приобретениях чуждых земель не думали, ибо на присоединение областей литовских смотрели как на возвращение своего. Завоевание Казанского царства было, следовательно, первым завоеванием, и, что всего важнее, завоеванием Татарского царства: после многих веков страдания и унижения явился наконец царь на Руси, который возвратил ей счастливое время первых князей-завоевателей; понятно отсюда, почему Иоанн IV стал так высоко над своими предшественниками, почему для русских людей XVII века это был самый величественный образ в русской истории, загораживающий собою все другие образы. Притом завоевание Татарского царства не было вовсе следствием личного славолубия молодого государя и не было следствием стремлений великих, но не для всех понятных; завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершался для защиты христианства от

бусурманства, для охранения русских областей, для освобождения пленников христианских. Наконец, впечатление усиливалось еще рассказами о необыкновенных трудностях подвига, ибо все прежние походы под города, поход новгородский, даже смоленский, не могли идти в сравнение с этим последним походом, казанским.

Трон царя Ивана IV Васильевича. XVI в.

В истории Восточной Европы взятие Казани, водружение креста на берегах ее рек имеет важное значение. Преобладание азиатских орд здесь было поколеблено в XIV веке и начало никнуть пред новым, европейским, христианским государством, образовавшимся в области Верхней Волги. Во второй половине XV века Золотая Орда рушилась, явились три царства татарских; из них Астраханское, образовавшееся в устьях Волги, было самое безопасное для христианских государств Восточной Европы; Крымское скоро обнаружило свой разбойничий характер в отношении к Руси и Польше, но широкая степь отдаляла Московское государство от Крыма. Ничто не отдаляло его от третьего царства – Казанского, основанного на Средней Волге и Нижней Каме, в том важном месте, где новая Северо-Восточная Русь необходимо должна была сталкиваться с Азией в своем естественном стремлении – вниз по Волге. Издавна Азия, и Азия магометанская, устроила здесь притон, притон не для кочевых орд, но для цивилизации своей; издавна утвердился здесь торговый и промышленный народ – болгары. Здесь впервые в Северо-Восточной Европе христианство столкнулось с бусурманством. Это столкновение было необходимо, как скоро новая Русь основалась в области Верхней Волги, как скоро славянская колонизация нашла себе путь вниз по этой реке. Первые князья новой, Северо-Восточной Руси – Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод III, Юрий II – ведут войны с болгарам и доводят границы своих владений до устья Оки в Волгу, где закрепляют их Нижним Новгородом. Болгарам трудно было бы защищать Азию и магометанство с этой стороны от напора Руси, но вот Азия высылает татар, и движение Руси на восток по течению Волги остановлено надолго. С ослаблением татарского владычества это движение снова начинается, но тут Азия, татары собирают последние силы и утверждают в опасном месте, основывается Казань. До тех пор пока существовала Казань, до тех пор дальнейшее движение русской колонизации на восток по Волге, наступательное движение Европы на Азию было невозможно. Страшное ожесточение, с каким татары защищали Казань заслуживает внимания историка: здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского.

Пала Казань, и вся Волга стала рекою Московского государства; завоевание Астрахани было скорым, неминуемым следствием завоевания Казани. Мы видели, что до сих пор колонизация русская брала северо-восточное направление: юго-восточная часть великой равнины не была ей доступна по причине господства здесь кочевых орд; но с падением Казани русские поселения получили возможность распространяться и на юго-восток, в богатые страны, орошаемые западными притоками Волги и восточными – Дона.

Около Казани сосредоточивались и укрепляли ее разные дикие народы, жившие в привольных для первобытного человека местах по обеим сторонам Волги, западной и восточной, горной и луговой: черемисы, мордва, чуваша, вотяки, башкиры. Мы видели, как народонаселение Горной стороны должны были подчиниться Москве вследствие основания Свияжска; мы видели также, что первым делом Иоанна по взятии Казани была посылка к этим народцам с приглашением вступить в подданство московское, войти к Москве в те же отношения, в каких находились они к Казани. Они согласились, и дело казалось конченным. Курбский пишет, что в Думе, созванной для рассуждения об устройстве новозавоеванной земли, некоторые бояре советовали царю остаться в Казани до весны со всем войском для окончательного искоренения бусурманского воинства, потому что кроме татар в земле Казанской обитали еще пять различных народов; но царь не принял этого совета, а принял совет шурьев своих и некоторых других вельмож, также священников и решился возвратиться в Москву. Оставшиеся же князья казанские, какие – неизвестно, соединившись с черемисами и другими народцами, подняли войну против русских. Летописец складывает вину на бояр, которым царь поручил промышлять казанским делом: по его словам, они заботились только о кормлениях, а казанское строение поотложили. Как бы то ни было, не прошло еще двух месяцев по возвращении царя в Москву, как 20 декабря воеводы васильсурские прислали весть, что луговые и горные люди побили на Волге гонцов, купцов и боярских людей, возвращавшихся с запасами из-под Казани. Царь послал приказание свияжскому наместнику, князю Петру Шуйскому, разыскать между горными людьми, кто из них разбойничал. Шуйский отправил для розыску воеводу Бориса Солтыкова; тот перехватал разбойников, числом 74 человека; одних повесили на месте, других – у Свияжска,

имение их отдали истцам. Казанский наместник, князь Горбатый, доносил, что он также перевешал 38 человек казанцев и вотяков, замышлявших было дурное дело, что ясак собирается успешно. В конце 1552 и в два первые месяца 1553 года насчет Казани, следовательно, могли быть спокойны в Москве; но 10 марта пришла дурная весть: князь Горбатый писал, что луговые люди изменили, ясаков не дали, сборщиков ясака убили, прошли на Арское поле и утвердились на высокой горе у засеки; воеводы послали на них козаков и стрельцов, те разошлись по разным дорогам и побиты были наголову; после чего мятежники поставили себе город на реке Меше, в 70 верстах от Казани. Через две недели пришла другая весть из Свияжска, еще хуже: мятежники, черемисы и вотяки, пришли войною на Горную сторону; князь Шуйский отпустил против них известного уже нам Бориса Солтыкова с детьми боярскими и горными людьми, но Солтыков потерпел поражение, был взят в плен. По этим вестям из Москвы отправился с детьми боярскими в Вятку Данила Федорович Адашев, родной брат Алексея; ему велено было искать изменников по рекам Каме и Вятке; сверху по Волге шли на помощь Адашеву козаки. Адашев все лето ходил по трем рекам – Каме, Вятке и Волге, на перевозах во многих местах бил казанцев и ногаев и переслал в Казань 240 человек пленных. В сентябре отправились из Москвы воеводы: князь Семен Микулинский, Петр Морозов, Иван Шереметев и князь Андрей Курбский; зимою 1554 года начали они военные действия, сожгли город на Меше, который построили мятежники, били их при всякой встрече, воевали четыре недели, страшно опустошили всю страну, следствием чего было то, что арские и бережные люди дали клятву быть неотступными от Казани и давать дань государю. Но летом взволновались луговые люди; воеводы попробовали послать против них двух казанских князей с арскими, бережными и горными людьми, чтоб испытать верность последних; опыт не удался: казанцы не пошли на изменников, соединились с ними, побили тех арских и горных людей, которые оставались верны. Против них отправился князь Иван Федорович Мстиславский; в две недели были опустошены 22 волости, мятежники, напавшие на сторожевой полк, были разбиты наголову. Толпы луговых явились на Арской стороне; но арские люди поделали остроги и отбили от них с помощью московских стрельцов, которые стрельбою из пищалей наносили много вреда нападавшим; также

остались верны и горные люди: они внезапно напали на Луговую сторону и повоевали ее; двое князей казанских, отправленные воеводами вместе с стрельцами и новокрещеными народами, поразили войско мятежников и привели в Казань пленными многих князей и мурз, которые были все казнены. Государь послал воеводам и верным татарам жалованье – золотые. Но если арские и побережные люди все были верны и заплатили ясак исправно, то луговые сотники – Мамич-Бердей с товарищами – не пошли в Казань и по-прежнему разбойничали по Волге, разбивая суда. Против них отправились князь Иван Мстиславский и боярин Данила Романович. В чем состояли их действия, мы не знаем; только весной 1556 года князь Петр Иванович Шуйский дал знать из Казани, что арские люди и побережные опять изменили, стоявших у них стрельцов побили и ссылаются с главным мятежником Мамич-Бердеем, который взял уже себе царевича от ногаев. К счастью, горные люди оставались по-прежнему верными и оказали важную услугу Москве, освободив ее от Мамич-Бердея; с 2000 человек подступил он к их острогу, опустошив окрестные места; горные люди завели с ним переговоры, обещались действовать заодно против царского войска и в знак союза позвали его к себе на пир; Мамич-Бердей пришел к ним с двумястами своих, но эта стража была перебита на пиру, Мамич-Бердей схвачен живой и отвезен в Москву. Государь пожаловал за это горных людей великим своим жалованьем и сбавил им ясака. Мамич-Бердей объявил в Москве, что он уже убил призванного им царя из ногаев, потому что от него не было никакой пользы.

Мятежники, лишившись ногайской помощи, потеряв Мамич-Бердея, должны были выдержать нападения боярина Петра Морозова; последний весной 1556 года с детьми боярскими, козаками, стрельцами, новокрещеными инородцами выступил к Чалымскому городку и сжег его, повоевавши и побивши многих людей, которые встретили его на реке Меше и потерпели совершенное поражение; после этого Морозов воевал десять дней, опустошил все арские места, побил многих людей, пленных вывел бесчисленное множество. Это было в мае; в июне Морозов вместе с воеводою Феодором Солтыковым выступил в новый поход, за 50 верст только не дошел до Вятки; ратники его брали в плен одних женщин и детей, мужчин всех побивали. Кроме того, князь Петр Шуйский из Казани отпускал еще

другие отряды, вследствие чего Арская и Побережная стороны опустошены были вконец; спасшиеся от меча и плена при шли в Казань и добились челом. Весною следующего года князь Петр Шуйский велел арским и побережным людям поставить на Каме город Лаишев, который должен был служить обороною против ногаев; в городе посажены были новокрещены и стрельцы, у которых головами были дети боярские. Но в то же самое время луговые люди продолжали волноваться: под начальством богатыря Ахметека они напали на Горную сторону, но были поражены князем Ковровым; другие толпы луговых, приходившие на арские места, были также побиты, а между тем из Казани, Свияжска и Чебоксар ежедневно выходили русские отряды опустошать Луговую сторону. Наконец в мае государь получил известие, что луговые прислали бить челом о своих винах; Иоанн послал в Казань и на Свиягу стряпчего Ярцева приводить луговых к присяге. Ярцев возвратился с известием, что вся Казанская земля успокоилась.

Таким образом, после взятия Казани нужно было еще пять лет опустошительной войны, чтоб усмирить все народы, от нее прежде зависевшие. В борьбе этих народов против Москвы, так же как и в последней борьбе самой Казани, принимают деятельное участие ногаи, с которыми до тех пор не было у Москвы явно враждебных столкновений. Послы и купцы ногайские часто приезжали в Москву, приводя с собою на продажу большие табуны лошадей, станы этих кочевников раскидывались под Симоновым на берегу и в других подгородных местах. Купцы ногайские при удобном случае не могли удержаться от хищных привычек, из людей торговых становились разбойниками. Надобно было поддерживать дружеские сношения с ногайскими князьями, посылать им подарки, чтоб они не мешались в дела казанские, не соединялись с Крымом. Потомки Едигея обыкновенно так писали к белому князю московскому: «Ты бы прислал нам те деньги, которые обещал; доведешь нам свою правду – и мы Казани не пособляем, а от Крыма бережем, потому что крымский хан – нам недруг. Деньги пришли, а не пришлешь, то правда на твоей шее. Большого моего посла ты сухо отпустил, а меньшому послу мало поминков дал; и если бы ты нам друг был, то ты так ли бы делал? Ты всякий год нам лжешь. Если назовешь нас себе друзьями, то пришли те куны, которые посулил. А казанский царь ежедневно присылает нас

звать, чтоб мы с ним Москву воевали». Иоанн приказывал отвечать на это: «В грамоте к нам писал ты многие непригожие слова, и за такими словами непригоже в дружбе быть. Если же вперед станешь к нам дружбу свою делать, то пришлешь к нам большого посла, а мы с ним пошлем к тебе своего боярина, и что у нас случится, то мы к тебе пошлем». Хотя за непригожие слова и не следовало быть в дружбе, однако вражда была опасна, и обещались подарки, если придет большой посол. За подарки ногаи готовы были писать Иоанну: «Я твой козак и твоих ворот человек; братству моему знамя то: захотят младшие мои братья или дети в вашу сторону войною идти, то я, если смогу их унять, уйму; если же не смогу их унять, то к тебе весть пошлю». Но мы видели, какое важное значение имела Казань для всей Средней Азии и для всего магометанского мира, который теперь благодаря турецкому оружию был не менее могуществен, как и во времена первых калифов. Еще при отце Иоанновом крымский хан обратил внимание султана на унижение, какому подвергается магометанский мир, оставляя Казань в зависимости от христианских государей Москвы; еще при отце Иоанновом посол турецкий объявлял в Москве, что Казань есть юрт султанов; в малолетство Иоанново крымский хан необходимым условием мира поставлял то, чтоб Москва отказалась от притязаний своих на Казань. Когда Иоанн, возмужав, показал ясно, что несколько не думает отказаться от этих притязаний, в Бакчисарае и Стамбуле не могли оставаться равнодушными: крымскому хану по причине отдаления нельзя было непосредственно помогать Казани; он мог только нападением на московские украины отвлекать царя от Казани, что он и попытался сделать. Султан так писал к ногайским князьям: «В наших бусурманских книгах пишется, что русского царя Ивана лета пришли, рука его над бусурманами высока. Уже и мне от него обиды великие: поле все и реки у меня поотнимал, Дон у меня отнял, в Азове поотнимал всю волю, козаки его с Азова оброк берут, воды из Дону пить не дадут. А крымскому царю также обиду делают великую: Перекоп воевали. Русские же козаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюют; как вы за это стоять не умеете? Казань теперь как воюют! А в Казани ведь наша же вера, бусурманская. И мы все, бусурманы, сговорились: станем от русского царя оборониться заодно». Ногаи исполнили султанову волю – посадили в Казани царем астраханского царевича Едигера; защищали ее сколько могли, боролись

с русскими и после ее падения. Но главною причиною слабости их при этой борьбе была постоянная усобица владетелей; усилится один из них и обнаружит враждебное расположение к Москве – Москва могла быть уверена, что найдет себе союзников и даже подданных в других князьях, враждебных ему родичах. В то время как один астраханский царевич Едигер бился с русскими насмерть в Казани, родственник его, также астраханский царевич, Шиг-Алей находился в русском стане, другой царевич, Куйбула, владел Юрьевом, изгнанный из Астрахани царь Дербыш-Алей жил в Звенигороде. Незадолго перед тем преемник Дербыша, астраханский царь Ямгурчей, присылал в Москву бить челом государю, чтоб пожаловал, велел ему себе служить и с юртом; когда же вследствие похода Иоаннова на Казань началось между магометанами движение для ее защиты, то Ямгурчею трудно было держаться в Астрахани в качестве союзника московского, и он обнаружил свою вражду к Иоанну тем, что ограбил его посла. Один ногайский князь, Юсуф, тесть Сафа-Гирея, не ладил с Москвою и благоприятно слушал предложения султана, ограбил в 1551 году московского посла, много делал ему доук и бесчестья, много слов говорил жестоких и хвастливых, но другой князь, Измаил, постоянно держался Москвы и говорил Юсуфу: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвою, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить». Этот Измаил еще до взятия Казани предлагал царю овладеть Астраханью, выгнать оттуда Ямгурчея и на его место посадить Дербыша; после взятия Казани предложение возобновилось. В октябре 1553 года пришли к Иоанну послы от ногаев, от мурзы Измаила и других мурз с челобитьем, чтоб царь и великий князь пожаловал их, оборонил от астраханского царя Ямгурчея, послал бы рать свою на него и посадил бы в Астрахани на его место царя Дербыша. Царь велел Адашеву расспросить хорошенько ногайских послов, чего они хотят, и уговориться, как действовать вместе с ними против Астрахани. Уговорились, что царь пошлет к Астрахани воевод Волгою на судах с пушками, а Измаил будет помогать им сухим путем или детей и племянников своих пришлет к Астрахани; если воеводы Астраханский юрт возьмут, то посадят здесь царем Дербыша. Измаил же после этого должен идти войною на брата своего, князя Юсуфа, который царю и великому князю не прямит, послов его бесчестит.

Предложение Измаила было как нельзя выгоднее для Москвы, которая получала возможность утвердить свою власть над Астраханью, всегда столь важною для русской торговли, и, кроме того, могла обессилить враждебных ногайских князей, столь опасных теперь для нее по союзу с казанскими мятежниками. Но любопытно, как в летописи выставлены причины, которые заставили Иоанна вооружиться против Астрахани: он вооружился, во-первых, за свою обиду, потому что Ямгурчей-царь присылал сначала послов бить челом, а потом изменил и царского посла ограбил. При этом вспомнил царь о своем древнем отечестве: когда святой Владимир делил волости детям своим, то эту, Астрахань, отдал сыну своему Мстиславу; здесь владели многие государи христианские, потомки святого Владимира, сродники царя Ивана Васильевича, а потом вследствие междоусобных браней русских государей перешла Астрахань в руки царей нечестивых ордынских. И умыслил царь и великий князь послать рать свою на Астрахань.

Битва русских с татарами. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

*Строительство Храма Василия Блаженного на Красной площади.
Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.*

Весною 1554 года, как прошел лед, 30000 русского войска под начальством князя Юрья Ивановича Пронского-Шемяки на поплыли Волгою под Астрахань; туда же отправились вятские служилые люди под начальством князя Александра Вяземского. 29 августа прискакал гонец от князя Пронского с вестию о взятии Астрахани. 29 июня, писал

Пронский, пришли они на Переволоку, что между Волгою и Доном, и отпустили наперед князя Александра Вяземского и Данилу Чулкова с детьми боярскими и козаками астраханских людей поискать и языков добыть. Князь Александр встретился с астраханцами выше Черного острова, напал на них и разбил наголову: ни один человек не спасся. Пленные сказали воеводам, что их послал Ямгурчей-царь проведовать про войско московское, а сам Ямгурчей стоит ниже Астрахани в пяти верстах, в городе людей мало, все люди сидят по островам. Пронский, оставя большие суда, пошел наспех к Астрахани, князя Вяземского отпустил на Ямгурчеев стан, а сам пошел к городу, куда прибыл 2 июля; высадившись в двух местах, русские двинулись на крепость и заняли ее без малейшего сопротивления, потому что защитники ее побежали при первом виде врага. То же самое случилось и с князем Вяземским, который, приблизившись к царскому стану, не нашел там никого: Ямгурчей ускакал к Азову, отпустивши жен и детей на судах к морю; царицы с царевичами и царевнами были перехвачены, но царя тщетно искали по всем углам и дорогам. 7 июля настигнуты были толпы астраханцев, спасавшихся бегством: часть их была побита, другие взяты в плен, причем освобождено было много русских невольников. Тогда остальные астраханцы прислали с челобитьем к воеводам, чтобы государь их пожаловал, побивать и разводять не велел, а велел бы служить себе и царю Дербыш-Алею. Воеводы согласились на их челобитье с условием, чтоб они выдали всех русских невольников, в какой бы Орде ни были куплены; новый царь Дербыш-Алей также их пожаловал, лучшим людям велел жить у себя в городе, а черных отпустил по улусам. Давши царю Дербыш-Алею город и наловивши ему подданных, Пронский обязал его клятвою давать московскому государю каждый год по 40000 алтын да по 3000 рыб; рыболовам русским царским ловить рыбу в Волге от Казани до Астрахани и до самого моря безданно и безъ явочно, астраханским же рыболовам ловить с ними вместе безобидно. Если умрет царь Дербыш-Алей, то астраханцы не должны тогда искать себе другого царя, а должны бить челом государю и его детям; кого им государь на Астрахань пожалует, тот и будет им люб. По утверждении этих условий шертною грамотою, воеводы отправились в Москву, отпустивши всех астраханских пленников, взяли с собою только цариц с детьми да русских невольников.

В феврале 1555 года пришла весть, что союзник московский, князь Измаил, убил брата своего, Юсуфа, и многих мурз, а детей Юсуфовых и племянников всех выгнал. Измаил писал Иоанну, что теперь вся Ногайская орда смотрит на него и на союзных ему мурз, а что они неотступны будут от царя и великого князя до смерти, просил, чтоб государь дал им вольный торг в Москве, Казани и Астрахани. Измаил просил государя послать стрельцов и козаков на Волгу по перевозам для оберегания на случай прихода Юсуфовых детей; просьба была немедленно исполнена: стрелецкий голова Кафтырев и козачий атаман Павлов отправились на Волгу. Победитель Измаил должен был хлопотать о русской помощи, ибо при степной войне он не мог быть покоен ни одного дня, пока был жив хотя один из сыновей убитого Юсуфа. Положение Дербыша было также незавидное: в постоянном ожидании нападений от Ямгурчея, во вражде с крымским ханом, что еще важнее, во вражде с главою исламизма – султаном турецким, с тяжелым значением данника московского, посаженного на царство вопреки желанию астраханцев. Вот почему он бросился на сторону Крыма и сыновей Юсуфовых, как только те дали обещание избавить его от Ямгурчея. В апреле 1555 года он дал знать в Москву, что приходил к Астрахани царь Ямгурчей с сыновьями Юсуфа, крымцами и янычарами и приступал к городу, но что он, Дербыш, с астраханцами и русские козаки, оставленные Пронским, отразили неприятелей. Здесь хан утаил самое важное. В мае оставленный в Астрахани начальник русского отряда Тургенева дал знать также о приходе Ямгурчея и сыновей Юсуфовых, но при этом извещал, что Дербыш вошел в переговоры с последними, которые побили Ямгурчея с братьею, а Дербыш за это перевез их на другую сторону Волги и таким образом дал им возможность действовать против Измаила; они напали врасплох на дядю и выгнали его. Сам Тургенева встретился с Кафтыревым на Волге и сказал, что Дербыш отпустил его из Астрахани, но послов своих к государю не отправил и ссылается с крымским ханом; Кафтырев воротил Тургенева и с ним вместе поплыл в Астрахань со всеми стрельцами и козаками. Приехавши в Астрахань, Кафтырев нашел город пустым: все астраханцы разбежались, испуганные слухом, что московский царь послал на них свою рать и велел всех их побить. Кафтырев повестил Дербышу и всем астраханцам, что царь и великий князь вовсе не хочет воевать их, а, напротив, отправляет к ним посла

своего Мансурова с милостями. По этой повестке Дербыш и астраханцы возвратились в город. Тогда же была получена весть, что Измаил, собравшись с людьми, опять выгнал племянников и владеет всеми ногаями. Осенью сам Измаил прислал послов с жалобой на Дербыша, что тот царю и великому князю не прямит, им, ногаям, наделал много дурного, чтоб государь их от Дербыша оборонил, взял бы и Астрахань в свое полное владение, как Казань. За себя Измаил и все мурзы прислали шертную грамоту, в которой клялись: куда их царь и великий князь пошлет – всюду ходить и на всех недругов быть заодно. Измаил вздумал было писать себя отцом царю московскому и требовать, чтоб ему платили ежегодно с Казани двадцать сот рублей. Иоанн отвечал ему: «Мы для тебя велели свое астраханское дело делать накрепко. И если астраханское дело сделается и понадобится тебе самому или женам и детям твоим жить в Астрахани, то мы велели держать вас здесь с немногими людьми, как можно вас прокормить, и беречь вас велели от ваших недругов. А если астраханское дело не сделается, то вам и в Казань приезд и отъезд вольный с немногими людьми, с пятидесятью или шестидесятью, как бы можно было их в Казани прокормить. А что писал ты к нам в своих грамотах многие слова невежливые, и мы на тебя погневались, потому что тебе наше государство и прежние дела ведомы, как прежние князья ногайские и мурзы к отцу нашему и к нам писали. И ты б вперед бездельных слов не писал». Измаил после этого уже не писался отцом Иоанну, а писал: «Всего христианства государю, белому царю много-много поклон»; просьбы были прежние: «Пришли мне трех птиц, кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да красок много, да бумаги много, да 500000 гвоздей». В марте 1556 года Измаил опять дал знать в Москву, что Дербыш изменил: окончательно: соединился с крымским ханом и Юсуфовыми детьми и московского посла Мансурова выбил из Астрахани, что он, Измаил, пошел уже под Астрахань, чтоб и государь посылал туда же рать свою. В то же самое время пришла из Казани весть о восстании Мамич-Бердея и о приходе к нему царевича от ногаев. Через несколько дней пришла весть и от самого Мансурова: посол извещал, что Дербыш изменил побил князей, которые служили прямо царю и великому князю, к нему, Мансурову, приступал три дня со всеми людьми, но он отбил от астраханцев в Малом городе у Волги, пошел на судах вверх по реке и теперь у козаков на Переволоке;

из 500 человек народу у него осталось только 308. Государь немедленно в том же месяце отправил к Измаилу 50 козаков с пищалями и писал к нему, что отпускает рать свою Волгою на Астрахань, а полем послал для него, Измаила, и для астраханского дела 500 козаков с атаманом Ляпуном Филимоновым.

Волгою отправились под Астрахань стрельцы с своими головами Черемисиновым и Тетериным, козаки с атаманом Колупаевым и вятчане с главным головою Писемским. Атаман Ляпун Филимонов предупредил их, напал на Дербыша, побил у него много людей, много взял в плен и стал дожидаться Черемисинова с товарищами. Языки сказывали, что крымский хан прислал в Астрахань 700 татар и 300 янычар с пушками и пищалями. В сентябре донесение от Черемисинова: приехал он в Астрахань, а город пуст: царь и люди выбежали, разогнанные атаманом Ляпуном; головы сели в Астрахани, город укрепили и пошли к морю, нашли суда все астраханские, посекали их и пожгли, а людей не нашли: люди скрылись далеко на берегу. Пошли в другой раз Писемский и Тетерин, нашли царя от берега верст с 20, напали на него ночью и побили многих людей; наутро собрался царь Дербыш с мурзами ногайскими и крымскими и со всеми астраханцами; русские пошли назад. Дербыш преследовал их и бился, идучи весь день до Волги. После этого Дербыш начал пересылаться с Черемисиновым, бил челом, что изменил государю неволею, чтоб государь ему милость показал; вместе со всеми астраханцами поклялся, что поедут в город и будут служить государю. Головы в ожидании прихода астраханцев укрепились в городе, чтобы можно было сидеть бесстрашно, по Волге козаков и стрельцов расставили, отняли всю волю у ногаев, у астраханцев отняли все рыбные ловли и перевозки. Дербыш не приходил в город по обещанию, клятве своей изменил, отводил его от государя крымский воевода, присланный от Девлет-Гирея, да Юсуфовы дети. Но последние недолго оставались на крымской стороне: началась опять резня между ногаями, три дня бились друг с другом два рода – Юсуфовы дети с Шиг-Мамаевыми детьми, и следствием было то, что Юсуфовы дети помирились с дядею Измаилом, убийцею отца их, и прислали бить челом к русским головам, что хотят служить государю, как служит ему дядя их Измаил. Головы приняли их челобитье, дали им суда, на чем ехать к Измаилу и на чем кормиться на Волге. Вследствие такого переворота в степной политике

судьба Астрахани решилась так, что московскому стрельцу, сидевшему в астраханском кремле, не нужно было заряжать своей пищали: Юсуфовы дети бросились на старого союзника своего Дербыша и прогнали его, отняли крымские пушки и прислали их к Черемисинову в Астрахань; Дербыш побежал к Азову и не возвращался более; черные люди астраханцы начали после этого приходить к головам, присягать и бить челом, чтоб государь пожаловал, велел жить по-старому у Астрахани и дань давать, казнить бы их не велел.

Знатные московиты. Гравюра из «Записок о Московии» С. Герберштейна. XVI в.

Так устья Волги окончательно закрепились за Москвою. Из астраханского кремля московский стрелецкий голова легко наблюдал за ногаями, которые просили только позволения кочевать безопасно под Астраханью, ловить рыбу на Волге и торговать беспрепятственно. Государь велел козацкому атаману Ляпуну Филимонову утвердиться на Волге у переволоки, а сотскому Кобелеву – на реке Иргызе для оберегания ногаев от русских и крымских козаков, также для перевозки послов. Усобицы, не перестававшие между кочевниками, ручались и за будущую безопасность этих застепных русских владений: сыновья Юсуфа недолго нажили в мире с дядею Измаилом; осенью 1557 года они согнали его с княжения, но это событие не повело ни к какой перемене в отношениях ногаев к русскому правительству: старший из Юсуфовых детей, ставши князем, поклялся в верности государю и объявил: укрепится он на княжении – будет служить царю и великому князю; сгонят ли его – все же он государев холоп, и другой надежды у него нет ни на кого; а за то бы государь на него не сердился, что он разбрался с Измаилом: у них прошла кровь, Измаил отца у них убил.

Причина, почему ногаи так боялись Москвы, известна; в стане у сыновей Юсуфовых говорили: «Если государь царь даст Измаилу пищальников, то ногаи все пропали; государь взял всю Волгу до самого моря, скоро возьмет и Сарайчик, возьмет весь Яик, Шамаху, Дербент, и нам всем быть от него взятым. Наши книги говорят, что все бусурманские государи русскому государю поработают». Русские посланцы доносили: «Ногаи изводятся; людей у них мало добрых, и те голодны необычно и пеши; не верят друг другу и родные братья; земля их пропала, друг друга грабят». Измаил опять осилил племянников, но старший из них, Юнус, отъехал на службу в Москву; русский посол доносил: «Ногаи все пропали, немного их с Измаилом осталось, да и те в розни: Измаил сильно боится Юнуса, потому что все улусные люди Юнуса очень любят и желают видеть его на юрте, а, кроме Юнуса, юрта держать некому. Измаил не юртный человек, да и стар уже; улусы у него мнутся, грозят ему, хотят в Крым бежать». В 1562 году Измаил писал царю: «Прежде братство и дружба твоя к нам была; прежде ты нам говорил, что если возьмешь Казань, то нам ее отдашь; ты Казань взял, а нам ее не отдал. Потом Астрахань взял, хотел и ее также нам отдать и не отдал. Волга пала в море 66-ю устьями, и этими реками

всеми ты владеешь: бью челом, дай мне одну из них, Бузан! Станут говорить: у друга своего, белого царя, одной реки не мог выпросить! И твоему и моему имени добрая ли то слава? Твоим жалованьем держу у себя слуг своих. Голодны мы и в нужде большой, неоткуда нам деньгу взять: пожаловал бы ты, прислал 400 рублей». Царь отвечал: «Того слова не бывало, что будто мы хотели тебе Астрахань отдать. А о Бузанае мы сыскивали и нашли, что исстари по Бузан был рубеж астраханский; и ты б велел людям своим кочевать по своей стороне Бузана, а за Бузан не переходить». Измаил просил, чтоб царь вывел из Астрахани враждебных ему князей; Иоанн отвечал: «Этих князей скоро нам вывести нельзя потому: как взяли мы Астрахань, то астраханским князьям свое жалованное слово молвили, чтоб они от нас разводу и убийства не боялись. Так чтоб в других землях не стали говорить: вера вере недруг и для того христианский государь мусульман изводит. А у нас в книгах христианских писано: не велено силою приводить к нашей вере. Бог судит в будущем веке, кто верует право или неправо, а людям того судить не дано».

Утверждение в устьях Волги открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье: князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев и потому, как скоро увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые – с предложением подданства. Тотчас после падения Казани, в ноябре 1552 года, приехали в Москву двое черкасских князей с просьбою, чтоб государь вступился за них и взял их себе в холопы. В августе 1555 года приехали в Москву князья черкасские жаженские Сибок с братом Ацымгуком да Тутарык, в сопровождении 150 человек. Били они челом от всей земли Черкасской, чтоб государь дал им помощь на турецкого и крымского царей, а они холопы царя и великого князя с женами и детьми вовеки. Государь пожаловал их своим великим жалованьем, насчет же турецкого царя велел им отомолвить, что турецкий султан в миру с царем и великим князем, а от крымского государя хочет их беречь. Князь Сибок просил, чтоб государь велел окрестить сына его, а Тутарык просил, чтоб окрестили его самого. Летом 1557 года приезжали в Москву другие черкасские князья. Тогда же двое князей черкасских кабардинских, Темрюк и Тизрют, прислали бить челом, чтоб государь велел им себе служить и велел бы астраханским воеводам дать им помощь на

шамхала Тарковского. С другой стороны, из владений шамхала и князя тюменского (с берегов Терека) пришли послы с челобитьем, чтоб государь велел им быть в своем имени, приказал бы астраханским воеводам беречь их со всех сторон, а торговым людям дал бы дорогу чистую: что государь велит себе прислать, то будут присылать каждый год. Черкасские князья просили помощи на шамхала, шамхал просил помощи на черкасских князей; тюменский мурза просил помощи на дядю своего, тюменского князя: посадил бы государь его на Тюмене, а он холоп государев; подданные шамхала просили, чтоб государь дал им другого владельца, а они всю землю холопи государевы; ханы хивинский и бухарский присылали с великим челобитьем, чтоб государь дал дорогу купцам их в Астрахань.

Легко понять, как смотрели на все это в Крыму. Попытка отвлечь Иоанна от Казани нападением на московские уkraine не удалась; деятельно помогать Казани и Астрахани, сильными полками вести оборонительную войну без надежды на грабеж не нравилось разбойникам. По возвращении Иоанна из-под Казани Девлет-Гирей завел опять пересылку с Москвою, осенью 1553 года прислал даже шертную грамоту, написанную точно так, как требовал царь, только без царского титула. По-прежнему хан жаловался, что Иоанн присылает ему мало поминков, а если пришлет больше, то он и помирится крепче. Иоанн велел отвечать, что дружбы подарками не покупает, и, чтоб мир с ханом был крепче, велел строить город Дедилов в степи против Тулы. Летом 1555 года, поднявши Дербыш-Алея в Астрахани против русских, Девлет-Гирей вздумал опять попытаться напасть врасплох на московские уkraine. По обычаю – в одну сторону лук натянуть, а в другую стрелять – хан распустил слух, что идет на черкасов. Обязавшись защищать этих новых подданных, Иоанн первый из московских государей решился предпринять наступательное движение на Крым и отправил боярина Ивана Васильевича Шереметева с 13000 войска к Перекопи в Мамаевы луга промыслить там над стадами крымскими и отвлечь хана от черкас. Шереметев двинулся, но на дороге получил весть, что хан вместо черкас идет с 60000 войска к рязанским или тульским уkraine. Шереметев дал знать об этом в Москву, и царь, отправив тотчас же воевод, князя Ивана Федоровича Мстиславского с товарищами, в поход, сам выступил за ними на третий день с князем Владимиром Андреевичем в Коломну. Здесь дали ему

знать, что хан идет к Туле; Иоанн двинулся туда же; хан, узнавши, что сам царь идет к нему навстречу, поворотил назад. Между тем Шереметев шел за ханом с намерением хватать малочисленные татарские отряды, когда они рассеяты для грабежа по украине, и прежде всего отправил треть своего войска на крымский обоз, который с половиною лошадей татары обыкновенно оставляли назади, в расстоянии пяти или шести дней пути от главного войска. Русские взяли обоз, при котором нашли 60000 лошадей, 200 аргамаков, 80 верблюдов, и прислали Шереметеву 20 языков, которые сказали ему, что хан идет к Туле; Шереметев продолжал идти за ним следом, но в это время хан уже узнал о царском походе и возвратился назад. В 150 верстах от Тулы, на Судбищах, встретился он с отрядом Шереметева, который, несмотря на малочисленность своего войска, ослабленного уходом трети ратных людей на крымский обоз и еще не возвратившихся, вступил в битву, бился с полудня до ночи, потоптал передовой полк, правую и левую руку, взял знамя князей Ширинских. Но татары не ушли; Шереметев послал гонцов к тому отряду, который ходил на обоз, чтобы спешил к нему на помощь, но из этого отряда прискакали к утру только немногие, остальные с добычею отправились в ближайшие русские города, кто в Рязань, кто в Мценск. Между тем хан ночью пытал двоих русских пленников: хотелось ему дознаться о числе войска, так храбро бившегося с ним днем; один из пленников не вытерпел мук и рассказал, что у Шереметева людей мало и тех целая треть отпущена на татарский обоз. Ободренный этим известием, хан на рассвете возобновил битву; бились до полудня; сначала и тут русские успели разогнать крымцев и около хана оставались только янычары, но воевода Шереметев был тяжело ранен и сбит раненым конем; русские замешались без воеводы и потерпели сильное поражение, только двум воеводам, Басманову и Сидорову, удалось собрать около себя тысяч с пять или шесть ратных людей и засесть в лесном овраге; три раза приступал к ним хан со всем войском и всякий раз без успеха; наступил вечер; хан, боясь приближения русского войска, оставил Басманова и Сидорова в покое и поспешил переправиться за Сосну; русские потеряли в Судбищенской битве 320 детей боярских и 34 стрельца. Царь переправился уже чрез Оку и приближался к Туле, когда ему дали знать, что Шереметев поражен и хан идет к Туле; мнения разделились между воеводами: одни говорили, что надобно идти назад, за Оку, и

оттуда к Москве, другие говорили, что не должно обращать тыла перед врагом и помрачить прежнюю славу. Царь принял последнее мнение и продолжал поход к Туле, но, пришедши туда, узнал, что хан спешит в Крым, делает по 70 верст в день и догнать его нельзя, потому что между ним и царем уже четыре дня пути. Простоявши в Туле два дня, дождавшись сбора всех своих ратных людей, Иоанн возвратился в Москву.

Московит в воинском одеянии и татарин в своем туземном вооружении. Гравюра из «Записок о Московии» С. Герберштейна.

XVI в.

В марте следующего, 1556 года ему дали знать, что хан опять собирается со всеми людьми, хочет быть рано весною на московскую украйну. Царь послал дьяка Ржевского с козаками из Путивля на Днепр, велел ему идти Днепром под крымские улусы, добывать языков, проведовать про царя. Ржевский пришел на реку Псел, построил здесь суда, выплыл в Днепр и пошел по наказу; в то же время вниз по Дону отправился другой отряд для наблюдений. В мае выбежал пленник из Крыма и принес весть, что хан вышел и велел брать запасов на все лето. Тогда царь приговорил с братьями и боярами идти в Серпухов, здесь собраться с людьми и идти на Тулу, из Тулы выйти на поле, дожидаться хана и делать с ним прямое дело. В Серпухов пришел к царю гонец от Чулкова, начальника того отряда, который плыл Доном для вестей; Чулков писал, что встретил близ Азова 200 человек крымцев, побил их наголову и узнал от пленных, что хан в самом деле собрался на московские украйны, но получил весть, что царь готов его встретить, и пошел было на черкас, как прислали к нему на Миус весть из Крыма, что много русских людей показалось на Днепре у Ислам-Керменя, и хан поспешил возвратиться. Эти русские люди были ратники Ржевского, к которому пристали на Днепре 300 козаков малороссийских из Канева. Получив эти подкрепления, Ржевский пошел под Ислам-Кермень; люди выбежали отсюда, слышав о приходе небывалых гостей, и русским удалось только отогнать лошадей и скот; от Ислам-Керменя Ржевский поплыл дальше к Очакову, здесь взял острог, побил турок и татар и поплыл назад; турки преследовали его; он засел в засаду в тростнике у Днепра, побил у неприятеля из пищалей много людей, а сам отошел благополучно. У Ислам-Керменя встретил старшего крымского царевича со всем Крымом, с князьями и мурзами, стал против него на острове, перестреливался из пищалей шесть дней, ночью отогнал у татар конские стада, потом переправился на западную, литовскую сторону Днепра и разошелся с крымцами благополучно. Ржевский прислал сказать государю, что хан уже больше не пойдет к московским украйнам и потому, что боится царского войска, и потому, что в Крыму моровое поветрие.

Поход Ржевского произвел сильное движение в литовской украйне между козаками малороссийскими; неслыханное дело: московские

люди явились на Днепре и ходили вниз, искали татар и турок в их собственных владениях! Мы видели, что 300 малороссийских козаков не утерпели, чтоб не проводить московского дьяка в его прогулке на бусурманов. Когда прогулка удалась, не утерпел начальник всей украины, староста каневский, князь Дмитрий Вишневецкий, истый козак по природе, достойный преемник Евстафия Дашковича. В сентябре 1556 года в Москву явился один из атаманов, провожавших Ржевского под Очаков, и привез царю челобитье от Вишневецкого, чтоб государь пожаловал, велел себе служить, а что он, князь Дмитрий Иванович, от короля из Литвы отъехал и на Днепре, на Хортицком острове, город поставил против Конских вод, у крымских кочевий. Царь послал к нему двоих детей боярских с опасною грамотою и с жалованьем. Вишневецкий отвечал с ними, что он, холоп государев, дал клятву приехать в Москву, но прежде обещал идти воевать крымские улусы и Ислам-Кермень, чтоб показать свою службу царю и великому князю. Об этой службе узнал царь в декабре прямо из Крыма: приехал гонец от Девлет-Гирея с известием, что хан отпускает на окуп всех пленников, взятых им на бою с Шереметевым; в грамоте хан писал, что уже всю безлепицу оставляет и хочет крепкого мира. Посол московский Загрязский, живший, по обычаю, все это время в Крыму, писал, что хан провел все лето в тревоге, ожидая царского прихода в Крым, посылал к султану, чтоб тот спас его от беды; что первого октября Вишневецкий взял Ислам-Кермень, людей побил, пушки вывез на Днепр в свой Хортицкий город; с другой стороны пятигорские черкесы, двое князей, бывших в Москве, взяли два города – Темрюк и Тамань; что хан хочет мириться и отправляет больших послов. Царь отвечал, что если хан хочет быть с ним в крепкой дружбе, то пусть поклянется в ней перед Загрязским и пришлет в Москву добрых послов. Но хану прежде всего хотелось выгнать Вишневецкого с Хортицкого острова: весною 1557 года он приходил туда со всеми своими людьми, приступал к городку, но принужден был отступить. Вишневецкий, извещая об этом царя, писал, что, пока он будет на Хортице, крымцам ходить войною никуда нельзя. Осенью того же года пришла от него в Москву иная весть: он писал, что, услышав о приближении войска крымского, турецкого и волошского к его городку, он покинул его по недостатку съестных припасов, отчего козаки его разошлись; что теперь он в прежних своих городах, Черкасах и Каневе, и ждет царских приказаний. Иоанн велел

ему сдать Черкасы и Канев королю, потому что он с ним в перемирие, а самому ехать в Москву; здесь Вишневецкий получил в отчину Белев со всеми волостями и селами да в других областях несколько сел.

Хан ободрился уходом Вишневецкого с Хортицкого острова и писал к царю, что если он будет присылать ему поминки большие и ту дань, какую литовский король дает, то правда в правду и дружба будет; если же царь этого не захочет, то пусть разменяется послами. Иоанн отвечал, что ханские требования к дружбе не ведут, и в начале 1558 года отправил князя Вишневецкого на Днепр с пятитысячным отрядом, приказавши черкесам помогать ему с другой стороны. Хан боялся Иоанна, хотел помириться с ним, но ему хотелось выторговать что-нибудь; зная, что даром ничего теперь не получит из Москвы, он решился опустошать Литву, чтоб и покормить свою орду, и вместе получить награду из Москвы. Посол Загрязский возвратился в Москву с известием, что Девлет-Гирей присягнул царю в дружбе и братстве и сына своего отпустил на Литву; но выговаривал, чтоб царь прислал ему казну, какая посылалась к Магмет-Гирею, а потом, когда хан повоюет короля, то царю присылать в Крым такую же дань, какую король дает. Но и это предложение в Москве не было принято: царь приговорил, что хан поминки берет и клятву дает, но всегда изменяет, и потому нового посла в Крым не отправил, а послал гонца с грамотою, в которой писал, что захочет хан добра, то безлепицу и большие запросы оставил бы. В мае пришло известие от Вишневецкого, что он ходил к Перекопи, но не встретил ни одного татарина на Днепре; улусов также не застал, потому что король дал знать хану о приближении русских и хан забил все улусы за Перекоп, а сам сел в осаде. Вишневецкий хотел провести лето в Ислам-Кермени, но государь велел ему быть в Москву, а на Днепре оставить небольшие отряды детей боярских, стрельцов и козаков... Лето и осень прошли, хан не явился: он ждал удобного времени. Зимой в конце 1558 года какие-то татары дали ему знать из Москвы, что царь со всеми своими силами отправился в Ливонию. Девлет-Гирею так хотелось отомстить Иоанну за Ржевского, Вишневецкого и особенно за то, что давно уже не получал поминков из Москвы, что он решился даже на зимний поход, лишь бы воспользоваться случаем и напасть врасплох на беззащитные украинны. Собравши тысяч до ста войска, хан отпустил его тремя отрядами – на Рязань, Тулу и Каширу; но на реке Мече царевич Магмет-Гирей,

предводительствовавший главным отрядом, узнал, что Иоанн в Москве, спросил, где князь Вишневецкий и боярин Иван Шереметев, два человека, более других знакомые и страшные крымцам, и, узнав, что первый в Белёве, а другой в Рязани, поворотил назад и благодаря зиме переморил лошадей и людей. Это нашествие зимою показывало, однако, что хан готов на самые решительные меры, чтоб только повредить Москве, и потому государь принял с своей стороны меры на 1559 год. В начале года отправлены были князь Вишневецкий с 5000 на Дон и окольный Данила Адашев с 8000 в городок на Псёле, чтоб оттуда выплыть на Днепр и промыслять над Крымом. Весною Вишневецкий близ Азова разбил 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область; Адашев сделал больше: выплывши на лодках в устье Днепра, взял два турецких корабля, высадился в Крыму, опустошил улусы, освободил русских пленников, московских и литовских. На татар, застигнутых врасплох, напал ужас, так что они не скоро могли опомниться и собраться вокруг хана, который потому и не успел напасть на Адашева в Крыму, преследовал его вверх по Днепру, но не решился на него напасть и ушел назад. В Москве все лето ждали хана, делали приготовления к его приему: царь распоряжал полки, намереваясь сам выступить в поле при первой вести; но хан не приходил, приходили только раза два небольшие отряды крымцев воевать украины. Крымцам доставалось больше: с одной стороны козаки малороссийские (черкасы) и донские громили их улусы, с другой – ходили на них ногаи и астраханцы; в самом Крыму свирепствовал голод. Хан прислал с мирными предложениями, с жалобами на нападение со всех сторон; царь отвечал ему, чтоб он оставил безлепицы; когда будут добрые дела между ними, тогда никто не будет нападать на Крым.

Изведенная при наступательном движении на Крым слабость его жителей, храбрых только при грабеже беззащитных сельчан и между тем постоянно опасных государству своими внезапными нападениями, побуждала приближенных к Иоанну людей советовать ему покончить и с Крымом точно так же, как он покончил с Казанью и Астраханью. Иоанн не принял их советов, и, конечно, история должна в этом случае вполне оправдать его. Походы под Казань были легки, потому что населенные области ее соприкасались с населенными областями Московского государства; даже большие пустынные или редко

населенные пространства представляли в лесах и реках своих обильную пищу для многочисленного войска; кроме того, реки Москва, Ока и Волга представляли другой удобнейший путь. Но Крым от московских украин отделен был обширною степью, начинавшеюся под Тулою и Пронском. Легко было ничтожным отрядам Ржевского, Вишневецкого, Адашева староваряжским или новокозацким обычаем спускаться на легких лодках вниз по Днепру, но не могло идти таким путем громадное ополчение, нужное для завоевания Крыма. Но если бы даже завоевание Крыма и было возможно в половине XVI века, то возможно ли было его сохранение? Сколько нужно было усилий, чтоб подчинить окончательно племена, обитавшие подле Казани, какую истребительную войну нужно было вести для этого? Новые восстания привели в отчаяние некоторых вельмож, так что они советовали бросить навсегда эту несчастную страну; мы поймем это отчаяние, когда вспомним, что постоянного войска не было или если было, то в зародыше. Казанские народцы были предоставлены самим себе в восстаниях против Москвы: ногаи не могли доставить им сильной помощи, крымцы – еще менее. Но крымского хана в походах его на московские украин провожали янычары турецкие; следовательно, деятельная, наступательная война с Крымом влекла необходимо к войне с Турциею. Иоанн видел невозможность этого: Адашев, взявши в плен несколько турок во время своего нападения на Крым, отослал их к очаковским пашам, велел сказать им, что царь воюет с врагом своим Девлет-Гиреем, а не с султаном, с которым хочет быть в вечной дружбе.

И. Болт. Густав I Ваза, король шведский. 1801 г.

Московское государство могло с успехом вступить в окончательную борьбу с магометанским Востоком, с Турцией не прежде, как по прошествии двухсот лет, когда уже оно явилось Российской империей и обладало всеми средствами европейского государства. Теперь, следовательно, в XVI веке, внимание правительства его должно было обращаться главным образом на приобретение этих средств, должно было для этого обращаться к

Западу, где могло найти их; и вот Иоанн, как скоро успокоил свои восточные границы взятием Казани, обращает внимание на Запад. Здесь сначала занимала его война с Швециею, начавшаяся в 1554 году вследствие пограничных ссор; ссоры эти могли бы уладиться и мирными средствами, но шведского короля раздражал обычай московского двора, который не хотел непосредственно сношаться с ним, а предоставлял эти сношения новгородским наместникам, что король считал для себя унижением. Шведы безуспешно осаждали Орешек, русские – Выборг, но окрестности последнего были страшно опустошены; Густав Ваза начал войну, обнадеженный в помощи польской и ливонской, но помощь эта не приходила, и престарелый король принужден был искать мира в Москве и заключить его, как угодно было царю. Королевская грамота к Иоанну начиналась так: «Мы, Густав, Божию милостию свейский, готский и вендский король, челом бью твоему велеможнейшеству князю, государю Ивану Васильевичу, о твоей милости. Великий князь и царь всея Русския земли!» Иоанн отвечал: «Мы для королевского челобитья разлитие крови христианской велим унять. Если король свои гордостные мысли оставит и за свое крестопреступление и за все свои неправды станет нам бить челом покорно своими большими послами, то мы челобитье его примем и велим наместникам своим новгородским подкрепить с ним перемирие по старым грамотам, также и рубежи велим очистить по старым перемирным грамотам; мы не захотим нигде взять его земли через старые рубежи, потому что по своей государской справедливости мы довольны своими землями, которые нам Бог дал из старины. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему с нашими наместниками новгородскими не ссылатся, то он бы к нам и послов не отправлял, потому что старые обычаи порушиться не могут. Если сам король не знает, то купцов своих пусть спросит: новгородские пригородки Псков, Устюг, чай, знают, скольким каждый из них больше Стекольны?». Большие послы приехали и опять начали просить о непосредственных сношениях между государями; говорили: «Наместники новгородские – люди великие, но холоп государю не брат». Им отвечали: «Наместники новгородские – люди великие: князь Федор Даирович – внук казанского царя Ибрагима; князь Михайло Кисло и князь Борис Горбатый – суздальские князья от корня государей русских; князь Булгаков – литовскому королю брат в четвертом колене;

князь Михайла Васильевич Глинский – деда его, князя Михаила Львовича, в немецких землях знали многие; Плещеев – известный государский боярин родов за тридцать и больше. А про вашего государя в рассуд вам скажем, а не в укор, какого он рода и как животиною торговал и в Шведскую землю пришел: это делалось недавно, всем ведомо». Послы отвечали боярам: «Пожалуйста, не кручиньтесь: мы эти слова припомянули на разговор, а не в спор; от государя нашего нам приказано делать по желанию вашего государя». Определено было, что шведы своих пленных выкупят, а русских возвратят безденежно; король будет сношаться с новгородскими наместниками; границы останутся по старине. В утвержденной грамоте постановлено было о взаимной свободной торговле между обоими государствами и о свободном проезде через них в другие земли. Это условие царь велел внести потому, что «гости и купцы отчин великого государя из многих городов говорят, чтоб им в торговых делах была воля, которые захотят торговать в Шведской земле, и те б торговали в Шведской земле, а которые захотят идти из Шведской земли в Любок и в Антроп, в Испанскую землю, Англию, Францию – тем была бы воля и береженье, и корабли были бы им готовы».

Так высказывалось стремление начать деятельные торговые связи с Западного Европою; но эти связи должны были зависеть от произвола соседних приморских государств, обыкновенно враждебных: своих гаваней на Балтийском море не было. Эта замкнутость была тем более нестерпима, что чувствовалась сильная потребность в усвоении плодов европейской гражданственности, а людей, могущих принести в Москву эти плоды, ученых и художников, не пропускали враждебные соседи, справедливо опасавшиеся, что страшное материальными силами государство Московское будет непобедимо, если приобретет еще науку, могущество духовное. Более других могущества Москвы должно было бояться самое слабое из соседних государств – Ливонское. Действительно, при сильной потребности иметь гавани на Балтийском море взоры московского царя необходимо обращались на Ливонию, добычу легкую по ее внутреннему бессилию, и вместе добычу, на которую имелись старые права. Понятно, что ливонцы более других хлопотали о том, чтоб знания не проникали в Москву; но этими поступками они, разумеется, усиливали только в московском правительстве желание приобрести балтийские берега и ускоряли,

следовательно, падение своего государства. В 1539 году, когда бежавший из Москвы Петр Фрязин был представлен дерптскому епископу, тот спросил его: знает ли он в Москве немца Александра? Петр отвечал: «Знаю, я жил с ним на одной улице; этот Александр сказывал в Москве боярам, что у него есть товарищ в Дерпте, который умеет пушки лить и стрелять из них и думает ехать в Москву, служить великому князю». Услыхав это, епископ допытался об этом немце и сослал его неведомо куда. В 1547 году семнадцатилетний Иоанн отправил в Германию саксонца Шлитте с поручением набрать там как можно более ученых и ремесленников. Шлитте выпросил на это позволение у императора Карла V, набрал 123 человека и привез уже их в Любек, как ливонское правительство представило императору опасность, какая может произойти от этого для Ливонии и других соседних стран, и достигло того, что Карл дал магистру полномочие не пропускать в Москву ни одного ученого и художника. Вследствие этого Шлитте был задержан в Любеке и посажен в тюрьму, а набранные им люди рассеялись; один из них, мейстер Ганс, попытался было пробраться в Москву, был схвачен, посажен в тюрьму, освобожден и отправился опять в Москву, но был опять схвачен в двух милях от русской границы и казнен смертью.

Мы видели, что в первой дошедшей до нас договорной грамоте русских с епископом дерптским уже говорится о дани, которую последний должен был платить великому князю, и говорится как о старине. В Плеттенберговом договоре, заключенном в 1503 году, условие о дани с Дерпта было подтверждено, но не было исполняемо 50 лет: Василию Иоанновичу, занятому делами литовскими, особенно казанскими и крымскими, нельзя было думать о разрыве с Ливониею из-за дерптской дани; нельзя было думать об этом и в малолетство Иоанново; но обстоятельства были не те, когда в 1554 году явились в Москву ливонские послы с просьбою о продолжении перемирия. Высланный к ним окольный Алексей Адашев объявил, что немцы уже давно не платят дани с Юрьевской волости, купцов обижают, церкви и концы русские за себя завели; за это неисправление государь положил свой гнев на магистра, епископа и на всю землю Ливонскую и наместникам своим перемирия не велел давать. Послы отвечали, что не знают, о какой дани говорит окольный: в старых грамотах своих они нигде не находили, чтоб платилась с их земель дань великому князю.

Адашев сказал им на это: «Удивительно, как это вы не хотите знать, что ваши предки пришли в Ливонию из-за моря, вторгнулись в отчину великих князей русских, за что много крови проливалось; не желая видеть разлития крови христианской, предки государевы позволили немцам жить в занятой ими стране с условием, чтоб они платили дань великим князьям; но они обещание свое нарушили, дани не платили, так теперь должны заплатить все недоимки». Послы согласились написать перемирную грамоту, по которой дерптский епископ обязывался платить с своей области дань в Москву по гривне немецкой с каждого человека, исключая людей церковных, и в три года заплатить недоимки за 50 лет; церкви русские и концы очистить и русским людям во всем учинить управу безволокитно; русским гостям и купцам с литовскими и иностранными купцами дозволить свободную торговлю всяким товаром, кроме панцирей, пропускать в Москву всех иностранцев, которые придут из-за моря служить царю, не помогать польскому королю и великому князю литовскому против Москвы. Но послы выговорили, что так как они согласились на дань без ведома магистра и епископа, то последние имеют право и не согласиться на эти условия. Касательно церквей русских сам ливонский летописец свидетельствует, что они были разграблены в Дерпте, Ревеле, Риге и во многих других местах протестантскими фанатиками; летописец ливонский приводит по этому случаю и письмо московского государя к правительству Ордена: «Необузданные ливонцы, противящиеся Богу и законному правительству! Вы переменили веру, свергнули иго императора и папы римского; если они могут сносить от вас презрение и спокойно видеть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мне и моему Богу. Бог посылает во мне вам мстителя, долженствующего привести вас в послушание».

Для окончательного скрепления договора отправился в Дерпт царский посол келарь Терпигорев, который потребовал от епископа, чтоб тот без отлагательства исполнил обычную форму: при скреплении договоров отрезал у грамоты посольские печати и вместо них привесил печати свою и магистрову. Епископ собрал совет: что отвечать послу? Дело было трудное, а Терпигорев не хотел дожидаться. Старый советник, Яков Краббе, говорил: «Если мы скрепим грамоту, то ведь это будет значить, что мы с женами и детьми вступим в подданство к великому князю. Мы должны или платить дань, или видеть

опустошение земли своей; что великий князь собрал против нас все свои силы, это я знаю наверное». Все сидели в глубоком унынии. Тут встал епископский канцлер Голтшюр и сказал: «Дело трудное, и мы должны хлопотать о том, как бы по крайней мере протянуть время. Позовем царского посла и скажем ему, что мы с своей стороны согласны скрепить договор и скрепляем, но он не будет иметь силы без согласия римского императора, верховного господина страны». Мнение Голтшюра было принято, и гонец поскакал к императору с просьбою, чтоб тот отправил посольство в Москву ходатайствовать у царя о сложении дани. Терпигорев был позван в совет: в присутствии двух нотариусов договор был скреплен новыми печатями, старые посольские отрезали, после чего нотариусы начали писать протест от имени императора. Терпигорев спросил у Краббе: «Что это они такое еще пишут?» Когда Краббе объяснил, в чем дело, то посол резко отвечал: «Какое дело моему государю до цесаря? Дайте мне только грамоту, а не принесете государю дани, так он ее возьмет».

Б. Чориков. Взятие Казани Иваном Грозным. XIX в.

Б. Чориков. Взятие Нарвы при Иване Грозном. XIX в.

Епископ обязался в три года выплатить все недоимки; три года прошло, и в феврале 1557 явились в Москву ливонские послы без денег с просьбою, чтоб дань была сложена. Адашев отвечал им, что так как магистр, архиепископ рижский и епископ дерптский нарушили договор, то государь будет сам искать на магистре и на всей Ливонской земле. Иоанн не допустил к себе послов, и они без дела уехали в марте месяце, а в апреле царь отправил князя Шестунова строить город и гавань при устье реки Нарвы, ниже Ивангорода; велел также положить заповедь в Новгороде, Пскове и Ивангороде, чтоб никто к немцам с товарами не ездил; если же приедут немцы в царскую отчину, то с ними торговать безо всякой зацепки. В ноябре выступило в поход к ливонским границам сорокатысячное войско под начальством царя Шиг-Алея, и воевод – князя Михаила Васильевича Глинского, царицына брата Данила Романовича и других; подле русских полков шли татары, черемисы, мордва, черкесы пятигорские. Немцы прислали за опасною грамотою, и в декабре явились их послы, били челом, чтоб государь оставил поголовную дань по гривне с человека, а взял бы единовременно за прошлые недоимки и за настоящие военные издержки 45000 ефимков (18000 рублей по московскому счету), да

ежегодно Юрьев будет платить по 1000 золотых венгерских. Когда переговоры кончились, царь потребовал денег, но у послов денег не было; тогда раздраженный Иоанн велел послам ехать назад, а войску своему двинуться в Ливонию. Немецкие летописцы говорят, что послы отправились в Москву без денег, понадеявшись на обещания московских купцов, что если мир будет заключен, то они дадут послам денег взаймы под вексель; но царь под смертною казнию запретил купцам давать послам денег взаймы. Послы просили, чтоб оставили их самих в Москве заложниками, пока придут деньги из Ливонии, но царь и на это не согласился.

В генваре 1558 года вступило русское войско из Пскова в Ливонию и страшно опустошило ее на пространстве 200 верст, везде побивая немецкие отряды, выходившие к нему навстречу. Погостивши месяц, с огромною добычею возвратились ратные люди назад. Курбский, находившийся в числе воевод, говорит: «Земля была богатая, а жители в ней гордые: отступили они от веры христианской, от обычаев и дел добрых праотеческих, ринулись все на широкий и пространный путь, на пьянство, невоздержание, на долгое спанье, лень, на неправды и кровопролитие междоусобное». По словам ливонских летописцев, разврат в их стране в это время дошел до такой степени, что его не стыдились, но гордились им, правители подавали пример подчиненным.

Оставивши Ливонию, царь Шиг-Алей, царевичи, бояре и воеводы послали к магистру грамоту, в которой писали: «За ваше неисправление и клятвопреступление государь послал на вас войну; кровь пролилась от вас; если же хотите пред государем исправиться и кровь унять, то присылайте к государю с челобитьем, а мы все станем за вас просить». Магистр прислал за опасною грамотою для послов и получил ее; царь велел прекратить войну. Но жители Нарвы не хотели прекратить ее и продолжали стрелять на соседний, только рекою Нарвою отделяемый от них Ивангород. Воеводы новгородские дали знать об этом царю и послали сказать жителям Нарвы, что они нарушают перемирие; те отвечали: «Князец стреляет, нам его не унять». Получивши от царя приказ начать неприятельские действия, воеводы с Ивангорода открыли сильную пальбу: Нарва не могла ее выдержать более недели, и 9 апреля, в Великую субботу, выехали нарвские начальники и били челом воеводам, чтоб государь показал милость, взял их в свое имя. Они дали

воеводам заложников, двоих лучших людей, а в Москву послали депутатов. Когда последние явились во дворец, то Алексей Адашев спросил их, о чем они приехали бить челом, какое государево жалованье хотят на себе видеть? Депутаты отвечали, что они приехали просить позволения не отставать от магистра, а в прочем чем их государь пожалует. Адашев сказал им на это: «Вы через опасную грамоту стреляли на государев город и по людям; потом, видя беду, били челом, что от магистра отстали и хотите быть во всей государевой воле; воля государева такова: выдайте князьца, который у вас начальствует крепостью, а крепость сдайте нашим воеводам; тогда государь вас пожалует, из домов не разведет, старины вашей и торгу не порушит, а будут владеть и Вышгородом, и Нарвою царские воеводы, как владели магистр и князец; иначе тому делу не бывать». Депутаты согласились и присягнули за всю землю Нарвскую. Но когда ивангородские воеводы послали сказать об этом в Нарву, тамошние жители отвечали, что они не за тем посылали депутатов в Москву, чтоб отстать от магистра: дело объяснилось тем, что они получили помощь от последнего. Но эта помощь не спасла Нарвы: 11 мая, воспользовавшись сильным пожаром, вспыхнувшим в городе, русские, несмотря на жестокое сопротивление жителей, овладели нижним городом и приступили к Выш городу, стреляя из пушек ивангородских и взятых в нижнем городе или собственной Нарве. Наконец из Вышгорода прислали бить челом, чтоб воеводы пожаловали, приняли крепость со всем нарядом, но чтоб князец с новоприбывшими ратными людьми мог свободно из нее выйти. Воеводы согласились; ратные люди и лучшие граждане вышли, а черные присягнули быть в подданстве у царя и детей его вовеки. Иоанн очень обрадовался приобретению этого важного места; послал тотчас архимандрита и протопопа, велел ставить церкви в Нарве; пожаловал воевод и детей боярских; дал жалованную грамоту и жителям Нарвы, даже велел отыскать всех прежде взятых пленников родом из Нарвы и возвратить в отечество.

Еще прежде взятия Нарвы приехали в Москву большие послы ливонские, во главе которых был родной брат магистра Федор Фюрстенберг. Они привезли 60000 талеров за недоимки и военные издержки; касательно же дани с Дерптской области просили, чтоб царь не требовал теперь ее, потому что эта область опустошена вконец и в несколько лет не поправится. Сначала Иоанн не хотел слышать об этих

условиях, но потом купцы московские, желавшие мира с Ливониею, не пожалели богатых подарков для бояр, и переговоры начали было подвигаться вперед, как пришло известие о взятии Нарвы. Адашев объявил послам, что немцы, взявши опасную грамоту, несмотря на то, две недели стреляли по Ивангороду; государь велел промышлять над Нарвою, и воеводы взяли ее; теперь государь велел промышлять над другими городами, а верить немцам нельзя: клятв своих не исполняют. Если же они хотят мира, то магистр, архиепископ рижский и епископ дерптский должны сами явиться пред государем с данью со всей земли Ливонской, ударить ему челом и впредь во всем исполнять его волю. Послы уехали, и война продолжалась. Некоторые города сдавались без сопротивления; воеводы строили в них православные церкви, приводили жителей к присяге московскому царю. С большим трудом взят был Нейгауз; магистр Фюрстенберг не помог ему. По взятии Нейгауза он едва ушел от русских к Валку; здесь по старости он сложил с себя достоинство магистра, и на его место был выбран феллинский командор Готгард Кетлер. Но и молодой магистр так же мало был способен помочь Ордену, как и старый: нравственные силы народонаселения были истощены. Тщетно раздавался благородный голос дерптского бургомистра Тиле, который говорил, что нечего ждать помощи извне, что надобно пожертвовать всем богатством для спасения родной страны, встать всем, как один человек, и соединенными силами дать отпор врагу. Никто не слушал его, никто не хотел жертвовать своим добром добру общему, и те, которые прежде кричали, что скорее пожертвуют 100 рейхсталеров на войну с Москвою, чем один талер для дани царю, теперь, когда беда пришла, не хотели жертвовать ничем ни для мира, ни для войны.

В июле русское войско под начальством князя Петра Ивановича Шуйского обложило Дерпт, где затворился епископ Герман Вейланд с гражданами и двумя тысячами наемных заморских немцев. Осажденные сначала защищались мужественно, отстреливались, делали частые вылазки, но осаждающие придвигались все ближе и ближе, от стрельбы их рушились стены, гибло много людей, остальные были измучены трудами при защите города; послали к магистру с просьбою о помощи; посланный возвратился с ответом, что магистр хвалит мужество епископа и граждан, но сам не в состоянии противиться такому сильному неприятелю и употребляет все старания,

чтоб увеличить свое войско. Московский воевода объявил милость царскую, если осажденные сдадутся; в противном случае грозил, что не оставит в живых и малого ребенка. Осажденные выпросили два дня сроку для размышления, потом выпросили еще один день, на четвертый объявили, что сдадутся на следующих условиях: 1) епископ получает для жительства своего монастырь Фалькенау в двух милях от Дерпта со всеми принадлежащими ему землями, людьми и пошлинами; под его ведомством остаются латинское духовенство и церкви с их имуществом.

2) Дворяне, желающие остаться под властью государя, удерживают свои земли и людей, находятся под ведомством епископа и не могут быть выведены в Россию.

3) Граждане дерптские остаются при своей религии аугсбургского исповедания безо всяких перемен и не будут принуждаемы отступить от нее; церкви их со всеми принадлежностями остаются как были, равно как и школы их. 4) Городовое управление остается по старине. 5) Браки с заморскими немцами дозволяются. 6) Все горожане и обитатели Дерпта при его сдаче могут выехать в течение 8 дней из города со всем своим имением. 7) Если потом они сами или дети их захотят опять переселиться в Дерпт и жить под властью государя, то могут это сделать. 8) Ратные люди могут выйти из города с имением и оружием. 9) Иностранные купцы, немецкие и русские, не могут торговать в Дерпте непосредственно друг с другом, а только с дерптскими горожанами. 10) Русские ратные люди не будут становиться в домах обывательских. 11) Государь не будет выводить горожан или обывателей из Дерпта в Россию. 12) Все преступления, даже против государя, судятся городовым судом. 13) Право гражданства дается по старине городовым управлением. 14) Городовое управление желает, чтоб на его судные приговоры могла быть апелляция к рижскому городовому управлению.

18 июля уполномоченные от епископа, дворянства, капитула, от городского совета и общины отправились с этими условиями к князю Петру Ивановичу Шуйскому, который должен был скрепить их. Шуйский скрепил их в надежде, что они будут утверждены и государем. Уполномоченные просили воеводу, чтоб русское войско не вторгалось в дома граждан, не пугало их жен и детей. Это было обещано, и обещание строго исполнено. Епископ, ратные люди и те

горожане, которые хотели выехать с семьями из города, выехали под прикрытием русских отрядов. По вступлении своем в город Шуйский повестил, чтоб ратные люди не смели обижать жителей под страхом жестокого наказания, а жители чтоб не смели продавать ратным людям крепких напитков. По свидетельству современника и очевидца, немца, порядок был сохранен, нарушители его действительно подверглись строгим наказаниям; боярские дети ежедневно объезжали город, забирали всех пьяных и дурно ведших себя людей; жители не терпели никакого насилия и утешали себя этим в несчастьи. 6 сентября царь дал жителям Дерпта жалованную грамоту, в которой некоторые из условий были дополнены, некоторые изменены: например, в городском суде должен был заседать и русский чиновник для охранения русских людей; апелляции к рижскому городскому суду не были позволены; вместо них поставлена была апелляция к дерптскому воеводе; дела же, которых и воевода решить не мог, отсылались к царю; на монете должен быть с одной стороны герб царский, на другой – городской; на городской печати должен быть царский герб. В случае нужды ратные люди могут стоять в домах черных людей. Дерптские жители могут торговать беспошлинно в Новгороде, Пскове, Ивангороде и Нарве, но если поедут с торгом в Казань, Астрахань или другие области московские, то должны платить пошлины наравне с русскими купцами. Если кто из дерптских жителей дойдет по своей вине смертной казни, то имущество его идет в казну, которая платит его долги. Дерптские жители могут свободно покупать дома и сады и жить в них в Новгороде, Пскове, Ивангороде, Нарве и во всех других русских областях, равно как новгородцы, псковичи, ивангородцы, нарвцы и всякие русские люди могут покупать дома и сады в Дерпте во всех местах.

**Sehr grewliche/erschrock-
liche / vor vnerhörte / warhafftige Rare zech-
tung/was für grausame Tyranny der Moscouiter/an
den Gefangenen/ hinweggeführten Christen auß Lysland/ beydes an
Mannen vnd Frawen/ iunct Frawen vnnnd kleinen Kindern/ begre-
het/ vnd was täglichs Schadens er ihnen in irem Land zufüget, Dey-
neben angezeygt / in was grosser fahr vnd not die Lyslander
stecken. Allen Christen zur warnung/ vnd beses-
serung ihres Sündelichen lebens/ auß
Lysland geschriben / vnd in
Druck verfertiget.**

Zu Nürnberg bey Georg Keydlein. M. D. L. XL.

Г. Бреслейн. Русские войска в Ливонии. Летучий листок. 1561 г.

Такие льготы, данные покорившемуся городу, показывали ясно намерение царя завоевать Ливонию и удержать навсегда за собою это завоевание. Детям боярским розданы были земли в покоренных областях; князь Шуйский послал в Ревель с требованием, чтоб он последовал примеру Дерпта, в таком случае государь даст ему большие привилегии, чем те, которыми он пользовался прежде. Ревель не покорился, но покорилось несколько других городов, число которых с прежде завоеванными дошло к осени уже до 20. Совершивши такой блистательный поход, воеводы, по тогдашнему обычаю, отправились в

Москву в сентябре, оставив гарнизоны в завоеванных городах. Этим удалением воспользовался магистр Кетлер: собравши более 10000 войска, он осадил Ринген и взял его приступом. Воеводы, остававшиеся в Ливонии, не могли потому выдержать натиска немцев и при встрече с магистром обратились в бегство; немцы пробрались и в собственно русские владения, сожгли посад у псковского пригорода Красного, были и под Себежом, сожгли монастырь святого Николая. Взятием Рингена, впрочем, магистр должен был удовольствоваться: с таким небольшим войском, какое было у него, он не мог предпринять осады более значительных городов и ушел назад в конце октября. Во время осады Рингена все мужчины были выведены из Дерпта во Псков и оставались там до тех пор, пока магистр ушел назад в Ригу, тогда их возвратили к семействам; эта мера объясняется известием русских летописей, что дерптские немцы ссылались с магистром, звали его к своему городу, где по их словам, у русских было мало войска.

Кетлер накликал месть своим походом; в генваре 1559 года вступило в Ливонию большое московское войско (130000 – по немецким известиям), разбило немцев при Тирзене и без сопротивления уже целый месяц пустошило всю землю, не щадя младенцев во чреве матерей.

Ливонское правительство обратилось к сыну Густава Вазы шведского, герцогу Иоанну, правителю Финляндии, с просьбою ссудить 200000 рейхсталеров и войско, предлагая в залог несколько земель в Ливонии. Молодой принц был не прочь вступить в переговоры, но старик отец посоветовал ему не вступаться никаким образом в дело, ибо тогда нужно будет поссориться не с одною Москвою, но также с императором, королями польским и датским, которые все объявляют свои притязания на Ливонию. Когда ревельские суда напали в шведских водах при Биорке и Ниланде на лодки русских купцов и овладели ими, перебив людей, то ревельцев захватили за это в Выборге, и король отправил в Финский залив вооруженные суда для безопасности русских купцов, о чем дал знать в Москву. Иоанн так отвечал ему на это: «Ты писал к нам о неправдах колыванских людей (ревельцев) и о своей отписке, которую послал в Колывань: мы твою грамоту выслушали и твое исправленье уразумели. Ты делаешь гораздо, что свое дело исправляешь; нам твое дело полюбилось, и мы за это твою старость хвалим; и вперед ты бы к нам свою службу исполнял и нашим

губителям недружбу делал». Орден отправил послов и прямо в Стокгольм к Густаву с просьбою о помощи; послы представили старому королю, что они ждут также сильной помощи от императора, немецких князей и короля польского, что, следовательно, ему вместе с такими союзниками нечего бояться Москвы. Густав отвечал им, что на помощь полагаться нечего: императору и немецким князьям впору отбиваться от турок, а польский король обещал и ему помощь в войне московской и обманул; точно так же поступил с ним и Орден; но он не хочет помнить зла и будет просить царя за Ливонию. Эта просьба, впрочем, была не очень усильна; Густав писал Иоанну: «Мы просим вас за ливонцев собственно не для них (потому что они и с нами не очень хорошо поступили), но чтоб угодить императору, который нам приказывал и просил об этом. Да будет вам известно, что мы немедленно хотим отправить посланника к ливонцам, велим спросить у них, хотят ли они пасть вам в ноги и все исполнить как следует. Мы дадим вам знать, какой ответ получим от них». Иоанн отвечал Густаву: «Мы прежде думали, что ты от себя хлопочешь за ливонцев, что так тебе надобно, а теперь ты пишешь, что делаешь это для императора: так если ливонское дело тебе не очень надобно, то ты бы к ливонцам и не посылал, чтоб они били мне челом».

Ревельцы, не ожидая ниоткуда бескорыстной помощи, обратились к датскому королю Христиану III прямо с просьбою принять их в свое подданство, так как некогда Эстония и Ревель были под властью Дании. Но и Христиан III, подобно Густаву Вазе, был старик, приближавшийся к гробу; он объявил послам ревельским, что не может принять в подданство их страны, потому что не имеет сил защищать ее в таком отдалении и от такого сильного врага; он взялся только ходатайствовать за них в Москве; назначил послов, но умер, не отправив их, и послы эти явились в Москве уже от имени наследника Христианова, Фридриха II. Король в очень вежливых выражениях просил, чтоб царь запретил войскам своим входить в Эстонию, как принадлежащую Дании. Иоанн отвечал: «Мы короля от своей любви не отставим: как ему пригоже быть с нами в союзном přátельстве, так мы его особою в приятельстве и союзной любви учинить хотим. Тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Яро славом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил и на всех

ливонских людей дани наложил. После, вследствие некоторых невзгод, тайно от наших прародителей взяли было они из королевства Датского двух королевичей; но наши прародители за то на ливонских людей гнев положили, многих мечу и огню предали, а тех королевичей датских из своей Ливонской земли вон выслали. Так Фридрих-король в наш город Колывань не вступался бы». Однако, желая, как видно, иметь все войска свои на южных границах для действия против крымцев, царь дал датским послам опасную грамоту на имя ливонских правителей; в грамоте говорилось, что для короля Фридриха царь жалует перемирие Ордену от мая до ноября 1559 года; чтоб в это время или сам магистр ударил ему челом в Москве, или прислал бы самых знатных людей для заключения вечного мира. Но Кетлер понимал, что челобитьем нельзя получить выгодного мира; видя, что нет помощи ни от Швеции, ни от Дании, он обратился к третьему соседнему государю, который имел больше побуждений вступить за Ливонию, чтоб не дать Москве усилиться на ее счет, – Кетлер обратился к королю польскому.

В 1545 году старик Сигизмунд сдал управление Литвою сыну своему, Сигизмунду-Августу, о чем последний и дал знать Иоанну московскому. В 1548 году умер Сигизмунд Старый; срок перемирия исходил, но из Литвы не было никакой вести; это, впрочем, происходило не оттого, что новый король замышлял войну: 1548 год он провел в борьбе за жену свою, Варвару, урожденную Радзивилл, на которой он женился тайно от отца, матери и вельмож польских; теперь последние требовали развода; но когда дело шло о любимой женщине, то Сигизмунд-Август обнаруживал большую твердость – он отстоял Варвару. В то время как на престол Польши и Литвы вошел государь с таким характером, молодой государь московский, принявши царский титул, надевши венец Мономахов, думал о том, как бы возвратить себе отчину Мономахову, Древнюю Русь, Киев. Замышляя окончательное низложение Казани, зная, что борьба с Казанью есть вместе и борьба с Крымом, Иоанн не мог желать возобновления войны с Литвою, и бояре написали к епископу и воеводе виленским, чтоб они с другими панами Радою наводили короля на мир. Вследствие этой задирки, как тогда выражались, в январе 1549 года приехали в Москву литовские великие послы: Станислав Кишка, воевода витебский, и Ян Камаевский, маршалок. О вечном мире думать было нечего: послы твердили: «Без отдачи Смоленска не мириться»; бояре отвечали им: «Ни одной

драницы из Смоленска государь наш не уступит». Но если Сигизмунд-Август не хотел вечного мира без Смоленска, то Иоанн не хотел его и с Смоленском, он говорил боярам: «За королем наша вотчина извечная – Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и многие другие города русские, а Гомель отец его взял у нас во время нашего малолетства: так пригоже ли с королем теперь вечный мир заключить? Если теперь заключить мир вечный, то вперед уже через крестное целование своих вотчин искать нельзя, потому что крестного целования никак нигде нарушить не хочу». И приговорил государь с боярами вечного мира с королем не заключать для того, чтоб можно было доставать своих старинных вотчин, а взять с королем перемирие на время, чтоб дать людям поотдохнуть и с иными недругами управиться. Так если послы начнут допытываться у бояр, как государь хочет вечного мира, то требовать уступки Гомеля, Полоцка и Витебска: Полоцка и Витебска требовать для того, чтоб вечный мир не состоялся. Заключили перемирие на пять лет, но при написании грамоты встретилось новое затруднение: Иоанн хотел написаться с новым своим титулом, титулом царским, послы никак не согласились, говоря, что прежде этого не бывало; бояре отвечали: прежде не бывало потому, что Иоанн на царство еще не венчался, а теперь венчался по примеру Владимира Мономаха. Но это не убедило послов; они потребовали отпуска. Иоанн долго рассуждал с боярами, можно ли уступить послам и написать грамоту без царского титула? Царь приговорил: «Написать полный титул в своей грамоте, потому что эта грамота будет у короля за его печатью; а в другой грамоте, которая будет писаться от имени короля и останется у государя в Москве, написать титул по старине, без царского имени. Надобно так сделать потому, что теперь крымский царь в большой недружбе и казанский также: если с королем разорвать из-за одного слова в титуле, то против троих недругов стоять будет истомно, и если кровь христианская прольется за одно имя, а не за землю, то не было бы греха перед Богом. А начнет Бог миловать, с крымским дело поделается и с Казанью государь переведается, то вперед за царский титул крепко стоять, и без него с королем дела никакого не делать». Относительно послов определено было: если не согласятся на титул, отпустить их и на отпуске приказать с ними поклон к королю, а руки им не давать, потому что в ответе на них слово положено гневное. Если после отпуска они не начнут сами опять говорить о деле и станут

просить позволения уехать назад в Литву, то велеть приставу задрать их, чтоб повидались опять с боярами, и, как приедут на двор видеться с боярами, говорить им опять накрепко о титуле; и если никак не согласятся, то сделать, как было положено, т. е. написать царский титул только в одной своей грамоте. После отпуска Кишка и Камаевский сами потребовали новых переговоров, просили, чтоб им дали на письме о царском поставлении, каким образом государь на царство венчался и откуда предки его царское имя взяли. Царь приговорил с боярами, что такой записки им не давать, потому что они составят на нее свои ответы и тогда в речах будет говорить о том тяжело. Послы распростились и уже сели в сани, но тут их воротили и позволили им написать грамоту от королевского имени без царского титула.

Л. Кранах Младший. Сигизмунд II Август, великий князь литовский и король польский. Около 1553 г.

Для взятия присяги с короля в ненарушении перемирия отправился в Литву боярин окольниковичий Михайла Яковлевич Морозов; он должен был также требовать царского титула для Иоанна, получившего этот титул от предков своих, именно от великого князя киевского Владимира Мономаха. Король велел отвечать Морозову, что прежде ни сам Иоанн,

ни отец, ни дед его этого титула не употребляли; что же касается до великого князя киевского Мономаха, то, во-первых, это дела давние, во-вторых, стол киевский есть и будет в руках его, короля, следовательно, если уже кто имеет право называться царем киевским, то, конечно, он, король, а не великий князь московский, но так как этот титул не может принести королю никакой славы и выгоды, то он его и не употребляет. Мы видели, как Иоанн объявил, что крестного целования никак нигде нарушить не захочет. В этом отношении лежало у него на совести, что в перемирных грамотах вставлялось условие: беглецов выдавать на обе стороны – и условие это вместе с другими скреплялось крестным целованием, а между тем на деле никогда не исполнялось. «И ты, брат наш, порассуди, – велел сказать царь Сигизмунду-Августу, – чтоб это неисполнение на наших душах не лежало: или вычеркнем условие из грамоты, или уже будем исполнять его, станем выдавать всех беглецов». Король не согласился уничтожить условие; касательно же исполнения его отвечал неопределенно, что он ничего не делает вопреки перемирной грамоте. Король защищался стариною, обычаем против новых требований Иоанновых; Морозов должен был также напомнить ему грозную старицу: «Если польется кровь, то она взыщется на тех, которые покою христианского не хотели, а тому образцы были: Александр-король деда государя нашего не хотел писать государем всея Руси, а Бог на чем поставил? Александр-король к этому еще много и своего придал. А ныне тот же Бог». Король не исполнил и третьего требования Иоаннова – освободить двух пленных вельмож московских – князей Михайла Голицу и Федора Оболенского-Овчину – за 2000 рублей; вместо денег он просил за них городов и волостей: Чернигова, Мглина, Дрокова, Поповой горы, Себежа и Заволочья, на что, разумеется, Иоанн не мог согласиться.

Во время перемирия происходили ссылки между двумя дворами о разных делах. В 1550 году приезжал в Москву посол Станислав Едровский, через которого король велел сказать Иоанну: «Докучают нам подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и торговать; а теперь ты жидам не позволяешь с товарами в государство свое въезжать». Иоанн отвечал: «Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья к нам

привозили и пакости многие нашим людям делали; так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать об них много, слыша их такие злые дела». Еще при жизни Сигизмунда Старого жиды брестские были выгнаны из Москвы и товары их сожжены за то, что они привозили продавать мумею. Важнее для обоих государств было требование Иоанна от короля: «Я послал грамоты всем своим порубежным наместникам, чтоб на наших землях позволяли твоим сторожам стеречь прихода татарского, и велел своим наместникам беречь твоих сторожей, чтоб им от наших людей обид никаких не было. И ты бы также в Каневе и в Черкасах своим наместникам приказал накрепко, чтоб они на своих землях нашим сторожам места дали, и какие вести у твоих наместников про татар будут, и они б наших наместников без вести не держали». Король показал было большую учтивость: без окупа освободил из плена старого воеводу, князя Михайлу Булгакова-Голицу, и прислал его в Москву. Царь принял старика очень ласково, к руке звал, о здоровье спросил, велел ему сесть, пожаловал шубою и звал обедать; Голица бил челом, что он истомился, и царь велел ему ехать на подворье, а от стола своего послал к нему с кушаньем.

Так было до Казанского похода; после взятия Казани, в ноябре 1552 года, приехал в Москву Ян Гайко, присланный от виленского епископа и двоих Радзивиллов (Николая Черного и Николая Рыжего), самых могущественных вельмож в Литве, к митрополиту Макарию и боярам – князю Ивану Михайловичу Шуйскому и Даниилу Романовичу Юрьеву. Гайко был принят Макарием и двумя этими боярами в митрополичьем доме, причем присутствовали трое владык, архимандриты и игумены. Митрополит спрашивал о здоровье посланных сидя, а бояре – вставши; митрополит звал Гайка к руке, и посол целовал его руку; но когда бояре позвали его к руке и спросили о здоровье, то он, отступя, ударил им челом; после приема посол обедал у митрополита. В грамоте, посланной с Гайком, епископ и Радзивиллы писали, чтоб митрополит и бояре наводили государя на вечный мир и чтоб для его заключения московские послы приехали в Литву. Митрополит по царскому приказанию отвечал Гайку, что он привез грамоту о государских делах, а не о церковных, государские же земские дела до митрополита не касаются, о них ответ дадут епископу и панам государские бояре; он же митрополит, если Бог даст, по времени господину и сыну своему царю и великому князю Ивану станет

напомянуть и на то его наводить, чтоб разлития крови христианской не было. Бояре отвечали панам, что вся вражда между государями пошла и ссылки прекратились оттого, что король не дает Иоанну царского титула, а царь за это не называет Сигизмунда-Августа королем.

В 1553 году приехали послы от короля – Довойна и Волович. Царь не позвал их к руке, не пригласил к обеду и верующую грамоту велел отдать им назад, потому что царского имени в ней не было. Послы говорили, что прежде толков о титуле нужно заключить вечный мир, для которого Иоанн должен уступить королю все завоеванные прежде у Литвы земли; после этого уже можно начать дело о титуле, на который король не прежде может согласиться, как получив согласие императора и папы. Бояре отвечали, что император и папа давно называют московских государей царями и что прежде решения о титуле никакого дела делать не станут. Послы уехали. Тогда царь созвал бояр и говорил им: «Нам следовало бы за свое имя стоять крепко; но теперь казанские люди еще не поукрепились совершенно, и надобно заключить с королем перемирие на год или на два, чтоб в это время можно было Казань укрепить, а после этого будем стоять за свое имя крепко». Бояре отвечали, что надобно заключить перемирие именно для казанского дела; послов воротили с дороги, и заключили перемирие на два года. Мы видели, что до сих пор для оправдания принятого им царского титула Иоанн указывал только на Владимира Мономаха; теперь нашлись другие оправдания, и московским послам, отправленным в Литву для подтверждения двухлетнего перемирия, дан был такой наказ: «Когда спросят: почему великий князь называется царем? Отвечать: прародитель его, великий князь Владимир Святославович, как крестился сам и землю Русскую крестил, так царь греческий и патриарх венчали его на царство Русское, и он писался царем, а как преставился, то и образ его на иконах пишут царем; потом говорить о Мономахе; наконец, сказать, что царство Казанское взято и потому Иоанн сделался царем».

Скоро взято было и другое царство – Астраханское. Иоанн послал объявить об этом королю. Поздравить Иоанна со взятием Астрахани король послал дворянина своего, пана Тишкевича. Тишкевич был русский, православного исповедания и потому просил, чтоб ему было позволено принять благословение у митрополита. Царь назначил день, когда быть Тишкевичу у Макария, и послал сказать последнему, чтоб

велел убрать у себя палату Столовую, где будет принимать посла, и чтоб на дворе у него было все прибрано, а во время приема были бы у него владыки и архимандриты все, которые в Москве. Митрополит принял Тишкевича по-царски, как царь принимал обыкновенно послов, спросил у него, какого он закона, и, когда Тишкевич отвечал, что греческого, дал ему наставление о вере и благословил. Тишкевич говорил наедине митрополиту, что по рубежам литовским живут все христиане греческого закона, которые скорбят, что между государями вражда, и по всему видно, что скоро наступит кровопролитие. Тишкевич просил, чтоб митрополит уговорил Иоанна отправить к королю послов для заключения вечного мира, прибавил, что он говорит это от себя, потому что, как слышал он от литовских панов, польские паны всею Радою беспрестанно толкуют королю, чтоб он начал войну с московским государем, о христианстве же польские паны не заботятся. А литовские паны все скорбят, что между государями гнев воздвигается, и о христианстве жалеют. Митрополит отвечал, что так как Тишкевич говорил это от себя и приказа и письма с ним ни от кого нет, то бить челом государю нельзя; вражда же между государями идет за одно государское имя.

Перемирие исходило. Виленский епископ Павел и виленский воевода Радзивилл прислали виленского купца Дементия с грамотою к митрополиту и князю Ивану Михайловичу Шуйскому, просили, чтоб они постарались о продлении перемирия. Дементий, подобно Тишкевичу, объявил, что это посылка тайная, потому что польская Рада хочет войны. Митрополит отвечал, что, хотя это и не его дело, однако, видя раденье епископа и Радзивилла, как пастырь добрый, берется склонить бояр и царя к миру. Иоанн, занятой войною шведскою, дал опасную грамоту на послов литовских, причем отправлены были также списки с грамот императора Максимилиана и султана Солимана, где московский государь называется царем. В 1556 году приехал посол, князь Збаражский, и заключил перемирие на шесть лет; о титуле не сговорились. Боярин Воронцов и казначей Сукин, отправленные в Литву для подтверждения перемирия, должны были повторить королю о праве Иоанна на царский титул с новыми прибавлениями, а именно: выставлено уже происхождение Рюрика от императора Августа; в заключение сказано: «А теперь не только на Русском господарстве Бог

нас учинил с этим титулом, но и Казанского и Астраханского государств титулы царские Бог на нас положил».

Мы видели, что Иоанн не хотел заключать вечного мира с Литвою, желая непременно возвратить от нее свою отчину – Киев и другие русские города; несогласие короля признать царский титул московского государя должно было ускорить разрыв. Несмотря на то, перемирие продолжалось – сперва для казанского дела, потом для шведской войны; наконец Иоанн обратил все свое внимание на Ливонию; побережье Балтийское явилось в его глазах важнее Приднепровья. Война с Литвою отлагалась, таким образом, опять на неопределенное время; между тем должно было действовать и против крымского хана, отвлекать его от нападений на московские уkraine, а с успехом действовать против Крыма можно было только в союзе с Литвою, владевшей низовьями Днепра. В феврале 1558 года пришла в Москву весть, что крымский царевич повоевал в Литовской земле и на Подолье многие места и досаду Литовской земле учинил многую. Царь созвал бояр и говорил им: «С крымским мы оставили дело о дружбе; он был в дружбе с королем, а теперь и королю сделал досаду большую; так теперь, пока они не помирились, задрать короля о дружбе, чтоб отвести его от крымского». Приговорили послать к королю с грамотою Романа Алферьева, предложить Литве союз против Крыма. Алферьев, возвратившись из Литвы, сказывал, что присылка царская королю и всей Раде была за большую честь, все люди его приезду были рады и честь ему была большая. Королевский посол Василий Тишкевич спросил Алексея Адашева, высланного к нему для переговоров, на каких условиях хочет Иоанн заключить вечный мир. В ответе Адашева высказалось ясно, как Иоанн, занявшись с обычною своею страстию делами ливонскими, переменил мысли относительно Литвы. «Прежние дела должно все отложить, – сказал Адашев, – и делать между государями доброе дело на избаву христианам; если же станем говорить по прежнему обычаю, станем просить у вас Кракова, Киева, Волынской земли, Подолья, Полоцка, Витебска и все города русские станем звать готовою вотчиною своего государя, а вы станете просить Смоленска, Северской страны, Новгорода Великого, то такими нелепыми речами дело сделается ли?» Адашев требовал, чтоб вечный мир заключен был по перемирной грамоте, но Тишкевич отвечал, что так мириться нельзя, что Москва должна возвратить Литве все

завоевания отца и деда Иоаннова. «Пишет Златоуст в Златоуструе, – говорил Тишкевич, – что у одного человека на дворе была змея, съела у него детей и жену, да еще захотела с ним вместе жить; мир, какого вы хотите, похож на это: съевши жену и детей, змея съест и самого человека. Нынешний государь ваш, конечно, не таков, и видим, что он всякие дела по Боге делает, христианство исправляет и утверждает, по всей его державе христианство и церкви христианские цветут, как в старину в Иерусалиме при равноапостольном царе Константине. Но нашему государю, не взявши своих отчин, мириться нельзя; какой это мир – взявши, да не отдать!» Адашев отвечал: «Пань! Положите вы на своем разуме: как говорить то, чего и во сне не пригрезится? Как тому взойти, что гнило посеяно? – Только понапрасну истому принимать». Тишкевич объявил последнее слово: без возвращения Смоленска миру вечному не быть, причем очень откровенно высказал опасения литовских панов: «В условия вечного мира будет внесено, что стоять на крымского заодно; но крымский – присяжник турецкого, турецкий за крымского наступит на нашего государя, ваш государь нашему тогда не поможет, и наш до конца свою отчину погубит». Адашев этот страх отговаривал, утверждал, что царь будет заодно с королем на всех врагов, но Тишкевич не оставлял своих сомнений и говорил: «Если бы образцов не было, а то образцы живые: отец и дед вашего государя что сделали с Литвою? Избавившись от крымского, вам не на кого больше броситься, как на нас. Миру вечному теперь быть нельзя, а доброе перемирие чем не мир?» Тишкевич просил, чтоб перемирие, заключенное на шесть лет князем Збаражским, продлить еще на несколько лет, но царь не согласился. В заключение переговоров посол просил Иоанна от имени королевского помириться с ливонцами; Иоанн отвечал: «Ливонцы, извечные наши данщики, церкви Божие разорили, образам Божиим поругались и нам в наших данях не исправились; за такие свои дела от нас наказанье и приняли; сумеют к Богу исправиться и своим челобитьем наш гнев утолить, тогда мы их пожалуем».

Иван Грозный посылает послов в Литву. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Литовское правительство откровенно призналось, что не хочет союза с Москвою против татар, потому что Москва опаснее для нее, чем Крым! Чего прежде не было, московские ратные люди плавали по Днепру, иногда, воюя с крымцами, переходили на западную его сторону, сторожа московские стояли по Днепру. В Москве старались

предупредить жалобы на это; послу Ивову, отправленному к королю с исчислением обид, нанесенных литовцами купцам московским и порубежникам, был дан такой приказ: «Станут говорить: та ли государя вашего правда, что в отчину нашего государя, в Днепр, вступается и людей своих на Днепре ставит, вотчины черкасские люди его пустошат и рыболовов грабят? Отвечать: государь наш в королевские земли и воды не вступается ничем, рыболовов наши люди не грабят и вотчин черкасских не пустошат; а стоят наши люди на Днепре, берегут христианство от татар, и от этого стоянья их на Днепре не одним нашим людям оборона, но и королевской земле всей защита; бывал ли хотя один татарин за Днепр с тех пор, как наши люди начали стоять на Днепре? За такую христианскую оборону надобно было вам наших людей чтить, а вместо того королевские козаки беспрестанно крадут у них лошадей. Мы дел государских не знаем, как между государями о Днепре написано. А если о Днепре между государями и письма нет, не положено, в чьей он стороне, так он Божий! Кто захочет, тот на нем и стоит. До сих пор мы не слыхали, что против Крыма Днепр королевский; нам кажется, что Днепр наш, потому что течет из земли нашего государя». Но в Литве дело шло не о Днепре.

Дела ливонские заставляли Иоанна желать вечного мира и союза с Литвою; но эти дела не только не могли повести к вечному миру, а ускорили еще разрыв. 16 сентября 1559 года между ливонским правительством и Сигизмундом-Августом заключен был в Вильне договор, по которому король обязался защищать орденские владения от Москвы; за это архиепископ и магистр отдали ему 9 волостей под залог. Сигизмунд-Август обязался прежде всего отправить посла в Москву с требованием, чтоб царь не вступался в Ливонию, потому что она отдалась под покровительство королевское. С этим требованием приехал в Москву в январе 1560 года Мартин Володков. Отдавши королевскую грамоту, он просил повидаться с Адашевым и говорил ему: «Поляки всею землею хотят того, чтоб государь наш с вашим государем начал войну; но воевода виленский Николай Радзивилл и писарь литовский Волович стоят крепко, чтоб король с государем вашим был в любви. Поляки с Радзивиллом сильно бранятся, говорят, что воевода за подарки помогает русскому государю, говорят: нам Ливонской земли нельзя выдать, и не станет король за Ливонскую землю, то мы не станем его за короля держать; и приговорили накрепко,

что королю к вашему государю посланника не отправлять. Так вы бы государя своего на то наводили, чтоб он отправил к нашему государю своего посланника, чтоб о Ливонской земле сговориться; тут уж непременно Радзивилл вступится в дело и приведет его к миру». Адашев отвечал, что государю к королю отправлять посла не годится, потому что король вступился в Ливонскую данную землю, и когда посол усумнился, точно ли Ливония должна платить дань государю московскому, то ему показали последнюю договорную грамоту с обязательством дерптского епископа платить по гривне с человека. На требование королевское не вступаться в Ливонию Иоанн отвечал: «Тебе очень хорошо известно, что Ливонская земля от предков наших по сие время не принадлежала никакому другому государству, кроме нашего, платила нам дань, а от Римского государства избирала себе духовных мужей и магистров для своего закона по утвержденным грамотам наших прародителей. Ты пишешь, что когда ты вздумал идти войною на Ливонскую землю, то я за нее не вступался и тем показал, что это не моя земля; шел ты и стоял на своих землях, а на наши данные земли не наступал и вреда им никакого не делал; так зачем было нам к тебе писать о твоих землях? Как хотел, так на них и стоял; если какую им истому сделал, то сам знаешь. А если магистр и вся Ливонская земля вопреки крестному целованию и утвержденным грамотам к тебе приезжали и церкви наши русские разорили, то за эти их неправды огонь, меч и расхищение на них не перестанут, пока не обратятся и не исправятся». Король отвечал: «Ты называешь Ливонию своею; но как же при деде твоём была лютая война у Москвы с ливонцами и прекращена перемирием? Какой государь с своими подданными перемирие заключает?» Но все это остроумие, желание доказать друг другу свои права на Ливонию ни к чему не могли повести: дело могло решиться только оружием.

В то время как Московское государство, чувствуя необходимость сообщения с Западною Европою, с такими усилиями старалось овладеть берегами Балтийского моря, морские государства Западной Европы чувствовали столь же сильное стремление в противоположную сторону – к богатому Востоку. Следствием этого стремления было заведение торговых сношений России с Англиею на пустынных берегах Белого моря, которые долго должны были заменять для Московского государства заветные берега балтийские. В половине XVI века

английские купцы заметили, что запрос на их товары в дальних и ближних странах уменьшается, несмотря на то, что английские купцы сами отвозили их в иностранные гавани, между тем как требования на иностранные товары увеличились. Это обстоятельство заставило сильно задуматься лучших граждан лондонских; они стали искать средств, как помочь горю, и остановились на том же самом, которое обогатило португальцев и испанцев – именно на открытии новых стран, новых торговых путей. После долгих совещаний с знаменитым мореплавателем Себастианом Каботом они решились отправить три корабля для открытия северных частей света и новых рынков для сбыта английских товаров. Составилась компания, каждый член которой должен был внести 25 фунтов стерлингов; этим средством собрали 6000 фунтов, купили три корабля и отправили их в северные моря под начальством Гюга Уилльоуби и Ричарда Ченслера. Экспедиция отправилась 20 мая 1553 года; буря разнесла флот, и Ченслер на своем корабле «Edward Bonaventure» один достиг Вардегуза в Норвегии – места, где он условился соединиться с Уилльоуби. Но, потерявши семь дней в напрасном ожидании, он решился ехать далее и благодаря постоянному дню, царствовавшему в это время в полярных странах, скоро достиг большого залива, в котором заметил несколько рыбацких лодок. Рыбаки, испуганные появлением большого, никогда не виданного ими прежде судна, хотели было убежать, но были схвачены и приведены пред Ченслера, который ободрил их ласковым приемом; после этого окрестные жители начали приезжать с предложением съестных припасов. Англичане узнали от них, что страна называется Россиею или Московиею и управляются царем Иваном Васильевичем, под властью которого находятся обширные земли. Русские в свою очередь спросили у англичан, откуда они. Те отвечали, что они посланы королем Эдуардом VI, должны доставить от него некоторые вещи царю, ищут они только дружбы государя русского и позволения торговать с его народом, от чего будет большая выгода и для русских, и для англичан. Между тем местное начальство – выборные головы холмогорские отписали к царю о прибытии иностранцев, спрашивая, что с ними делать. Царь отвечал, чтоб пригласили англичан приехать к нему в Москву, если же они не согласятся на такое долгое и трудное путешествие, то могут торговать с русскими. Но Ченслер не испугался долгого и трудного пути и отправился в Москву еще до прихода

ответной грамоты царской; тщетно выборные головы откладывали день за днем его поездку под разными предлогами; Ченслер объявил им решительно, что если они не отпустят его в Москву, то он отплывет тотчас же назад в свою землю.

Встреча Ченслера в Холмогорах. Оригинальный рисунок Р. Штейна, гравер П. Дзедзиц. Конец XIX в.

Прожив 13 дней в Москве, Ченслер позван был к государю, которого увидел сидящим на троне, с золотою короною на голове, в золотом платье, с богатым скипетром в руке; в наружности Иоанна Ченслер нашел величие, сообразное с его высоким положением. Прием и угощение Ченслера последовали по обычному церемониалу приема и угощения послов. Получив от Иоанна грамоту, содержащую благоприятный ответ на грамоту Эдуарда, в которой король просил у всех государей покровительства капитану Уилльоуби, Ченслер отправился в Англию, где уже не нашел в живых Эдуарда; вместо его царствовала Мария. От имени новой королевы и мужа ее, Филиппа Испанского, Ченслер явился снова послом в Москве в 1555 году; с ним приехали и двое агентов компании, составлявшейся для торговли с Россиею. Ченслер и товарищи его были приняты милостиво царем, после чего приступили к переговорам с дьяком Висковатовым и лучшими купцами московскими насчет будущей деятельности компании. Переговоры кончились тем, что англичане получили следующую льготную грамоту:

1) члены, агенты и служители компании имеют свободный путь всюду, везде имеют право останавливаться и торговать со всеми беспрепятственно и беспошлинно;

2) ни люди, ни товары не могут быть нигде задержаны ни за какое преступление, если не сами англичане его совершили; в случае преступления англичанина дело выслушивает и решает сам царь; 3) англичане имеют полную свободу нанимать себе разного рода работников, брать с них клятву в точном исполнении обязанностей, при нарушении клятвы наказывать и отсылать их, нанимать других на их место; 4) главный фактор, назначенный компаниею в Россию, управляет всеми англичанами, находящимися здесь, чинит между ними суд и расправу; 5) если кто-нибудь из англичан ослушается фактора, то русские обязаны помогать ему приводить ослушника в повиновение; 6) обещается строгое и скорое правосудие английским купцам при их жалобах на русских людей; 7) если кто-нибудь из англичан будет ранен или убит в России, то обещается строгий и немедленный сыск, и преступник получит должное и скорое наказание в пример другим; 8) если англичанин будет арестован за долг, то пристав не может вести его в тюрьму, прежде нежели узнает, главный фактор или депутаты будут

ли поручками за арестованного? Если будут, то арестованный освобождается.

Ченслер отправился в Англию с русским послом Осипом Непеею; страшная буря застигла их у шотландских берегов; Ченслер утонул, но Непея спасся и достиг Лондона, где был принят с большим почетом королем, королевою и русскою компаниею. Филипп и Мария в благодарность за льготы, данные англичанам в Московском государстве, дали и русским купцам право свободно и беспошлинно торговать во всех местах своих владениях, гуртом и в розницу, обещались, что возьмут их и имущество их под свое особенное покровительство, что им отведены будут в Лондоне приличные дома для складки товаров, также и в других городах английских, где окажется для них удобнее; если корабли их разбиты будут бурею, то товары спасаются в пользу владельцев без расхищения; русские купцы будут судиться верховным канцлером. Наконец, король и королева изъявили согласие на свободный выезд из Англии в Россию художников и ремесленников, вследствие чего Непея уже вывез многих мастеров, медиков, рудознатцев и других.

В. Васнецов. Царь Иван Грозный. 1897 г.

Глава четвертая

Опричнина

Причины недовольствия между царем и Сильвестром. – Болезнь Иоанна и поведение некоторых вельмож во время ее. – Поездка в Кириллов монастырь. – Максим Грек. – Вассиан Топорков. – Бегство князя Семена Ростовского. – Разбор свидетельств об удалении Сильвестра и Адашева. – Казни. – Нравственная порча Иоанна. – Ссылка князей Курлятева и Боратынского. – Поручные записи. – Бегство Курбского в Литву и переписка его с Иоанном. – Впечатление, произведенное отъездом Курбского на царя. – Отъезд Иоанна из Москвы. – Учреждение опричнины. – Митрополит Филипп. – Гибель князя Владимира Андреевича. – Казни новгородские. – Сыскное изменное дело. – Духовное завещание Иоанна 1572 года. – Великий князь Симеон.

Прежде чем приступим к описанию развязки борьбы, начавшейся в Ливонии, мы должны обратить внимание на внутренние перемены, происшедшие при дворе московском, в отношениях царя к близким к нему людям.

Мы видели, какое сильное впечатление на восприимчивую, страстную природу Иоанна произвело страшное бедствие, постигшее Москву в 1547 году; сильная набожность, которая заметна в Иоанне во все продолжение его жизни, содействовала тому, что он так легко принял религиозные внушения от лица духовного, священника Сильвестра; с другой стороны, ненависть к вельможам, которою он напился во время малолетства, облегчала доступ к нему человеку, не принадлежавшему по происхождению своему и сану к вельможам; сам Иоанн говорит, что это именно побуждение заставило его приблизить к себе Сильвестра и Адашева. Привыкнув советоваться и слушаться Сильвестра в делах религиозных и нравственных, питая к нему доверенность неограниченную, царь не мог не советоваться с ним и в делах политических; но здесь-то необходимо было неприязненное

столкновение между ними. Привыкнув требовать исполнения своих религиозных и нравственных советов от Иоанна как от частного человека, Сильвестр требовал исполнения и своих политических советов, тогда как царь не хотел своих государственных мыслей приносить в жертву тому уважению, которое питал к нравственным достоинствам Сильвестра; отсюда тягость, которую начал чувствовать Иоанн от притязаний последнего: например, Иоанн принял твердое намерение покорить Ливонию, но против этого намерения восстали бояре и особенно Сильвестр; вместо покорения Ливонии они советовали царю покорить Крым. Иоанн отвергнул его и продолжал войну Ливонскую. Как же поступил Сильвестр в этом случае? Он стал внушать Иоанну, что все неприятности, которые после того его постигали, – болезни его самого, жены, детей – суть Божие наказания за то, что он не слушался его советов, продолжал воевать с ливонцами. Бесспорно, что Сильвестр был вообще человек благонамеренный, муж строгого благочестия, что особенно и давало ему власть над набожным Иоанном; без сомнения, и против войны Ливонской он выставлял благовидные причины: вместо того, чтоб воевать с христианами, слабыми, безвредными, лучше воевать с неверными, беспрестанно опустошающими границы государства; но в то же время как из знаменитого Домостроя его, так и из других известий мы видим, что это был человек, иногда предававшийся мелочам: так, взявшись управлять совестью, нравственным поведением молодого царя, он входил в этом отношении в ненужные подробности, что должно было также раздражать Иоанна. Природа последнего, бесспорно, требовала сильного сдерживания, но при этом сдерживании нужна была большая осторожность, нужна была мера.

Б. Чориков. Сильвестр, раскрыв Святое Писание перед царем Иваном IV, закликает его быть ревностным исполнителем уставов. XIX в.

Несмотря, однако, на неприятные столкновения по причине разности взглядов на дела политические, Иоанн, без сомнения, не поколебался бы в своей доверенности и привязанности к Сильвестру и Адашеву, если б продолжал верить в полную привязанность их к своей

особе и к своему семейству. Но несчастный случай заставил Иоанна потерять эту веру. В 1553 году, вскоре после возвращения из казанского похода, он опасно занемог; ему предложили написать духовную и взять клятву в верности сыну своему, младенцу Димитрию, с двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Старицкого, и бояр. Удельный князь не замедлил выставить права свои на престол по смерти Иоанна, мимо племянника Димитрия, вопреки новому обычаю престолонаследия. Когда некоторые верные Иоанну и его семейству люди вооружились за это против Владимира, Сильвестр принял сторону последнего, а отец другого любимца Иоаннова, окольный Федор Адашев, прямо объявил себя против Димитрия, в пользу Владимира. Для объяснения этого явления припомним, что Сильвестр и Адашев, пользуясь неограниченною доверенностию царя в выборе людей, необходимо должны были составить при дворе и во всех частях управления многочисленную и сильную партию людей, которые, будучи обязаны им своим возвышением, своими должностями, разделяли с ними их стремления. Многие из вельмож, князей, видя невозможность действовать самостоятельно при решительном отвращении к ним Иоанна, примкнули к числу советников Сильвестра и Адашева; быть может, последние сами пошли к ним навстречу, чтоб иметь для себя опору в этих все же стоявших на первом плане людях; очень вероятно, что Сильвестр и Адашев действовали тут по прежним отношениям, прежним связям: летописец прямо говорит о давней и тесной дружбе Сильвестра с удельным князем Владимиром Андреевичем; Иоанн в переписке своей с Курбским главным единомышленником Сильвестра называет князя Димитрия Курлятева, или Шкурлятева, которого мы видели прежде в числе соумышленников Шуйского; с него летописец начинает исчисление вельмож, восставших против Воронцова; любопытно также, что скоро после московских пожаров, когда влияние Сильвестра особенно усилилось, Иоанн женил родного брата своего, князя Юрия, на дочери князя Димитрия Палецкого, также одного из главных советников Шуйского и подвергавшегося за это прежде опале. Влияние Сильвестра и советников его могло встретить препятствие только в одном близком к царю семействе – Захарьиных-Юрьевых; отсюда ненависть советников Сильвестровых к царице Анастасии и ее братьям, ненависть, могшая вызвать и со стороны последних подобное же чувство. Советники

Сильвестра сравнивали Анастасию с Евдокией, женою византийского императора Аркадия, гонительницею Златоуста, разумея под Златоустом Сильвестра; Курбский называет Захарьиных-Юрьевых клеветниками и нечестивыми губителями всего Русского царства. И вот в случае смерти царя и во время малолетства сына его правительницею будет Анастасия, которая, разумеется, даст большое влияние своим братьям; советники Сильвестра объявляют решительно, что они не хотят повиноваться Романовым и потому признают наследником престола князя Владимира Андреевича.

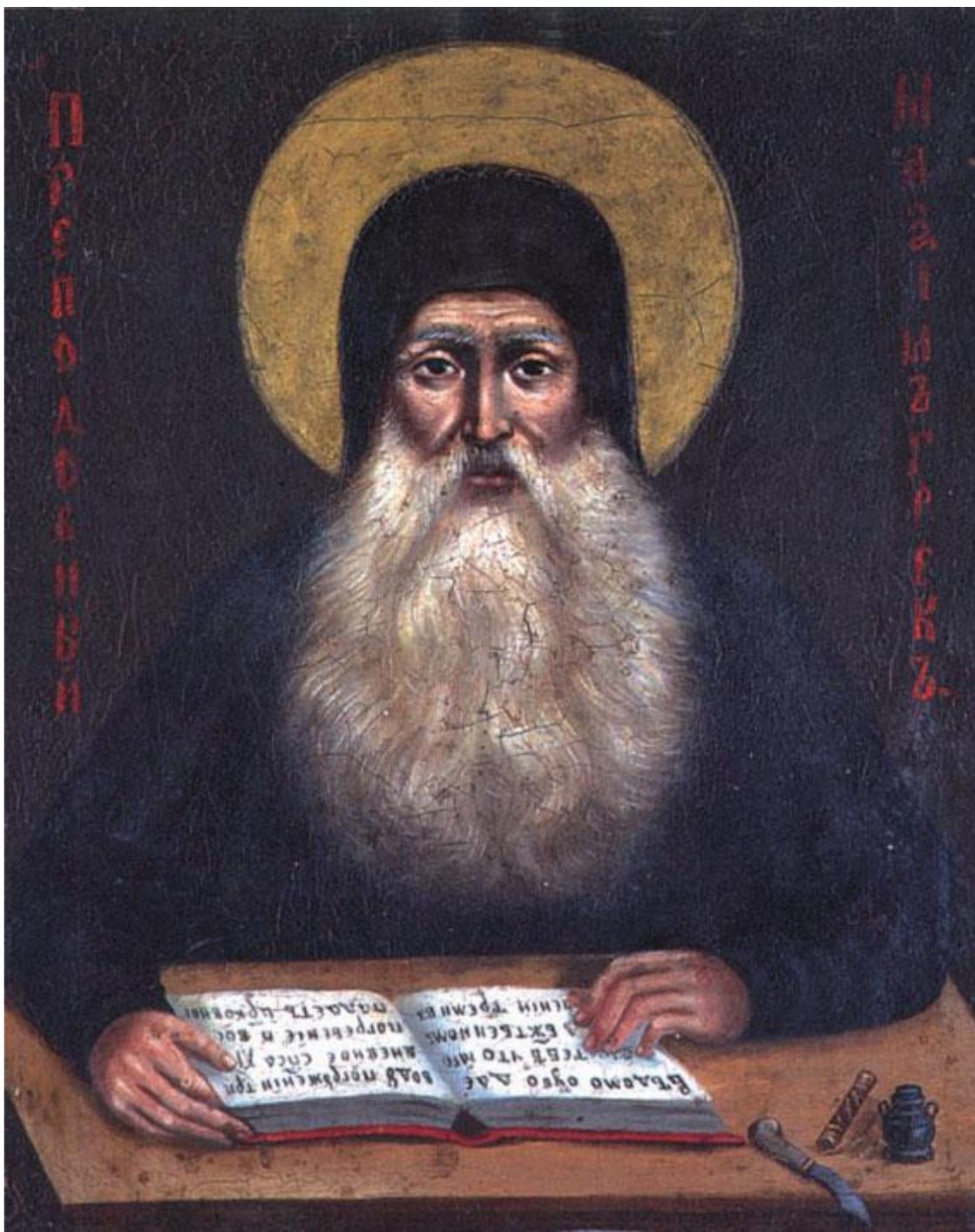
Оставшийся верным Иоанну князь Владимир Воротынский и дьяк Иван Михайлович Висковатый начали говорить удельному князю, чтоб не упрявился, государя бы послушал и крест целовал племяннику; князь Владимир Андреевич сильно рассердился и сказал Воротынскому: «Ты б со мною не бранился и не указывал и против меня не говорил». Воротынский отвечал ему: «Я дал душу государю своему, царю и великому князю Ивану Васильевичу, и сыну его, царевичу князю Димитрию, что мне служить им во всем вправду; с тобою они ж, государи мои, велели мне говорить; за них с тобою говорю, а где доведется, по их приказанию и драться с тобою готов». И была между боярами брань большая, крик, шум. Больной царь начал им говорить: «Если вы сыну моему Димитрию креста не целуете, то, значит, у вас другой государь есть; а ведь вы целовали мне крест не один раз, что мимо нас других государей вам не искать. Я вас привожу к крестному целованию, велю вам служить сыну моему Димитрию, а не Захарьиным; я с вами говорить не могу много; вы души свои забыли, нам и детям нашим служить не хотите, в чем нам крест целовали, того не помните; а кто не хочет служить государю-младенцу, тот и большому не захочет служить; и если мы вам не надобны, то это на ваших душах». На это отозвался князь Иван Михайлович Шуйский; он придумал отговорку: «Нам нельзя целовать крест не перед государем; перед кем нам целовать, когда государя тут нет?» Прямее высказался окольничий Федор Адашев, отец царского любимца; что было у него на душе больше, чем у других, то и вылилось: «Тебе, государю, и сыну твоему, царевичу князю Димитрию, крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братьею, нам не служить; сын твой еще в пленках, а владеть нами будут Захарьины, Данила с братьею; а мы уж от бояр в твое малолетство беды видали многие». И был мятеж большой, шум и речи

многие во всех боярах: не хотят младенцу служить. Но к вечеру поцеловали крест Димитрию следующие бояре: князь Иван Федорович Мстиславский, князь Владимир Иванович Воротынский, Иван Васильевич Шереметев, Михайла Яковлевич Морозов, князь Дмитрий Палецкий, дьяк Иван Михайлович Висковатый; тут же поцеловали крест и Захарьины – Данило Романович и Василий Михайлович. Но трое князей – Петр Щенятев-Патрикеев, Семен Ростовский и Иван Турунтай-Пронский, – трое этих князей продолжали говорить: «Ведь нами владеть Захарьиным; и чем нами владеть Захарьиным и служить нам государю молодому, так мы лучше станем служить старому князю Владимиру Андреевичу». Окольничий Солтыков донес, что князь Дмитрий Немой, едучи с ним по площади, говорил: «Бог знает, что делается! Нас бояре приводят к присяге, а сами креста не целовали, а как служить малому мимо старого? А ведь нами владеть Захарьиным». Царь велел написать целовальную запись, по которой приводить к присяге князя Владимира Андреевича; эта запись замечательна тем, что в ней право отъезда совершенно уничтожено: «Князей служебных с вотчинами и бояр ваших мне не принимать, также и всяких ваших служебных людей без вашего приказанья не принимать никого». Когда князь Владимир пришел к Иоанну, то ему подали запись, и царь сказал ему, чтоб он дал на ней присягу; Владимир прямо отрекся целовать крест; тогда Иоанн сказал ему: «Знаешь сам, что станется на твоей душе, если не хочешь креста целовать; мне до того дела нет». Потом, обратившись к боярам, поцеловавшим крест, Иоанн сказал: «Бояре! Я болен, мне уж не до того; а вы, на чем мне и сыну моему Димитрию крест целовали, по тому и делайте». Бояре, поцеловавшие крест, начали уговаривать к тому же и других; но те отвечали им жестокою бранью, «Вы хотите владеть, а мы вам должны будем служить; не хотим вашего владенья!» – кричали они. А между тем князь Владимир Андреевич и его мать собирали своих детей боярских и раздавали им жалованье. Присягнувшие бояре стали говорить Владимиру, что он и его мать поступают неприлично: государь болен, а они людям своим деньги раздают; Владимир сильно рассердился за это на бояр, а те стали его беречься, не стали часто пускать к больному государю. Тут услышали и Сильвестра, молчавшего до тех пор; он стал говорить присягнувшим боярам: «Зачем вы не пускаете князя Владимира к государю? Он государю добра хочет!» Бояре отвечали: «Мы дали присягу государю и

сыну его, по этой присяге и делаем так, как бы их государству было крепче». С этих пор пошла вражда у присягнувших бояр с Сильвестром и его советниками.

На другой день Иоанн призвал всех бояр и начал им говорить, чтоб они присягали сыну его, царевичу Димитрию, и присягали бы в передней избе, потому что он очень болен и приводить их к присяге при себе ему очень тяжело; присягнувшим боярам Иоанн сказал: «Вы дали мне и сыну моему душу на том, что будете нам служить, а другие бояре сына моего на государстве не хотят видеть; так если станется надо мною воля Божия, умру я, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чем мне и сыну моему крест целовали: не дайте боярам сына моего извести, но бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет; а вы, Захарьины! Чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от них будете первые мертвецы; так вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали». Из последних слов видно, что Захарьины испугались сильного сопротивления враждебной стороны и царь должен был напомнить им, что их судьба тесно связана с судьбою царицы и царевича, что если они поддадутся требованиям противной стороны и признают царем Владимира вместо Димитрия, то и в таком случае пощажены не будут. Слова Иоанна о будущей судьбе своего семейства, когда Владимир сделается царем, испугали бояр, увидавших, какие мысли на душе у больного и к чему могут повести такие мысли, если больной выздоровеет. Испугавшись этих жестких слов, по выражению летописи, бояре пошли в переднюю избу целовать крест. Подошел князь Иван Турунтай-Пронский и, увидавши, что у креста стоит князь Воротынский, не удержался и поспешил выместить на нем то неприятное чувство, с каким давал присягу. «Твой отец, – сказал он Воротынскому, – да и ты сам после великого князя Василия первый изменник, а теперь к кресту приводишь!» Воротынский нашелся, что отвечать: «Я изменник, а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его, царевичу Димитрию; ты прямой человек, а государю и сыну его креста не целуешь и служить им не хочешь». Турунтай смутился, не нашел, что сказать на это, и молча присягнул. После всех присягнули князь Курлятев и казначей Фуников под предлогом болезни; но шли слухи, что они пересылались с князем Владимиром и его матерью, хотели возвести его на престол. Но как некоторые из присягнувших хотели

выполнять свою присягу, показал князь Дмитрий Палецкий: присягнувши Димитрию прежде других, послал сказать князю Владимиру Андреевичу и матери его, что если они дадут зятю его, царскому брату князю Юрию и жене его удел, то он, Палецкий, не будет противиться возведению князя Владимира на престол и готов ему служить. По известию одной летописи, бояре насильно заставили присягнуть князя Владимира Андреевича, объявивши ему, что иначе не выпустят из дворца; к матери его посылали трижды с требованием, чтоб и она привесила свою печать к крестоприводной записи. «И много она бранных речей говорила. И с тех пор пошла вражда, между боярами смута, а царству во всем скудость», – говорит летопись.

Преподобный Максим Грек. Икона

Иоанн выздоровел. Мы видели, какие чувства к боярам вынес он из своего малолетства; эти чувства высказываются ясно везде, при каждом удобном случае: в речи к собору архиерейскому, в речи к народу с Лобного места; сам Иоанн признается, что нерасположение к

боярам заставило его приблизить к себе Адашева; Курбский говорит, что на третий день после взятия Казани, рассердившись на одного из воевод, Иоанн сказал: «Теперь оборонил меня Господь Бог от вас». Понятно, как должно было усилиться это враждебное чувство после болезни. Но всего более должны были поразить Иоанна бездействие, молчаливая присяга Алексея Адашева, явное сопротивление отца его Федора, явное заступничество Сильвестра за князя Владимира, подозрительное отсутствие князя Курлятева, самого приближенного к Сильвестру и Адашеву человека. Питая враждебное чувство к вельможам, не доверяя им, Иоанн приблизил к себе двоих людей, обязанных ему всем, на благодарность которых, следовательно, он мог положиться, и, что всего важнее, эти люди овладели его доверенностью не вследствие ласкательств, угождений; он не любил этих людей только как приятных слуг, он уважал их как людей высоконравственных, смотрел на них не как на слуг, но как на друзей. И эти-то люди из вражды к жене его и к ее братьям, не желая видеть их господства, соединяются с его врагами, не хотят видеть на престоле сына его, обращаются к удельному князю, двоюродному брату. Но Иоанн очень хорошо знал, какая участь ожидает его семейство при воцарении Владимира, который должен будет смотреть на маленького Димитрия, сына старшего брата и царя, как на самого опасного для себя соперника, а известно было, как московские князья, предки Иоанновы, отделялись от своих опасных соперников; понятно, следовательно, почему Иоанн умолял верных бояр бежать с его женою и ребенком в чужие земли, умолял Захарьиных положить головы свои прежде, чем дать жену его на поругание боярам. Понятно, как Иоанн должен был смотреть на людей, ведших семейство его прямо к гибели, а в числе этих людей он видел Сильвестра и Адашева! Летопись справедливо говорит, что с тех пор пошла вражда, но летописец не говорит нам о непосредственном выражении этой вражды, о скорой мести: тяжелые чувства затаились пока на дне души, выздоровление, неожиданное, чудесное избавление от страшной опасности, располагало к чувству иному; радость, благодарность к Богу противодействовали чувству мести к людям. С другой стороны, надобно было начать дело тяжелое, порвать все установившиеся уже отношения; тронуть одного значило тронуть всех, тронуть одного из приятелей Сильвестра и Адашева значило тронуть их самих, а это по прежним отношениям было очень

трудно, к этому вовсе не были приготовлены; трудно было начать борьбу против вождей многочисленной стороны, обступившей престол, не имея людей, которых можно было бы противопоставить ей, на которых можно было бы опереться; наконец, при явном, решительном действии что можно было выставить против Сильвестра и Адашева? Они не подавали голоса против Димитрия, в пользу Владимира Андреевича.

Иоанн дал обет во время болезни – по выздоровлении ехать на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь и действительно в начале весны отправился в путь вместе с женою и сыном; но малютка на дороге умер. Один из самых значительных членов Сильвестровой стороны, Курбский, оставил нам любопытные известия об этой кирилловской поездке: здесь являются на сцену лица Василиева княжения, является Максим Грек, с одной стороны, и монах Иосифова Волоцкого монастыря – с другой. По свидетельству хранителей предания Патрикеевых и Ряполовских, молодой внук Софии для начатия последней кровавой борьбы с ними нуждался в совете ученика Иосифова, тогда как друг Вассиана Косого и жертва сына Софиина, Максим Грек, старался оказать единомышленникам Вассиана последнюю услугу, отвращая Иоанна от свидания с учеником Иосифа Волоцкого. Мы нисколько не ручаемся за достоверность известий князя Курбского, но эти известия драгоценны для нас как выражение сознания современников о живой связи между событиями и лицами.

Мы видели, что Максим Грек из Иосифова Волоцкого монастыря был переведен в Тверской Отроч, где с ним обходились лучше, но как еретику, не позволяли приобщаться святых таин. Князь Петр Иванович Шуйский посетил Максима в его нужде, беседовал с ним; это заставило изгнанника обратиться к нему с письменною просьбою. «Я уже не прошу, – писал Максим, – чтоб меня отпустили в честную и всем православным многожелаемую Святую гору: знаю сам, что такое прошение вам нелюбезно; одного прошу, чтоб сподобили меня приобщения святых таин». Потом в этом же послании Максим просит, чтоб ему прислали книг греческих, прибавляя, чтоб исполнили его просьбу для упокоения души великого князя Василия. Просьба эта осталась без исполнения. Максим обратился с нею к митрополиту Макарию; но, прося о святом причастии, Максим просит и о возвращении на Афон. Макарий разрешил ему ходить в церковь и

приобщаться святых таин, для чего Максим написал два отвещательных слова, где очищал себя от обвинений в ереси; в заключение первого слова он говорит: «Если я прав, то покажите мне милость, избавьте от страданий, которые терплю я столько лет, да сподоблюсь молиться о благоверном самодержце великом князе Иване Васильевиче и о всех вас; если же не прав, то отпустите меня на Святую гору». Но на Святую гору его не отпустили, несмотря на просьбы об этом двух патриархов – константинопольского и александрийского. Максим сильно тосковал по духовной своей родине, по Афону: почти везде в сочинениях его, относящихся к этому времени, слышны просьбы о возвращении. В поучении к молодому царю он писал: «Царь есть образ живой и видимый царя небесного; но царь небесный весь естеством благ, весь правда, весь милость, щедр ко всем. Цари греческие унижены были за их преступления, за то, что похищали имения подручников своих... Благовернейший царь! Молю преславную державу благоверия твоего, прости меня, что откровенно говорю полезное к утверждению богохранимой державы твоей и всех твоих светлейших вельмож. Должен я это делать, с одной стороны, боясь участи ленивого раба, скрывшего талант господина своего, с другой – за многие милости и честь, которыми в продолжении 9 лет удостоивал меня, государь мой, приснопамятный отец твой, князь великий и самодержец всея Руси Василий Иванович; он удостоил бы меня и большей чести, если бы, по грехам моим, не поклепали ему меня некоторые небратолюбцы... Приняв слово мое с обычною тихостию твоею, даруй мне, рабу твоему и нищему богомольцу, возвращение на Святую гору!» В другом месте он обращается к Иоанну с такими словами: «Истинный царь и самодержец тот, кто правдою и благозаконием старается устроить житейские дела подручников своих, старается победить бессловесные страсти и похоти души своей... Разум не велит очи блудно наслаждаться чужими красотою и приклонять слух к песням непристойным и к клеветам, по зависти творимым...» Максим уже не говорит против обычая владеть духовенству селами, но вооружается на духовных, которые употребляют свое имение не на прокормление бедных, а на свое довольство и обогащение племянников и сродников; Максим увещевает царя прекратить это; в том же поучении говорит: «Да не прельщаем себя, думая одною долгою молитвою получить свыше помощь». Оканчивает намеком на свою судьбу: «Царь должен быть

страннолюбив, заботиться, чтоб иностранцам, приходящим к нему, было хорошо». Беспорядки, бывшие во время малолетства Иоаннова, побудили Максима написать слово о Василии: «Шествуя по пути жестокому и многих бед исполненному, нашел я жену, сидящую при пути, с преклоненною к коленам головою, горько стелящую и плачущую». Эта жена была Василия (власть, царство). «Владеющие мною, – говорила Василия Максиму, – должны быть крепостию и утверждением для сущих под рукою их людей, а не на губою и смятением беспрестанным».

Такова была деятельность Максима при Иоанне: гонения не заставили его переменить характер этой деятельности, скрыть талант господина своего, по его собственным словам, по-прежнему он обличал и поучал. По просьбам Троицкого игумена Артемия Максим был переведен из Твери в Троицкий монастырь; здесь нашел его Иоанн, отправляясь на Белоозеро. Максим стал уговаривать его не ездить в такой далекий путь, особенно с женою и новорожденным ребенком: «Если ты и дал обещание ехать в Кириллов монастырь, чтоб подвигнуть святого Кирилла на молитву к Богу, то обеты такие с разумом несогласны, и вот почему: во время казанской осады пало много храбрых воинов христианских; вдовы их, сироты, матери обесчадевшие в слезах и скорби пребывают; так гораздо тебе лучше пожаловать их и устроить, утешить их в беде, собравши в свой царствующий город, чем исполнить неразумное обещание. Бог вездесущ, все исполняет и всюду зрит недремлющим оком; также и святые не на известных местах молитвам нашим внимают, не по доброй нашей воле и по власти над собою. Если послушаешься меня, то будешь здоров и многолетен с женою и ребенком». Но Иоанн никак не хотел оставить своего намерения. Тогда Максим чрез четырех приближенных к Иоанну людей, духовника Андрея, князя Ивана Мстиславского, Алексея Адашева и князя Курбского, автора рассказа, велел сказать ему: «Если не послушаешься меня, по Боге тебе советуемого, забудешь кровь мучеников, избитых погаными за христианство презришь слезы сирот и вдовиц и поедешь с упрямством, то знай, что сын твой умрет на дороге».

Что касается слов Максима Иоанну о путешествии, то надобно заметить, что они вполне согласны со взглядом Максима, выраженным в его сочинениях. Как бы то ни было, Иоанн не послушался: из

Троицкого монастыря поехал в Дмитров, а оттуда – в Песношский монастырь, где нашел другого заточенника. Вассиан Топорков, монах Иосифова Волоколамского монастыря, был в 1525 году возведен на коломенскую епископию, оставался верен преданию своего монастыря, возбудил против себя ненависть людей, думавших одинаково с Патрикеевыми и Курбскими. В 1542 году, тотчас после вторичного торжества Шуйских, должен был оставить епископию и удалиться в Песношский монастырь. Иоанн, помня, что Топорков был любим отцом его, зашел к нему в келью и спросил: «Как я должен царствовать, чтоб вельмож своих держать в послушании?» Вассиан прошептал ему на ухо такой ответ: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех; если так будешь поступать, то будешь тверд на царстве и все будешь иметь в руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им». Царь поцеловал его руку и сказал: «Если бы и отец мой был жив, то и он такого полезного совета не подал бы мне!» Так, по мнению Курбского с товарищами, должен был говорить монах Иосифова монастыря, любимец великого князя Василия, единомышленник митрополита Даниила; и догадка их могла быть справедлива; говорим – догадка, ибо шепчут на ухо не для того, чтоб другие слышали.

Б. Чориков. Василий Шибанов подал от господина своего Андрея Курбского письмо царю Ивану IV. XIX в.

Курбский говорит, что от сатанинского силлогизма Топоркова произошла вся беда, то есть перемена в поведении Иоанна; но мы видим, что летописец более беспристрастный указывает начало беды в событиях, происходивших во время болезни Иоанновой. Оба показания, впрочем, могут быть легко соединены: Иоанн под

впечатлением событий, происходивших во время болезни его, мог именно желать свидания с Вассианом, приверженцем отца его и противником вельмож, и с особенным удовольствием слушать его беседы, которые, конечно, не могли клониться в пользу советников Сильвестровых. Но как бы то ни было, и Курбский не указывает на немедленные следствия совета Вассианова; хотя, с другой стороны, уже в 1554 году мы видим довольно значительное движение недовольных: в числе князей, не хотевших присягать Димитрию, был князь Семен Ростовский. В июле 1554 года побежал в Литву князь Никита Ростовский, был схвачен в Торопце и в допросе показал, что отпустил его в Литву боярин князь Семен Ростовский объявить королю, что он сам едет к нему с братьями и племянниками. Князь Семен был схвачен и показал, что хотел бежать от убожества и малоумства, скуден он разумом и добрыми делами, по-пустому изъедает царское жалованье и отцовское наследство. Люди его, призванные к допросу, показали, что он сносился с литовским послом Довойною, когда тот был в Москве, сам дважды виделся с ним, рассказывал ему, что говорилось в Думе насчет мира с Литвою, поносил государя, уговорился с Довой ною и послал человека своего к королю за опасною грамотою. Князь Семен подтвердил все эти показания, утверждая, что все это делал от малоумства и что с ним хотели бежать родственники его, князья Лобановы и Приимковы. Царь с боярами осудили его за дела и слова на смертную казнь и послали на позор вместе с товарищами, но митрополит с владыками и архимандритами отпросили его от смертной казни, и он сослан был на Белоозеро в тюрьму, а людей его распустили. Сам князь Семен извинялся малоумством, летописцы также не говорят о побуждениях его к отъезду, но само правительство объясняет эти причины в наказе послу, отправленному в Литву: «Если станут его спрашивать о деле князя Семена Ростовского, то говорить: пожаловал его государь боярством для отечества, а сам он недороден, в разуме прост и на службу не годится; однако захотел, чтоб государь пожаловал его наравне с дородными; государь его так не пожаловал, а он, рассердившись по малоумству, начал со всякими иноземцами говорить непригожие речи про государя и про землю; государь вины его сыскал и за то велел его казнить. А станут говорить: с князем Семеном хотели отъехать многие бояре и дворяне? Отвечать: к такому дураку добрый

кто пристанет? С ним хотели отъехать только родственники его, такие же дураки».

Иоанн жалуется в письме к Курбскому, что после этого Сильвестр с своими советниками держал князя Семена в великом береженье, помогал ему всякими благами, и не только ему, но и всему роду его. В 1560 году видим удаление Сильвестра и Адашева от двора. И удаление Сильвестра не много более уяснено в памятниках, как и появление его при Иоанне; о последнем свидетельствует Курбский, и свидетельствует, как мы видели, очень неудовлетворительно; о причинах удаления говорит он же и потом сам Иоанн в ответном письме к нему. Мы должны рассмотреть подробно оба эти свидетельства.

Когда царь, говорит Курбский, оборонился храбрыми воеводами своими от врагов окрестных, то платит оборонителям злом за добро. Как же он это начинает? Вот как: прежде всего отгоняет от себя двух преждепоименованных мужей, Сильвестра и Адашева, ни в чем перед ним не виноватых, отворивши оба уха презлым ласкателям своим, шурьям и другим с ними, которые заочно клеветали ему на этих святых мужей. Что же они клеветают и шепчут на ухо? Тогда умерла у царя жена; вот они и сказали, что извели ее те мужи, Сильвестр и Адашев. Царь поверил. Услыхав об этом, Сильвестр и Адашев начали умолять то чрез письма, то чрез митрополита, чтобы дана была им очная ставка с клеветниками. «Не отрицаемся, – писали они, – и смерти, если будем обличены; но да будет суд явственный пред тобою и перед всею Думою твоею». Что же умышляют клеветники? Писем не допускают до царя, митрополиту запрещают и грозят, царю говорят: «Если допустишь их к себе на очи, то очаруют они тебя и детей твоих; притом все войско и народ любит их больше, чем тебя самого, побьют тебя и нас камнями. Но если даже этого и не будет, то свяжут тебя опять и покорят себе в неволю. Так они тебя до сих пор держали в оковах, по их приказу ты пил и ел и с женою жил, не давали они тебе ни в чем воли, ни в большом, ни в малом, не давали тебе ни людей своих миловать, ни царством своим владеть. Теперь, когда ты отогнал их от себя, то пришел в свой разум, отворил себе очи, смотришь свободно на все твое царство и сам един управляешь им». Царь хвалит совет, начинает любить советников, связывает себя и их клятвами, вооружаясь, как на врагов, на мужей неповинных и на всех, добра хотящих ему и души за него полагающих. И что ж прежде всего делает? Собирает собор из

бояр и духовенства, присоединяет прелюкавых некоторых монахов, Мисаила Сукина, издавна знаменитого злобою, Вассиана неистового и других, исполненных лицемерия и бесстыдства, сажает их близ себя, с благодарностию слушает их, клеветующих на святых. Что же делают на этом соборе? Читают вины вышесказанных мужей заочно. Митрополит говорит: «Надобно привести обвиненных сюда, чтоб выслушать, что они будут отвечать на обвинения». Все добрые были согласны с ним, но ласкатели вместе с царем завопили: «Нельзя этого сделать, потому что они ведомые злодеи и волшебники великие, очаруют царя и нас погубят, если придут». Итак, осудили их заочно. Сильвестра заточили в монастырь Соловецкий. Адашев отгоняется от очей царских без суда в нововзятый город в Ливонии, назначается туда воеводою, но ненадолго: когда враги его услышали, что многие города ливонские хотели поддаться ему по причине его доброты, то прилагают клеветы к клеветам, и царь приказывает перевести его в Дерпт и держать под стражею; через два месяца он занемог здесь горячкою и умер. Тогда клеветники возопили к царю: «Изменник твой отравился». А Сильвестр-пресвитер еще прежде, чем изгнан был, увидав, что царь не по Боге всякие вещи начинает, претил ему и наставлял много, но он отнюдь не внимал и к ласкателям ум и уши приклонил; тогда пресвитер, видя, что царь уже отвратил от него свое лицо, отошел в монастырь, во ста милях от Москвы лежащий, и там, постригшись в монахи, провождал чистое житие. Но клеветники, услышав, что монахи тамошние держат его в чести, из зависти и из боязни, чтоб царь, услышав об этом, не возвратил его к себе, схвативши его оттуда, завели на Соловки, хвалясь, что собором осудили его.

Итак, по рассказу Курбского, сперва выходит, что дело началось отгнанием Сильвестра и Адашева вследствие клеветы в отраве царицы; а потом вдруг узнаем, что Сильвестр еще прежде сам удалился и постригся в Кириллове Белозерском монастыре. Следовательно, дело началось не клеветою в отраве, а прежде: Сильвестр ушел, увидав, что царь отвратил от него лицо свое; что же заставило Иоанна отвратить лицо от Сильвестра, об этом Курбский не говорит и, перемешавши порядок событий как бы намеренно, лишил себя доверенности, показал, что или не умел, или не хотел объяснить причины нерасположения царя к Сильвестру, которое заставило последнего удалиться. Об Адашове Курбский говорит, что он отгоняется от очей царских без суда,

назначается в Феллин воеводою уже после смерти царицы Анастасии; но известно, что Адашев еще в мае 1560 года отправлен был в поход на Ливонию в третьих воеводах в большом полку.

Посмотрим, рассказ царя Иоанна не будет ли удовлетворительнее, причем прежде всего заметим, что царь, оправдывая свои жестокости, никогда не отрицает их; следовательно, мы имеем право полагаться на его слова. Вот что говорит он в письме к Курбскому, перечисляя вины Сильвестра и Адашева: «Видя измены от вельмож, мы взяли вашего начальника, Алексея Адашева, от гноища и сравняли его с вельможами, ожидая от него прямой службы. Какими почестями и богатствами осыпали мы его самого и род его! Потом для духовного совета и спасения души взял я попа Сильвестра, думая, что он, предстоя у престола владычного, побережет души своей; он начал хорошо, и я ему для духовного совета повиновался; но потом он восхитился властью и начал совокупляться в дружбу подобно мирским. Подружился он с Адашевым, и начали советоваться тайком от нас, считая нас слабоумными, мало-помалу начали они всех вас, бояр, в свою волю приводить, снимая с нас власть, частию равняя вас с нами, а молодых детей боярских приравняя к вам. Единомышленника своего, князя Димитрия Курлятева, ввели к нам в синклитию и начали злой совет свой утверждать: ни одной волости не оставили, где бы своих угодников не посадили; втроем с Курлятевым начали решать и местнические дела; не докладывали нам ни о каких делах, как будто бы нас и не было; наши мнения и разумные они отвергали, а их и дурные советы были хороши. Так было во внешних делах; во внутренних же мне не было ни в чем воли: сколько спать, как одеваться – все было ими определено, а я был как младенец. Потом вошло в обычай: я не смей слова сказать ни одному из самых последних его советников; а советники его могли говорить мне, что им было угодно, обращались со мною не как со владыкою или даже с братом, но как с низшим; кто нас послушается, сделает по-нашему, тому гонение и мука; кто раздражит нас, тому богатство, слава и честь. И такое утеснение увеличивалось не день ото дня, но час от часу. Когда мы с христианскою хоругвиею двинулись на безбожный язык Казанский, получили над ним победу и возвращались домой, то какое доброхотство оказали нам люди, которых ты называешь мучениками? Как пленника, посадивши в судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и

неверную землю! Когда по возвращении в Москву я занемог, то доброхоты эти восшатались, как пьяные, с Сильвестром и Адашевым, думая, что нас уже нет, забыв благодеяния наши и свои души, потому что отцу нашему целовали крест и нам, что, кроме наших детей, другого государя себе не искать; хотели воцарить далекого от нас в колене князя Владимира, а младенца нашего погубить. Если при жизни нашей мы от своих подвластных насладились такого доброхотства, то что будет после нас? Когда мы выздоровели, Сильвестр и Адашев не переменили своего поведения: на доброжелателей наших под разными видами умышляли гонения, князю Владимиру во всем потакали, на царицу нашу Анастасию сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее всем нечестивым царицам, а про детей наших тяжело им было и вспомнать. Когда князь Семен Ростовский изменил и мы наказали его с милостию, то Сильвестр начал его держать в великом бережении и помогать ему всяким добром, и не только ему, но и всему роду его. Таким образом, изменникам нашим было хорошо, а мы терпели притеснение. Началась война с ливонцами; Сильвестр с вами, своими советниками, жестоко на нас за нее восставал: заболею ли я, или царица, или дети – все это, по вашим словам, было наказание Божие за наше непослушание к вам. Как вспомню этот тяжкий обратный путь из Можайска с больною царицею Анастасиею? Единого ради малого слова непотребна. Молитвы, путешествия по святым местам, приношения и обеты ко святыне о душевном спасении и телесном здравии – всего этого мы были лишены лукавым умышленном; о человеческих же средствах, о лекарствах во время болезни и помину никогда не было. Пребывая в таких жестоких скорбях, не будучи в состоянии сносить такой тягости и сыскав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, мы наказали их милостиво: смертную казнию не казнили никого, но по разным местам разослали. Поп Сильвестр, видя своих советников в опале, ушел по своей воле, и мы его отпустили не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотели судить его здесь: хочу судиться с ним в будущем веке, пред агнцем Божиим. А мирских людей мы наказали по их измене: сначала смертную казнию не казнили никого; но всем приказано было отстать от Сильвестра и Адашева, не иметь с ними сообщения, в чем и взята была со всех присяга; но советники их приказ наш и крестное целование вменили ни во что, не только не отстали от изменников, но и больше начали им помогать и

всячески промышлять, чтобы их в первый чин возвратить, и так как злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей вине суд и приняли».

*К. Маковский. Князь Репнин на пиру у Ивана Грозного. 1880 г.
Фрагмент*

В этом рассказе нас не останавливает никакая запутанность или противоречие: причина и постепенность действия ясны. Иоанн сам

объявляет, что нерасположение к вельможам заставило его приблизить к себе Адашева, человека относительно низкого происхождения; для совета духовного, для нравственного руководства приближен был священник Сильвестр; относительно внутренней, нравственной жизни подчинение Сильвестру было полное. Но Сильвестр, соединясь с Адашевым, составив себе многочисленную и сильную партию, захотел полного подчинения во всем: несогласие Иоанна с Сильвестром и его советниками выставлялось как непослушание велениям Божиим, за которым непосредственно следуют наказания; во время болезни царя Сильвестр, отец Адашева и приятели их действовали так, что заставили Иоанна разувериться в их расположении к нему и его семейству. Последнее столкновение, на котором остановился Иоанн при перечислении своих оскорблений, поместил он во время обратного пути из Можайска с больною Анастасиею. Известие это, лишенное подробностей, для нас темно, как известие о деле с Курлятевым и Сицким и многие другие намеки, делаемые Иоанном в переписке его с Курбским. Это столкновение, как видно, было последним, решительным в борьбе; время путешествия Иоанна с больною женою нам известно: это было в ноябре 1559 года, весною видим уже Адашева в почетной ссылке при войске, отправлявшемся в Ливонию; в это же время должен был удалиться и Сильвестр. Любопытно и тут видеть остаток того нравственного влияния, которым пользовался Сильвестр над Иоанном, – последний выставляет более виновным Адашева. Сильвестр удаляется добровольно; Иоанн повторяет, что он не сделал ему никакого зла, что не хочет судить его, а будет судиться с ним перед судом Христовым. Очень важно известие, находимое у Иоанна, – известие о постепенности в опалах: сперва удаление некоторых; взятие с оставшихся клятвы не сообщаться с удаленными; но клятва не соблюдается, и следуют казни. Действительно, трудно предположить, чтоб многочисленная и сильная сторона Сильвестра и Адашева осталась спокойною зрительницею своего падения, не старалась возвратить себе прежнего положения, чего могла достигнуть только чрез возвращение Сильвестру и Адашеву их прежнего значения. Это известие тем вероятнее, что объяснения перевода Адашева из Феллина в Дерпт и Сильвестра из Кириллова в Соловецкий монастырь, объяснения, которые сообщает нам Курбский, очень невероятны: Адашеву хотели сдаваться ливонские города, Сильвестра кирилловские

монахи держали в большом почете – и это возбудило зависть, опасения во врагах их! Наконец, очень важно, что Иоанн при исчислении вин Сильвестра и Адашева ни слова не упоминает об обвинении в отраве Анастасии и тем опять подрывает достоверность известия Курбского, будто обвинение в отраве царицы, которое придумали враги Сильвестра и Адашева и которому поверил Иоанн, было началом опалы. Если б Иоанн действительно поверил отраве, если б это был главный пункт обвинения, то что могло помешать ему выставить его в послании к Курбскому? Только во втором послании, желая ответить на упрек в потере нравственной чистоты, Иоанн обращается к Курбскому с вопросом: «А зачем вы разлучили меня с женою? Если б вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновых жертв и не было бы. Только бы на меня с попом не стали, то ничего бы и не было: все учинилось от вашего самовольства». Таким образом, то, что у Курбского является на первом плане, о том сам Иоанн вовсе сначала не упоминает, а потом упоминает мимоходом, в очень неопределенных выражениях, чтоб только чем-нибудь оправдаться в упреке за нравственные беспорядки; это различие легко объясняется тем, что Иоанн не считал для себя нужным скрывать главные причины событий – борьбы с Сильвестром, Адашевым и советниками их за власть, что повело к удалению этих лиц, и потом движение стороны Сильвестра и Адашева для возвращения своим вождам прежнего значения, что повело к дальнейшим опалам и казням, тогда как Курбскому хотелось скрыть обе причины; для этого он перемешал события.

Иоанн не отрицает казней, последовавших за открытием движения советников Сильвестра и Адашева в пользу последних. Следовательно, имеем право принять показание Курбского о казни одной вдовы, Марии Магдалины, с пятью сыновьями; вдова эта была родом полька и приняла в Москве православие; по словам Курбского, ее обвиняли в связи с Адашевым и в чародействе; тогда же казнены были родственники Адашева: брат Данила с двенадцатилетним сыном и тестем Туровым, трое братьев Сатиных, которых сестра была за Алексеем Адашевым, наконец, родственники Адашевых – Иван Шишкин с женою и детьми. На основании признаний самого Иоанна имеем право принять известие Курбского и других современников о порче нравственности Иоанновой, происшедшей в это время; мы видели, как начало порчи положено было в молодых годах его; брак,

впечатление, произведенное пожарами, влияние Сильвестра и Адашева повели к успокоению страстей, к очищению души, но скоро Иоанн опять стал волноваться подозрением и гневом вследствие поведения Сильвестра и советников его во время болезни своей, вследствие образования при дворе двух сторон, вследствие вражды Сильвестра и стороны его к Анастасии; надобно было действовать против них, употреблять наказания. Около Иоанна образовалась пустота: люди, к которым он привык, которых любил и, что всего важнее, которых уважал, исчезли или, что еще хуже, стали поодаль, во враждебном положении. В это время новый удар: Иоанн овдовел, остался совершенно одинок, остался один на один с своими страстями, требовавшими немедленного удовлетворения, а природа Иоанна мешала ему останавливаться при удовлетворении страстей; при впечатлительности, страстности, увлекательности природы Иоанновой переходы от зла к добру и от добра ко злу были очень скоры. Как следствия порчи нравственной выставляют две казни: казнь князя Михайлы Репнина и князя Дмитрия Овчинина. Иоанн, по словам Курбского, призвал Репнина на пир, желая привязать его к себе; когда все общество, развеселившись, надело маски и начало плясать, Репнин стал со слезами говорить Иоанну, что христианскому царю неприлично это делать; Иоанн в ответ надел на него маску, говоря: «Веселись, играй с нами!» Репнин сорвал маску, растоптал ее и сказал: «Чтоб я, боярин, стал так безумствовать и бесчинствовать!» Иоанн рассердился и прогнал его, а чрез несколько дней велел убить его в церкви подле алтаря, во время чтения евангельского; в ту же ночь велел убить князя Юрия Кашина, когда тот шел в церковь к заутрене: убили его на самой церковной паперти. Причины этого последнего убийства Курбский не объявляет. Мы сочли себя вправе упомянуть здесь об этих казнях потому, что Курбский в первом послании своем к царю уже говорит: «Зачем ты святую кровь воевод своих в церквах Божиих пролил, зачем мученическою их кровью пороги церковные обагрив?» Иоанн в ответе, не отрицая казней, говорит, однако: «Крови в церквах никакой мы не проливали и порогов церковных кровью не обагривали». Молодой князь Дмитрий Оболенский-Овчинин, племянник любимца великой княгини Елены, казнен был по одному известию за то, что поссорился с молодым Федором Басмановым, любимцем Иоанна, и сказал ему: «Я и предки мои служили всегда с пользою государю, а ты служишь

гнуною содомиєю». Но молчание Курбского о причине казни Овчина заподозряет приведенное известие; Курбский также противоречит его автору относительно того, как убит был Овчинин.

Самым близким человеком к Сильвестру и Адашеву из бояр был князь Дмитрий Курлятев; его с женою и дочерьми сослали в монастырь. Курбский говорит, что их всех постригли насильно, дочерей-младенцев, а через несколько лет удавили. Князь Михайла Воротынский с семейством сослан был на Белоозеро; до нас дошли известия, как содержались эти опальные вельможи. В конце 1564 года князь Михаил бил челом, что ему не прислали государева жалованья: ведра романей, ведра рейнского вина, ведра бастру, 200 лимонов, десяти гривенок перцу, гривенки шафрану, двух гривенок гвоздики, пуда воску, двух труб левашных, пяти лососей свежих; деньгами шло князю, княгине и княжне 50 рублей в год, людям их, которых было 12 человек, 48 рублей 27 алтын. Мы не знаем, в чем обвинялись эти лица, подвергшиеся смертной казни или заключению, но знаем, в чем обвинялись некоторые вельможи, подвергшиеся было опале, но прощенные. В 1561 году взято письменное обещание не отъезжать с князя Василия Михайловича Глинского, который проступил. В 1562 году 29 человек поручились по князе Иване Дмитриевиче Бельском, что ему не отъехать ни в какие государства, ни в уделы; но в том же году тот же Иван Дмитриевич Бельский уже снова бил челом за свою вину, что «преступил крестное целование и, забыв жалованье государя своего, изменил, с королем Сигизмундом-Августом ссылался, грамоту от него себе опасную взял и хотел бежать от государя своего». Несмотря на это, государь «холопа своего пожаловал, вины ему отдал». В записи Бельский обещается: «Служить мне государю своему и потом сыну его большому, который на государстве будет. А которые дети государя моего на уделах будут, мне к ним не отъехать; также мне к удельным князьям ни к кому не отъехать». В следующем, 1563 году Бельский с шестью другими боярами выручал другого отъезжика, князя Александра Ивановича Воротынского; за поручников поручилось по обыкновению еще 56 человек. В следующем, 1564 году выручен был Иван Васильевич Шереметев также двойным ручательством. Курбский пишет, что Иоанн мучил Шереметева, допытываясь, где его богатство. Шереметев отвечал, что «оно руками нищих перенесено в небесное сокровище, ко Христу». Иоанн умилился, велел снять с него тяжелые

оковы и перевести в тюрьму более сносную, но в тот же день велел удавить брата его Никиту. Но известие, особенно о смерти Никиты Шереметева, сомнительно; что же касается до Ивана Шереметева, то известно, что, давши запись, он долго оставался на прежнем месте и потом постригся в Кириллово-Белозерском монастыре.

А. Васнецов. Московский застенок. 1912 г. Фрагмент

Вельможам, находившимся в Москве, трудно было отъехать; легче было сделать это воеводам, находившимся на границах, в Ливонии; этим удобством воспользовался один из самых знаменитых воевод,

князь Андрей Михайлович Курбский, и отъехал в Литву, к королю Сигизмунду-Августу, который принял его с честью. Курбский был в числе самых близких советников Сильвестра и Адашева, но, как видно из его собственных показаний, до конца 1559 года пользовался особенным расположением Иоанна. Но эти отношения должны были скоро перемениться вследствие удаления Сильвестра и Адашева, потом опал и казней родственников и друзей их. По некоторым известиям, неудачная битва Курбского с литовцами под Невелем заставила его опасаться гнева Иоаннова и отъехать. Курбский в письме к Иоанну так говорит о причинах отъезда: «Какого зла и гонения от тебя не претерпел я! Каких бед и напастей на меня не воздвиг ты? Каких презлых лжесплетеней не взвел ты на меня! Приключившихся мне от тебя различных бед нельзя рассказать по порядку за множеством их. Не упросил я тебя умиленными словами, не умолил я тебя многослезным рыданием, не исходатайствовал от тебя никакой милости архиерейскими чинами». Иоанн отвечает ему: «Зачем ты за тело продал душу? Побоялся смерти по ложному слову своих друзей? От этих бесовских слухов наполнился ты на меня яростию! Ты за одно слово мое гневное душу свою погубил». Но в другом месте Иоанн пишет: «Зла и гонений без причины от меня ты не принял, бед и напастей на тебя я не воздвигал; а какое наказание малое и бывало на тебе, так это за твое преступление, потому что ты согласился с нашими изменниками; а ложных обвинений, измен, в которых ты не виноват, я на тебя не взводил, а которые ты проступки делал, мы по тем твоим винам и наказание чинили. Если ты наших опал за множеством их не можешь перечесть, то как вся вселенная может исписать ваши измены?» Из этого уже видно, что дело пошло не из-за одного слова гневного, что Курбский действительно подвергся опале, претерпел наказание за свою связь с Сильвестром и Адашевым; в чем могло состоять наказание воеводе неотозванному, продолжавшему начальствовать войсками? Быть может, в отобрании части имущества. Наконец, гневное слово за Невельскую битву могло быть решительным побуждением для Курбского к бегству, ибо из слов Иоанновых видно, что приятели Курбского дали знать ему об этом гневном слове и дали знать в том смысле, что ему грозит смерть. Из подробностей о бегстве Курбского мы знаем, что он получил два письма: одно – от короля Сигизмунда-Августа, другое – от сенаторов, Николая Радзивилла, гетмана

литовского, и Евстафия Воловича, подканцлера литовского. В этих письмах король, гетман и подканцлер приглашали Курбского оставить Московское государство и приехать в Литву. Потом Курбский получил еще от короля и Радзивилла грамоты: король обещал ему свои милости, Радзивилл уверял, что ему дано будет приличное содержание. Курбский отправился в Литву, когда получил от короля опасную грамоту и когда сенаторы присягнули, что король исполнит данные ему обещания. Известный литовский ученый Волан, восхваляя своего благодетеля гетмана Радзивилла, между другими важными заслугами его приводит и то, что по его стараниям Курбский из врага Литвы стал ее знатным обывателем.

Курбский принадлежал к числу образованнейших, начитаннейших людей своего времени, не уступал в этом отношении Иоанну: быть может, одинакая начитанность, одинакая страсть к книгам и служила прежде самую сильную связь между ними. Курбский не хотел отъехать молча, молча расстаться с Иоанном: он вызвал его на словесный поединок; Иоанн по природе своей не мог удержаться и отвечал. Началась драгоценная для истории переписка, ибо в ней высказались не одни только личные современные отношения противников, в ней высказались родовые предания, в ней вскрылась историческая связь явлений. Кроме писем к Иоанну Курбский в Литве написал еще сочинение о современных событиях с целью оправдать, возвеличить свою сторону и обвинить во всем Иоанна; сочинение это имеет для нас такое же значение, как и переписка с царем.

Мы видели, что главное неудовольствие князей и потомков прежней дружины на новый порядок вещей состояло в том, что московские государи перестали соблюдать древний обычай ничего не делать без совета с дружиною. За это негодовали особенно на великого князя Василия Иоанновича; советник последнего, епископ Вассиан Топорков, советует то же самое и сыну Василиеву, Иоанну. Рассказав о передаче этого правила, этого предания отцовского и дедовского чрез Вассиана Иоанну, Курбский восклицает: «О глас воистину дьявольский, всякие злости, презорства и забвения исполненный! Ты забыл, епископ! Что написано во второй книге Царств; когда Давид советовался с своими вельможами, желая исчислить народ израильский, и все вельможи советовали не считать, а царь не послушал советников своих, ты забыл, какую беду навел Бог за непослушание синклитскому совету?

Чуть весь Израиль не погиб! Ты забыл, что принесли безумному Ровоаму гордость и совет юных и презрение совета старших?» Приведши многие другие места Св. Писания в подтверждение этой мысли, Курбский выражает ее так: «Если царь и почтен царством, но так как он не может получить от Бога всех дарований, то должен искать доброго и полезного совета не только у советников своих, но и у простых людей, потому что дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной; не зрит Бог на могущество и гордость, но на правость сердечную и дает дары, сколько кто вместит добрым произволением». Потом Курбский хвалит Иоанна III, который совершил великие подвиги только потому, что слушался советников своих; в другом месте Курбский называет Иоанна III злым тираном, истребителем родственников и дружины; но ни Курбский, ни Иоанн IV не обращали внимания на такие противоречия, очень естественные у людей, пишущих под влиянием страсти и стремящихся во что бы то ни стало защищать свою основную мысль. Курбский не забывал, что он потомок князей ярославских и смоленских: говоря о вельможах, падших жертвами Иоанна IV, отца его и деда, Курбский не преминет прибавить их родословную, не преминет сказать, что то были благородные княжата, потомки таких-то и таких-то князей; в одном из писем к царю Курбский говорит: «Не знаю, чего еще у нас хочешь? Не только единоплеменных князей, потомков Владимира Великого, ты различными смертями поморил и отнял имущества движимые и недвижимые, чего еще дед и отец твои не успели разграбить, но могу сказать, что и последних срачиц твоему прегордому и царскому величеству мы не возбранили». Из этих слов видно, что в уме Курбского деятельность Иоанна IV представлялась окончанием деятельности отца и деда, окончанием борьбы государей московских с князьями единоплеменными; из этих же слов видно, что потомкам князей не нравился новый титул царя, принятый Иоанном, потому что этот титул выделял московского государя из среды остальных князей единоплеменных; Курбский сопоставляет слова так: «Твоему прегордому и царскому величеству». Но всего лучше выражаются чувства, которые потомки князей питали к государям московским, в следующих словах Курбского; оправдываясь в обвинении, что участвовал в отравлении царицы Анастасии и в умысле возвести на престол удельного князя Владимира Андреевича, Курбский пишет:

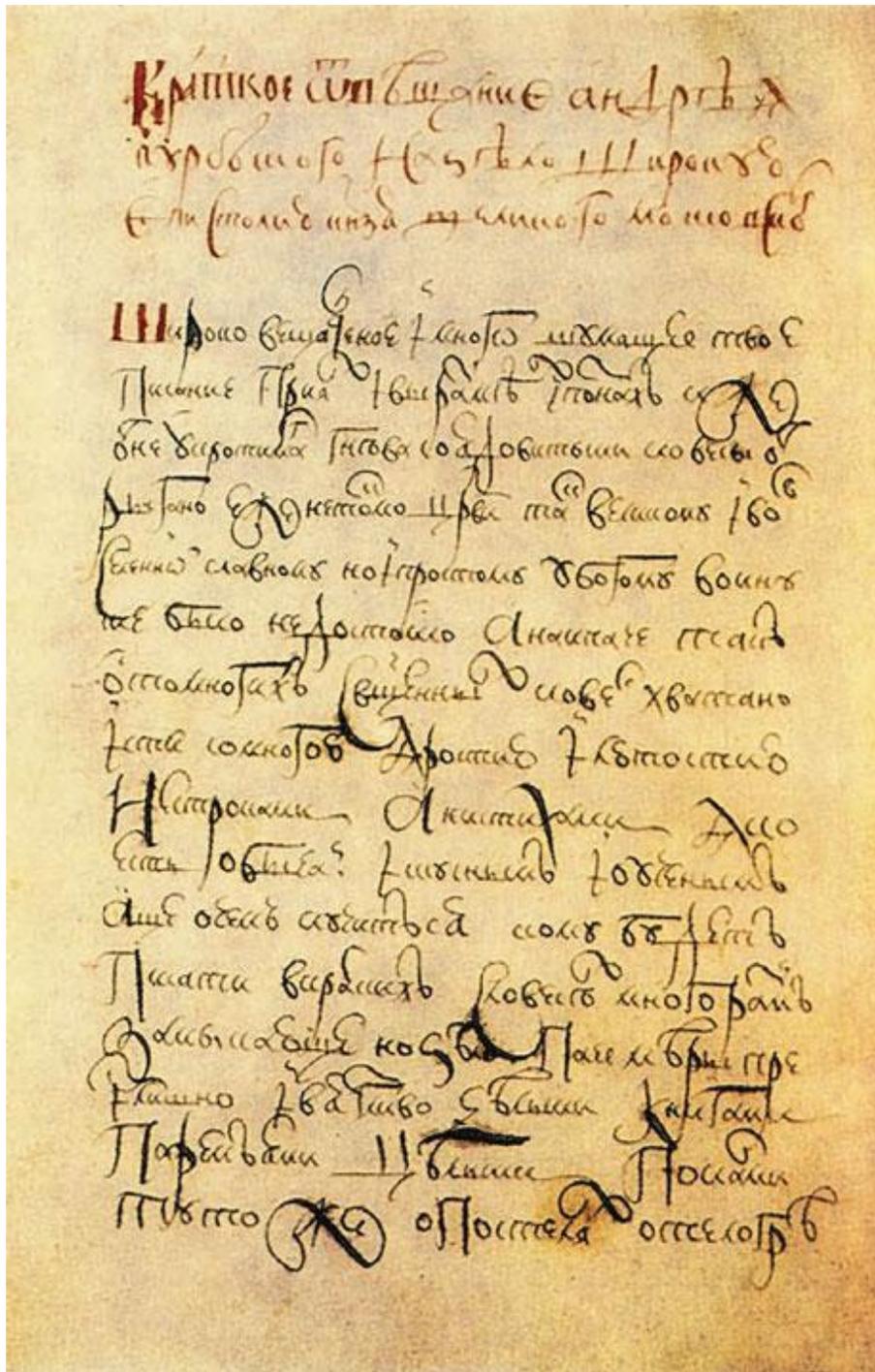
«Хотя я много грешен и недостойн, однако рожден от благородных родителей, от племени великого князя смоленского Федора Ростиславича; а князья этого племени не привыкли свою плоть есть и кровь братьев своих пить, как у некоторых издавна ведется обычай. Первый дерзнул Юрий московский в Орде на святого великого князя Михаила тверского, а за ним и прочие; еще у всех на свежей памяти, что сделано с углицкими и с ярославскими и другими единокровными, как они всеродно были истреблены – слышать тяжело, ужасно! От груди материнской оторвавши, в мрачных темницах затворили и поморили; а внуку тому блаженному и присновенчанному (Димитрию) что сделано? А твоя царица мне, убогому, ближняя родственница. Вспоминаешь о Владимире-брате, будто мы его хотели на царство: я об этом и не думал, потому что он был недостойн, но я еще тогда угадал грядущее твое мнение на меня, когда ты насильно взял сестру мою за этого своего брата в этот ваш издавна кровопийственный род».

Мы видели, что московские великие князья, начиная с Иоанна III, признавая даже право отъезда за боярами и слугами вольными, старались, однако, удержать их от пользования этим правом посредством клятвенных записей и поручительств. Как смотрели сами князья и потомки старых дружинников на эти грамоты, видно из следующих слов Курбского: «Ты называешь нас изменниками, потому что мы принуждены были от тебя поневоле крест целовать, как там, есть у вас обычай, а если кто не присягнет, тот умирает горькою смертью; на это тебе мой ответ: все мудрецы согласны в том, что если кто присягнет поневоле, то не на том грех, кто крест целует, но преимущественно на том, кто принуждает, если б даже и гонения не было; если же кто во время прелютного гонения не бежит, тот сам себе убийца, противящийся слову Господню: «Аще гонят вас во граде, бегайте в другой»; образ тому Господь Бог наш показал верным своим, бегая не только от смерти, но и от зависти богоборных жидов». Мы видели, что Иоанн, с малолетства озлобленный на вельмож, доверял более дьякам, как людям новым, без старинных преданий и притязаний; при нем дьяки заведовали не только письменными и правительственными делами, но являются даже воеводами, как, например, Выродков и Ржевский. Конечно, это не могло нравиться Курбскому, и он вот что говорит о дьяках: «Князь великий очень верит писарям, которых выбирает не из шляхетского рода, не из благородных,

а преимущественно из поповичей или из простого всенародства, а делает это из ненависти к вельможам своим».

Теперь обратимся к ответам Иоанна IV. Прежде всего он говорит о своем праве на самодержавный престол, праве древнем, неизменном, неутраченном: «Самодержавства нашего начало от святого Владимира: мы родились на царстве, а не чужое похитили». Это право свое он противопоставляет устарелому, утраченному праву Курбского на княжество Ярославское. Так как основное положение Курбского состоит в том, что царь должен советоваться с боярами, что при Иоанне и прежде тогда только было все хорошо, когда слушались этих советов, и все пошло дурно, когда Иоанн удалил советников и стал управлять сам, то, наоборот, основное положение Иоанна – царь не должен находиться ни под чьим влиянием: «Эта ли совесть прокаженная – свое царство в своей руке держать, а подданным своим владеть не давать? Это ли противно разуму – не хотеть быть обладаемому подвластными? Это ли православие пресветлое – быть обладаемому рабами? Русские самодержцы изначала сами владеют всем царством, а не бояре и вельможи». Как защитник нового порядка вещей, как потомок государей московских, Иоанн в ответ потомку ярославских князей высказывает цель своего правления и превосходство нового порядка вещей. Приводя слова апостола Павла, царь сравнивает старую и новую Русь с Ветхим и Новым заветом: «Как тогда вместо креста было потребно обрезание, так и вам вместо царского владения потребно самовольство. Тщуся с усердием людей на истину и на свет наставить, да познают единого истинного Бога, в Троицке славимого, и от Бога данного им государя, а от междоусобных браней и строптивного жития да престанут, которыми царство растлевается. Ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобные брани не прекратятся. Неужели это сладко и свет – от добра удалиться и зло творить междоусобными бранями и самовольством?» Таким образом, Иоанн дошел до самого высокого понятия о царской власти: «Истина и свет для народа – в познании Бога и от Бога данного ему государя». Этому понятию он дает историческую опору: междоусобия, терзавшие землю, прекратились с утверждением единовластия и самодержавия; следствия неповиновения – усобицы. При таком высоком понятии о значении царя Иоанн чувствовал, что ответ его на письмо Курбского, изменившего подданного, есть недостойная царя слабость; но он был

человек чувства и потому не выдержал, отвечал; раскаяние в этой слабости видно из некоторых слов: «До сих пор русские владетели не давали отчета никому, вольны были подвластных своих жаловать и казнить, не судились с ними ни перед кем; и хотя неприлично говорить о винах их, но выше было сказано». На обвинение в жестокости царь отвечает: «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их также вольны». На обвинение в облыгании своих подданных изменою отвечает: «Если уж я облыгаю, то от кого же другого ждать правды? Для чего я стану облыгать? Из желания ли власти подданных своих или рублища их худого, или мне припала охота есть их?»

Рукопись послания Андрея Курбского Ивану Грозному. Факсимиле. XVII в.

Курбский принадлежал к стороне Сильвестра, укорял Иоанна особенно за удаление последнего. Иоанн отвечает на этот укор: «Ты считаешь светлостью благочестивою, когда царство обладаетя попом-

невеждою? Но всякое царство, обладаемое попом, разоряется. Тебе чего хотелось? Того же, что случилось в Греции? Эту погибель и нам советуешь?» Курбский, защищая свое мнение о необходимости совета, выбирал примеры из Св. Писания; Иоанн не менее Курбского изучил этот источник примеров и отвечает своему сопернику: «Вспомни, что Бог, изводя Израиля из работы, поставил не священника владеть людьми и не многих правителей, но одного Моисея, как царя, поставил над ними; и священствовать ему не повелел, Аарону, брату его, повелел священствовать, а в людское устройство не мешаться; когда же Аарон стал заведовать людским устройением, то от Бога людей отвел: смотри, как священникам не подобает брать на себя царские дела! Также Дафан и Авирон захотели похитить себе власть, но и сами погибли, и какую Израилю погибель навели, что вам, боярам, прилично! После был судьей Израилю Иисус Навин, а священником – Елеазар; с тех пор до Илии жреца обладали судьи и спасали Израиль; когда же Илия жрец принял на себя священство и царство, то хотя сам был праведен и добр, но за дурное поведение сыновей сам с ними злою смертью погиб, и весь Израиль побежден был до дней царя Давида». Имея такое высокое понятие о своем значении, Иоанн сильно оскорблен был грубым тоном князя Курбского, помнившего свое происхождение от одного родоначальника с царем и противопоставившего доблестный род смоленских Ростиславичей «издавна кровопийственному роду» князей московских; в гневных выражениях Иоанн напоминает Курбскому о должном уважении к особе царя примером из византийской истории: «Ты, собака, и того не рассудишь, как три патриарха собрались со множеством святителей к нечестивому царю Феофилу и многосложный свиток написали, но все таких хулений, как ты, не написали, хотя и нечестив был царь Феофил». Если в письмах Курбского высказался потомок лишенных владения князей, то Иоанн в своих письмах не раз обнаруживает, какое сильное впечатление произвело на него поведение вельмож во время его болезни. Оправдываясь в казни вельмож, царь говорит, что они превзошли всех изменников древней истории, говорит, что император Константин казнил родного сына, Феодор Ростиславич, предок Курбских, пролил в Смоленске множество крови в самую Пасху, Давид казнил своих изменников, и, следовательно, московские бояре должны быть также казнимы. В другом месте царь говорит: «Как во Израиле некоторые, согласившись с Авимелехом, от наложницы

Гедеоновой рожденным, перебили в один день семьдесят законных сыновей Гедеоновых и воцарили Авимелеха, так и вы собацким изменным обычаем хотели в царстве царей достойных истребить и воцарить дальнего родственника, хотя и не от наложницы рожденного. Так-то вы доброхотны, так-то вы душу за меня полагаете, что, подобно Ироду, грудного младенца хотели погубить, смертью света сего лишить и воцарить вместо его чужого? Так-то вы за меня душу полагаете и доброхотствуете?» Если Курбский, боярин и потомок ярославских князей, ведет новый порядок вещей, начало зла, по его взгляду, от Иоанна III, если он называет кровопийственным весь род московских князей, то Иоанн IV знает также старину, знает, когда и как началась борьба, которую ему суждено было довести до такой ужасной крайности; если Курбский называет Иоанна «лютоостию, рожденною в законопреступлении и сладострастии», то Иоанн с своей стороны считает себя вправе называть Курбского рождением исчадия ехидного, изменником прирожденным. «Вы привыкли, – говорит царь, – от прародителей своих измену чинить: как дед твой, князь Михайла Карамыш, с князем Андреем углицким на деда нашего, великого государя Ивана, умышлял изменные обычаи, так и отец твой, князь Михайла, с великим князем Димитрием-внуком на отца нашего, Василия, многие пагубные смерти умышляли; также и матери твоей дед Василий и Иван Тучко многие пакостные и укоризненные слова деду нашему, великому государю Ивану, износили; также и дед твой, Михайла Тучков, при кончине матери нашей, великой царицы Елены, дьяку нашему, Цыплятеву, многие надменные слова изрек; и так как ты рождение исчадия ехидного, то поэтому так и яд отрыгаешь». Мы видели, что Курбский и подобные ему отъезжники считали присягу недействительною, как вынужденную; Иоанн с своей стороны утверждает, что отъезжники нарушением присяги губят не только свои, но и прародителей своих души: «Как ты не постыдишься раба твоего Васьки Шибанова (который подал Иоанну письмо от своего господина)? Он благочестие свое соблюл: пред царем и пред всем народом, при смертных вратах стоя, ради крестного целования тебя не отвергся, но хвалил тебя и был готов за тебя умереть. А ты такому благочестию не поревновал: от одного слова моего гневного не только свою собственную душу, но и всех прародителей души погубил, потому что деду нашему Бог поручил их в работу и они, дав свои души, до

смерти своей служили и вам, своим детям, приказали служить деда нашего детям и внучатам».

К. Лебедев. Царь Иван Грозный просит игумена Корнилия постричь его в монахи

Н. Неврев. Опричнина

Отъезд Курбского и переписка с ним дорого стоили Иоанну. Приверженцы падшей стороны Сильвестра и Адашева не захотели беспрекословно сносить гонения, воздвигнутого на них царем. Один из самых знаменитых между ними, один из самых близких прежде людей к Иоанну отъехал к враждебному государю, мало этого, явился предводителем его полков в войне с Москвою, но, что всего хуже, осмелился прислать царю грамоту, наполненную укорицами и воплями о мщении; потомок князя Федора Ростиславича Смоленского-Ярославского, срывая свое сердце в грамоте к Иоанну, укоряя его в убиении, заточении и разогнании сильных во Израили, позабыл, чему он подвергает людей, равных ему по происхождению и прежнему положению, которых он явился представителем, тех сильных во Израили, князей и воевод, которые не были казнены, заточены и прогнаны и продолжали наполнять двор царя московского! Курбский в глазах Иоанна не был простым отъезжиком, оставившим отечество из страха только личной опалы: Курбский был представителем целой стороны; он упрекал Иоанна не за одного себя, но за многих, грозил ему небесною местию за многих. Иоанн знал, как велика была сторона Сильвестра и Адашева, как многочислен был сонм людей, издавна

считавших своим правом советовать и при первом неудовольствии отъезжать. Он затронул теперь эту враждебную сторону, этот сонм, и вот он высказал свои стремления в лице одного из главных представителей своих. К чему послужат теперь клятвенные записи, поручительства? Если еще можно удержать вельмож от отъезда в Москве, во внутренних областях государства, то как удержать их на границе? Кого послать с войском? Но и внутри если они уже так ожесточены и так их много, то где безопасность? Понятно, к каким чувствам такие мысли должны были повести человека страстного, восприимчивого, напуганного. Мысль: «Врагов много, я не в безопасности, нужно принять меры для спасения себя и своего семейства, в случае неудачи нужно приготовить убежище на чужбине», – эта мысль стала теперь господствующею в голове Иоанна.

А. Максимов. Иоанн Грозный в Александровской слободе. 1905 г.

Он стал готовиться к борьбе; прежде всего нужно было испытать силы противников, узнать, найдут ли они защиту в народе, или предаст

их народ. 3 декабря 1564 года, в воскресенье царь со всем семейством своим выехал из Москвы в село Коломенское, где праздновал праздник Николая-чудотворца. Выезд этот был не похож на прежние, когда выезжал он на богомолье или на какие-нибудь потехи свои: теперь он взял с собою иконы и кресты, золотом и камнями дорогими украшенные, сосуды золотые и серебряные, платье, деньги и всю свою казну; которым боярам, дворянам, ближним и приказным людям велел с собою ехать, тем велел взять с собою жен и детей; а дворянам и детям боярским, которых государь прибрал выбором из всех городов, тем велел ехать с людьми, конями и со всем служебным порядком. Непогода и дурные дороги задержали его в Коломенском две недели. Как реки стали, он поехал в село Тайнинское, из Тайнинского – к Троице, от Троицы – в Александровскую слободу. В Москве митрополит Афанасий, новгородский архиепископ Пимен, ростовский – Никандр, бояре, окольные и все приказные люди были в недоумении и унынии от такого государского великого, необычного подъема. Ровно через месяц, 3 января 1565 года, их недоумение разрешилось: царь прислал из слободы к митрополиту список, в котором исписаны были измены боярские, воеводские и всяких приказных людей. Царь гнев свой положил на богомольцев своих – архиепископов, епископов и все духовенство, на бояр своих, на дворецкого и на конюшего, на окольных, казначеев, дьяков, детей боярских и на всех приказных людей за то, что после отца его бояре и все приказные люди его государства людям много убытков делали и казны его государские расхитили. Бояре и воеводы земли его государские себе разобрали, друзьям своим и родственникам роздали; держа за собою поместья и вотчины великие, получая жалованья государские, кормления, собравши себе великие богатства, о государе, государстве и о всем православном христианстве не желая радеть и от недругов оборонять, вместо того христиан притесняли и сами от службы начали удаляться. А захочет государь бояр своих или приказных, или служивых людей понаказать, духовенство, сложась с боярами, дворянами и со всеми приказными людьми, государю по них же покрывает. И царь от великой жалости сердца, не могши их многих изменных дел терпеть, оставил свое государство и поехал где-нибудь поселиться, где его Бог наставит. К гостям же, и к купцам, и ко всему православному христианству города Москвы царь прислал грамоту и

велел ее перед ними прочесть; в ней царь писал, чтоб они себе никакого сомнения не держали, гнева на них и опалы никакой нет. Когда эти грамоты были прочтены, между боярами и народом раздались рыдания и вопли: «Увы, горе! Согрешили мы перед Богом, прогневали государя своего многими перед ним согрешениями и милость его великую превратили на гнев и на ярость! Теперь к кому прибегнем, кто нас помилует и кто избавит от нашествия иноплеменных? Как могут быть овцы без пастырей? Увидавши овец без пастыря, волки расхитят их!» Все начали упрашивать митрополита, чтоб он с остальным духовенством умилиствовал государя, упросил его не оставлять государства, владел бы им и правил, как ему угодно; а государских лиходеев, виноватых в измене, ведает Бог да государь, в животе и в казни его государская воля. Гости и все горожане говорили то же: «Чтоб государь государства не оставлял и их на расхищение волкам не отдавал, особенно избавлял бы их от рук сильных людей; а за государских лиходеев и изменников они не стоят и сами их истребят».

Г. Седов. Иван Грозный и Малюта Скуратов. 1871 г.

Духовенство и бояре явились в Александровскую слободу и объявили Иоанну общее решение, общую мольбу: пусть правит, как ему угодно, только бы принял снова в руки правление. Иоанн челобитье их принял с тем, что ему на всех изменников и ослушников опалы класть,

а иных казнить, имение их брать в казну и учредить себе на своем государстве опричнину: двор и весь свой обиход сделать особый; бояр, окольных, дворецких, казначеев, дьяков, всяких приказных людей, дворян, детей боярских, стольников, стряпчих и жильцов назначить особым; во дворцах – Сытном, Кормовом и Хлебном – назначить особым ключников, подключников, сытников, поваров, хлебников, всяких мастеров, конюхов, псарей и всяких дворовых людей на всякий обиход; наконец, стрельцов назначить себе особым же. Назначены были города и волости, с которых доходы шли на государский обиход, из этих же доходов шло жалованье боярам, дворянам и всяким дворовым людям, которые будут в опричнине; в опричнину собрать князей, дворян и детей боярских, дворовых и городских 1000 человек; поместья им будут розданы в тех городах, которые взяты в опричнину, а вотчинников и помещиков, которым не быть в опричнине, из этих городов вывести и дать им земли в других городах. Также в самой Москве взяты были в опричнину некоторые улицы и слободы, и в них велено было жить только тем боярам, дворянам и приказным людям, которые были отобраны в опричнину, а прежние обыватели переведены на другие улицы. Государство Московское, воинство, суд, управу и всякие земские дела приказал государь ведать боярам своим, которым велел быть в земских; князю Ивану Дмитриевичу Бельскому, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и остальным, конюшему, дворецкому, казначеям, дьякам и всем приказным людям велел быть по своим приказам и чинить управу по старине; если же будут ратные вести или земские великие дела, то боярам с ними приходиться к государю. За подъем свой приговорил государь взять из земского приказа 100000 рублей; а которые бояре, воеводы и приказные люди заслужили за великие измены смертную казнь, а иные опалу, у тех именье отобрать в казну; духовенству же, боярам и приказным людям все это положить на государственной воле.

Вследствие этой воли как советники Курбского, умышлявшие с ним на государя, жену и детей его всякие дела, были казнены: князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский с молодым сыном Петром, родственники их, двое Ховриных, князь Иван Сухой-Кашин, князь Дмитрий Шевырев и князь Петр Горенский, последний был пойман на отъезде; о других, кроме неопределенного обвинения в соумышленничестве с Курбским, ничего не знаем; не знаем о вине

князей Ивана Куракина и Дмитрия Немого: о последнем знаем только, что во время болезни Иоанна он был обвинен в расположении посадить на престол князя Владимира Андреевича; у других дворян и детей боярских отобрали имение, иных сослали в Казань; боярин Иван Петрович Яковлев бил челом за проступку и прощен за поручительство; князь Василий Семенович Серебряный выручен с сыном из-под опалы; Лев Матвеевич Солтыков выручен с двумя сыновьями. В следующем году за двойным ручательством возвращен из ссылки князь Михайла Иванович Воротынский; в том же году выручены были князя Иван Петрович Охлябинин, боярин Очин-Плещеев. Чего стоили самому Иоанну отъезд Курбского и переписка с ним, собственный отъезд в слободу, тревожное ожидание последствий, какие будет иметь посылка грамот в Москву, видно из того, что когда он возвратился в Москву, то нельзя было узнать его: волосы с головы и с бороды исчезли.

Страшному состоянию души Иоанновой соответствовало и средство, им придуманное или им принятое, ибо, по некоторым известиям, план опричнины принадлежал Василию Юрьеву и Алексею Басманову с некоторыми другими. Напуганный отъездом Курбского и протестом, который тот подал от имени всех своих собратий, Иоанн заподозрил всех бояр своих и схватился за средство, которое освобождало его от них, освобождало от необходимости постоянного, ежедневного сообщения с ними. Положить на них на всех опалу без улики, заточить, сослать всех, лишиться должностей, санов, и на их место набрать людей новых, незначительных, было невозможно: прежнего любимца своего, Алексея Адашева, Иоанн не мог провесть дальше окольного, не мог далеко вести он и новых своих любимцев. Если нельзя было прогнать от себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство – самому уйти от него; Иоанн так и сделал. Дума, бояре распоряжались всем, только при вестях ратных и в делах чрезвычайной важности докладывали государю. Старые вельможи остались при своих старых придворных должностях; но Иоанн не хотел видеть их подле себя и потому потребовал для себя особого двора, особых бояр, окольных. Но он не мог бы совершенно освободиться от старого вельможества, если б остался жить в старом дворце, и вот Иоанн требует нового дворца; он не мог не встречаться со старыми вельможами при торжественных выходах, если б оставался в Москве, и

вот Иоанн покидает Москву, удаляется на житье в Александровскую слободу. Но легко понять все гибельные следствия такого удаления главы государства от государства, или земли, как тогда называли: напрасно Иоанн уверял гостей и простых горожан московских, что он против них ничего не имеет, чтоб они оставались спокойны; эти гости и простые люди очень хорошо понимали, что правителями над ними остаются прежние вельможи, и в то же время слышали, что царь торжественно называет этих вельмож своими изменниками, удаляется от них, окружает себя толпою новых людей. Несмотря на обнадеживание в милости, эта вражда необходимо должна была обнаружиться если не прямо через особу царя, то через его новую дружину, через этих опричников. Как произведение вражды, опричина, разумеется, не могла иметь благого, умиряющего влияния. Опричина была учреждена потому, что царь заподозрил вельмож в неприязни к себе и хотел иметь при себе людей, вполне преданных ему; чтобы быть угодным царю, опричник должен был враждовать к старым вельможам и для поддержания своего значения, своих выгод должен был поддерживать эту вражду к старым вельможам в самом царе. Но этого мало: можно ли было поручиться, что в таком количестве людей если не все, то по крайней мере очень многие не захотят воспользоваться выгодами своего положения, именно безнаказанностию; кто из земских правителей, заподозренных, опальных, мог в суде решить дело не в пользу опричника? Кто из заподозренных, опальных мог решиться принести жалобу на человека приближенного, доверенного, который имел всегда возможность уверить подозрительного, гневливого царя, что жалоба ложная, что она подана вследствие ненависти к опричникам, из желания вооружить против них государя, которому они преданы, которого защищают от врагов. После этого неудивительно встретить нам от современников сильные жалобы на опричину. Опричина с своей стороны не оставалась, как видно, безгласною: говорили против бояр, что они крест целуют да изменяют; держа города и волости, от слез и от крови богатеют, ленивеют; что люди приближаются к царю вельможеством, а не по воинским заслугам и не по какой другой мудрости и такие люди суть чародеи и еретики, которых надобно предавать жестоким казням; что государь должен собирать со всего царства доходы в одну свою

казну и из казны воинам сердце веселить, к себе их припускать близко и во всем верить.

Неудовольствием, возбужденным опричниною, хотели воспользоваться враги Москвы, и неудавшиеся попытки их повели к новым казням, содействовали еще более утверждению опричнины. Какой-то Козлов, родом из московских областей, поселился в Литве, женился здесь, отправлен был гонцом от Сигизмунда-Августа к Иоанну и дал знать королю, что успел склонить всех вельмож московских к измене. Отправленный вторично в Москву, Козлов вручил от имени короля и гетмана Ходкевича грамоты князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину с приглашением перейти на сторону короля. Грамоты были перехвачены; Иоанн велел написать или, вернее, сам написал от имени означенных бояр бранчивые ответы королю и гетману, которые и были отправлены с Козловым. Бельский, Мстиславский, Воротынский успели выпутаться из беды; не успел старик Челяднин и был казнен вместе с женою и соумышленниками: князем Иваном Куракиным-Булгаковым, Дмитрием Ряполовским, троими князьями ростовскими, Петром Щенятевым, Турунтаем-Пронским, казначеем Тютиним. Мы видели, что этот Челяднин участвовал в возмущении народа против Глинских после пожара; князья ростовские возбудили против себя гнев Иоанна с тех пор, как хотели всем родом отъехать в Литву после болезни царя; во время этой болезни князья Петр Щенятев и Турунтай-Пронский выказали себя явными приверженцами князя Владимира Андреевича.

Мы видели, как духовенство русское могущественно содействовало утверждению единовластия; но когда московские единовластители вступили в последнюю борьбу с остатками старины, с притязаниями князей и дружины, то духовенство приняло на себя священную обязанность – среди этой борьбы сдерживать насилие, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою победу; усердно помогая московскому государю сломить притязания князей и членов дружины, духовенство в то же время брало этих князей и членов дружины под свой покров, блюло над их жизнью как членов церкви; так утвердился обычай, что митрополит и вообще духовенство печаловались за опальных и брали их на поруку. Митрополит Макарий, получивший митрополию вследствие торжества Шуйских, являлся по просьбе молодого Иоанна ходатаем пред Шуйскими за Воронцова; он

пережил Шуйских, пережил волнения, последовавшие за их падением, умел не сталкиваться с Сильвестром и, если верить Курбскому, защищал последнего при его падении, видел возобновление казней и умер в 1563 году. Преемником Макария был монах Чудова монастыря Афанасий, бывший прежде духовником государевым. Выговаривая себе неограниченное право казнить своих лиходеев, учреждая опричнину, Иоанн жаловался на духовенство, что оно покрывало виновных, и требовал у него отречения от обычая печаловаться. Афанасий был свидетелем учреждения опричнины, получил позволение отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынского и в 1566 году оставил митрополию по болезни. В преемники Афанасию был назначен Герман, архиепископ казанский; но беседы его, по словам Курбского, не понравились любимцам Иоанновым; Германа отстранили и вызвали соловецкого игумена Филиппа, сына боярина Колычева; Филипп объявил, что он согласится быть митрополитом только под условием уничтожения опричнины; Иоанн рассердился; наконец Филипп уступил убеждениям, что его обязанность нейти прямо против царской воли, но утолять гнев государя при каждом удобном случае. Но, отказавшись от вмешательства в опричнину, Филипп не отказался от права печаловаться. Начались казни вследствие дела Козлова; опричнина буйствовала; вельможи, народ умоляли митрополита вступить в дело; он знал, что народ привык видеть в митрополите печальника, и не хотел молчать. Тщетно Иоанн избегал свиданий с митрополитом, боясь печалований; встречи были необходимы в церквях, и здесь-то происходили страшные сцены заклинаний. «Только молчи, одно тебе говорю: молчи, отец святой! – говорил Иоанн, сдерживая дух гнева, который владел им. – Молчи и благослови нас!» Филипп: «Наше молчание грех на душу твою налагает и смерть наносит». Иоанн: «Ближние мои встали на меня, ищут мне зла; какое дело тебе до наших царских советов?» Филипп: «Я пастырь стада Христова!» Иоанн: «Филипп! Не прекословь державе нашей, чтоб не постиг тебя гнев мой, или лучше оставь митрополию!» Филипп: «Я не просил, не искал чрез других, не подкупом действовал для получения сана: зачем ты лишил меня пустыни?» Царь выходил из церкви в большом раздумье, это раздумье было страшно опричникам; они решили погубить Филиппа и нашли сообщников между духовными, во владыках новгородском, суздальском, рязанском, благовещенском протопопе, духовнике

царском; последний явно и тайно носил речи неподобные Иоанну на Филиппа; отправились в Соловецкий монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисия, доносы которого легли в основание обвинений на суде соборном; защитников Филиппу не было, все молчало. 8 ноября 1568 года опричники с бесчестием вывели Филиппа из Успенского собора, народ бежал за ним со слезами. Местом изгнания для Филиппа назначен был Тверской Отроч монастырь. В 1369 году, проезжая Тверь на походе на Новгород, Иоанн заслал к Филиппу одного из самых приближенных опричников, Малюту Скуратова, взять благословение; но Филипп не дал его, говоря, что благословляют только добрых и на доброе; опричник задушил его. Так пал непобежденным великий пастырь русской церкви, мученик за священный обычай печалования. На место Филиппа возведен был Троицкий архимандрит Кирилл.

Н. Неврев. Кончина митрополита Филиппа. 1898 г. Фрагмент

В 1569 году дошел черед и до того, за приверженность к которому уже многие погибли, дошел черед до двоюродного брата царского, князя Владимира Андреевича. Мы упоминали о клятвенной записи, насильно взятой с Владимира в 1553 году; в следующем, 1554 году, после рождения другого царевича, Ивана, государь взял с двоюродного брата другую запись: держать этого Ивана вместо царя в случае смерти

последнего. Иоанн определил поведение Владимира и в том случае, если начнутся междоусобия между молодым царем и родным его братом; Владимир обязывается: «Если который брат родной станет недругом сыну твоему, царевичу Ивану, и отступит от него, то мне с этим его братом в дружбе не быть и не ссылаться с ним; а пошлет меня сын твой, царевич Иван, на этого своего брата, то мне на него идти и делать над ним всякое дело без хитрости, по приказу сына твоего, царевича Ивана. Князей служебных с вотчинами, бояр, дьяков, детей боярских и всяких людей сына твоего мне никак к себе не принимать. Которые бояре, дьяки ваши и всякие люди нагрубил мне чем-нибудь при тебе, царе Иване, и мне за те их грубости не мстить им никому. Без бояр сына твоего, которые написаны в твоей духовной грамоте, мне никакого дела не делать и, не сказавши сыну твоему и его матери, мне никакого дела не решать. Если мать моя, княгиня Евфросинья, станет поучать меня против сына твоего, царевича Ивана, или против его матери, то мне матеря своей не слушать, а пересказать ее речи сыну твоему, царевичу Ивану, и его матери вправду, без хитрости. Если узнаю, что мать моя, не говоря мне, сама станет умышлять какое-нибудь зло над сыном твоим, царевичем Иваном, над его матерью, над его боярами и дьяками, то мне объявить об этом сыну твоему и его матери вправду, без хитрости; не утаить мне этого никак, по крестному целованию. А возьмет Бог и сына твоего, царевича Ивана, и других детей твоих не останется, то мне твой приказ весь исправить твоей царице, великой княгине Анастасии, по твоей духовной грамоте и по моему крестному целованию». В следующем месяце того же года взята была со Владимира третья запись с некоторыми против прежней дополнениями; удельный князь обязался не держать у себя на московском дворе более 108 человек. В 1563 году, говорит летопись, государь положил гнев свой на княгиню Евфросинию и на сына ее: прислал к царю в слободу служивший у князя Владимира Андреевича дьяк Савлук Иванов бумагу, в которой писал многие государские дела, что княгиня Евфросинья и сын ее многие неправды к царю чинят и для того держат его, Савлука, в окопах в тюрьме. Царь велел Савлука к себе прислать, по его словам многие сыски были, неисправления их сысканы, и пред митрополитом и владыками царь княгине Евфросинье и сыну ее неправды их известил. После этого Евфросинья постриглась; у Владимира были переменены все бояре и слуги; мы видели, что и

отец Иоанна употребил то же средство в отношении к одному из братьев своих. В 1566 году царь переменял брату удел: вместо Старицы и Вереи дал ему Дмитров и Звенигород. По одному иностранному известию, в 1568 году князь Владимир Андреевич замышлял поддаться Сигизмунду-Августу; в январе 1569 он погиб.

Страшный огонь жег внутренность Иоанна, и для этого огня не было недостатка в пище: летом 1569 года явился к царю какой-то Петр, родом волынец, и донес, что новгородцы хотят предаться польскому королю, что у них уже написана и грамота об этом и положена в Софийском соборе за образом Богоматери. Иоанн отправил в Новгород вместе с волынцем доверенного человека, который действительно отыскал грамоту за образом и привез к государю. Подписи – архиепископа Пимена и других лучших граждан – оказались верными; говорят, что этот Петр, бродяга, наказанный новгородцами, из желания отомстить им, сам сочинил грамоту и необыкновенно искусно подписался под руку архиепископа и других граждан. Иоанн решился разгромить Новгород. В декабре 1569 года он двинулся туда из Александровской слободы и начал разгром с границ тверских владений, с Клина; по всей дороге, от Клина до Новгорода, производились опустошения, особенно много пострадала Тверь. 2 января 1570 года явился в Новгород передовой отряд царской дружины, которому велено было устроить крепкие заставы вокруг всего города, чтоб ни один человек не убежал; бояре и дети боярские из того же передового полка бросились на подгородные монастыри, запечатали монастырские казны; игуменов и монахов взяли в Новгород и поставили на правеж до государева приезда; другие дети боярские собрали ото всех новгородских церквей священников и дьяконов и отдали их на соблюдение приставам, по десяти человек каждому приставу; их держали в железных оковах и каждый день с утра до вечера били на правеже; подцерковные и домовные палаты у всех приходских церквей и кладовые именитых людей были перепечатаны; гостей, приказных и торговых людей перехватывали и отдали приставам, дома, имущества их были опечатаны, жен и детей держали под стражею. 8 числа приехал сам царь с сыном Иваном, со всем двором и с 1500 стрельцами, стал на торговой стороне, на Городище. На другой день вышло первое повеление: игуменов и монахов, которые стояли на правеже, бить палками до смерти и трупы развозить по монастырям для погребения.

На третий день, в воскресенье, Иоанн отправился в кремль к св. Софии к обедне; на Волховском мосту встретил его, по обычаю, владыка Пимен и хотел осенить крестом; но царь ко кресту не пошел и сказал архиепископу: «Ты, злочестивый, держишь в руке не крест животворящий, а оружие и этим оружием хочешь уязвить наше сердце: с своими единомышленниками, здешними горожанами, хочешь нашу отчину, этот великий богоспасаемый Новгород, предать иноплеменникам, литовскому королю Сигизмунду-Августу; с этих пор ты не пастырь и не учитель, но волк, хищник, губитель, изменник, нашей царской багрянице и венцу досадитель». Проговоривши это, царь велел Пимену идти с крестами в Софийский собор и служить обедню, у которой был сам со всеми своими, после обедни пошел к архиепископу в Столовую палату обедать, сел за стол, начал есть и вдруг дал знак своим князьям и боярам, по обычаю, страшным криком; по этому знаку начали грабить казну архиепископа и весь его двор, бояр и слуг его перехватили, самого владыку, ограбив, отдали под стражу, давали ему на корм ежедневно по две деньги. Дворецкий Лев Солтыков и духовник протопоп Евстафий с боярами пошли в Софийский собор, забрали там ризницу и все церковные вещи, то же было сделано по всем церквам и монастырям. Между тем Иоанн с сыном отправился из архиепископского дома к себе на Городище, где начался суд: к нему приводили новгородцев, содержащихся под стражею, и пытали, жгли их какою-то «составною мудростию огненною», которую летописец называет поджаром; обвиненных привязывали к саням, волокли к Волховскому мосту и оттуда бросали в реку; жен и детей их бросали туда же с высокого места, связавши им руки и ноги, младенцев, привязавши к матерям; чтоб никто не мог спастись, дети боярские и стрельцы ездили на маленьких лодках по Волхову с рогатинами, копьями, баграми, топорами и, кто всплывает наверх, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали в глубину; так делалось каждый день в продолжение пяти недель. По окончании суда и расправы Иоанн начал ездить около Новгорода по монастырям и там приказывал грабить кельи, служебные дома, жечь в житницах и на скирдах хлеб, бить скот; приехавши из монастырей, велел по всему Новгороду, по торговым рядам и улицам товары грабить; потом начал ездить по посадам, велел грабить все дома, всех жителей без исключения, мужчин и женщин, дворы и

хоромы ломать, окна и ворота высекать. Вооруженные толпы отправлены были во все четыре стороны, в пятины, по станам и волостям, верст за 200 и за 250, с приказанием везде пустошить и грабить. Весь этот разгром продолжался шесть недель. Наконец 13 февраля утром государь велел выбрать из каждой улицы по лучшему человеку и поставить перед собою. Они стали перед ним с трепетом, изможденные, унылые, как мертвецы, но царь взглянул на них милостивым и кротким оком и сказал: «Жители Великого Новгорода, оставшиеся в живых! Молите Господа Бога, Пречистую Его Матерь и всех святых о нашем благочестивом царском державстве, о детях моих благоверных, царевичах Иване и Федоре, о всем нашем христолюбивом воинстве, чтобы Господь Бог даровал нам победу и одоление на всех видимых и невидимых врагов, а судит Бог общему изменнику моему и вашему, владыке Пимену, его злым советникам и единомышленникам: вся эта кровь взыщется на них, изменниках; вы об этом теперь не скорбите, живите в Новгороде благодарно, я вам вместо себя оставлю правителем боярина своего и воеводу, князя Петра Даниловича Пронского». В тот же день Иоанн выехал из Новгорода по дороге в Псков; владыку Пимена, священников и дьяконов, которые не откупились от правежа, и опальных новгородцев, которых дело еще не было решено, отослали с приставами в Александровскую слободу. Какое впечатление произвел на новгородцев погром, всего лучше видно из следующего известия: 25 мая 1571 года в церкви св. Параскевы на торговой стороне у обедни было много народа; когда после службы стали звонить в колокола, вдруг на всех напал таинственный ужас, все побежали в разные стороны, мужчины, женщины, дети, толкали друг друга, не зная, куда бегут, купцы пометали лавки, отдавали товары собственными руками первому попавшемуся. Точно такое же известие о пополохе встречаем в летописях под 1239 годом, после Батыева погрома.

Г. Мясоедов. Иван Грозный в келье псковского старца Николы. 1899 г.

Из Новгорода Иоанн направил путь ко Пскову; псковичи боялись участи новгородцев; по распоряжению воеводы, князя Токмакова, они встретили Иоанна каждый перед своим домом с женами и детьми,

держа в руках хлеб и соль; увидев царя, все падали на колена. Иоанн недолго прожил во Пскове, велел грабить имение у граждан, кроме церковного причта взял также казну монастырскую и церковную, иконы, кресты, пелены, сосуды, книги, колокола. Но дело не кончилось Новгородом и Псковом: по возвращении царя в Москву началось следствие о сношениях новгородского архиепископа Пимена и новгородских приказных людей с боярами – Алексеем Басмановым и сыном его Федором, с казначеем Фуниковым, печатником Висковатовым, Семеном Яковлевым, с дьяком Васильем Степановым, с Андреем Васильевым, с князем Афанасием Вяземским; сношения происходили о том, чтоб сдать Новгород и Псков литовскому королю, царя Иоанна извести, на государство посадить князя Владимира Андреевича. Это сыскное изменное дело до нас не дошло, а потому историк не имеет права произнести свое суждение о событии. Известны следствия: казнены были князь Петр Оболенский-Серебряный, Висковатый, Фуников, Очин-Плещеев, Иван Воронцов, сын известного нам Федора, и многие другие, 180 человек прощено; всего удивительнее встретить между осужденными имена главных любимцев Иоанновых – Басмановых и Вяземского; Вяземский умер от пыток, Алексей Басманов, как говорят, был убит сыном Федором по приказанию Иоанна. Владыка Пимен Новгородский сослан был в Венев.

Известно нам и состояние души Иоанна, образ его мыслей после рассказанных событий; к 1572 году относится единственное дошедшее до нас духовное завещание его. В этой духовной царь высказывает убеждение, что он и семейство его непрочны на московском престоле, что он изгнанник, ведущий борьбу с своими врагами, что этой борьбе не видать близкого конца, и потому Иоанн дает наставление сыновьям, как им жить до окончания борьбы. Завещание начинается исповедью Иоанна, в которой замечательны следующие слова: «Тело изнемогло, болзнет дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил; ждал я, кто бы со мною поскорбел, – и нет никого, утешающих я не сыскал, воздали мне злом за добро, ненавистию за любовь». Наставление детям начинается словами Христа: «Се заповедаю вам, да любите друг друга... Сами живите в любви и военному делу сколько возможно навыкайте. Как людей держать и жаловать, и от них беречься, и во всем уметь их к себе

присвоивать, вы бы и этому навыкли же: людей, которые вам прямо служат, жалуйте и любите, от всех берегите, чтоб им притеснения ни от кого не было, тогда они прямее служат; а которые лихи, и вы б на тех опалы клали не скоро, по рассуждению, не яростию. Всякому делу навывайте, божественному, священному, иноческому, ратному, судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу, как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет, то бы вы сами знали. Также и во всяких обиходах, как кто живет, и как кому пригоже быть, и в какой мере кто держится – всему этому выучитесь; так вам люди и не будут указывать, вы станете людям указывать; а если сами чего не знаете, то вы не сами станете своими государствами владеть, а люди. А что по множеству беззаконий моих распростерся Божий гнев, изгнан я от бояр, ради их самовольства, от своего достояния и скитаюсь по странам, и вам моими грехами многие беды нанесены: то Бога ради не изнемогайте в скорбях... Пока вас Бог не помилует, не освободит от бед, до тех пор вы ни в чем не разделяйтесь: и люди бы у вас заодно служили, и земля была бы заодно, и казна у обоих одна – так вам будет прибыльнее. А ты, Иван сын, береги сына Федора и своего брата, как себя, чтобы ему ни в каком обиходе нужды не было, всем был бы доволен, чтоб ему на тебя не в досаду, что не дашь ему ни удела, ни казны. А ты, Федор сын, у Ивана сына, а своего брата старшего, пока устроитесь, удела и казны не проси, живи в своем обиходе, смекаясь, как бы Ивану сыну тебя без убытка можно было прокормить, оба живите заодно и во всем устраивайте, как бы прибыльнее. Ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата младшего держал и берег, и любил, и жаловал, и добра ему хотел во всем, как самому себе, и на его лихо ни с кем бы не ссылался, везде был бы с ним один человек, и в хуе и в добре; а если в чем перед тобою провинится, то ты бы его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял; а ссоркам бы отнюдь не верил, потому что Каин Авеля убил, а сам не наследовал же. А даст Бог, будешь ты на государстве и брат твой Федор на уделе, то ты удела его под ним не подыскивай, на его лихо ни с кем не ссылайся; а где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, ты его береги и накрепко смотри правды, а напрасно его не задирай и людским вракам не потакай, потому что если кто и множество земли и богатства приобретет, но трилокотного гроба не может избежать, и тогда все

останется. А ты, сын мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем, как меня, и покорен будь ему во всем и добра желай ему, как мне, родителю своему, ни в чем ему не прекословь, во всем живи из его слова, как теперь живешь из моего. Если, даст Бог, будет он на государстве, а ты на уделе, то ты государства его под ним не подыскивай, на его лихо не ссылайся ни с кем, везде будь с ним один человек и в лихе, и в добре: а пока, по грехам, Иван сын государства не достигнет, а ты удела своего, то ты с сыном Иваном вместе будь, за один, с его изменниками и лиходеями никак не ссылайся, если станут прельщать тебя славою, богатством, честью, станут давать тебе города, или право какое будут тебе уступать мимо сына Ивана, или станут на государство звать, то ты отнюдь их не слушай, из Ивановой воли не выходи, как Иван сын тебе велит, так и будь и ничем не прельщайся; а где Иван сын пошлет тебя на свою службу или людей твоих велит тебе на свою службу послать, то ты на его службу ходи и людей своих посылай, как сын мой Иван велит; а где порубежная Иванова земля сошлась с твоею землею, и ты береги накрепко, смотри правды, а напрасно не задирайся и людским вракам не потакай, потому что если кто и множество богатства и земли приобретет, но трилокового гроба не может избежать... И ты б, сын Федор, сыну моему Ивану, а твоему брату старшему во всем покорен был и добра ему хотел, как мне и себе; и во всем в воле его будь до крови и до смерти, ни в чем ему не прекословь; если даже Иван сын на тебя и разгневается или обидит как-нибудь, то и тут старшему брату не прекословь, рати не поднимай и сам собою не обороняйся; бей ему челом, чтоб тебя пожаловал, гнев сложить изволил и жаловал тебя во всем по моему приказу; а в чем будет твоя вина, и ты ему добей челом, как ему любо; послушает твоего челобитья – хорошо, а не послушает – и ты сам собою не обороняйся же».

М. Авилов. Царевич Иван на прогулке с опричниками. Фрагмент

В этом наказе наше внимание останавливается, во-первых, на желании царя, чтоб дети его не разделялись до тех пор, пока старший из них, Иван, не сломит всех крамол и не утвердится на престоле. Во-вторых, в своем завещании Иоанн не довольствуется уже, подобно предшественникам, одним неопределенным приказом младшему сыну

держат старшего вместо отца; он определяет, в чем должно состоять это сыновнее повиновение: младший должен быть в воле старшего до крови и до смерти, ни в чем не прекословить, а в случае обиды от старшего не сметь обороняться; этим приказом Иоанн доручивает родовые отношения между князьями.

Иоанн благословляет старшего сына «царством Русским, шапкою Мономаховою и всем чином царским, что прислал прародителю нашему царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константин Мономах из Царяграда; да сына же своего Ивана благословляю всеми шапками царскими и чином царским, что я примыслил, посохами и скатертью, а по-немецки центурь». Здесь встречаем важную отмену против распоряжения прежних государей: удельный Федор не получает никакой части в городе Москве. Ему в удел дано 14 городов, из которых главный – Суздаль; но показывается, что удельный князь не должен думать ни о какой самостоятельности: «Удел сына моего Федора ему же (царю Иоанну) к великому государству». Наконец, относительно опричнины Иоанн говорит так сыновьям в завещании: «Что я учредил опричнину, то на воле детей моих, Ивана и Федора; как им прибыльнее, так пусть и делают, а образец им готов».

Детям своим Иоанн давал на волю продолжать опричнину или уничтожить; но в его собственное царствование трудно было ожидать ее прекращения, ибо зло вызывало другое зло; в 1571 году князь Иван Мстиславский дал следующую запись: «Я, князь Иван Мстиславский, Богу, святым Божиим церквам и всему православному христианству веры своей не соблюл, государю своему, его детям и его землям, всему православному христианству и всей Русской земле изменил, навел с моими товарищами безбожного крымского Девлет-Гирея царя». По ходатайству митрополита Кирилла и 24 других духовных особ царь простил Мстиславского, взявши с него означенную грамоту за поручительством троих бояр, которые обязались в случае отъезда Мстиславского внести в казну 20000 рублей; за поручников поручилось еще 285 человек. Через 10 лет после этого Мстиславский опять бил челом с двумя сыновьями, что они пред государем во многих винах виноваты. Подобные грамоты могли привести к вопросу, можно ли по-прежнему доверять правление земщиною Мстиславскому с товарищами, и если сам царь не хочет сближаться с земщиною, то не

должно ли поставить в челе ее человека, который бы по титулу своему и происхождению мог стать выше князей и бояр и между тем не имел бы с ними ничего общего, мог бы быть вернее их. И вот в одной летописи под 1574 годом находим следующее известие: «Казнил царь на Москве, у Пречистой, на площади в Кремле многих бояр, архимандрита чудовского, протопопа и всяких чинов людей много, а головы метали под двор Мстиславского. В то же время производил царь Иван Васильевич и посадил царем на Москве Симеона Бекбулатовича (крещеного татарина, касимовского хана) и царским венцом его венчал, а сам назвался Иваном Московским и вышел из города, жил на Петровке; весь свой чин царский отдал Симеону, а сам ездил просто, как боярин, в оглоблях, и как приедет к царю Симеону, ссаживается от царева места далеко, вместе с боярами». Действительно, до нас дошли грамоты, в которых от имени великого князя Симеона всея Руси делаются разного рода земские распоряжения как от имени царя, царь же Иоанн называется государем князем московским. Симеон, впрочем, не более двух лет процарствовал в Москве; по словам летописи, он был сослан отсюда Иоанном, который дал ему Тверь и Торжок. Разделение на опричнину и земщину оставалось; но имя опричнины возбуждало такую ненависть, что царь счел за нужное вывести его из употребления: вместо названий «опричина» и «земщина» видим названия «двор» и «земщина»; вместо «города и воеводы опричные и земские» – видим «города и воеводы дворовые и земские». Между тем казни продолжались по разным поводам: по поводу нашествия крымского хана, когда Мстиславский признался, что он с товарищами привел его; по поводу болезни и смерти невесты царской; погибли старые бояре – знаменитый воевода князь Михайла Воротынский, которого мы видели уже прежде в заточении в Кириллове Белозерском монастыре, князь Никита Одоевский, Михайла Яковлевич Морозов, князь Петр Куракин и другие менее значительные лица.

Современные русские свидетельства говорят, что Иоанн до конца жизни оставался с одинаким настроением духа, одинаково скор на гнев и на опалы, однако в последние восемь лет его жизни мы не встречаем известий о казнях.

Аллегория тиранического правления Ивана Грозного Картина из немецкого еженедельника Д. Вассмана «Разговор в царстве мертвых». 1725 г.

Псковские стражники на Ливонской границе в XV в. Оригинальный рисунок Н. Каразина, гравер Пуц. Конец XIX в.

Глава пятая

Полоцк

Успехи русских в Ливонии; ее распадение. – Мысль Иоанна жениться на сестре короля польского. – Взятие Полоцка. – Переговоры о мире с Литвою. – Собор в Москве по поводу этих переговоров. – Возобновление военных действий. – Прекращение их по причине болезни короля. – Мысль об избрании Иоанна ему в преемники. – Царь делает датского принца Магнуса вассальным королем Ливонии. – Сношения с Швециею. – Неудачные действия Магнуса против Ревеля. – Важность прибалтийских берегов для России по отзывам врагов ее. – Дела крымские. – Неудачный поход турецкого войска к Астрахани. – Нашествие крымского хана и сожжение Москвы. – Вторичное нашествие хана и отражение его князем Воротынским.

Мы видели, что магистр Кетлер, отчаявшись собственными средствами спасти Ливонию, заключил тесный союз с Сигизмундом-Августом. Обнадеженный этим союзом, Кетлер начал наступательное движение, разбил под Дерптом московского воеводу Захара Плещеева и осадил Дерпт; осажденные сделали не очень удачную вылазку, но успехи немцев этим и ограничились: Кетлер с своими ливонцами хотел по крайней мере овладеть Лаисом, но два раза приступ его был отбит гарнизоном; таким образом, по словам немецкого летописца, Кетлер вследствие храброго сопротивления неприятеля ничего не сделал, со стыдом и уроном должен был уйти в Оберпален; здесь ратные люди, в досаде на неудачу и не получая жалованья, стали бунтовать и с трудом были усмирены и разведены по зимним квартирам. Но бесснежная зима не остановила русских: князя Мстиславский, Петр Шуйский, Серебряный повоевали землю до Рижского залива и взяли Мариенбург; весною отправился отряд русских в Эстонию, разбил немцев под Верпелем; с другой стороны опустошали Ливонию псковские сторонники. Весною же пришел князь Курбский в Ливонию, поразил старого магистра Фюрстенберга под Вейссенштейном и Феллином.

Взятие последней крепости было целью похода большой, шестидесятитысячной московской рати под начальством князя Мстиславского и Петра Шуйского; 12000 войска под начальством князя Барбашина отправились в обход к морю по слухам, что Фюрстенберг хочет отправить богатую казну в Габзаль; лучший из воевод ливонских, ландмаршал Филипп Белль, с 500 ратных решился напасть врасплох на Барбашина в надежде, что нечаянность уравниет силы, но обманулся: весь отряд его был истреблен, сам Белль с одиннадцатью командорами и ста двадцатью рыцарями попался в плен. Курбский с большим уважением говорит о храбрости, остроте разума, доброй памяти и красноречии Белля; русские воеводы обходились с ним по товарищески, сажали вместе с собою за стол и услаждались его речами, разумом растворенными; из речей этих Курбский сохранил одну, в которой Белль рассказывал историю Ордена и объяснял причины его падения. «Когда мы, – говорил Белль, – пребывали в католической вере, жили умеренно и целомудренно, тогда Господь везде нас покрывал от врагов наших и помогал нам во всем. А теперь, когда мы отступили от веры церковной, дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святые, приняли веру новоизобретенную, вдалились в невоздержание, уклонились к широкому и пространному пути, вводящему в погибель, теперь явственно обличает нас Господь за грехи наши и казнит нас за беззакония наши, предал нас в руки вам, врагам нашим; не трудившись, больших издержек не делая, вы овладели градами высокими, местами твердыми, палатами и дворами пресветлыми, от праотцев наших сооруженными; не насадивши, наслаждаетесь садами и виноградниками нашими. Но что мне говорить о вас? Вы мечем взяли! А другие без меча вошли даром в наши богатства и стяжания, нисколько не трудившись, обещая нам помощь и оборону. Хороша их помощь: стоим перед врагами связанные! Но не думайте, что вы силою своею покорили нас: Бог за преступление наше предал нас в руки врагам!» Тут Белль горько заплакал и привел в слезы всех русских воевод; потом, утерши слезы, Белль прибавил с радостным лицом: «Впрочем, благодарю Бога и радуюсь, что пленен и страдаю за любимое отечество; если за него и умереть случится, то любезна будет мне смерть». Отсылая Белля в Москву, воеводы просили царя, чтоб не лишал его жизни; но на суровые вопросы Иоанна пленник отвечал сурово и, между прочим, сказал: «Ты неправдою и кровопийством

овладеваешь нашим отечеством, не так, как прилично царю христианскому». Иоанн рассердился и велел отрубить ему голову. Воеводы осадили Феллин; немцы оборонялись храбро, даже когда и внешние стены были уже разбиты; но когда русские стали стрелять огненными ядрами и зажгли город, то осажденные вступили в переговоры, хотя у них оставалась еще главная крепость с тремя другими побочными укреплениями, 18 больших стенобитных орудий и 450 средних и малых, всякого рода запасов множество; по немецким известиям, гарнизон, не получая уже несколько месяцев жалованья, не хотел более служить. Тщетно старый Фюрстенберг предлагал ему все свое имущество; гарнизон сдал город русским, выговорив себе свободный выход из него; но Фюрстенберг должен был отправиться в Москву, причем воеводы обещали ему царскую милость; обещание было исполнено: старику дали в кормление местечко Любим в Костромской области, где он и умер спокойно. Немецкие летописцы говорят, что когда Фюрстенберга и других ливонских пленников в торжестве водили по московским улицам на показ народу, то один из пленных татарских ханов сказал: «Поделом вам, немцы! Вы дали великому князю в руки розги, которыми он сначала нас высек, а теперь сечет и вас самих». Татарин разумел под розгами оружие, которое русские заимствовали у немцев.

Военнопленный. (Эпизод из Литовских войн)

Несколько других городов последовали примеру Феллина; русское войско беспрепятственно опустошало страну, разбивая везде малочисленные немецкие отряды, осмеливавшиеся выходить к нему навстречу; но князь Мстиславский не мог взять Вейссенштейна; эту неудачною попыткою кончился поход 1560 года.

Несмотря на успехи русских войск, завоевание орденовских владений было еще далеко до окончания, но удары, нанесенные Иоанном Ордену, ускорили его распадение: эзельский епископ Менниггаузен вошел с датским королем Фридрихом III в тайные сношения, продал ему свои владения Эзель и Пильтен за 20000 рейхсталеров и уехал с этими деньгами в Германию, несмотря на то что по обязательствам своим не мог располагать означенными землями без ведома и согласия орденовских властей. Датский король, обязанный по отцовскому завещанию уступить брату своему, Магнусу, несколько земель в Голштинии, вместо их отдал ему новую свою покупку, и Магнус весной 1560 года явился в Аренбурге, где вступило к нему в службу много дворян, в надежде, что Дания не оставит его без помощи. Появление этого нового лица в Остзейском краю было причиною новых смут: когда земские чины собрались в Пернау и приехал Магнус в качестве эзельского администратора, то вместо каких-нибудь полезных для земли решений сейм был свидетелем сильной ссоры между Магнусом и магистром Кетлером за земли, которыми Магнус хотел также завладеть; едва дело не дошло до войны между ними, а между тем русские взяли Феллин. По удалении их из-под Вейссенштейна междоусобная война действительно началась, только не между Магнусом и Кетлером: встали крестьяне, объявили, что так как дворяне в мирное время отягощают их страшными поборами, а в военное не защищают от неприятеля, то они не хотят им повиноваться; стали жечь замки, бить дворян, но при осаде замка Лоде потерпели поражение и усмирились. Ревельцы, видя, что московские ратные люди под самыми стенами их уводят не только скот, но и людей, отправили послов к шведскому королю Ерику, сыну и наследнику Густава Вазы, попросить у него денег займы и узнать, чего они могут ожидать от него в случае, если московские войска осадят их город. Ерик отвечал, что денег он попустому не даст, но если ревельцы захотят отдаться под его покровительство, то он не из властолюбия, а из христианской любви и для избежания московского невыносимого соседства готов принять их, утвердить за ними все их прежние права и защищать их всеми средствами. Ревельцы стали думать: от императора и Римской империи нечего надеяться помощи, от магистра также; Польша далеко, из нее также в надлежащее время помощь не придет; Дания уже прежде отвергла их предложение, и притом соединение с Швециею выгоднее

по единству религии и по близости: по открытому морю легко получить помощь, легко торговать. Подумавши таким образом, ревельцы в июне 1561 года присягнули в верности шведскому королю с сохранением всех своих прав.

Уже из побуждений, заставивших ревельцев присоединиться к Швеции, легко было понять, что Ливония захочет примкнуть к Польше. «Мы, – говорили ревельцы, – не кормимся от Польши и Литвы, как рижане»; следовательно, рижане привязывались торговыми интересами к Литве; дворянство ливонское не менее рижских купцов желало соединения с Польшею, ибо ни в одной другой стране не видало более лестного положения своих собратий. Кетлер завел сношения с виленским воеводою Николаем Радзивиллом насчет присоединения Ливонии к Польше; в ноябре 1561 года дело было кончено: Ливония с сохранением всех своих прав отошла к Польше, а магистр Кетлер получил Курляндию и Семигалию с титулом герцога и с подручными обязанностями к Польше. До нас дошло любопытное изложение причин, по которым в Польше считали необходимым присоединение Ливонии: «Ни в одной части государства нет такого количества городов, крепостей и замков, как в Пруссии, но Ливония богатством крепких мест превосходит Пруссию или по крайней уже мере равняется ей. Государство же Польское особенно нуждается в укрепленных местах, потому что с севера и востока окружено дикими и варварскими народами. Ливония знаменита своим приморским положением, обилием гаваней; если эта страна будет принадлежать королю, то ему будет принадлежать и владычество над морем. Но главная причина, заставляющая нас принять Ливонию, состоит в том, что если мы ее отвергнем, то эта славная своими гаванями, городами, крепостями, судоходными реками, плодородием страна перейдет к опасному соседу. Или надобно вести войну против Москвы с постоянством, всеми силами, или заключить честный и выгодный мир; но условия мира не могут назваться ни честными, ни выгодными, если мы уступим ей Ливонию. Но если мы должны непременно выгнать москвитян из Ливонии, то с какой стати нам не брать Ливонии себе, с какой стати отвергать награду за победу? Вместе с москвитянами должны быть изгнаны и шведы, которых могущество также опасно для нас; но прежде надобно покончить с Москвою».

Это изложение причин, почему Польша должна была овладеть Ливониею, показывало, почему и Москва стремилась к тому же; но у Польши были прусские гавани на Балтийском море, тогда как у Москвы не было никаких; вот почему Иоанн даже не хотел делиться Ливониею с Сигизмундом-Августом. Если в Польше хотели прежде покончить с Москвою, а потом уже обратить свои силы против Швеции, то и в Москве не хотели также иметь дела с двумя врагами вместе, и в начавшихся переговорах с Швецией царь не упоминал о Ревеле. Переговоры эти были не очень дружественны по другой причине: молодой король Ерик никак не мог равнодушно подчиниться унижительному обычаю, по которому он был обязан сноситься не прямо с царем, а с наместниками новгородскими. В 1560 году Ерик прислал послов с требованием, чтоб перемирные грамоты, написанные при отце его и скрепленные только печатями новгородских наместников, были скреплены печатью царскою, чтобы вперед ссылаться ему прямо с царем и чтоб в прежних грамотах уничтожить условие, по которому шведский король обязывался не помогать королю польскому и магистру ливонскому против Москвы. Чтоб испугать Иоанна, сделать его сговорчивее, шведские послы объявили, что император, короли польский и датский уговаривают Ерика к союзу против царя, за Ливонию. Но им отвечали: «Того себе в мыслях не держите, что государю нашему прародительские старинные обычаи порушить, грамоты перемирные переиначить; Густав-король таким же гордостным обычаем, как и государь ваш теперь, с молодости помыслил, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своих пролил и сколько земле своей запустенья причинил? Да, то был человек разумный: грехом проступил и за свою проступку великими своими и разумными людьми мог и челом добить; а вашего разума рассудить не можем: с чего это в такую высоту начали? Знаете и сами: за неправду ливонских людей быстро лихое дело началось, а теперь укротить его кто может? А в Казанской и Астраханской земле? И не такие места великие государства гордостью было поднялись и в старинах своих быть не захотели, тем государя нашего гнев на себя подвигли; и за их неправды что с ними случилось, сами знаете. Нам кажется, что или король у вас очень молод, или старые люди все извелись и советуется он с молодыми – по такому совету такие и слова». Когда послы сказали, что царю не может быть тяжело самому ссылаться с королем, то бояре

отвечали: «Тяжелее всего на свете прародительскую старину порушить». Для подтверждения перемирия отправлены были в Швецию послы от имени новгородских наместников: по наговору толмача шведского посольства, который жаловался королю, что им в Новгороде и Москве было большое бесчестье, и московских послов приняли очень дурно в шведских владениях; послы писали в Москву: «От короля нам было великое бесчестье и убыток: в Выборге нас речами бесчестили и бранили, корму не дали и своих запасов из судов взять не дали ж, весь день сидели мы взаперти, не евши». По приезде в Швецию отвели им комнаты без печей и лавок, к королю заставили идти пешком; позвавши на обед, король велел поставить перед ними мясные кушанья в Петров пост; против поклона от наместников новгородских король с места не двинулся и шляпы не приподнял; три раза послов звали к королю и три раза ворочали с дороги.

Но эти неприятности не имели последствий, ибо все внимание царя было обращено теперь на Литву. И здесь Иоанн хотел было сначала решить дело мирным образом, посредством женитьбы своей на одной из сестер королевских. Кроме возможности действовать чрез это родство на мирное соглашение относительно Ливонии у Иоанна могла быть тут другая цель: бездетным Сигизмундом-Августом прекращался дом Ягеллонов в Литве, и сестра последнего из Ягеллонов переносила в Москву права свои на это государство. Он спросил митрополита, можно ли ему жениться на королевской сестре при известной степени свойства между ними вследствие брака тетки его Елены с невестиным дядею Александром? Митрополит отвечал, что можно, и в Москве уже решили, как встречать королевну, где ей жить до перехода в православие; определили, что боярам на сговоре с панами о крещении не поминать, а начнут сами паны говорить, чтоб королевне оставаться в римском законе, то отговаривать, приводя прежние примеры – пример Софьи Витовтовны и сестры Олгердовой, которые были крещены в греческий закон; если же паны не согласятся, то и дела не делать; Федору Сукину, отправленному в Литву с предложением, дан был такой наказ: «Едучи дорогою до Вильны, разузнавать накрепко про сестер королевских, сколько им лет, каковы ростом, как тельны, какова которая обычаем и которая лучше? Которая из них будет лучше, о той ему именно и говорить королю. Если большая королевна будет так же хороша, как и меньшая, но будет ей больше 25 лет, то о ней не говорить,

а говорить о меньшей; разведывать накрепко, чтоб была не больна и не очень суха; будет которая больна, или очень суха, или с каким-нибудь другим дурным обычаем, то об ней не говорить – говорить о той, которая будет здорова, и не суха, и без порока. Хотя бы старшей было и больше 25 лет, но если она будет лучше меньшей, то говорить о ней. Если нельзя будет доведаться, которая лучше, то говорить о королевнах безымянно; и если согласятся выдать их за царя и великого князя, то Сукину непременно их видеть, лица их написать и привести к государю. Если же не захотят показать ему королевен, то просить парсон (портретов) их написанных». Сукин допытался, что младшая королевна, Екатерина, лучше, и потому сделал королю предложение выдать ее за царя. Паны от имени Сигизмундова отвечали, что отец королев, умирая, приказал семейство свое императору, и потому король хочет это дело делать так, как отец его делывал, обослаться с императором и с иными королями, своими приятелями и родственниками – зятем, герцогом Брауншвейгским, и с племянником, королевичем венгерским. Притом теперь при короле нет польской Рады; король должен обослаться с нею, потому что королевны родились в Польше и приданое их там. Посол отвечал: «Мы видим из ваших слов нежелание вашего государя приступить к делу, если он такое великое дело откладывает в даль». Так кончились первые переговоры. Когда послы были призваны в другой раз, то Сигизмунд объявил им, что согласен выдать сестру Екатерину за царя; послы просили позволения ударить ей челом, но паны отвечали: «И между молодыми (т. е. незнатными) людьми не ведется, чтоб, не решивши дело, сестер своих или дочерей давать смотреть». Послы говорили: «Не выдавши нам государыни королевны Катерины и челом ей не ударивши, что, приехав, государю своему сказать? Кажется нам, что у государя вашего нет желания выдать сестру за нашего государя!» Им отвечали, что нельзя видеть королевну явно, потому что придворные – поляки; они расскажут своим, что московские послы королевну видели, и у польской Рады с королем будет за это брань большая; а если послы хотят ее видеть, то пусть смотрят тайно, как пойдет в костел. Послы сперва не соглашались, но потом согласились.

А. Максимов. Московское посольство. 1910-е гг.

Дело, однако, кончилось ничем: король хотел согласиться на брак своей сестры с Иоанном только в том случае, если б брак этот доставил ему выгодный мир; посол его Шимкович явился в Москву с требованием, чтоб прежде дела о сватовстве заключен был мир, для переговоров о котором вельможи с обеих сторон должны съехаться на

границы. Но Иоанн IV не согласился на порубежные переговоры; мы видели, что в Москве считали тяжелее всего на свете нарушать прародительские обычаи, а эти обычаи требовали, чтоб мирные переговоры велись в Москве. Военные действия начались наступательным движением литовского гетмана Радзивилла на русских в Ливонии: после пятинедельной осады он взял Тарваст в сентябре 1561 года; русские воеводы разбили литовцев под Пернау и разорили Тарваст, оставленный литовцами. 1562 год прошел в опустошительных набегах с обеих сторон; а между тем не прерывались и сношения между обоими дворами: Сигизмунд не имел ни средств, ни желания вести деятельную войну, ему хотелось длить время переговорами. Посол Корсак приезжал от него в Москву в начале 1562 года с жалобами, что Иоанн обижает короля и мира не хочет, хлопотал, чтоб военные действия были прекращены с обеих сторон впредь до ссылки; Иоанн отвечал Сигизмунду: «Во всем твоём писанье не нашли мы ни одного такого дела, которое было бы прямо написано: писал ты все дела ложные, складывая на нас неправду... Прежде этого ты послал к нам Яна Шимковича, а к Перекопскому писал, что Шимкович послан не делать дело, а разодрать его; и прежде посылал ты к Перекопскому свою грамоту, укорял в ней нас многими неподобными словами. И если уже так, то нам от тебя больше чего ждать? Всю неправду в тебе мы достаточно высмотрели».

Русские воины XVI в. Оригинальный рисунок Р. Штейна, гравер Ю. Барановский. Конец XIX в.

Упреки Иоанна были справедливы: Сигизмунд не переставал поднимать хана на Москву, писал ему, что он, Сигизмунд, не хочет нарушить клятвы и начать войну с Москвою до истечения перемирных лет, но что хану теперь самое удобное время напасть на Москву, потому что почти все полки ее находятся в Ливонии. Паны литовские по

старому обычаю писали к митрополиту и боярам, чтоб они склоняли государя к миру и к уступке Ливонии, которая искони принадлежала королям польским и великим князьям литовским. Митрополит отвечал по царскому наказу: «И прежде бискуп и воевода виленский посланников и гонцов своих к нам присылали не один раз, и мы им отвечали, что мы люди церковные и нам до тех дел дела нет; также и теперь нам до тех дел дела нет, то ведают боговенчанного самодержца царя государя бояре и с панами ссылаются. И мы, как пастыри христианские, благовенчанному самодержцу напоминаем, чтоб он с пограничными своими соседями имел мир и тишину. Мы били челом государю, и он нашего челобитья не презрил, послал на литовских послов опасную грамоту». Бояре отвечали: «Только вспомнить старину, каким образом гетманы литовские Рогволодовичей Данила да Мовколда Литовское княжество взяли и каким образом великому государю Мстиславу Владимировичу Монамашу к Киеву дань давали, то не только что Русская земля вся, но и Литовская земля вся – вотчина государя нашего, потому что начиная от великого государя Владимира до нынешнего великого государя нашего наши государи-самодержцы никем не посажены на своих государствах, а ваши государи – посаженные государи: так который крепче – вотчинный ли государь или посаженный? – сами рассудите. Но такими речами, сколько их ни говорить на обе стороны, доброе дело не станется, а скорее к разлитию крови христианской придет; мы напомнили вам о Литве только для того, что вы в своей грамоте писали непригоже, задираясь за искони вечную вотчину государя нашего».

Доброго дела нельзя было достигнуть ни такими и никакими другими речами, а только делом, и в начале 1563 года сам Иоанн с большим войском и нарядом двинулся к литовским границам; целью похода был Полоцк – город, важный сам по себе и особенно по отношению к Ливонии, по торговой связи его через Двину с Ригою. 31 января город был осажден, 7 февраля взят был острог, а 15 февраля, после того как 300 сажен стены было выжжено, город сдался; воевода полоцкий Довойна, один из самых приближенных людей к королю, и епископ отосланы были в Москву, имение их, казна королевская, имение панов и купцов богатых, много золота и серебра отобрано было на царя; жиды потоплены в Двине; но наемные воины королевские одарены шубами и отпущены числом больше 500 человек, дана им

воля, вступить ли в царскую службу, ехать ли к королю или в другие земли, потому что они пришельцы из чужих земель. Уведомляя митрополита о взятии Полоцка, Иоанн велел ему сказать: «Исполнилось пророчество русского угодника, чудотворца Петра-митрополита о городе Москве, что взыдут руки его на плечи врагов его: Бог несказанную свою милость изливал на нас, недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, нам в руки дал». Царь возвратился в Москву так же торжественно, как из-под Казани: в Иосифовом монастыре встретил его старший сын, царевич Иван; на последнем ночлеге к Москве, в селе Крылатском, встретили его младший сын, царевич Феодор, брат Юрий, ростовский архиепископ Никандр с другими епископами, архимандритами, игуменами. Митрополит со всем духовенством московским встретил у церкви Бориса и Глеба на Арбате; Иоанн бил им челом, что милостию Пречистой Богородицы, молитвами великих чудотворцев и их молитвами Господь Бог милосердие свое свыше послал, вотчину его, город Полоцк, в руки дал. Духовенство государю многолетствовало на его вотчине, благодарение великое воздавало, что своим подвигом церкви святые от иконоборцев-люторей очистил и остальных христиан в православие собрал. В Полоцке оставлены были трое воевод – князя Петр Иванович Шуйский, Василий и Петр Семеновичи Серебряные-Оболенские – с таким наказом: «Укреплять город наспех, не мешкая, чтоб было бесстрашно; литовских людей в город ни под каким видом не пускать; в городе должны жить одни попы у церквей с своими семьями, а лишние люди у попов не жили бы. В городе сделать светлицу, и ночевать в ней каждую ночь воеводам с своими полками поочередно. Управу давать литовским людям, расспросив, как у них обычаи ведутся, по их обычаям и судить; судебню сделать за городом в остроге; выбрать голов добрых из дворян и к присяге их привести, чтоб судили прямо, посулов и поминков не брали. Кто из детей боярских, шляхты и посадских людей останется жить на посаде, у тех бы не было никакого ратного оружия. Если в ком-нибудь из них воеводы приметят шатость, таких людей, не вдруг, затеявши какое-нибудь дело, ссылать во Псков, в Новгород, в Луки Великие, а оттуда в Москву».

Русское осадное орудие XVI в. Оригинальный рисунок Р. Штейна, гравер П. Дзедзиц. Конец XIX в.

Король, узнавши о взятии Полоцка, послал к хану крымскому с выговорами, зачем тот уверил его, что пойдет зимою на Москву, и не пошел, а между тем Иоанн, безопасный с этой стороны, пришел со всею своею землей в Литву и взял Полоцк; королевская же Рада

прислала к боярам просить, чтоб московские войска удержались от дальнейших неприятельских действий, что послы литовские будут к Успеневу дню в Москве. Иоанн велел унять войну; пересылки продолжались. В это время князь Дмитрий Вишневецкий оставил московскую службу по неизвестным причинам и перешел опять в Литву, но с тем, чтоб и здесь недолго оставаться. Гонцу Клобукову, отправленному в Литву, дан был наказ: «Если спросят о Вишневецком, то отвечать: притек он к государю нашему, как собака, и потек от государя, как собака же, а государю нашему и земле убытка никакого не учинил». Но на деле в Москве не были равнодушны к бегству удалого козака, который оказал так много услуг царю против Крыма и мог оказывать теперь услуги королю против царя; Клобукову наказано было разведывать: «Как приехал князь Дмитрий Вишневецкий на королевское имя, то король ему жалованье дал ли, и живет при короле ли, и в какой версте держит его у себя король? Да проводывать про Черкасских – Алексея и Гаврилу: каков их приезд был к королю и чем их король пожаловал? Если Алешка Черкасский пришлет к гонцу и объявит, что хочет опять ехать к государю, то отвечать ему, что челобитье его будет донесено до государя».

Король по-прежнему старался только протянуть время, чтоб иметь возможность собраться с силами и поднять хана: теперь, по взятии Полоцка, он менее чем когда-либо мог надеяться на заключение выгодного мира или даже перемирия. Он прислал гонца с предложением продлить перемирие вместо Успенего дня до Благовещенья, но царь не согласился и продлил срок только до 6 декабря того же 1563 года. Уведомив об этом хана, король велел сказать ему, что переговоры с Москвою будут ведены только для освобождения пленных, взятых в Полоцке, а мир заключен не будет, чтоб он, хан, поэтому шел непременно зимою на Москву, которой все силы тогда будут устремлены на Литву, что если и заключено будет перемирие, то не далее, как только до июля месяца; посол королевский должен был спросить у хана, надобно ли королю послать к султану, чтоб поднять и его на Иоанна. Эти сношения остались тайною для Москвы, но обнаружили другие, и когда приехали в Москву послы литовские, то бояре встретили их упреками, что троцкий воевода присылал в Тарваст к боярскому сыну князю Кропоткину с грамотою, в которой звал его отъехать к королю, выставляя на вид жестокости Иоанновы;

перехвачены были грамоты Сигизмунда-Августа к королю шведскому, в которых он старался уговорить последнего к войне с Москвою; Иоанн велел сказать послам: «Это ли брата нашего правда, что ссылается с шведским на нас; а что он не бережет своей чести, пишется шведскому братом равным, то это его дело, хотя бы и водовозу своему назвался братом – в том его воля. А то брата нашего правда ли? К нам пишет, что Лифляндская земля – его вотчина, а к шведскому пишет, что он вступился за убогих людей, за повоенную и опустошенную землю; значит, это уже не его земля! Нас называет беззаконником, а какие в его земле безбожные беззакония совершаются, о том не думает (Иоанн разумел здесь распространение протестантизма в Сигизмундовых владениях). Брат наш к шведскому, пишет, что москвичи – христианские враги, что с ними нельзя постоянного мира, дружбы и союза иметь? Потом епископы и паны оказали неподобную гордость: прежде они назывались братьями и грамотами ссылались с нашими боярами, а теперь затеяли ссылаться с митрополитом, тогда как митрополит у нас в такой же чести, как наши братья: так пригоже ли поданным нашим митрополиту братьями писаться?» Послы сказали на это, что митрополит должен сноситься с епископом виленским, а не с панами и братство у него с епископом; бояре отвечали, что епископ митрополиту не ровня: над епископом есть еще архиепископ, а потом уже митрополит. Бояре упрекали послов и в нарушении последнего перемирия: ротмистр князь Михайла Вишневецкий с белгородскими татарами приходил на московские украины; приходил к Новгороду Северскому с козаками черкасскими и литовскими и белгородскими татарами.

Когда начались переговоры о мире, то бояре потребовали Волыни, Подолии и Галича; послы отвечали, что это земли польские, а не литовские и они, как литовские послы, о чужих землях говорить не могут, говорить о них должны польские послы. Потом начались уступки: Иоанн сначала уступил Подольскую землю, потом Волынскую, потом Киев с днепровскими городами. Дело остановилось на Полоцком повете и на орденских владениях, потому что послы, уступая Полоцк, как занятый русскими войсками, не уступали его повета и орденских владений. Иоанн из последних уступил еще Курляндию, назначил Двину границею между своими и королевскими владениями и на этом условии хотел заключить перемирие лет на 10

или на 15, но послы не согласились. Тогда Иоанн нарушил обычай, велел позвать послов к себе и стал сам с ними говорить: «Я, государь христианский, презрел свою царскую честь, с вами, брата своего слугами, изустно говорю: если у вас есть от брата нашего указ о любви и добром согласии, как между нами доброе дело постановить, то вы нам скажите». Ходкевич отвечал: «Милостивый государь великий князь! Позволь перед собою говорить нашему писарю, потому что я рос при государе своем короле от молодых дней и язык мой русский помешался в пословицах с польским языком, так что речей моих и не узнать, что стану говорить». Иоанн отвечал: «Юрий! Говори перед нами безо всякого сомнения, если что и по-польски скажешь, мы пойдем. Вы говорите, что мы припоминали и те города, которые в Польше, но мы припомнили не новое дело: Киев был прародителя нашего, великого князя Владимира, а те все города были к Киеву; от великого князя Владимира прародителя наши, великие государи, великие князья русские, теми городами и землями владели, а зашли эти земли и города за предков государя вашего невзгодами прародителей наших, как приходил Батый на Русскую землю, и мы припоминаем брату нашему не о чужом, припоминаем о своей искони вечной вотчине. Мы у брата своего чести никакой не убавляем; а брат наш описывает наше царское имя не сполна, отнимает, что нам Бог дал; прародители наши ведут свое происхождение от Августа-кесаря, так и мы от своих прародителей на своих государствах государи, и что нам Бог дал, то кто у нас возьмет? Мы свое имя в грамотах описываем, как нам Бог дал; а если брат наш не пишет нас в своих грамотах полным наименованием, то нам его списывание не нужно». Бояре в разговоре с послами вывели так генеалогию государей московских: Август-кесарь, обладающий всею вселенною, поставил брата своего, Пруса, на берегах Вислы-реки по реку, называемую Неман, и до сего года по имени его зовется Прусская земля, а от Пруса четырнадцатое колено до великого государя Рюрика.

Но хотя Иоанн и объявил, что не нуждается в царском титуле от короля, хотя таким образом одно из препятствий к миру было отстранено, однако теперь было другое препятствие, важнейшее – Ливония; Ходкевич не мог согласиться на царские условия и уехал ни с чем. Военные действия открывались неудачею москвитян: в несчастных для московского войска местах, недалеко от Орши, на реке Уле, гетман Радзивилл разбил князя Петра Ивановича Шуйского; последний

лишился жизни вместе с двумя князьями Палецкими; двое воевод – Захар Плещеев и князь Иван Охлябинин – были взяты в плен. Но и эту, вторую, Оршинскую битвою литовское войско так же мало воспользовалось, как и первую. Начальствовавший в Полоцке князь Петр Щенятев не принял предложений Радзивилла и не сдал вверенного ему города; русские взяли Озерище, отразили литовцев от Чернигова; действия Курбского в Великолуцкой области состояли только в опустошениях открытых мест; в Ливонии дела шли с переменным счастьем.

Начались опять переговоры; опять приехал гонец от епископа и панов к митрополиту и боярам для задирки, но согласно с прежним объявлением, что митрополиту непригоже сноситься с епископом, гонца к митрополиту не пустили, представлялся он только боярам, которые отвечали, что государь мира хочет и неприятельские действия прекращает. Опасную грамоту на литовских послов царь отправил с гонцом Желнинским, которому дан был такой наказ: «Если спросят про Андрея Курбского, для чего он от государя побегал, то отвечать: государь было его пожаловал великим жалованьем, государю изменил; но это не диво; езжали из государства и не в Курбского версту, да и те изменники государству Московскому не сделали ничего; Божиим милосердием и государя нашего здоровьем Московское государство не без людей; Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собака и пропадет. А если спросят о дерптских немцах, для чего их царь из Дерпта велел перевести в московские города, отвечать: перевести немцев государь велел для того, что они ссылались с магистром ливонским, велели ему прийти под их город со многими людьми и хотели государю изменить. Если спросят: зимою государь ваш куда ездил из Москвы и опалу на многих людей для чего клал, отвечать: государь зимою был в слободе и положил опалу на бояр и дворян, которые ему изменные великие дела делали, и за великие измены велел их казнить». Желнинскому при встрече с Курбским и другими изменниками запрещено было с ними говорить. Когда приехал литовский гонец Юряга в Москву, то приставу дан был также наказ, как с ним говорить: «Если спросит: что это теперь у государя вашего слывет опричина, отвечать: у государя никакой опричины нет, живет государь на своем царском дворе, и, которые дворяне служат ему правдою, те при государе и живут близко, а которые делали неправды,

те живут от государя подальше. А что мужичье, не зная, зовет опричниной, то мужичьим речам верить нечего; волен государь, где хочет дворы и хоромы ставить, там и ставит; от кого государю отделяться?»»

Обряд омовения рук после приема иноземных посольств московскими царями. Н. Дмитриев-Оренбургский. Конец XIX в.

Юряга приезжал с известием о больших послах, Ходкевиче и Тишкевиче; когда они приехали в Москву, приставам был дан наказ: «Если спросят послы о князе Михайле Воротынском, то отвечать: Бог один без греха, а государю холоп без вины не живет; князь Михайла государю погрубил, и государь на него опалу было положил; а теперь государь его пожаловал по-старому, вотчину его старую, город Одоев и Новосиль, совсем ему отдал, и больше старого». Послы о вечном мире не сговорились: начали толковать о перемирии, уступали Полоцк и в Ливонии все земли, занятые московским войском. Царь не согласился, требовал Риги и других городов, уступая королю Курляндию и несколько городов по ею сторону Двины. Послы не согласились и объявили, что всего легче мир может быть заключен при личном свидании государя с королем на границах. Иоанн охотно согласился на это предложение, но требовал чтоб послы тут же положили, как быть съезду и всем церемониям; послы отказались решить такое важное дело и требовали сроку для приезда новых послов. Но государь приговорил с боярами, что о съезде с послами не говорить, потому что этими переговорами дело только затянется, а угадать нельзя, захочет ли король сам быть на съезде или не захочет. Он только время будет проволакивать. Лучше отправить к королю своих послов для переговоров о Ливонской земле и Полоцком повете; они проведуют на короле, как он хочет с государем о Ливонской земле порешить. А в то время как государские послы будут у короля, государь велит готовиться к своему большому походу на Ливонскую землю, велит всякого запаса и наряду прибавить.

Согласие короля на уступку всех городов и земель, занятых московскими войсками, заставило Иоанна задуматься; ему, естественно, представлялся вопрос, следует ли продолжать тяжелую войну, успехи которой были очень сомнительны. Оршинское поражение, отъезд Курбского подавали мало надежды; перемирие с удержанием всех завоеваний, и каких завоеваний – Юрьева, Полоцка, – такое перемирие было славно; притом король слаб здоровьем, бездетен: вся Литва без войны может соединиться с Москвою! Но с другой стороны, отказаться от морских берегов, отказаться, следовательно, от главной цели войны, позволить литовскому королю удержать за собою Ригу и другие важные города ливонские, взятые даром благодаря русскому же оружию, было

досадно для Иоанна. Он не хотел решить этого вопроса один; но ему было недостаточно мнения опальных бояр, мнения людей, которых он подозревал в неискренности; ему хотелось знать, что думают другие сословия о войне. Летом 1566 года царь велел собрать духовенство, бояр, окольных, казначеев, государевых дьяков, дворян первой статьи, дворян и детей боярских второй статьи, помещиков с западных, литовских границ, торопецких и луцких, дьяков и приказных людей, гостей, лучших купцов московских и смолян, предложил им условия, на которых хочет помириться с королем, и спрашивал их совета. Духовенство совет учинили такой: «Велико смирение государское! Во всем он уступает, уступает королю пять городов в Полоцком повете, по Задвинью уступает верст на 60 и на 70 на сторону, город Озерище, волость Усвятскую в Ливонской земле, в Курской земле за Двиною 16 городов, да по ею сторону Двины 15 городов ливонских с их уездами и угодьями, пленных полочан отпускает без окупы и без размены, а своих пленных выкупает. Больше ничего уступить нельзя, пригоже стоять за те города ливонские, которые к государским порубежным городам, псковским и юрьевским, подошли; если же не стоять государю за эти города, то они укрепятся за королем, и вперед из них будет разорение церквам, которые за государем в ливонских городах; да не только Юрьеву, другим городам ливонским и Пскову будет большая теснота, Великому Новгороду и других городов торговым людям торговля затворится. А в ливонские города король вступился и держит их за собою не по правде, потому что, когда государь наш на Ливонскую землю наступил за ее неисправление, тогда остальные немцы, видя свое изнеможение, заложились за короля с своими городами. А когда государь наш на Ливонскую землю не наступал, то король мог ли хотя один город ливонский взять? А Ливонская земля от прародителей, от великого государя Ярослава Владимировича, принадлежит нашему государю. А и то королева, правда ли? Будучи с государем нашим в перемирье, королевские люди пришли да взяли наш город Тарваст и людей свели. И наш совет, что государю нашему от тех городов ливонских, которые король взял в обереганье, отступить непригоже, а пригоже за них стоять».

Бояре, окольные и приказные люди говорили: «Ведает Бог да государь, как ему, государю, Бог известит; а нам кажется, что нельзя немецких городов королю уступить и Полоцк учинить в осаде. Если у

Полоцка заречье уступить, то и посады заречные полоцкие будут в королевой стороне; по сю сторону Двины в Полоцком повете все худые места, а лучшие места все за Двиною. И если в перемирные лета литовские люди за Двиною поставят город, то, как перемирье выйдет, Полоцку не простоять; а если в ливонских городах у короля прибудет рати, тогда и Пскову будет нужда, не только Юрьеву с товарищами. Так чем давать королю свою рать пополнять, лучше государю теперь с ним на таком его высоком безмерье не мириться. Государь наш много сходил ко всякому добру христианскому и на себя поступал; а литовские послы ни на какое доброе дело не сошли: как замерили великим безмерием, так больше того и не говорят, потому лучше теперь, прося у Бога милости, государю промышлять с королем по своей правде. О съезде у бояр, окольных и приказных людей такая мысль: литовским послам о съезде отказать; если же король захочет с государем нашим съехаться и договор учинить, то в этом государи вольны для покоя христианского. Известно, послы литовские все говорят о съезде для того, чтоб немного поманить, а между тем с людьми пособраться, с поляками утвердиться, Ливонскую землю укрепить, рати в ней прибавить. По всем этим государским делам мириться с королем непригоже; а нам всем за государя головы свои класть, видя королеву высоту, и надежду на Бога держать: Бог гордым противится; во всем ведает Бог да государь; а нам как показалось, так мы и изъявляем государю свою мысль». Печатник Висковатый сказал свою мысль отдельно, что можно заключить перемирие с королем и не требуя уступки ливонских городов, но только чтоб король вывел из них свои войска и не мешал государю их добывать, обязался бы также не помогать им даже и после истечения перемирных лет. Дворяне и дети боярские говорили согласно с духовенством и боярами; торопецкие помещики сказали: «Мы, холопи государевы, за одну десятину земли Полоцкого и Озерицкого поветов головы положим, чем нам в Полоцке помереть запертым; мы, холопи государские, теперь на конях сидим и за государя с коня помрем. По-нашему, за ливонские города государю стоять крепко, а мы, холопи его, на государево дело готовы». Остальные отвечали в том же смысле.

Отобравши такие мнения, Иоанн отправил в Литву боярина Умнога-Колычова с наказом – не заключать перемирия не только без Ливонии, но даже если король откажется давать ему титул царя и

ливонского и не согласится выдать Курбского. Колычев уведомил Иоанна, что предложения его отвергнуты, что посольству московскому оказано в Литве большое бесчестье, кормов не давали, что король отправил в Москву гонца Быковского с разметом, т. е. с объявлением войны. Быковский встретил Иоанна на дороге в Новгород; царь принял его в шатре, вооруженный, все окружавшие были также в доспехах; после жалоб на дурное обращение с Колычевым Иоанн сказал гонцу: «Ты не дивись, что мы сидим в воинской приправе; пришел ты к нам от брата нашего, Сигизмунда-Августа, с стрелами, и мы потому так и сидим». Быковский отвечал жалобой, что послы, Колычев с товарищами, ничего доброго не сделали; когда у них решено было с павами не начинать войны до 1 октября 1567 года и начали писать грамоту, то послы не захотели взять этой грамоты, потому что в ней Ходкевич был назван администратором ливонским. Свидетельствуясь Богом, что не от него начинается война, король объявлял ее чрез Быковского с обещанием, однако, принять московского посла. Царь и сын его, царевич Иоанн, выслушавши королевскую грамоту, приговорили с боярами задержать Быковского за то, что в грамоте писаны супротивные слова; имение Быковского и товары пришедших с ним купцов были описаны в казну. Иоанн отправился в Новгород, оттуда выступил было в поход, но на совете с воеводами решил ограничиться оборонительною войною. В начале 1568 года гетман Ходкевич осадил московскую крепость Улу, но принужден был снять осаду по причинам, о которых он так доносил королю: «Прибывши под неприятельскую крепость Улу, я стоял под нею недели три, промышляя над нею всякими средствами. Видя, что наши простые ратные люди и десятники их трусят, боятся смерти, я велел им идти на приступ ночью, чтоб они не могли видеть, как товарищей их будут убивать, и не боялись бы, но и это не помогло. Другие ротмистры шли хотя и нескоро, однако кое-как волоклись; но простые ратные люди их все попрятались по лесу, по рвам и по берегу речному; несмотря на призыв, увещания, побои, никак не хотели идти к крепости и, чем больше их гнали, тем больше крылись и убегали, вследствие чего ночь и утро прошли безо всякой пользы. Также и нанятые мною козаки только что дошли до рва – и бросились бежать. Тогда я отрядил немцев, пушкарей и слуг моих: они сделали к стене примет и запалили крепость; но наши ратные люди нисколько им не помогли и даже стрельбою не мешали

осажденным гасить огонь. Видя это, я сам сошел с коня и отправился к тому месту, откуда приказал ратным людям двинуться к примету: хотел я им придать духу, хотел или отслужить службу вашей королевской милости, или голову свою отдать, но, к несчастью моему, ни того, ни другого не случилось. После долгих напоминаний, просьб, угроз, побоев, когда ничто не помогло, велел я татарским обычаем кидать примет, дерево за деревом. Дело пошло было удачно, но храбрость москвичей и робость наших всему помешали: несколько москвичей выскочили из крепости и, к стыду нашему, зажгли примет, а наши не только не защитили его, но и разу выстрелить не смели, а потом побежали от шанцев. Когда я приехал к пушкам, то не только в передних шанцах, но и во вторых и в третьих не нашел пехоты, кроме нескольких ротмистров, так что принужден был спешить четыре конные роты и заставить стеречь пушки ибо на пехоту не было никакой надежды».

Встреча русского посольства Ф. Колычева в Гродно. Гравюра из «Атласа городов земного мира» Г. Брауна и Ф. Хогенберга. 1567 г. Фрагмент

Возвратившись в Александровскую слободу, Иоанн оттуда писал к боярам в Москву, велел им поговорить о литовском деле и отписать к нему в слободу, мириться ли с королем или не мириться. И в то же

время велел обходиться лучше с Быковским. Бояре отвечали, что надобно Быковского отпустить к королю и с ним в грамоте отписать королевские неправды, что король государевых послов, Колычева с товарищами, задерживал не по прежним обычаям, и иные неправды короля припомнить, а после в той же грамоте королю написать поглаже, для того чтоб сношений с ним не порвать, и если король захочет прислать гонца или посланника, то дать ему чистую дорогу. Царь на это отвечал вторым запросом: мириться или не мириться, и если мириться, то на чем? Бояре отвечали, что, когда король возобновит сношения, тогда и рассуждать, смотря по его присылке; Ливонской земли не уступать по прежнему приговору. Иоанн велел боярам сделать так, как они думают. В грамоте к королю Иоанн писал, что он за грубую его грамоту хотел было идти на него войною, но моровое поветрие помешало; задержка Быковского объяснялась так: «Исстари велось: которые приедут с разметом, тем живота не даывали».

В Литве очень обрадовались возвращению Быковского, возобновлению сношений, потому что состояние королевского здоровья заставляло думать о важных переменах: в Москву приехал гонец с просьбою об опасной грамоте на больших послов и в поклоне от короля назвал Иоанна царем, Иоанн велел печатнику спросить у гонца в разговоре, что значит эта новость? Гонец отвечал, что велели ему это сделать паны радные, чтоб почесть оказать государю. Следствием такой почести было то, что гонцу отдали задержанное имение Быковского; опасная грамота также была дана. Но уже по отъезде гонца пришла весть, что литовские воеводы, князя Полубенские, из Вольмара овладели нечаянно Изборском; царь послал своим воеводам приказ отнять Изборск у Литвы, и приказ был исполнен. С жалобой на Полубенских и с требованием отпуска пленного воеводы изборского отправлен был в Литву сын боярский Мясоедов, которому поручено было разведать: «Которым обычаем слово в Литве и Польше носится, что хотят взять на Великое княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана, и почему это слово в люди пущено? Обманом или вправду того хотят, и все ли люди того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людях носится?» Мясоедову дан был также наказ: «Станет с ним говорить князь Андрей Курбский или иной который государев изменник, то отвечать: с изменником что говорить? Вы своею изменою сколько ни лукавствуете бесовским обычаем, а Бог государю свыше

подает на врагов победу и вашу измену разрушает; больше того не говорить ничего и пойти прочь; а с простым изменником и того не говорить: выбравив его, плюнуть в глаза, да и пойти прочь».

В 1570 году приехали большие послы литовские Ян Кротошевский и Николай Тавлош. При переговорах начались опять споры о полоцких границах, насчет которых никак не могли согласиться. Тогда послы, чтоб облегчить дело, попросили позволения переговорить с самим царем и объявили, что ему особенно выгодно заключить мир; когда Иоанн спросил, почему, то послы отвечали: «Рада государя нашего Короны Польской и Великого княжества Литовского советовались вместе о том, что у государя нашего детей нет, и если Господь Бог государя нашего с этого света возьмет, то обе рады не думают, что им государя себе взять от бусурманских или от иных земель, а желают избрать себе государя от славянского рода, по воле, а не в неволю, и склоняются к тебе, великому государю, и к твоему потомству». Царь отвечал: «И прежде эти слухи у нас были; у нас Божиим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего для чего хотеть? Но если вы нас хотите, то вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим с вами говорить, чтоб христианство было в покое». Иоанн в длинной речи рассказывал послам по порядку историю отношений Москвы к Литве в его царствование и заключил, что война не от него, а от короля.

Иван Грозный. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Заклучено было перемирие на три года с оставлением всего, как было, с тем, чтоб в эти три года переговаривать о мире. Для подтверждения перемирия отправлены были в Литву князья Канбаров и Мещерский, которым дан был такой наказ: «Если станут говорить: государь ваш в Новгороде, Пскове и Москве многих людей казнил, отвечать: разве вам это известно? Если скажут, что известно, то

говорить: если вам это известно, то нам нечего вам и рассказывать: о котором лихом деле вы с государскими изменниками лазучеством ссылались, Бог ту измену государю нашему объявил, потому над изменниками так и стало; когда князь Семен Лугвений и князь Михайла Олелькович в Новгороде были, и тогда Литва Новгорода не умела удержать; а чего удержать не умеем, зачем на то и посягать? Если спросят: зачем государь ваш казнил казначея Фуникова, печатника Висковатого, дьяков, детей боярских и подьячих многих, отвечать: о чем государский изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскими изменниками ссылались, о том Бог нашему государю объявил; потому они и казнены, и кровь их взыщется на тех, которые такие дела лукавством делали, а Новгороду и Пскову за Литвою быть непригоже». Дан был наказ, как поступать послам в случае смерти Сигизмунда и избрания нового короля: «Если король умер и на его место посадят государя из иного государства, то с ним перемирия не подтверждать, а требовать, чтоб он отправил послов в Москву. А если на королевстве сядет кто-нибудь из панов радных, то послам на двор не ездить; а если силою заставят ехать и велят быть в посольстве, то послам, вошедши в избу, сесть, а поклона и посольства не править, сказать: это наш брат; к такому мы не присланы; государю нашему с холопом, с нашим братом, не приходится через нас, великих послов, ссылаться». Послы присылали в Москву приятные донесения: «Из Вильны все дела король вывез; не прочит вперед себе Вильны, говорит: куда пошел Полоцк, туда и Вильне ехать за ним; Вильна местом и приступом Полоцка не крепче, а московские люди, к чему приступятся, от того не отступятся. Обе рады хотят на королевство царя или царевича; у турецкого брать не хотят, потому что мусульманин и будет от турок утеснение; у цесаря взять – обороны не будет, и за свое плохо стоит; а царь – государь воинственный и сильный, может от турецкого султана и от всех земель оборонять и прибавление государством своим сделать. Хотели уже послать бить челом царю о царевиче, да отговорил один Евстафий Волович по королевскому темному совету, потому что король придумал вместо себя посадить племянника своего, венгерского королевича, но королевич умер. В Варшаве говорят, что, кроме московского государя, другого государя не искать; говорят, что паны уже и платье заказывают по московскому обычаю и многие уже носят, а в королевнину казну собирают бархаты и камки на платье по

московскому же обычаю; королевне очень хочется быть за государем царем».

Но Иоанна мало прельщало это избрание в короли его самого или сына его: и человеку менее его разумному оно не могло казаться очень вероятным; по-прежнему его занимала одна задушевная мысль – приобрести Ливонию. Он соглашался наконец отдать и Полоцк Литве за Ливонию, но мог ли король согласиться на это? Если бы даже Сигизмунд-Август и сейм согласились предать вверившиеся им города, то последние могли найти других защитников, как, например, Ревель был уже во власти шведов, да и без защитников приморские города могли долго держаться против войска московского. Одним словом, для достижения непосредственного владычества над Ливониею требовалось еще много крови, много времени; и вот Иоанн напал на мысль дать Ливонии немецкого правителя, который бы вошел в подручные отношения к государю московскому, как герцог курляндский к польскому королю. В 1564 году Иоанн предложил пленнику своему, старому магистру Фюрстенбергу, возвратиться в Ливонию и господствовать над нею от имени всех чинов и городов ливонских, присягнуть ему и потомкам его в верности как своим наследственным верховным государям; но Фюрстенберг отказался от предложения, не соглашаясь изменить клятве, данной им Римской империи. Так рассказывают ливонские летописцы; но другие вести были получены при дворе польском в конце 1564 года: сюда писали из Москвы, что посол от великого магистра Немецкого ордена, восстановленного по имени в Германии, исходатайствовал у царя свободу Фюрстенбергу на следующих пяти условиях:

1) по возвращении в Ливонию Фюрстенберг обязан восстановить все греческие церкви;

2) все главные крепости Ливонии остаются в руках московских; 3) в совете магистра будут всегда заседать шесть московских чиновников, без которых он не может решать ничего; 4) если магистр будет иметь нужду в войске, то должен обращаться с просьбою о нем только в Москву, а не к другим государствам; 5) по смерти Фюрстенберга царь назначает ему преемника. Весть об этой сделке с Фюрстенбергом сильно обеспокоила короля Сигизмунда-Августа; но в январе 1565 года пришло другое известие, что Фюрстенберг, собираясь отправиться в Ливонию, умер. В это время особенною благосклонностию царя

пользовались двое пленных ливонских дворян – Иоган Таубе и Елерт Крузе; они не переставали утверждать Иоанна в мысли дать Ливонии особого владетеля с вассальными обязанностями к московскому государю и по смерти Фюрстенберга указывали ему на двух людей, способных заменить его, именно на преемника Фюрстенберга – Кетлера, теперь герцога курляндского, и на датского принца Магнуса, владетеля эзельского. Чтоб вести дело успешнее на месте, Таубе и Крузе отправились в Дерпт и оттуда написали сперва к Кетлеру; тот отказался; тогда они обратились к Магнусу, который принял предложение и в 1570 году приехал в Москву, где Иоанн объявил его королем ливонским и женихом племянницы своей Евфимии, дочери Владимира Андреевича. Жителям Дерпта позволено было возвратиться в отечество; Магнус дал присягу в верности на следующих условиях: 1) если царь сам выступит в поход и позовет с собою короля Магнуса, то последний обязан привести с собою 1500 конницы и столько же пехоты; войско Магнусово получает содержание из казны царской; если Магнус поведет свое войско отдельно от царя, то считается выше всех воевод московских; если же Магнус не захочет сам участвовать в походе, то обязан внести в казну царскую за каждого всадника по три талера, а за каждого пехотинца – по полтора; 2) если Магнус будет вести войну в Ливонии и царь пришлет туда же московских воевод, то король имеет верховное начальство над войском, советуясь с воеводами; 3) Магнусу, его наследникам и всем жителям Ливонии даруются все прежние права, вольности, суды, обычаи; 4) сохраняют они свою религию аугсбургского исповедания; 5) города ливонские торгуют в московских областях беспошлинно и без всяких зацепок, а король Магнус дает путь чистый в московские области всем заморским купцам с всяким товаром, также всяким художникам, ремесленникам и военным людям; 6) если Рига, Ревель и другие города ливонские не признают Магнуса своим королем, то царь обязывается помогать ему против всех городов и против всякого неприятеля; 7) по смерти Магнуса и потомков его преемник избирается по общему согласию всех ливонцев.

Перемирие, заключенное между Иоанном и Сигизмундом-Августом, не позволяло новому ливонскому королю действовать против городов, занятых польскими гарнизонами; но второй по значительности, по богатству город в Магнусовом королевстве, Ревель, был занят шведами. Мы видели, что, желая обратить все свои силы

против неприятеля опаснейшего, против Литвы, Иоанн желал сохранить мир с Швециею, несмотря на захвачение Ревеля; в 1563 году Иоанн заключил с королем Ериком новое перемирие на семь лет; Ерик опять настаивал на том, чтоб ему сноситься прямо с царем, и опять получил решительный отказ; царь велел отписать к Ерику о безлепостном и неудовольственном его писании, писал, что требование королевское так отстоит от меры, как небо от земли. Но скоро между обоими государями завязались очень дружественные, непосредственные сношения. Мы должны несколько остановиться на характере Ерика, потому что он в некоторых чертах может служить нам объяснением характера Иоаннова. Густав Ваза оставил четверых сыновей: старший, Ерик, получил королевское достоинство, трое остальных – герцогства: Иоанн – Финляндское, Магнус – Остерготландское, Карл – Зедерманландское. В каких понятиях о своем положении утверждался Ерик, всего лучше видно из разговора его с любимцем своим Персоном. «Покойный батюшка, – сказал однажды король, – поставил меня в тяжелое положение, раздавши герцогства братьям». «Покойный король, – возразил Персон, – извинялся тем, что было бы гораздо хуже, если б ваши братья были менее могущественны, чем вельможи; усобицу между королем и могущественными братьями предпочел он изгнанию королевского дома из государства и возвращению чуждого владычества; он хорошо знал, что в случае усобицы между братьями Швеция все же останется за его родом, но будет отнята у него, если власть вельмож усилится, чему стоящий над ними могущественный герцог легко может воспрепятствовать». Отсюда Ериком, как Иоанном, овладела бояробоязнь, победить которую они оба были не в состоянии, но понятно, что подозрение относительно вельмож нисколько не исключали в Ерике подозрения относительно братьев, и скоро поведение Иоанна, герцога финляндского, дало повод к усилению этих чувств. Занятие Ревеля влекло Швецию и к войне с Польшею, ибо Сигизмунд-Август, подобно Иоанну московскому, объявлял притязания на все орденские владения; война началась действительно: шведский генерал Горн взял у поляков Пернау и Виттенштейн. В это время Иоанн финляндский объявил себя на стороне Польши, стал советовать брату заключить союз с нею против Москвы и уступить Сигизмунду-Августу все занятые шведами места в Ливонии; мало того, Иоанн женился на сестре Сигизмунда-Августа,

Екатерине, дал шурина значительную сумму денег и в залог взял несколько мест в Ливонии; условия брачного договора остались тайною для Ерика, но рассказывали, что Иоанн в нем обещался вести себя как свободный и самостоятельный государь. Ерик приказал финляндскому дворянству двинуться в Ливонию против поляков, а Иоанну явиться в Стокгольм пред суд за союз с врагами государства. Иоанн отвечал тем, что заключил в темницу посланцев королевских, призвал финнов к оружию, потребовал от них присяги себе как отдельному владельцу и обратился с просьбою о помощи в Польшу и Пруссию. Шведские государственные чины приговорили его к смерти; осажденный королевским войском в Або и не получая ниоткуда помощи, он после двух месяцев принужден был сдаться, отвезен в Швецию и заключен в Грипсгольмском замке вместе с женою, которая отказалась разлучиться с ним. Ерик не казнил брата вопреки совету Персона и все остальное время колебался между страхом и раскаянием: удалился от вельмож, окружил себя любимцами низкого происхождения, которые для собственных выгод все более и более укрепляли в нем подозрительность, сделали его мрачным, суровым и наконец довели до припадков сумасшествия и бешенства. Следствием этого было то, что в 1562 году в Швеции состоялся только один смертный приговор, а в 1563 – пятьдесят, из них тридцать два – по делу герцога Иоанна; всего до октября 1567 года осуждено было на смерть 232 человека. В то же время даже в припадках сумасшествия Ерик обнаруживал сильную умственную деятельность: никто не писал так много и так скоро, как он. Находясь в войне с Польшею и Даниею, Ерик, естественно, должен был желать сближения с царем московским. Сближение это произошло вследствие того, что Ерик обязался выдать Иоанну невестку свою, Екатерину, жену заключенного герцога финляндского, за что царь уступал ему Эстонию, обещался помогать в войне с Сигизмундом, доставить мир с Даниею и ганзейскими городами. После Иоанн оправдывал свое желание иметь в руках Екатерину тем, что будто бы Ерик сам предложил ее выдать, объявивши о смерти мужа ее, что он, Иоанн, вовсе не хотел жениться на ней или держать ее наложницею, но хотел иметь ее в своих руках в досаду брату ее, польскому королю, врагу своему, хотел чрез это вынудить у него выгодный для себя мир. Московские послы явились в Швецию, чтоб, по обычаю, взять с короля присягу в исполнении договора, но Ерик не мог исполнить его: он

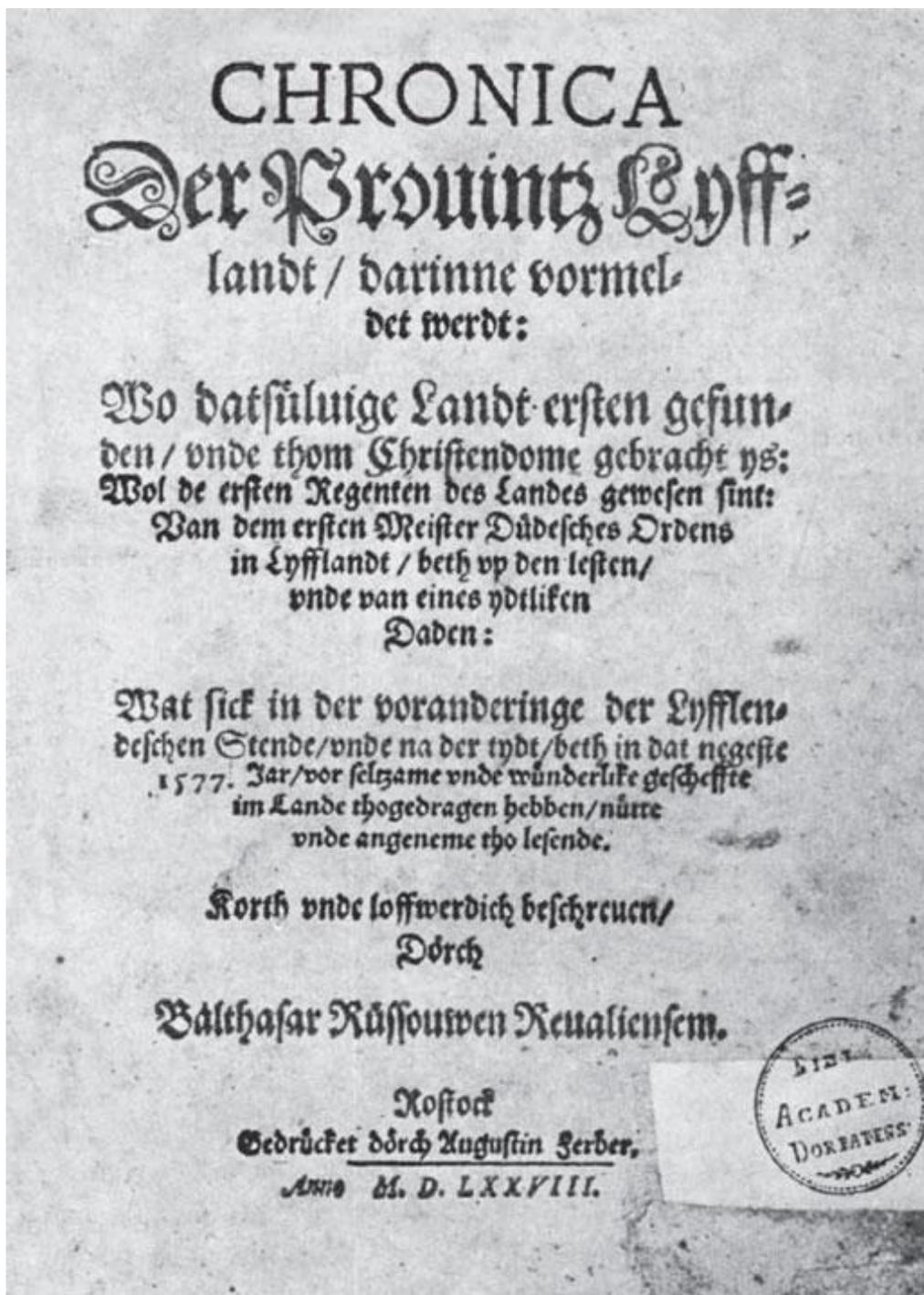
освободил брата Иоанна из заключения; в припадке сумасшествия ему казалось, что он сам уже в заключении, а брат царствует; московские послы ждали целый год; приходили к ним вельможи с объяснением, что нельзя исполнить желание царя и выдать ему Екатерину, что это — богопротивное дело и бесславное для самого царя; послы отвечали: «Государь наш берет у вашего государя сестру польского короля Екатерину для своей царской чести, желая повышенья над своим недругом и над недругом вашего государя, польским королем». Когда хотели перевезти послов из Стокгольма в село под предлогом лучшего помещения, то они объявили, что по своей воле не переедут, а пусть король делает, что хочет, их вины перед ним нет, послов в село отсылают за вину. Наконец их допустили к королю, который сказал им: «Мы не дали вам до сих пор ответа потому, что здесь начались дурные дела от дьявола и от злых людей и, кроме того, датская война нам мешала». Потом Ерик, убеждаясь в необходимости схватить вторично брата, приказывал сказать послам, что выдаст им Екатерину. Однажды пришел к послам «детинка молод, королевский жилец»: известно, что Ерик, боясь вельмож, брал из школ молодых людей и давал им разные поручения; молодой детинка объявил, что прислал его король и велел говорить, чтоб послы короля с собою на Русь взяли: боится он бояр своих и воли ему ни в чем нет. 29 сентября 1568 года вспыхнуло восстание против Ерика, который призвал московских послов и объявил им об этом; послы спросили: «Как давно дело началось?» Ерик отвечал: «С тех пор, как от вас из Руси послы мои пришли. Я был тогда в Упсале; у них начала быть тайная измена, и я был у них заперт; но как датские люди пришли, то меня выпустили для того, что некому землю оборонять, и с тех пор стало мне лучше. Если брат Яган (Иоанн) меня убьет или в плен возьмет, то царь бы Ягана королем не держал». Об Екатерине Ерик сказал: «Я велел то дело посулить в случае, если Ягана в живых не будет; я с братьями, и с польским королем, и с другими пограничными государями со всеми в недружбе за это дело. А другим чем всем я рад государю вашему дружить и служить: надежда у меня вся на Бога да на вашего государя; а тому как статья, что у живого мужа жену взять?» Восстание кончилось низложением Ерика с престола и возведением брата его Иоанна; при этом восстании солдаты ворвались к московским послам и ограбили их. Новый король прислал в Москву просить опасной грамоты для своих послов; опасную грамоту

дали, но когда шведские послы приехали, то их ограбили и объявили им: «Яган-король присылал к царю и великому князю бить челом, чтоб велел государь дать опасную грамоту на его послов. По этой грамоте царь и великий князь к Ягану-королю писал и опасную грамоту ему послал. Но Яган-король, не рассмотрев той отписки и опасной государевой грамоты, прислал послов своих с бездельем не по опасной грамоте. Яган пишет, чтоб заключить с ним мир на тех же условиях, как царское величество пожаловал было брата его, Ерика-короля, принял в окончание для сестры польского короля Екатерины. Если Яган-король и теперь польского короля сестру, Екатерину-королеву, к царскому величеству пришлет, то государь и с ним заключит мир по тому приговору, как делалось с Ериком-королем: с вами о королеве Екатерине приказ есть ли?» Послы отвечали: «Мы о Ягановой присылке не знаем, что он к царю писал; а приехали мы от своего государя не браниться, приехали мы с тем, чтоб государю нашему с царем мир и соседство сделать, и, что с нами государь наш наказал, то мы и говорим». Послам объявили, что их сошлют в Муром; они стали бить челом боярам, чтоб царь с них опалу снял и велел новгородскому наместнику заключить мир с их королем по старине, но с тем, чтоб в королеву сторону написаны были те города ливонские, которые царь уступил Ерику. Но тут явился в Москву герцог Магнус, который, по уверению шведских послов, много наделал им вреда, сильно раздражив против них царя. Бояре приговорили, что шведских послов надобно задержать, а государю делать бы теперь ливонское дело и выслушать челобитье датского королевича Магнуса, каким образом тому делу быть пригоже; и как те дела повершатся, тогда б государю шведским делом промышлять. Царь, выслушав приговор, приказал шведских послов отпустить в Муром, и 21 августа 1570 года Магнус подошел к Ревелю с 25000 русского войска и с большим отрядом из немцев, потому что к нему пристало много дворян и городских жителей. Увещательная грамота, посланная к ревельцам, не подействовала, и Магнус повел осаду. Принудить жителей к сдаче голодом не было никакой возможности, потому что шведские корабли снабдили их всем нужным; обстреливание города также не причинило ему большого вреда; Магнус отправил в Ревель своего придворного проповедника увещевать осажденных к сдаче, но и это не помогло. Тогда Магнус, видя неудачу, сорвал сердце на Таубе и Крузе, сложил на них всю вину, что они

своими обещаниями привели его под Ревель, и, простоявши 30 недель под этим городом, 16 марта 1571 года зажег лагерь и отступил. Русские войска отправились по дороге к Нарве; немцы хотели было взять Виттенштейн, но и это не удалось, после чего Магнус удалился в Оберпален. Таубе и Крузе, боясь ответственности за неудачу перед царем, которому они также обещали легкий успех относительно Ревеля, уехали в Дерпт и оттуда завели сношение с королем польским, обещая овладеть Дерптом в его пользу, если он примет их милостиво и даст те же выгоды, какими пользовались они в Москве. Сигизмунд-Август принял предложение, и они подговорили Розена, начальника немецкой дружины, находившейся в русской службе в Дерпте, напасть враспloch на русских в воскресный день, в послеобеденное время, когда те по обыкновению своему будут спать. Сначала заговорщики имели было успех, перебили стражу, отворили тюрьмы, выпустили заключенных, которые взяли оружие убитых и стали помогать заговорщикам; но когда последние обратились к жителям, призывая их к оружию, то те в ужасе заперлись в домах; русские дети боярские и стрельцы, составлявшие гарнизон, заперлись также в домах и вооружились, к ним на помощь подоспели из посада расположенные там стрельцы, также русские купцы с оружием всякого рода и заставили отряд Розена очистить город, причем раздраженные победители не пощадили жителей, подозревая их в соумышленничестве с заговорщиками. Таубе и Крузе еще прежде вывезли свои семейства и пожитки из Дерпта и теперь, видя неудачу заговора, отправились к польскому королю, который принял их очень благосклонно. Магнус, узнавши о дерптских событиях Иоанн ну грамоту с уверениями, что ничего не знал о заговоре, он счел за нужное выехать из Оберпалена и отправился в прежнее свое владение, на остров Эзель. Но Иоанн спешил успокоить Магнуса и, когда невеста его, Евфимия, умерла, предложил ему руку младшей сестры ее – Марии; Магнус согласился, и прежние отношения восстановились.

Мастерская Л. Кранаха Младшего. Катарина Ягеллонка. Около 1555 г.

Б. Руссов. Хроника Ливонской войны. 1572 г.

Упорство Иоанна относительно приобретения прибалтийских областей всего лучше понимали и оправдывали враги его. Так, Сигизмунд-Август, старавшийся прекратить торговлю с Нарвою, писал по этому поводу к Елисавете, королеве английской: «Московский

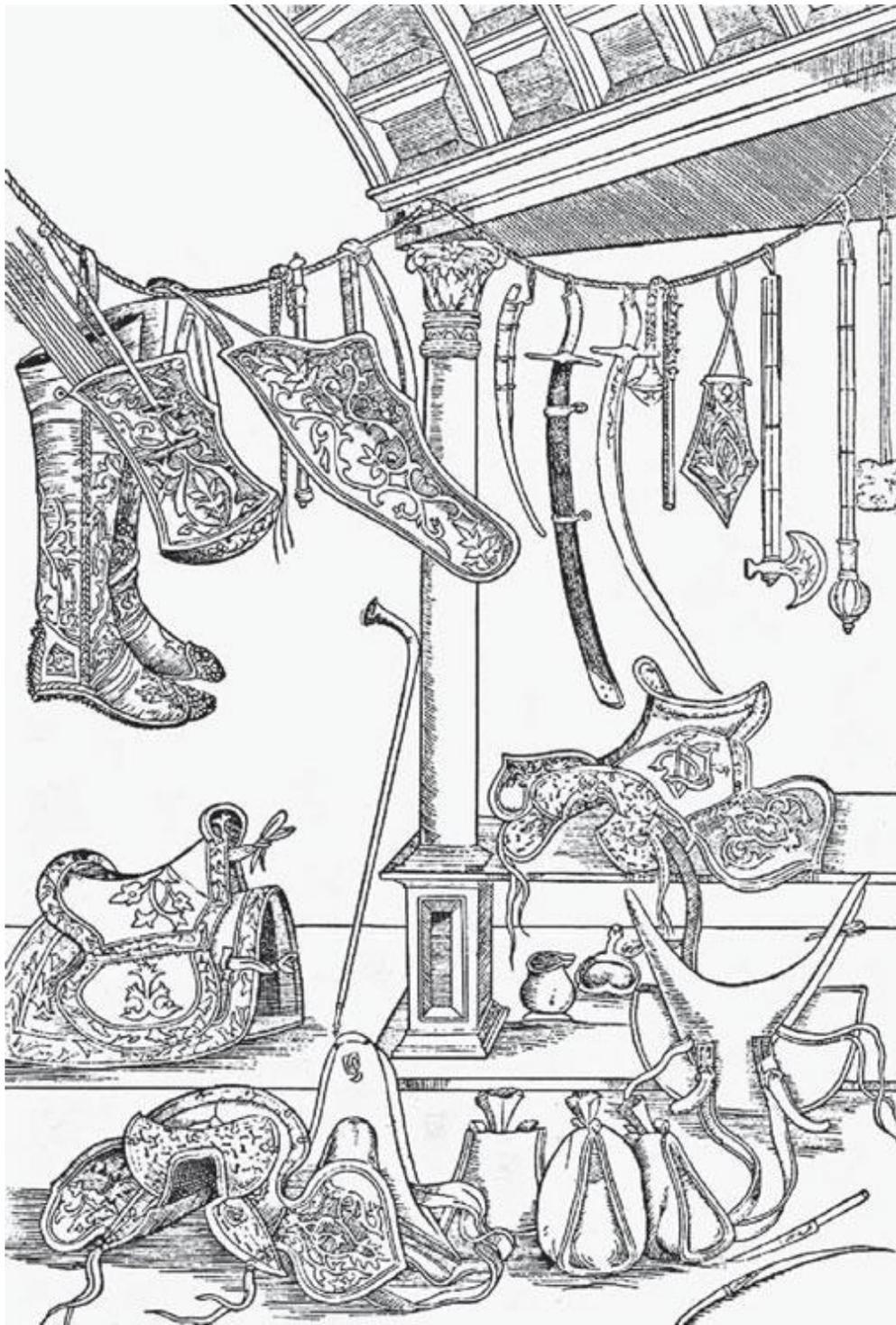
государь ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву: ибо сюда привозятся не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех. Вашему величеству не безызвестны силы этого врага и власть, какую он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств. Но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет ему неизвестно?» Английское правительство не обращало внимания на эти опасения соседей Иоанновых и продолжало сношения с Москвою, стараясь доставить здесь своим подданным как можно более торговых выгод; но царь при дружелюбных сношениях своих с Елисаветою имел в виду еще и другое, кроме торговли. Если приятель его, Ерик шведский, просил московских послов, чтоб взяли его в Русь, то Иоанн просил Елисавету дать ему убежище в Англии, если будет изгнан из отечества. Елисавета отвечала, что если когда-либо ее дорогой брат, великий император и великий князь, будет принужден оставить свою страну вследствие ли заговора или нападения внешнего врага, то она примет его, жену его и детей с почестями, подобающими такому великому государю; будет отведено ему удобное место, где он и может жить на своем содержании, сколько времени ему будет угодно.

Обративши все внимание свое на Ливонию, Иоанн хотел быть спокоен со стороны Крыма. Он думал, что после действий Вишневецкого, Ржевского, Адашева и после взятия Полоцка хан мог убедиться в бесполезности вражды с могущественною Москвою и союза с слабою Литвою. Чтоб попытаться, нельзя ли склонить Девлет-Гирея к миру, отправился в Крым большой посол Афанасий Нагой. Завоеватель Казани и Астрахани в грамоте своей к крымскому хану не хотел употреблять прежних почтительных выражений; Иоанн писал: «Божиею милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, московского, новгородского, казанского, астраханского, немецкого и иных – Великие Орды великому царю, брату моему Девлет-Гирею царю с поклоном слово». И в Крыму переменили прежнее поведение относительно московских послов: Нагой писал, что когда он шел к хану и от хана, то зацепки ему не было никакой, встречники и придверники о пошлинах не поминали. Посол

так говорил хану именем своего государя: «Изначала дед наш, великий государь Иван, с твоим дедом, Менгли-Гиреем царем, дружбу и любовь держали великую, и кому из них над недругом Бог помощь подаст, друг ко другу сеунчей (вестников победы) посылавали, людей между собою жаловали и богатели, недруги их под их ногами были, а друзья их, то слыша, радовались. Этою зимою ходили мы недруга своего короля воевать, седши сами на конь и со всеми ратями своими многих земель, в королеву землю пришли и, слава Богу, город Полоцк взяли. Мы было хотели и к Вильне идти, но Рада королева большая к нашим боярам прислала бить челом, чтоб бояре упросили нас из земли воротиться, а государь их король сейчас же пришлет к нам послов своих бить челом о своем неисправлении. Бояре наши били челом брату нашему, князю Владимиру Андреевичу, и, вместе с ним падши к нашим ногам, говорили: великий государь! Вера у вас с королем одна, больше кровь зачем проливать! Недруга своего землю ты воевал, рати твои богатством и пленом наполнились, город у него лучший ты взял, недруг твой прислал к тебе бить челом и в твоей воле хочет быть! И мы, не хотя братнего и боярского челобитья оскорбить, на свое государство пришли». В наказе Нагому было написано: «Если станут спрашивать о Казани, то отвечать: о Казани что и говорить! Казань во всей государской воле, церкви в городе и по уездам многие поставлены, в городе и на посаде все русские люди живут, и многие земли роздал государь княжатам и детям боярским в поместья; этою зимою было на государской службе в Литовской земле одних казанских людей с 50000 кроме русских людей; астраханских людей было тысячи с две; а в дальние походы государь астраханских людей не берет, потому что им ходить далеко, а велел им государь ходить на тамошние службы – в Шавкалы, в Юргенч, в Дербент и в иные места, куда государские воеводы пошлют. Если вспомнят при каком-нибудь случае о великом князе Иване Даниловиче Калите и о царе Узбеке и если сам царь начнет говорить, то послу отвечать, что он еще молод, тех дел не слышал, то ведает Бог да вы, государи; а если станут об этом говорить без царя князя, то отвечать, что такие разговоры к доброму делу нейдут, то дело было невзгодою государя нашего прародителей, а теперь Божию волею Узбеков юрт у кого в руках, сами знаете; Узбек и князь великий Иван уже минулися, а что теперь, то всеми видимо, и что видимо, то

минувшего крепче; во всех государствах Бог сегодня то повисит, а завтра иное».

На речи Нагого хан отвечал: «Король мне дает казну ежегодно, а государь ваш со мною бранится и казны и поминков, как было при прежних царях, не посылает; если государь ваш хочет со мною дружбы, то давай мне казну, как давал Саип-Гирею царю, да и ту мне казну давай же, что король дает, да и сверх королевой казны поминки дай; а если не даст мне казны и поминков, то мне с государем вашим для чего мириться и королеву казну из чего потерять?» Нагой отвечал: «Государю моему казны к тебе не присылывать, и в пошлину государь наш никому не дает ничего, государь наш дружбы не покупает: станется между вами доброе дело, так государь наш тебе за поминки не постоит». Хан жаловался, что Иоанн велел схватить в Путивле посла его и держать в Москве под стражею; Нагой отвечал, что это сделалось по распоряжению изменников, которые были в приближении у государя, но что теперь эти люди в опале. Один из князей говорил Нагому: «Татарин любит того, кто ему больше даст, тот ему и друг». Мирные предложения со стороны Иоанна дали хану случай торговаться с королем: когда последний прислал ему казну, 36 телег с всякою рухлядью, то хан велел сказать ему, чтоб присылал вдвое, иначе он помирится с московским и будет с ним вместе Литву воевать. Взявши казну от короля, хан дожидался богатых поминков из Москвы, чтоб помириться и с нею и потом посмотреть, кто будет щедрее; новый посол царский, Ржевский, привез хану такие поминки, которые ему очень понравились: он оказал обоим послам, Ржевскому и Нагому, большие почести и дал шертную грамоту царю.

*Оружие, конская сбруя и дорожная утварь русских воинов.
Гравюра «Записок о Московии» С. Герберштейна. XVI в.*

Крымские ханы по разбойничьему характеру своей Орды не могли постоянно и долго иметь в виду высших интересов. Прельщенный

богатыми подарками, Девлет-Гирей позабыл на время о Казани и Астрахани; но мысль об них, мысль о том, что христианские церкви поставлены в древнем убежище мусульманства, беспокоили другого владельца, который считал себя главою мусульманского мира, – султана турецкого. Отдаленность и другие заботы помешали Солиману II непосредственно заступиться за Казань и Астрахань; он поручил это дело крымцам и ногаям, но мы видели, как они исполнили его поручение. Теперь, управившись с делами и слыша жалобы магометан, Солиман решился заняться севером и отправить войско для завоевания Астрахани. Но этого намерения прежде всего испугался крымский хан: зависимость от турок сильно тяготила его; боясь более всего увеличения турецкого могущества на северных берегах Черного моря, на Дону и на Волге, он всеми силами начал отвращать султана от похода на Астрахань; притом он знал, что вся тяжесть этого похода должна пасть на него: крымцы любили только предпринимать опустошительные набеги с верною надеждою на добычу, а теперь заставят их предпринять трудный поход, успех которого был очень сомнителен. Нагой дал знать Иоанну, что в сентябре 1563 года турецкий хункер (султан) прислал к Девлет-Гирею чауша с приказанием к весне запас готовить и лошадей кормить, а на весну идти на Астрахань; с ханом турецкий посылает своих царевичей, с ними многих людей и янычар. Присылали к турецкому бить челом черкесы, также астраханские, ногайские и казанские люди, чтоб турецкий послал людей на Астрахань, а они с ними все готовы вместе промышлять; астраханские татары ждут только приходу турецких людей, хотят город взять. Большая досада турецкому на государя за то, что когда бусурманы с Прикавказья и из других государств поедут на Астрахань к Магометову гробу, то московские воеводы в Астрахани их не пропускают. Девлет-Гирей отпустил чауша с тем, что государь московский с ним мирится, и послал своего человека к турецкому отговорить, чтоб к Астрахани людей не посылал: «И возьмешь теперь Астрахань у великого князя, все же ее тебе не удержать: опять ее великий князь возьмет; только людей потеряешь, а корысти не получишь». Нагой заключает свое донесение следующим известием: «Обедал у Ржевского ага янычарский, мы и стали его для вестей поить, и как он опьянел, то начал нам сказывать, что турецкий на весну к Астрахани непременно посылает многих людей и хану велит идти; но

хан к Астрахани идти не хочет и турецкому отговаривает». С такими же вестями присылал сам хан в Москву; по словам его гонца, султан приказал на переволоке город поставить, а другой город – против переволоки на Волге; а пришедши к Астрахани, поставить там третий город и Астрахань покорить султану. Но вместе с этим хан извещал, что султан послушался его и отложил поход.

Довольный поведением хана и шертною грамотою, Иоанн отправил к нему третьего посла, Писемского, с поминками, причем писал ему: «В котором платье мы тебе, брату своему, клятву дали, и мы то платье с своих плеч тебе, брату своему, послали; и ты б, брат наш, то платье и носил на здоровье; а из которой чары мы пили, и мы ту чару с черпалкою послали к тебе же, и ты б из нее пил на здоровье». Но долго жить в согласии с ханом было нельзя: Нагой обещал Девлет-Гирею, что царь будет присылать ему такие же поминки, какие присылались Саип-Гирею; хан согласился, но татары его не соглашались, требовали таких поминков, какие отец Иоаннов присылал Магмет-Гирею; наконец все согласились на Саип-Гиреевых поминках, и Нагой собирался уже выехать из Крыма, как приехал гонец литовский с известием, что король посылает двойную казну и берется присылать Саип-Гиреевские поминки, которые обещает царь, если только хан разорвет с Москвою. Это дало хану повод торговаться с московским послом; он послал спросить Нагого, ручается ли он, что царь пришлет ему Магмет-Гиреевские поминки. Нагой отвечал, что не ручается, и тогда хан решил, что королева дружба выгоднее, и выступил к московским украинам, ибо король писал ему, что все царские войска на ливонской границе. Действительно, вследствие шертной грамоты Девлет-Гиреевой Украина была обнажена от войск, в Рязани не было ни одного ратника; несмотря на то, рязанцы под предводительством любимца Иоаннова, Алексея Басманова, и сына его, Федора, отбили все приступы татар, и хан, услышав о приближении московских воевод, не стал их дожидаться и ушел назад, потерпев значительный урон в людях, потому что отдельные отряды его, рассеявшиеся для грабежа, были побиты.

Опять, следовательно, Иоанну нужно было не спускать глаз с южной Украины или тягаться с королем на крымском аукционе, наддавать поминки разбойникам. Хан не отступался от своих требований: чтоб заставить царя согласиться на Магмет-Гиреевские поминки, он стал требовать Казани и Астрахани, требовать, чтоб Иоанн

посадил в Казани сына его, Адыл-Гирея. Нагой отвечал на это требование: «Как тому статья? В Казани, в городе и на посаде, и по селам государь наш поставил церкви, навел русских людей, села и волости раздавал детям боярским в поместья; а больших и средних казанских людей, татар всех вывел, подавал им в поместья села и волости в московских городах, а иным – в новгородских и псковских; да в Казанской же земле государь поставил семь городов: на Свияге, на Чебоксаре, на Суре, на Алатыре, на Курмыше, в Арске и город Лаишев». В Москве гонцам ханским, присланным с требованием Казани и Астрахани, дан был ответ, что это требование к доброму делу нейдет. Гонцам за столом даны были, по обычаю, шубы, но полегче тех, которые давались прежде; один из гонцов стал жаловаться на это; в ответ сам царь сказал ему: «За то ли вас нам жаловать, что царь ваш нарушил клятву, Рязань повоевал, а теперь Казани да Астрахани просит? Города и земли за чашею да за хлебом не берутся». Быть может, сам хан и позабыл бы о Казани и Астрахани, если б ему не напоминали о них. Нагой писал в Москву: «Пришли в Крым от ногаев послы за миром, чтоб с ними хан помирился, и если он захочет воевать Казань и Астрахань, то они с ним готовы идти. Вместе с ногайскими послами пришел в Крым казанец, Коштивлей-улан, и говорит, что был с ногаями в Москве, где виделся с двумя луговыми черемисинами, Лаишем и Ламбердеем; они приказали хану, чтоб шел к Казани, а они все ждут его приходу; как придет, все ему передадутся и станут промыслять заодно над Казанью. С другой стороны, черкесы прислали говорить хану, что царь Иван ставит на Тереке город и если он город поставит, то не только им пропасть, но и Тюмен и Шевкал будут за Москвою». Хан отвечал черкесам, что у него нет силы помешать царю ставить город; у него была сила только нападать врасплох на московские украины, и осенью 1565 года он подступил с пушками к Волхову; но там были воеводы с людьми ратными, они сделали удачную вылазку, не дали татарам даже сжечь посада, а между тем двое воевод, князя Бельский и Мстиславский, уже приближались с большим войском; хан по обыкновению бежал назад.

И после этого нападения хан прислал в Москву гонцов с требованиями Казани и Астрахани для вечного мира, богатых даров для перемирия; царь отвечал им: «Мы, государи великие, бездельных речей говорить и слушать не хотим». Царь не позволял также хану

возобновлять прежнее поведение относительно послов московских; так, в наказе послу Алябьеву читаем: «Если станет хан говорить: посылал я к брату своему, великому князю, гонца Мустафу с добрым делом, а князь великий велел его ограбить Андрею Щепотьеву за то, что у Андрея Сулеш взял имение в зачет наших поминков, так я велю этот грабеж Мустафе взять на тебе, – отвечать: которые поминки государь наш послал к тебе с Андреем Щепотьевым, эти поминки Андрей до тебя и довез; а Сулеш у Андрея взял рухлядь силою, Андрей бил тебе челом на Сулеша, а ты управы не дал; Андрей бил челом нашему государю, и государь велел ему за тот грабеж взять на твоём гонце; если же на мне велишь взять что силою, то государь мой велит мне взять вдвое на твоём после и вперед к тебе за то посла не пришлет никакого». Нагой уже давно жил в Крыму и не хотел выехать оттуда без окончательного договора о мире и без посла ханского. Однажды хан попросил у него шубы беличьей для одного князя, Нагой не дал; тогда мурзы сказали ему: «Ты шубы не дал, так царь наш наложил на тебя опалу, высылает тебя вон, а что наш посол задержан в Москве, то Крым пуст не будет, много у нашего царя таких холопей, какие на Москве померли». Нагой отвечал: «Если царь ваш отправит послов и нас отпустит, то мы ехать рады, а станет высылать без послов и без дела, то мы не поедем; лучше нам в Крыму помереть, чем ехать без посла». Пребывание Нагого в Крыму было необходимо для вестей, которые становились все важнее и важнее вследствие неудовольствий, обнаруживавшихся в Казани и Астрахани, и замыслов в Константинополе. Так, Нагой доносил царю, что писали к хану из Казани двое знатных людей и вся луговая черемиса, просили прислать к ним сына с воинскими людьми; и как к ним царевич придет, то они от московского государя отступят и станут промышлять над казанским острогом. Ногайские князья также приказывали хану: «Пока мы были наги и бесконны, до тех пор мы дружили царю и великому князю, а теперь мы конны и одеты: так если ты царевича в Казань с войском отпустишь, то дай нам знать, мы сыну твоему готовы на помощь». Хан не был в состоянии отнять Казань у царя, но помириться ему с Москвою было трудно: разбойники понимали, какая опасность грозит им от ее усиления. «Была, – пишет Нагой, – дума у царевичей: думали царевичи, карачеи, уланы, князья, мурзы и вся земля и придумали мириться с королем; поехали к царю и говорили ему, чтоб помириться с

королем, а с тобою, государем, не мириться; помириться тебе с московским, говорили они хану, – это значит короля выдать. Московский взял два юрта бусурманских; взял немцев; теперь он тебе поминки дает, чтоб короля извовать, а когда короля извоует, то нашему юрту от него не пробывать; он и казанцам шубы давал, но вы этим шубам не радуйтесь: после того он Казань взял». Хан согласился с их мнением, велел сказать Нагому, что не хочет быть в мире с его государем. Нагой добился, однако, свидания с ханом, который сказал ему: «Ко мне пришла весть, что государь ваш хочет на Тереке город ставить; если государь ваш хочет быть со мною в дружбе и братстве, то он бы города на Тереке не ставил, дал бы мне поминки Магмет-Гиреевские, тогда я с ним помирюсь. Если же он будет на Тереке город ставить, то, хотя давай мне гору золотую, мне с ним не помириться». В том же смысле хан послал грамоту самому Иоанну; царь приговорил с боярами: отвечать, что Казани и Астрахани не отдаст; на Тереке город построен для безопасности князя Темрюка, тестя государева; а хочет хан, пусть пришлет царевича: государь выдаст за него дочь Шиг-Алееву и даст ему Касимов; Магмет-Гиреевских поминков не пошлет. Царь приговорил послать поминков на триста рублей, чтоб с ханом дела не порвать.

*Тициан. Сулейман I Великолепный, султан Османской империи.
Около 1530 г.*

На предложение посадить сына в Касимове хан велел отвечать Нагому: «Просил я у вашего государя Казани и Астрахани, государь ваш мне этого не дает, а, что мне дает и на Касимов царевича просит, того мне не надобно: сыну моему и у меня есть что есть; а не даст мне государь ваш Астрахани, так турецкий возьмет же ее». Султан Селим,

наследник Солимана, действительно задумал опять о завоевании Астрахани; Нагой доносил: «Прислал турецкий весною (1567 года) к хану с грамотою: были у турецкого из Хивы послы да из Бухар, которые шли к Мекке на Астрахань, и били челом турецкому, что государь московский побрал юрты бусурманские, взял Казань да Астрахань, разорил бусурманство, а учинил христианство, воюет и другие многие бусурманские юрты; а в Астрахань из многих земель кораблям с торгом приход великий, доходит ему в Астрахани тамги на день по тысяче золотых. И турецкий писал к хану, чтоб шел с сыновьями этою весною к Астрахани, а он, султан, от себя отпускает туда же Крым-Гирея, царевича, да Касима, князя, и людей с нарядом, чтоб Астрахань взяли и посадили там царем Крым-Гирея, царевича». Сам хан сказал Нагому: «Я бы с государем вашим, побранившись, и помирился, да теперь на государя вашего поднимается человек тяжелый, турецкий царь, и меня на Астрахань посылает; да и все бусурманские государства на государя вашего поднимаются за то, что государь ваш побрал бусурманские юрты». Нагой отвечал: «Астрахань государю нашему дал Бог, и стоит за нее Бог же да государь наш; ведаешь и сам, что государь наш сидит на своем коне и недругам свою недружбу мстит». Хан сказал на это: «Оно так, государю вашему эти юрты Бог поручил, но ведь и мы надеемся на Бога же». Нагой отвечал: «Век свой между собою государи ссылаются поминками, а царствами государи не ссужаются: этому статья нельзя».

Хан по-прежнему боялся турецкого соседства более, чем московского; он писал султану, что этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимою к Астрахани идти – турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя; идти надобно ему с сыновьями к Астрахани на весну раньше и промышлять над городом; если Астрахань не возьмут, то город поставить на Крымской стороне и из него промышлять над Астраханью. Потом хан старался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. «У меня, – писал он, – верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские украины: если которых городов и не возьмем, то по крайней мере землю повоюем и досаду учиним». Хан прислал гонца в Москву известить о походе турецкого войска под Астрахань и требовать, чтоб царь отдал ему

Астрахань лучше добром. «Мы, – велел сказать хан, – не захотели турецким людям на наш юрт дорогу проложить и потому послали к тебе объявить о том». Иоанн отвечал: «Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их?»

Весною 1569 года пришло в Кафу 17000 турецкого войска, с которыми кафинский паша Касим должен был идти к Переволоке, каналом соединить Дон с Волгою и потом взять Астрахань или по крайней мере основать вблизи ее крепость; хан с 50000 своих татар также выступил в поход; суда с пушками под прикрытием 500 ратников плыли от Азова Доном. На одном из судов в числе других пленных, служивших гребцами, находился Семен Мальцев, отправленный из Москвы послом к ногаям и захваченный азовскими козаками. «Каких бед и скорбей не потерпел я от Кафы до Переволоки! – пишет Мальцев. – Жизнь свою на каторге мучил, а государское имя возносил выше великого царя Константина. Шли каторги (суда) до Переволоки пять недель, шли турки с великим страхом и живот свой отчаяли; которые были янычары из христиан, греки и волохи, дивились, что государевых людей и козаков на Дону не было; если бы такими реками турки ходили по Фряжской и Венгерской земле, то все были бы побиты, хотя бы козаков было 2000, и они бы нас руками побрали: такие на Дону крепости (природные укрепления, удобные для засад) и мели». Достигши Переволоки в половине августа, турки начали рыть канал; но продолжать работу не было никакой возможности; Касим велел тащить суда по земле; хан советовал уже возвратиться. Татары по его наказу разглашали между турками, что и в случае успеха предприятия им придется плохо: в северных странах зима продолжается девять месяцев, а летом ночи длятся не более трех часов. Ропот между турками усилился, но в это время явились послы от астраханцев и убедили пашу в бесполезности брать с собою суда, обещаясь доставить их, сколько было нужно, лишь бы только турки шли поскорее к Астрахани и отняли ее у русских. Но сделать это было не очень легко: приблизясь к Астрахани в половине сентября, Касим не решился приступить к ней и, остановившись ниже города, на старом городище, решился строить тут крепость и зимовать, а хана отпустить назад в Крым. Но когда в войске узнали об этом намерении паши, то вспыхнуло возмущение; пришли турки на пашу (рассказывает Мальцев) с великою бранью, кричали: нам зимовать здесь нельзя, помереть нам с голоду, государь наш всякий

запас дал нам на три года, а ты нам из Азова велел взять только на сорок дней корму; ты государя взманил, и он по твоей мане не послушался Девлет-Гирея царя, а царь что ни писал к государю, и нам что ни говорил, – все вышло правда. Но Мальцев не довольствовался только тем, что подмечал происходившее в стане турецком: «Взяли турки в плен под Астраханью никольского келаря Арсения да игумнова человека и посадили этого человека со мною на одной цепи, и вот я его стал изучать, велел говорить: слышал он от игумена, что князь Петр Серебряный, а с ним 30000 судовой рати будет сейчас под Астрахань, а полем государь под Астрахань отпустил князя Ивана Дмитриевича Бельского, а с ним 100000 войска, да и ногаи с ним будут, а кизилбашский (персидский) шах присылал к нашему царю бить челом: турецкие люди мимо Астрахани дороги ко мне ищут, а ты бы, великий царь, сильною своею рукою помог мне на турецкого; и государь наш шаха пожаловал». На другую ночь действительно туркам дали знать о приходе московских воевод, князя Петра Серебряного и Замятни Сабурова, с большим войском; извещали, что русские перехватили уже ногаев, передавшихся на турецкую сторону, и что, по выражению Мальцева, все около Астрахани трепещет царя-государя, единого под солнцем страшила бусурманов и латинов. Вследствие этих вестей Касим 20 сентября зажег свои деревянные укрепления и побежал вместе с ханом от Астрахани; в 60 верстах встретился ему гонец от султана: Селим писал, чтоб Касим оставался зимовать под Астраханью, что весною получит он сильное подкрепление и для отвлечения московских сил пойдет на Русь крымский хан и турецкий паша, зять султанов. Но Касим продолжал бегство; месяц шли турки до Азова; хан вел их мимо черкесов, Кабардинскою дорогою, по безводным местам; турки, терпя нужду, называли Селима несчастным, потому что после вступления на престол впервые отпустил рать свою в поход и так неудачно.

Неизвестный художник. Хюррем султан, также известная как Роксолана, жена султана Сулеймана I Великолепного, 1550 г.

Хан достиг своей цели: турки потеряли охоту восстанавливать мусульманские царства на Волге; но он находился в затруднительном

положении относительно Москвы: прежде он все стращал царя султаном, но предприятие султаново не удалось. Призвавши князя Сулеша, московского доброжелателя, хан говорил ему: «С чем мне послать теперь в Москву? Не знаю, чего просить. Астраханским походом я турок истомил; пришедши под Астрахань, я за реку не переправился и к городу не приступал; я так делал и для московского царя, и для себя тут же: мне не хотелось, чтоб Астрахань была за турским, хотел я себе помочь, чтоб турецкого люди на Крым не ходили». Хан прислал наконец гонца в Москву с грамотою, в которой просил Казани и Астрахани, требовал размена послов – Нагого на Ямболдуя, давно уже задержанного в Москве, тысячи рублей денег, шуб, кречетов. Иоанн ждал второго нашествия турок, видел, что хан может быть ему полезен в этом случае, и потому отвечал очень ласково; отказавши насчет Казани и Астрахани, писал: «Мы бы тебе, брату своему, за Магмет-Гиреевские поминки не постояли, но в Москве был пожар большой, и книги, в которых те поминки значились, потерялись; а который ты нам счет прислал Магмет-Гиреевским поминкам, то здесь старые люди говорят, что столько никогда не посылавалось, и ты бы, брат наш, этот счет пересмотрел и дал нам знать, как тебе с нами вперед в дружбе и братстве быть».

Но главная опасность грозила из Константинополя: если тяжело было при войне Ливонской и при отсутствии постоянного войска держать рать на берегах Оки против хана, то еще тяжелее было держать другие многочисленные полки в отдаленной Астрахани; Иоанн знал, что султан на весну замышлял новый поход к этому городу, а хан в то же время должен был идти к Москве, причем малейший успех турок в низовьях Волги служил знаком к восстанию недовольных казанских. Готовясь к важным событиям в Литве и Польше, Иоанн должен был употребить все средства, решиться на важные пожертвования, чтоб только склонить к миру хана и султана. Соглашаясь давать Магмет-Гиреевские поминки первому, царь в 1570 году отправил посла Новосильцева в Константинополь: посол должен был напомнить султану о прежних приятельских отношениях предшественников его к предшественникам Иоанновым и внушить, что магометанство не терпит никакого притеснения в новых владениях московских, завоеванных у татар. Новосильцев говорил султану: «Государь наш за такие их неправды ходил на них ратью, и за их неправды Бог над ними

так и учинил. А которые казанские люди государю нашему правдою служат, те и теперь в государском жалованьи по своим местам живут, а от веры государь их не отводит, мольбищ их не рушит». Султан в грамоте, присланной с Новосильцевым, требовал, чтоб Астраханскую дорогу отпереть, русский город, поставленный в Кабардинской земле, покинуть и отовсюду людей проезжих пропускать. В марте 1571 года отправлен был в Константинополь новый посол, Кузминский; царь в грамоте, с ним отправленной, писал к султану: «Желая быть с тобою вперед в братстве и любви, мы показали братской любви знамя: город с Терека-реки, из Кабардинской земли, велели снести и людей своих оттуда свести в Астрахань». Кузминский должен был говорить от царского имени любимцу султанову, Магмет-паше: «Захочешь нашего жалованья и любви, то послужи нам, введи нас с своим государем в любовь, чтоб брат наш, Селим-султан, был с нами в братстве и любви и заодно был бы на цесаря римского, и на польского короля, и на чешского, и на французского, и на иных королей, и на всех государей италийских». Но благоприятного ответа не было: султан требовал Казани, Астрахани и даже подручничества, а между тем вести о неприязненных намерениях султана и хана продолжали приходиться в Москву; войско стояло на Оке, сам Иоанн два раза выезжал к нему по вестям о приближении хана. Вести оказались ложными, являлись малочисленные толпы татар, которые легко были прогоняемы, и в конце сентября бояре приговорили, что государю самому стоять в Серпухове не для чего, а постоят по берегу воеводы с неделю после 1 октября и потом разъедутся по домам. Весною 1571 года тревога возобновилась; воеводы – князя Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, Михайла Иванович Воротынский, Иван Андреевич Шуйский, Иван Петрович Шуйский – с 50000 войска отправились к Оке; царь выступил с опричиною в Серпухов. На этот раз тревога не была мнимая; хан, собравши 120000 войска, пошел к московским украинам; в степи прибежали к нему дети боярские – двое из Белёва, двое из Калуги, один из Каширы, один из Серпухова – и сказали, что «во всех городах московских два года сряду был большой голод и мор, много людей померло, а много других государь в опале побил, остальные воинские люди и татары все в Немецкой земле. Государя ждут в Серпухове с опричиною, но людей с ним мало; ты ступай прямо к Москве: мы проведем тебя чрез Оку, и если тебе до самой

Москвы встретится какое-нибудь войско, то вели нас казнить». Потом прибежали к хану двое новокрещеных татар и сказали ему то же самое. Хан пошел по указанию изменников и переправился через Оку; станичники, которые прошлого года в своих известиях даже преувеличивали опасность, теперь молчали; Иоанн, отрезанный от главного войска, поспешил отступить из Серпухова в Бронницы, оттуда – в Александровскую слободу и из слободы – в Ростов. Он говорил об измене, говорил, что бояре послали к хану детей боярских провести его беспрепятственно через Оку; князь Мстиславский признался после в приведенной выше грамоте, что он навел хана, – вот все, что мы имеем для объяснения этого дела! Как бы то ни было, воеводы, узнавши, что хан за Окой, предупредили его, пришли в Москву 23 мая и расположились в ее предместьях, чтоб защищать город. Татары явились на другой день, 24 мая, в день Вознесенья, и успели зажечь предместья: в ясный день при сильном ветре в три часа пожар истребил сухую громаду деревянных строений, один только Кремль уцелел; по иностранным известиям, войска и народу погибло до 800000; допустив преувеличение при невозможности верного счета, вспомним, однако, что при вести о татарах в Москву сбежалось много народу из окрестностей, что во время пожара бежать было некуда: в поле – татары, в Кремль – не пускали; всего более, говорят, погибло тех, которые хотели пройти в самые дальние от неприятеля ворота: здесь, собравшись в огромную толпу, они так стеснились в воротах и прилегавших к ним улицах, что в три ряда шли по головам друг у друга и верхние давили нижних. По русским известиям, людей погорело бесчисленное множество; митрополит с духовенством просидели в соборной церкви Успения; первый боярин, князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе, других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет?

Пожар помешал татарам грабить в предместьях; осадить Кремль хан не решился и ушел с множеством пленных – по некоторым известиям, до 150000, – услышав о приближении большого русского войска. Когда Иоанн возвращался в Москву, то в селе Братовщине, на Троицкой дороге, представили ему гонцов Девлет-Гиреевых, которые подали царю такую грамоту от хана: «Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество Божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца

твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял. Захочешь с нами душевную мыслию в дружбе быть, так отдай наши юрты – Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать – ненадобно; желание наше – Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и опознал». Мы видели, как тяжела, опасна, несвоевременна была для Иоанна борьба с Турциею и Крымом за Астрахань, как он прежде готов был на важные уступки, чтоб только избавиться от этой борьбы. Теперь гибельное нашествие Девлет-Гирея и особенно обстоятельства этого нашествия должны были еще более встревожить царя; успех надмевал хана; нужно было ждать скоро нового нападения, и Девлет-Гирей действительно готовился к нему. Надобно было как можно долее не допускать его до этого, задержать переговорами, уступками: Иоанн возобновил прежние учтивости, в ответной грамоте написал челобитье хану. «Ты в грамоте пишешь о войне, – отвечает царь, – и если я об этом же стану писать, то к доброму делу не придем. Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому делу статься нельзя: для него должны быть у нас твои послы, а гонцами такого великого дела сделать невозможно; до тех бы пор ты пожаловал, дал сроки и земли нашей не воевал». Нагому писал Иоанн, чтоб и он говорил то же самое хану и вельможам его: «А разговаривал бы ты с князьями и мурзами в разговоре без противоречия (не встречно), гладко да челобитьем; проведовал бы ты о том накрепко: если мы уступим хану Астрахань, то как он на ней посадит царя? Нельзя ли так сделать: чтоб хан посадил в Астрахани сына своего, а при нем был бы наш боярин?» Большую уступку против принятого обычая находим и в наказе гонцу, отправленному с этими грамотами в Крым: «Если гонца без пошлины к хану не пустят и государеву делу из-за этих пошлин станут делать поруху, то гонцу дать немного, и за этим от хана не ходить назад, а говорить обо всем смирно, с челобитьем, не в раздор, чтоб от каких-нибудь речей гнева не было».

Б. Чориков. Царю Ивану IV вручают трофеи, взятые у Девлет-Гирея князем Воротынским. XIX в.

На предложение Астрахани хан отвечал: «Что нам Астрахань даешь, а Казани не даешь, и нам то непригоже кажется: одной и той же реки верховье у тебя будет, а устьем у меня как быть?!» В другой грамоте хан писал: «Теперь у меня дочери две-три на выданье, да у меня же сыновьям моим, царевичам, двоим-троим обрзанье, их

радость будет, для этого нам рухлядь и товар надобен; чтоб купить эту рухлядь, мы у тебя просим две тысячи рублей; учини дружбу, не отнетьваясь, дай». Мы видели, как хан в первой грамоте своей, написанной после сожжения Москвы, притворился бескорыстным, объявил, что не хочет богатства всего света, хочет только юртов бусурманских, воюет за веру; недолго, однако, он мог выдерживать и запросил опять денег. Иоанн помнил хорошо первую грамоту и не упустил удобного случая поймать хана на словах, что очень любил. Он отвечал гонцу ханскому: «Брат наш, Девлет-Гирей царь, на то не надеялся бы, что землю нашу воевал; сабля сечет временем, а если станет часто сечь, то притупеет, а иногда и острие у нее изломается; просит он у нас Казани и Астрахани; но без договора и без послов как такому великому делу статья? А что писал он к нам о великих запросах, то нам для чего ему запросы давать? Землю нашу он вывоевал, и земля наша от его войны стала пуста, и взять ни с кого ничего нельзя». Иоанн рассчитывал на характер татар, которые при виде больших денег забывают обо всяких высших интересах, и потому послал наказ Нагому – хлопотать у хана и царевичей, чтоб дело о Казани и Астрахани оставили, и в таком случае обещать не только Магмет-Гиреевские поминки, но и такие, какие посылает король польский, даже обещать и Магмет-Гиреевские и королевские поминки вместе.

Но хан понял намерение Иоанна длить время, мало надеялся на переговоры, и летом 1572 года с 120000 войска двинулся опять к Оке. Иоанн был в Новгороде; но на Оке, у Серпухова, стояло русское войско под начальством князя Михаила Воротынского; хан, оставя тут двухтысячный отряд травиться с русскими и занимать их, с главным войском ночью перешел Оку; Воротынский погнался за ним и настиг в 50 верстах от Москвы, на берегу Лопасни, в Молодях; здесь произошло несколько сильных схваток, которые все окончились неудачно для хана, и он принужден был бежать назад, потерявши много войска. После этого хан переменил тон и прислал сказать Иоанну: «Мне ведомо, что у царя и великого князя земля велика и людей много: в длину земли его ход девять месяцев, поперек – шесть месяцев, а мне не дает Казани и Астрахани! Если он мне эти города отдаст, то у него и кроме них еще много городов останется. Не даст Казани и Астрахани, то хотя бы дал одну Астрахань, потому что мне срам от турского: с царем и великим

князем воюет, а ни Казани, ни Астрахани не возьмет и ничего с ним не сделает! Только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану». Но Иоанн также переменял тон: он отвечал хану, что не надеется на его обещание довольствоваться только Литовскою да Черкесскою землею. «Теперь, – писал он, – против нас одна сабля – Крым; а тогда Казань будет вторая сабля, Астрахань – третья, ногаи – четвертая». Гонцу, отправленному в Крым, опять настрого было запрещено давать поминки, хотя в грамотах продолжалось писаться челобитье. Иоанн не переставал колотить хана за первую его величавую грамоту о Казани и Астрахани. «Поминки я тебе послал легкие, – писал царь, – добрых поминков не послал: ты писал, что тебе ненадобны деньги, что богатство для тебя с прахом равно».

Иван Грозный за письмом. Оригинальный рисунок В. Радомского, гравер Ю. Шюблер. Конец XIX в.

Неизвестный художник. В посольской избе. Конец XIX в.

Я. Матейко. Сигизмунд II Август, великий князь литовский и король польский. XIX в.

Глава шестая

Стефан Баторий

Состояние Польши и Литвы при последнем Ягеллоне. – Смерть Сигизмунда-Августа и вопрос об избрании нового короля. – Переговоры с Иоанном по этому случаю. – Избрание Генриха Анжуйского. – Его бегство из Польши. – Новые выборы. – Избрание Стефана Батория. – Сношения Иоанна с Швецией и война в Эстонии и Ливонии. – Наступательное движение Батория. – Причины его успехов. – Взятие Полоцка, Сокола и других крепостей Баторием; нападение шведов с другой стороны. – Второй поход Батория. – Переговоры. – Третий поход Батория и осада Пскова. – Иезуит Поссевин. – Запольское перемирие. – Разговор царя с Поссевином о вере. – Перемирие с Швецией. – Сношение с Англиею о союзе. – Сношения с императором и Даниею. – Волнения черемисские.

В то время как отношения Иоанна к крымскому хану поправились благодаря стойкости воевод московских на берегах Лопасни, на западе, в Литве и Польше, происходили события, которые должны были иметь великое влияние и на судьбы Московского государства, и на судьбы всей Восточной Европы: в июле 1572 года умер Сигизмунд-Август, последний из Ягеллонов. Следя изначала за отношениями Польши и Литвы к Руси, мы видели происхождение и развитие польской аристократии, видели возникновение шляхетской демократии, видели и следствия этих явлений для внутреннего состояния и для внешних отношений Польши и Литвы при Казимире Ягеллоновиче и детях его. Царствование Сигизмунда I ознаменовалось борьбою между вельможами и шляхтою, и эту борьбу раздувала королева Бона, единокоренная Екатерины Медичи и следовавшая в своем поведении одинаким с нею правилам. Вельможи, чтоб выделиться из шляхты, стали употреблять разные средства; в Польше не был известен княжеский титул, ибо потомство Пяста прекратилось; князья были только в Литве вследствие сильного разветвления рода Рюрикова и

Гедиминова; в 1518 году могущественная вельможеская литовская фамилия Радзивиллов получила княжеский титул от немецкого императора. По примеру Радзивиллов многие вельможи начали приобретать титул графов Немецкой империи, другие установили майорат в своих фамилиях. Неудовольствие шляхты высказалось, когда Сигизмунд по делам валахским объявил всеобщее ополчение служилого сословия; шляхта в числе 150000 собралась под стенами Львова и после сильных волнений составила грамоту (рокош), в которой прописала все свои обиды и просьбы. Старый король не мог ее успокоить и принужден был распустить. Это событие получило насмешливое прозвание петушиной войны. Если вельможи хотели выделиться из шляхты, то шляхта с своей стороны объявила, что имеет право жизни и смерти над подвластным ей сельским народонаселением; старосты и палатины позволяли себе всякого рода насилия относительно городских жителей; представители последних были выгоняемы с сейма шляхтою, которая, с другой стороны, восставала против духовенства.

*Й. Циммлер. Сигизмунд II Август у постели умирающей Барбары.
XIX в. Фрагмент*

В таком положении находились дела, когда вступил на престол Сигизмунд-Август. Мать, королева Бона, воспитала его согласно с своими правилами и целями: она ослабила его душевные силы, держа

его постоянно среди женщин, не допуская ни до каких серьезных занятий. Такое воспитание отразилось на поведении короля во время его правления, и он был прозван король-завтра по привычке откладывать и медлить; мы видели, как эта привычка была выгодна для Иоанна IV. Сигизмунд-Август три раза был женат: первая и третья жена, обе из австрийского дома, не могли привязать его к себе; вторая, любимая жена, Варвара, вдова Гастольд, урожденная Радзивилл, которую он так мужественно отстоял против сената и сейма, требовавших развода, скоро умерла после своей победы и коронации; последнее время жизни Сигизмунд-Август провел окруженный наложницами, которые его грабили, колдуньями, которых он призывал для восстановления сил, потерянных от невоздержности; когда у него спрашивали, отчего он не займется нужными делами, то он отвечал: «Для этих соколов (так он называл женщин) ни за что взяться не могу». Когда король умер, то в казне его не нашлось денег, чтоб заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цепи, ни одного кольца, которые должно было надеть на покойника. Но не от характера Сигизмунда-Августа только зависело внутреннее расстройство его владений: жажда покоя, изнеженность, роскошь овладели высшим сословием; и эта жажда покоя, отвращение от войны оправдывались политическим расчетом – не давать посредством войны усиливаться королевскому значению, причем забыто было положение Польши, государства континентального, окруженного со всех сторон могущественными соседями. Кардинал Коммендоне, посол папский, желая побудить поляков к войне с турками, так говорил в Сенате: «Не похожи вы стали на предков ваших: они не на пирах за чашами распространили государство, а сидя на конях, трудными подвигами воинскими; они спорили не о том, кто больше осушит покалов, но о том, кто кого превзойдет в искусстве военном». Тот же упадок нравственных сил в польских вельможах, ту же страсть к материальным наслаждениям заметил и московский выходец, князь Курбский. «Здесь король, – пишет он, – думает не о том, как бы воевать с неверными, а только о плясках да о маскарадах; также и вельможи знают только пить да есть сладко; пьяные они очень храбры: берут и Москву и Константинополь, и если бы даже на небо забился турок, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проспят, встанут чуть живы, с

головною болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, услышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают с своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагом и, походивши дня два или три, возвращаются домой и, что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, все поедят и последнее разграбят». Но грабежом не ограничивались; Курбский не говорит нам того, что говорят современные польские писатели: когда, по их свидетельству, шляхтич убьет холопа, то говорит, что убил собаку, ибо шляхта считает кметов и всех сельчан за собак.

Последнему из Ягеллонов удалось довершить дело, бывшее историческою задачею его династии: склонить Литву к вечному соединению с Польшею. При Сигизмунде I стремление Литвы к особности продолжало резко высказываться; в 1526 году послы от вельмож литовских так говорили королю: «Посол папский, отправлявшийся в Москву, говорил здесь, что едет для склонения государя московского к принятию католической веры, и в случае если великий князь согласится на это, то папа даст ему королевский титул; но если отец святой хочет дать королевское достоинство неприятелю вашему, то лучше бы он дал его сыну вашей милости, пану нашему, великому князю литовскому, за важные услуги ваши и предков ваших, оказанные вере. Император и папа послали было королевскую корону дяде вашему, Витовту, но он умер, не дождавшись короны, которую задержали поляки и до сих пор отдать не хотят, не желая, чтоб отчинное панство вашей милости получило такую честь. Удивительно нам, что братья наши, поляки, не хотят нам, братьям своим, дать того, чего теперь не запрещают взять Москве. Они хотят, чтобы панство вашей милости, Великое княжество Литовское, было всегда в унижении, чтоб было присоединено к Короне Польской, о чем они уже давно хлопчут. Покорно просим вашу милость не допускать до того, чтобы прирожденные слуги ваши стали подданными Короны Польской. Об этом ваша милость должны стараться для потомков своих: выгоднее будет потомкам вашим, если отчинное панство ваше будет отдельно от Короны Польской. Покорно просим приказать сенаторам польским прислать сюда королевскую корону, назначенную для Витовта, чтобы сын ваш мог быть коронован королем еще при жизни вашей, потому

что когда Великое княжество Литовское будет королевством, то уже не может быть присоединено к Короне Польской, ибо корона в корону внесена быть не может. Если же поляки не согласятся прислать сюда короны, то ваша милость постаралась бы выпросить другую у папы и цесаря, и, чего будет это стоить, мы охотно поднимем и ничего не пожалеем».

*В. Герсон. Пан Твардовский вызывает дух Барбары Радзивилл.
XIX в.*

Бездетность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить решение вопроса о вечном соединении Литвы с Польшею, ибо до сих пор связью

между ними служила только Ягеллонова династия. Для приведения к концу дела надобно было преодолеть большие затруднения: в Литве господствовала аристократия, боявшаяся тесного соединения с государством, где брала перевес шляхетская демократия; сюда присоединялось давнее соперничество двух народов: для заключения договора о вечном соединении литовцы не хотели ехать в Польшу, а поляки – в Литву. Наконец умер Николай Черный Радзивилл, самый могущественный из вельмож литовских и самый сильный противник соединения, и в 1569 году созван был сейм в Люблине. Литовцы сначала и тут сильно упорствовали, но потом должны были согласиться на соединение (унию), когда увидели, что не поддерживаются русскими. Соединение последовало явно в ущерб Литве, которая должна была уступить Польше Подляхию, Волынь и княжество Киевское; Ливония объявлена общою принадлежностью обоих государств; положено, что король избирается на общем сейме; в Сенате заседают члены из обоих народов; на сеймах также происходят совещания сообща.

Но в то время как, по-видимому, дело соединения Литвы с Польшею было окончено, когда коренные русские области были непосредственно соединены с королевством Польским, в областях Польши и Литвы все более и более усиливалось движение, которое должно было повести к отторжению русских областей от Польши: распространялся протестантизм. На помощь католицизму явились иезуиты, раздули фанатизм в католиках; борьбою с протестантизмом не ограничились, начата была борьба с православием, которая окончилась отторжением Малороссии, присоединением ее к России Великой, или Московскому государству. Так отозвалось в Восточной Европе общее европейское движение, которым начинается новая история, – движение религиозное.

Протестантизм начал распространяться в Польше и Литве еще при Сигизмунде I. Соседние страны, которые имели наиболее торговых и политических сношений с Польшею и Литвою, Пруссия и Ливония, приняли торжественно протестантизм, отсюда он скоро распространился в среднем городском сословии Польши и Литвы; но и высшее их сословие не могло долго оставаться нетронутым: богатые вельможи польские, литовские и русские путешествовали по всей Европе, женились на иностранках протестантского исповедания,

посылали сыновей своих в немецкие школы, где они питывались новым учением, привозили с собою книги, его содержащие. Сигизмунд I враждебно встретил протестантизм: он подтвердил право епископов наблюдать за поступками отпадших от католицизма, увещевать еретиков и наказывать их; издал постановление, по которому всякий заразившийся ересью терял дворянство; запретил молодым людям посещать университеты и школы немецкие. Иначе пошли дела при Сигизмунде-Августе, который был совершенно равнодушен к вере или, по крайней мере, к различным ее исповеданиям, склонялся то к тому, то к другому из них, смотря по политическим и разным другим отношениям. Мы видели, что любимую женою его была вторая, Варвара, вдова Гастольд, урожденная Радзивилл. Представителем могущественной фамилии Радзивиллов в Литве был двоюродный брат королевы Варвары, Николай Черный Радзивилл, князь олицкий и несвижский, воевода виленский, великий маршал и канцлер литовский, и этот первый вельможа был ревностный протестант, употреблявший все свои могущественные средства для распространения нового учения в Литве. Он ввел его в свои обширные вотчины и поместья, вызвал из Польши самых знаменитых протестантских проповедников, принимал под свое покровительство всех отступивших от католицизма; простой народ привлекал подарками, шляхту – королевскими милостями. Таким образом почти все высшее сословие приняло протестантизм; не с меньшим успехом распространился он и в городах; только большинство сельского народонаселения оставалось при прежнем исповедании. Радзивиллу нужно было сделать решительный шаг, показать торжественно, что и король на стороне протестантизма; для этого он уговорил Сигизмунда-Августа в Вильне поехать на богослужение в протестантскую церковь, построенную против католической церкви св. Иоанна. Но к чему один с сильною волею человек мог склонить Сигизмунда-Августа, от того другой решительный человек мог отвратить его; узнавши, что король поедет в протестантскую церковь, доминиканец Киприан, епископ литопенский, суффраган виленский, вышел к нему навстречу, схватил за узду лошадь и сказал: «Предки вашего величества ездили на молитву не этою дорогою, а тою». Сигизмунд-Август растерялся и принужден был последовать за Киприаном в католическую церковь.

Первым тяжелым ударом, который потерпел протестантизм в Литве, была смерть Николая Черного Радзивилла, последовавшая в 1565 году; во главе рода Радзивиллов и во главе протестантизма стал двоюродный брат покойного, Николай Рыжий Радзивилл, но этот уже не имел такого значения. Вторым бедствием для протестантизма было внутреннее разъединение вследствие усиления ариан или социниан. Между тем папа Пий V, слыша об усилении протестантизма в Польше и Литве, отправил ко двору Сигизмунда-Августа посла своего Коммендоне. Последний нашел дела католицизма в Польше и Литве в жалком состоянии: во время борьбы с таким опасным врагом, как протестантизм, между епископами католическими господствовала вражда, зависть; двое главных епископов, Яков Уханский, архиепископ гнезненский, и Филипп Падневский, епископ краковский, находились в открытой вражде друг с другом, притом Уханский оказывал явную склонность к протестантизму в надежде, что при торжестве последнего он, как архиепископ, будет независимым главою польского духовенства. Коммендоне, выведавши состояние дел, начал в тихих беседах внушать Сигизмунду-Августу что, когда разноверцы возьмут верх, то в буйстве своем не пощадят ничего, ниспровергнут все учреждения, божеские и человеческие, все права и обычаи, потрясут, наконец, и самый трон. Король, который всего более боялся междоусобных войн, принял к сердцу внушения Коммендоне и охладел к протестантизму; этому охлаждению способствовало и поведение протестантов, которые, желая приобрести расположение шляхты, противились королевским требованиям насчет больших поборов, необходимых для успешного ведения войны с Москвою. С другой стороны, на помощь католицизму явилась дружина, с которою верна была победа над разделенным и потому ослабевшим протестантизмом, – эта дружина была иезуиты. Валериан Проташевич, епископ виленский, думая о средствах, как помочь своему делу в борьбе с ересью, обратился за советом к кардиналу Гозиушу, епископу варминскому в Пруссии, знаменитому председателю Тридентинского собора, считавшемуся одним из главных столпов католицизма не в одной Польше, но и во всей Европе. Гозиуш, советуя всем польским епископам вводить в свои епархии иезуитов, присоветовал то же самое и Проташевичу. Тот исполнил совет, и в Вильне был основан иезуитский коллегийум под управлением Станислава Варшевицкого. Сначала иезуитские школы мало

наполнялись: православные и протестанты не пускали в них детей своих; виленский капитул запрещал и католикам отдавать детей к иезуитам, боясь, чтоб его кафедральное училище не упало; но Варшевицкий не унывал, искал всюду средства доставить своему коллегии уважение и силу, действовал неутомимо, учил в школах, говорил проповеди, проникал в дома значительных иноверцев для обращения их к католицизму, и старания его начали приносить пользу.

В таком состоянии находилась Польша и Литва, когда умер Сигизмунд-Август и надобно было думать об избрании ему преемника; легко понять, какое важное влияние при этом избрании должно было иметь религиозное движение. Протестанты, сильные в Сенате и между шляхтою, хотели выбрать короля-протестанта или, по крайней мере, такого, который дал бы им полную свободу в отправлении их бого служения. Коммендоне видел эту опасность для католицизма и тем более был встревожен, что между католиками замечал совершенное равнодушие; многие из них смотрели на протестантов не как на еретиков, противников истинного учения церкви, но как на людей, желающих только ограничить чрезмерное могущество духовенства. Для достижения своей цели Коммендоне нашел единственное средство в личных и родовых отношениях между вельможами, причем он старался утушать вражду между католиками и поджигать ее между протестантами. В челе польского вельможества стояли тогда Петр Зборовский, воевода сандомирский, и Ян Фирлей, маршалок великий коронный и воевода краковский, – оба протестанты. Краковское воеводство, полученное недавно Фирлеем, было причиною злой вражды между этими обоими вельможами, ибо и Зборовский также его добивался, но король Сигизмунд-Август по просьбам любовницы предпочел Фирлея. Этою враждою между Зборовским и Фирлеем воспользовался Коммендоне: он стал внушать Зборовскому, что в доме Фирлея сходятся паны и идет там дело о том, чтоб Фирлея выбрать в короли. Зборовский поверил, ненависть превозмогла над привязанностью к вере, и он дал слово, что хотя он и сам протестант, однако не позволит, чтоб престол достался протестанту. Между вельможами-католиками первое место занимал Алберт Лаский, знаменитый своим воинственным духом и потому любимый молодежью; его-то особенно постарался Коммендоне привлечь на свою сторону и составил из него, из Андрея Зборовского и Николая Паца,

епископа киевского, триумвират, в котором католическая сторона нашла для себя сильную опору.

Я. Матейко. Люблинская уния. 1869 г. Фрагмент

Уладивши таким образом дело в Польше, Коммендоне обратился к Литве; здесь самые сильные фамилии были – Радзивиллов и Ходкевичей, из соперничества находившиеся во вражде друг с другом. Мы видели, что могущество Радзивиллов и вместе дело протестантизма в Литве поникли вследствие смерти Николая Черного Радзивилла;

у Черного осталось несколько сыновей; старшего из них, Николая Кристофа, который известен под прозвищем Сиротка, отец отправил в Германию; но когда по смерти отца Николай Кристоф отправился в Италию, в Рим, то прежнее германское влияние не могло устоять перед италианским, и Радзивилл возвратился в Литву католиком. Младшие братья последовали примеру старшего; но Николай Рыжий и его потомство остались верны протестантизму; таким образом, род Радзивиллов разделился на две линии – католическую и протестантскую. Ян Ходкевич, бывший прежде протестантом, также вследствие иезуитского противодействия обратился в католицизм. Коммендоне теперь нужно было только помирить Сиротку Радзивилла с Ходкевичем, что было сделать легко, ибо личной вражды между ними не было. Приготовивши сильные средства для избрания короля-католика в Польше и Литве, Коммендоне начал внушать, что всего лучше выбрать одного из сыновей императора Максимилиана в Литве, и Радзивилл и Ходкевич были согласны на это: Радзивилл – по давней связи своего рода с австрийским домом, Ходкевич – из боязни, чтоб выбор не пал на царя московского, к которому он питал сильное нерасположение. Но Радзивилл и Ходкевич одни не могли помешать избранию царя или царевича московского: еще в 1564 году Коммендоне доносил в Рим, что все жители Киева благоприятствуют московскому государю по причине веры; по смерти Сигизмунда-Августа он доносил также о движении православного народонаселения в Литве в пользу царя московского. До нас дошла любопытная статья, составленная аббатом Джиованнини, в которой исчисляются все побуждения к избранию московского царя и все препятствия к этому. Препятствует избранию царя, во-первых, то, что он постоянно враждовал с Короною Польскою; вторым препятствием служит греческая вера, им исповедуемая; третьим – суровость нрава, жестокое обращение с боярами; наконец, препятствует выбору царя у поляков мысль, что средоточие и величество целого государства перенесутся в Москву. Напротив, к выбору царя побуждают: его могущество, возможность доставить безопасность и спокойствие Литве; сходство языка и обычаев; одни враги – татары и Германская империя; пример Ягайла, великого князя литовского, который, будучи избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Что же касается до греческой веры, то протестанты не обращают на это никакого

внимания; притом же государь московский хотел некогда соединиться с латинскою церковью. Наконец, у него много денег, посредством которых он может приобрести себе много доброжелателей.

Так думали сначала в Польше, но потом согласнее были на выбор царевича Феодора, чем самого царя; этим выбором удовлетворялось православное народонаселение; он не был противен протестантам; Литва приобретала безопасность со стороны Москвы, а между тем избавлялась от непосредственных отношений к Иоанну, которого характер был известен в Польше и Литве. Давши знать царю чрез гонца Воропая о смерти Сигизмунда-Августа, польская и литовская рады тут же объявили ему о желании своем видеть царевича Феодора королем польским и великим князем литовским. Иоанн, по обычаю, сам отвечал Воропаю длинною речью: «Пришел ты ко мне от панов своих польских и литовских и принес мне от них грамоту с извещением, что брат мой, Сигизмунд-Август, умер, о чем я и прежде слышал, да не верил, потому что нас, государей христианских, часто морят, а мы все, до воли Божией, живем. Но теперь уже я верю и жалею о смерти брата моего; особенно же жалею о том, что отошел он к Господу Богу, не оставивши по себе ни брата, ни сына, который бы позаботился об его душе и о теле по королевскому достоинству. Ваши паны польские и литовские теперь без главы, потому что хотя в Короне Польской и Великом княжестве Литовском и много голов, однако одной доброй головы нет, которая бы всеми управляла, к которой бы все вы могли прибегать, как потоки или воды к морю стекают. Не малое время были мы с братом своим, Сигизмундом-Августом, в ссоре, но потом дело начало было клониться и к доброй приязни между нами. Прежде чем приязнь эта окончательно утвердилась, Господь Бог взял его к себе; за нашим несогласием бусурманская рука высится, а христианская низится, и кровь разливается. Если ваши паны, будучи теперь без государя, захотят меня взять в государя, то увидят, какого получат во мне защитника и доброго государя, сила ногайская тогда высится не будет; да не только поганство, Рим и ни одно королевство против нас не устоит, когда земли ваши будут одно с нашими. В вашей земле многие говорят, что я зол: правда, я зол и гневлив, не хвалюся, однако пусть спросят меня, на кого я зол? Я отвечу, что, кто против меня зол, на того и я зол, а кто добр, тому не пожалею отдать и эту цепь с себя, и это платье». Тут Малюта Скуратов прервал его. «Царь и государь преславный! – сказал

он. — Казна твоя не убога, в ней найдешь, кого чем подарить». Иоанн продолжал: «Паны польские и литовские знают о богатстве деда и отца моего, но я вдвое богаче их казною и землями. Неудивительно, что ваши паны людей своих любят, потому что и те панов своих любят; а мои люди подвели меня к крымским татарам, которых было 40000, а со мною только 6000: ровно ли это? Притом же я ничего не знал: хотя передо мною и шли шестеро воевод с большими силами, но они не дали мне знать о татарах. Я не силы татарской боялся, но видел измену своих людей и потому своротил немного на сторону от татар. В это время татары вторглись в Москву, которую можно было бы оборонить и с тысячью человек; но когда большие люди оборонять не хотели, то меньшим как было это сделать? Москву уже сожгли, а я ничего об этом не знал. Так разумеи, какова была измена моих людей против меня! Если кто и был после этого казнен, то казнен за свою вину. Спрашиваю тебя: у вас изменника казнят или милуют? Думаю, что казнят. Вот у вас в Вильне Викторин, который ко мне писал, но я ему не отвечал. Взвели на меня, будто я этого Викторина подучал извести брата моего; но Бог — свидетель, что я об этом не думал и Викторину не приказывал. Викторина схватили и казнили; видишь, что и в ваших землях изменников не милуют. Я о своей доброте или злости говорить не хочу; если бы паны польские и литовские ко мне или к детям моим своих сыновей на службу присылали, то узнали бы, как я зол и как я добр. Пусть не дивятся тому, что изменники мои говорят обо мне: у них уже такой обычай говорить о государях своих дурно; как бы я их не учестил и не обдарил, они все не перестанут говорить обо мне дурно. Есть люди, которые приехали из моей земли в вашу, надобно бояться, чтоб не ушли они в другую землю, если почуют, что паны польские и литовские хотят взять меня в государи. Пусть паны ваши постараются задержать их, а я, клянусь Богом, не буду им мстить. Курбский к вам приехал; он отнял у него (указывая на старшего сына) мать, а у меня жену; а я, свидетельствуюсь Богом, не думал его казнить, хотел только посбавить у него чинов, уряды отобрать и потом помиловать; а он, испугавшись, отъехал в Литву. Пусть паны ваши отнимут у него уряды и смотрят, чтоб он куда-нибудь не ушел. Что касается до Ливонии, то, когда буду вашим государем, Ливония, Москва, Новгород и Псков одно будут. А если меня в государи взять не захотят, то пусть приезжают ко мне великие послы для доброго постановления. Я за Полоцк не стою и

со всеми его пригородами уступлю и свое Московское, пусть только уступят мне Ливонию по Двину, и заключим мы вечный мир с Литвою. А если паны хотят взять себе в государи кого-нибудь из сыновей моих, то их у меня только два, как два глаза у головы; отдать которого-нибудь из них все равно, что из человека сердце вырвать. Есть в вашей земле польские и литовские люди веры Мартына Лютера, которые образа истребляют; им не хочется иметь меня государем. Но я об них ничего не буду говорить, потому что Священное Писание дано не на брань и не на гнев, а на тихость и покорность. Не забудь сказать панам своим польским и литовским, чтоб отправляли сюда послов своих немедленно, людей добрых, чтоб из доброго постановления не вышло дурного».

Из этих слов Иоанна прежде всего оказывается, что он в это время хотел быть избранным в короли; отсюда старание отклонить от себя упрек в бегстве пред ханом, оправдать жестокость свою относительно бояр. В Польше и Литве при жизни еще Сигизмунда-Августа и тотчас по смерти его многие могли также желать избрания Иоанна в короли, рассуждали при этом о полезных и вредных следствиях такого избрания; находя важные препятствия в характере Иоанна, обращались к одному из сыновей Иоанновых, но при этом упускали из внимания главное: невозможность согласить выгоды обоих государств при самом соединении. Естественно было и самому Иоанну в начале смотреть на дело таким же образом: главное препятствие к избранию он находил в своем характере, в поведении относительно бояр, которое должно было прежде всего беспокоить вельмож польских и литовских, привыкших к совершенно иному порядку вещей; он думал, что обещанием сохранить ненарушимо и даже распространять права и вольности панов и шляхты и извинением своей гневливости боярскою изменою он отстранит самые важные препятствия к избранию, и упускал из виду главное: соглашение выгод Москвы и Литвы. Но скоро обнаружилось, что было главное в деле, что преимущественно препятствовало избранию: спорные земли, число которых увеличилось теперь Ливониею. Иоанн хотел сам быть королем, но рады польская и литовская преимущественно указывали ему на сына его; избрание же последнего не могло ничем прельстить Иоанна, ибо кто мог поручиться, что по смерти его война между родными братьями не вспыхнула бы гораздо сильнее, чем между государями, совершенно чуждыми друг другу. От

приезда Воропая до приезда нового посла литовского, Гарабурды, прошло месяцев шесть: Иоанн имел время подумать о деле, которое и представилось ему уже в ином виде. Избрание сына представлялось ему столь же невыгодным, как и прежде; собственное избрание представило ему новые трудности: он должен был управлять двумя самостоятельными государствами, переезжать из одного в другое; и у себя, в Московском государстве, боялся он измены боярской, а теперь должен будет ехать в Польшу, отдать себя в руки своевольным панам и шляхте. Отсюда, естественно, должно было у него родиться желание быть избранным только в великие князья литовские, отдельно от Польши. Здесь уничтожалось главное препятствие относительно сопоставления двух государств, из которых ни одно не хотело уступить первенства другому, ибо Литва, привыкнув занимать второстепенное положение при Польше, легко могла занять такое же при соединении с царством Московским; притом в Литве преобладал элемент русский; большую часть Великого княжества составляли земли, которые Иоанн считал своими отчинами.

Х. Вайгель. Иван Грозный. Гравюра на дереве. XVI в.

Но если дело избрания самому Иоанну представлялось уже иначе, то в Польше и Литве желание видеть его королем не могло усиливаться: другие государи, желавшие избрания, отправили в Польшу послов, которые и поддерживали их дело. Православное народонаселение Литвы желало видеть королем Иоанна, но оно не могло иметь перевеса

на сейме, притом же в это время религиозный интерес православного народонаселения не был затронут и потому не стоял на первом плане.

Иоанн, как мы видели, наказывал Воропаю, чтоб рады польская и литовская немедленно прислали к нему уполномоченных для окончательных переговоров; литовская Рада тотчас же дала знать польской об этом требовании царя с просьбою удовлетворить ему как можно скорее. Но прошел 1572 год, и польские уполномоченные не являлись; в начале 1573 литовская Рада принуждена была отправить к Иоанну от одной себя посла Михаила Гарабурду. Последний оправдывал медленность панов моровым поветрием, распространившимся в Польше и Литве, которое помешало им съезжаться; объявил, что литовские паны сами хотят и польских панов будут приводить на то, чтоб избран был или сам царь, или сын его Феодор, и потому просил Иоанна дать решительный ответ, сам ли он хочет быть избран в короли или дать сына; в обоих случаях необходимо обязательство в ненарушении прав и вольностей шляхетских. При определении границ между государствами Иоанн должен уступить Литве четыре города – Смоленск, Полоцк, Усвят и Озерище; если же царевич Феодор будет избран в короли, то отец должен дать ему еще несколько городов и волостей. Иоанну не понравились речи Гарабурды; он отвечал ему: «Ты говорил, что паны радные так долго не присылали к нам по причине морового поветрия – это воля Божия; а надобно было бы панам подумать, чтоб дело поскорее уладить, потому что без государя земле быть невыгодно. Паны радные литовские не хотят выбирать себе государя без Короны Польской – на то их воля. Ты говорил о подтверждении прав и вольностей: дело известное, что, в каких землях какие обычаи есть, отменять их не годится. Ты говорил, чтоб мы возвратили Литве Смоленск и Полоцк, Усвят и Озерище. Это пустое: для чего нам уменьшать свое государство? Хорошо государства увеличивать, а не уменьшать. Для чего я вам дам сына своего, князя Феодора, к убытку для своего государства? Хотят, чтоб я дал сыну еще другие города и волости; но и без наших городов и волостей в Короне Польской и Великом княжестве Литовском много есть городов и волостей, доходами с которых мы и сын наш можем содержать свой двор. И то, по-нашему, не годится, что по смерти государя государство не принадлежит потомкам его, что Корона Польская и Великое княжество Литовское не будут в соединении с государством

Московским. Знаем, что цесарь и король французский прислали к вам; но нам это не пример, потому что, кроме нас да турецкого султана, ни в одном государстве нет государя, которого бы род царствовал непрерывно через двести лет. Корона Польская и Великое княжество Литовское – государства не голые, пробить на них можно, а наш сын не девка, чтоб за ним еще приданое давать. Если паны радные польские и литовские хотят нашей приязни, то прежде всего пусть пишут титул наш сполна, потому что мы наше царское имя получили от предков своих, а не у чужих взяли. Во-вторых, если Бог возьмет сына нашего Феодора с этого света и останутся у него дети, то чтобы Корона Польская и Великое княжество Литовское мимо детей сына нашего другого государя не искали; а не будет у нашего сына детей, то Польша и Литва от нашего рода не отрывались бы; и если кто из нашего рода умрет, тело его привозить для погребения сюда. А наши дети и потомки, кто будет на Короне Польской и в Великом княжестве Литовском, прав и вольностей их ни в чем нарушать не будут; и пусть Польша и Литва соединятся с нашим государством, и в титуле нашем писалось бы наперед королевство Московское, потом Корона Польская и Великое княжество Литовское; стоять и обороняться от всех неприятелей им заодно, а Киев для нашего царского именованья уступить нашему государству. Что прежде наша отчина была по реку Березыню, того мы для покою христианского отступаемся, но Полоцк со всеми пригородами и вся земля Ливонская в нашу сторону, к государству Московскому, и без этих условий сына нашего, Феодора, отпустить к вам на государство нельзя. Что же касается до вечного мира, то мы хотим его на таких условиях: Полоцк со всеми пригородами и Курляндия – к Литве, а Ливония – к Москве; Двина будет границею; и быть бы всем трем государствам на всех неприятелей заодно, а в короли выбрать цесарского сына, который должен быть с нами в братстве и подтвердить вечный мир; мы готовы жить с цесарским сыном точно так же, как бы жили с своим сыном Феодором, если б дали его вам в государя. Знаю, что некоторые из поляков и из ваших хотят выбрать меня самого в короли; гораздо лучше, если б я сам был вашим государем». Гарабурда отвечал на это, «что паны и шляхты рады выбрать его в государя, но чтобы он объявил, как этому стать? Он должен будет беспрестанно переезжать из одного государства в другое и все по отдаленности не будет в состоянии

надлежащим образом оборонять свои государства; большое будет затруднение и относительно суда королевского; наконец, без принятия римской веры он не может быть коронован». Царь велел ему приезжать за ответом на другой день и, когда посол явился, стал опять ему говорить: «Мы на Московском королевстве, в Польше и Литве государем быть хотим и управлять всеми этими государствами можем и, приезжая, по несколько времени оставаться в каждом. Причины, тобою приведенные, делу не мешают; в титуле нашем стоять прежде королевству Московскому, потом Польше и Литве; полный титул будет такой: Божию милостию государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский и великий князь русский, Великого Новгорода, царь казанский, царь астраханский, а потом расписать области русские, польские и литовские по старшинству. Вере нашей быть в почете; церкви в наших замках, волостях и дворах, каменные и деревянные, вольно нам ставить; митрополитов и владык почитать нам по нашему обычаю; прав и вольностей панских и шляхетских не нарушать, а увеличивать. А если бы Великое княжество Литовское захотело нашего государствования одно, без Короны Польской, то нам еще приятнее. Мы на Великом княжестве Литовском быть хотим: хотим держать государство Московское и Великое княжество Литовское заодно, как были прежде Польша и Литва; титул наш будет, как прежде было сказано; а которые земли литовские забраны к Короне Польской, те будем отыскивать и присоединим их к Литве. Еще надобно уговориться о дворовых людях, без которых я не могу ехать в Польшу и Литву: этих людей немного (опричнина). И то еще тебе объявляю, что буду ездить в Польшу и Литву не один, а с детьми, потому что они по летам своим еще не могут без нас оставаться; доходят до нас слухи из ваших сторон, что поляки и литовцы хотят взять у нас сына обманом, чтоб отдать его турецкому. Не знаю, правда ли это, или злые люди выдумали, только я должен тебе об этом объявить, потому что теперь хочу все высказать. Особенно объявляю тебе то, что я уже старею, и в такие три обширные государства ездить мне для управления трудно, так лучше было бы, если бы Польша и Литва взяли в государи цесарского сына, а с нами заключили вечный мир, – и нам это было бы спокойнее, да и землям также. Но если Польша и Литва не хотят цесарского сына, а хотят нас,

то мы согласны быть их государем; только паны должны дать присягу и грамоту, что им над нами и над нашими детьми ничего дурного не делать и никакой хитрости не замышлять». Когда Гарабурда уже совсем был готов отправиться в обратный путь, пришли к нему окольный Умный-Колычов, думный дворянин Плещеев, дьяки Андрей и Василий Щелкаловы и сказали от имени Иоанна: «Если Великое княжество Литовское хочет видеть его своим государем, то он на это согласен; и будьте покойны, Польши не бойтесь: государь помирит с нею Литву». Потом из Новгорода присланы были пункты, о которых статья писарю Гарабурде не изъяснено: 1) Короноваться и ставиться на Корону Польскую и В[еликое] к[няжество] Литовское государю нашему по христианскому обычаю, от архиепископов и епископов, и римского закона бискупам по римскому закону в то время не действовать, а быть бискупам в своем чину с панами радными. 2) Божьим судом царское величество и его сын царевич Иван Иванович не имеют у себя супруг, а царевич князь Феодор Иванович приближается к тому возрасту, когда жениться надобно; так паны радные волю бы дали царскому величеству в Русском царстве, в Короне Польской и В[еликом] к[няестве] Литовском выбирать и высматривать из подданных, кого пригоже по их государскому чину. А если выйдет такой случай, что можно будет жениться и на государской дочери, то царское величество будет говорить о том с панами радными. 3) Когда государь приедет с своими детьми на Корону Польскую, и учинится мятеж между государем и землею, то паны должны отпустить царя и детей его безо всякой зацепки.

И. Штенглин. Царь Федор Иоаннович. XVIII в.

Речи Иоанна Гарабурде, высказавшееся в них колебание, желание и нежелание быть выбранным, условия выбора, предложенные царем, явное нежелание дать сына в короли – все это не могло усилить московскую сторону на сейме. Сторона, хотевшая императора

Максимилиана или сына его Эрнеста, также не могла осилить: причиною неуспеха была, во-первых, медленность Максимилиана; и он думал сначала, что не он поляков, но поляки будут просить его принять их корону; потом когда были им высланы великие послы Розенберг и Перштейн, то они уже не могли поправить дела и, кроме того, не хотели: оба посла были чехи, свита их состояла также из чехов; подружившись с поляками на частых пирушках, чехи стали вспоминать, что и они прежде пользовались такими же вольностями, какие теперь в Польше, но дом Австрийский отнял их у них и утесняет их поборами, хочет истребить их язык, и, как братья, предостерегали поляков, чтоб они береглись австрийского ига. При таких обстоятельствах нетрудно было французскому послу Монлюку составить многочисленную и сильную сторону для Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. В публичной речи своей Монлюк не щадил лести полякам, называл государство их оградою христианства, хвалил их обычаи, утверждал, что французы и поляки похожи друг на друга более всех других народов, не был скуп и на обещания. Начались совещания; послышались голоса в пользу избрания одного из своих; но против этого избрания вооружился славный своими талантами, красноречием, ученостию Ян Замойский, староста бельзский, приверженец шляхетского равенства, приверженец французского принца. При подаче голосов большинство оказалось за Генрихом; Монлюк поспешил присягнуть за него в сохранении условий, знаменитых *Pacta Conventa*. Волновались протестанты под предводительством Фирлея: им, разумеется, не хотелось иметь королем брата Карла IX и ждать повторения Варфоломеевской ночи в Кракове или Варшаве, но Монлюк успокоил и протестантов, давши за Генриха присягу в сохранении всех их прав и вольностей. В августе 1573 года двадцать польских послов в сопровождении 150 человек шляхты приехали в Париж за Генрихом. Начали говорить об условиях: поляки потребовали, чтоб не только Генрих подтвердил права протестантов польских, но чтоб и французские гугеноты получили свободу вероисповедания, ибо таково было обещание Монлюка; спросили последнего, как он мог мимо наказа давать подобные обещания. Монлюк отвечал, что действительно не имел об этом наказа, но принужден был обещать, чтоб успокоить протестантов, взволнованных вестями о Варфоломеевской резне.

Польские послы, однако, не переставали требовать исполнения обещания; тогда Лавро, папский нунций, взялся уладить дело. Угрозами католикам, обещаниями протестантам ему удалось достигнуть того, что послы перестали настаивать на исполнении Монлюкова обещания. Это известие всего лучше показывает нам, как сильна была в это время протестантская сторона в Польше и Литве, и как у самих католиков не было еще религиозной нетерпимости.

В начале 1574 года Генрих приехал в Польшу; протестанты требовали, чтоб он повторил присягу в сохранении их прав; король уклонялся; они криками своими прервали коронационный обряд, волновали сейм. Партии боролись, Генрих, оказывая явное пристрастие к Зборовским, поджигал еще более эту борьбу; отсюда крики против короля, пасквилы, ссоры с французами; редкий день проходил без убийства, совершенного тою или другою стороною; наконец явно была высказана угроза, что Генрих будет свергнут с престола, если не станет лучше исполнять своих обязанностей. Генрих не привык к этим обязанностям во Франции и жаловался, что поляки из королевей хотят низвести его до звания парламентского судьи; кроме лени, страсти к пустым забавам Генриху было трудно заниматься делами еще и потому, что он не знал ни по-польски, ни по-латыни; кроме своего языка знал только немного по-италиански и потому сидел как немой в Сенате и думал только о том, как бы скорее вырваться из него; целые ночи проводил без сна в пирушках и в карточной игре; щедрости и расточительности своей не знал меры, во дворце был такой беспорядок, такая бедность, что иногда нечего было приготовить к обеду, нечем накрыть стол. В таком положении находился Генрих, когда получил весть о смерти брата, Карла IX, причем мать, Екатерина Медичи, требовала, чтоб он как можно скорее возвращался во Францию. Не успевши затаить этого известия, король объявил об нем сенаторам; те отвечали, что надобно созвать сейм, который один может позволить ему выехать из государства; но Генрих знал, как медленно собирается сейм, не надеялся даже получить его согласия на отъезд, слышал о враждебных ему движениях во Франции и тайно ночью убежал за границу.

По отъезде Генриха в Польше не знали, что делать: объявлять ли бескорольеве или нет? Решили бескорольевя не объявлять, но дать знать Генриху, что если через девять месяцев он не возвратится в

Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В Москву поспешили отправить от имени Генриха послов с известием о восшествии его на престол и вместе с известием об отъезде во Францию, причем будто бы он поручил панам радным сноситься с иностранными государями. Иоанн отвечал, что уже отправил в Польшу гонца своего Ельчанинова с требованием опасной грамоты для послов, которые должны ехать к Генриху поздравлять его с восшествием на престол; что Ельчанинов будет дожидаться возвращения короля, а у панов радных не будет: государь ссылается только с государем, а паны – с боярами; если же прежде была ссылка между ним, Иоанном, и панами, то потому, что у них не было короля и они присылали бить челом, прося его или сына его на господарство. Ельчанинову долго было дожидаться Генриха; он дождался сейма, во время которого пришел к нему тайно ночью литовский пан, староста жмудский, и говорил: «Чтобы государь прислал к нам в Литву посланника своего доброго тотчас, не мешкая; королю Генриху у нас не бывать. Я своей вины пред государем не ведаю ни в чем, а государь ко мне не отпишет ни о каких делах и себе служить не велит; нам безмерно досадно, что мимо нас хотят поляки государя на государство просить. Наша вера лучше с московскою сошлась, и мы все, литва, государя желаем к себе на государство. Если мы умолим Бога, а государя упросим, что будет у нас в Литве на государстве, то поляки все придут к государю головами своими бить челом; а государю известно, что когда у нас прежде был король Витовт, то он всегда жил в Вильне; и теперь нам хочется того же, чтоб у нас король был в Вильне, а в Краков бы ездил на время». Далее староста говорил, что Литва, согласно царскому желанию, хочет избрать императорского сына, но поляки хотят выбрать приятеля султанова; говорил, что им трудно принять условие относительно наследственности короны в потомстве царя; но если они милость и ласку государскую познают, то от потомства его никогда не отступят; потом еще жестоко людям кажется то, что государь говорит о Киеве и Волынской земле и что венчать его на царство будет митрополит московский. Из поляков Яков Уханский, епископ гнезненский, прислал Ельчанинову образцы грамот, какие царь должен прислать к духовенству, панам, ко всему рыцарству и к каждому пану в особенности; в общих грамотах Иоанн должен был просить об избрании, обозначить в грамоте, что он не еретик, а христианин,

крещен во имя Св. Троицы, что поляки и русские, будучи одного племени, славянского или сарматского, должны, как братья, иметь одного государя.

Ф. Клуэ. Генрих Анжуйский. 1570 г.

Иоанн находился в затруднительном положении: с одной стороны, тяжело ему было унизиться до искательства, неверен был успех и затруднительно положение в случае успеха; с другой – неприятно было и видеть себя обойденным, особенно когда выбор падет на человека нежеланного, с которым надобно будет опять начинать войну за Ливонию. Выслушавши донесение Ельчанинова, царь приговорил послать гонца Бастанова к панам с требованием опасной грамоты для больших послов. Бастанов доносил, что, по всем слухам, литовская Рада хочет выбрать московского государя; папский нунций доносил в Рим, что вельможи ни под каким видом не хотят московского царя, но народ показывает к нему расположение. Узнавши от Бастанова о возможности успеха, Иоанн велел немедленно отпустить в Польшу посланника Новосильцева с грамотами к Уханскому, к краковскому архиепископу и светским панам; в грамоте к Уханскому царь уверял, что веры и почестей духовенства не порушит, самому Уханскому обещал большие награды, если его старанием будет избран в короли. Но одних обещаний частным лицам было мало; Иоанн ни слова не говорил, отказывается ли он от прежних своих условий, а на сейме не хотели слышать ни о каких других условиях, кроме тех, на которых был избран прежде Генрих. Эти обстоятельства опять произвели то, что сторона московская, особенно между поляками, упала и выдвинулись вперед две стороны: сторона вельмож, которые хотели избрать императора Максимилиана, и сторона шляхты, хотевшей избрать Пяста, т. е. кого-нибудь из природных поляков или по крайней мере не австрийца, не кандидата стороны вельможеской.

В ноябре 1575 года начался избирательный сейм; приступили прежде всего к выслушанию послов иностранных. Послы императорские от имени своего государя предлагали в короли сына его, эрцгерцога Эрнеста, превозносили достоинства этого князя, говорили, что вследствие частого обращения с чехами он легко понимает их язык, легко поэтому может научиться и по-польски, а прежде чем научиться, будет употреблять язык латинский, которым владеет совершенно свободно и который у поляков во всеобщем употреблении; выставляли на вид выгоды Эрнестова избрания, вследствие которого Польша вступит в союз с Австрийским домом, владетелями германскими, италийскими, королем испанским и, наконец, с царем московским. После императорских говорили послы брата Максимилианова,

эрцгерцога Фердинанда, также превозносили достоинства своего государя, его военное искусство, знание чешского языка, обещали, что Фердинанд будет вносить в Польшу большую часть доходов своих, приведет и сильные полки немецкой пехоты для отражения неприятеля. Посол шведский начал свою речь увещаниями сейму употребить все усилия для войны с Москвою, обещая, что шведский король с своей стороны употребит для этой цели третью часть податей; для прекращения же споров за Ливонию между Польшею и Швециею предлагал, чтоб поляки уступили Швеции свою часть Ливонии, а король шведский откажется за это от всех своих претензий: от денег, которые польское правительство взяло у него займы и уже четырнадцать лет не платит, от приданого своей жены, не отданного еще ей, от денег и земель, следующих ей по наследству. Потом посол приступил к главному вопросу: предлагал избрать или короля своего, Иоанна, или избрать в королевы сестру покойного Сигизмунда-Августа, Анну; приводил в пример англичан, которые, поручив правление королеве Елисавете, достигли наивысшей степени благоденствия; говорил, что только одним этим способом уладятся дела польские и шведские, ливонские и московские; будет крепкий союз между двумя соседними государствами, будет у них мир с турками, татарами и Германиею, москвитяне будут изгнаны из Ливонии, нарвская торговля, столь вредная для Польши и столь выгодная для Москвы, прекратится; королева Анна, зная язык и обычаи народные, могла бы выслушивать каждого и всякому оказывать справедливость. А если бы тут же сейм назначил наследником королевы Анны единственного сына шведского короля и по матери единственную отрасль Ягеллонова рода, Сигизмунда, знающего в совершенстве языки польский и шведский и достаточно латинский, италийский и немецкий, тогда король и королева шведские ничего не пожалели бы для сына своего, который явился бы в Польшу с значительною суммою денег для шляхты. Еще прежде, в 1574 году, после бегства Генриха, султан присылал грамоту с требованием, чтоб поляки не выбирали австрийца, который необходимо вовлечет их в войну с Портою. Пусть выберут кого-нибудь из своих, например, Яна Костку, воеводу сендомирского; а если хотят из чужих, то короля шведского или Стефана Батория, князя седмиградского. Посол от Батория явился на сейм и после обычного исчисления доблестей своего князя приступил к

обещаниям: сохранять ненарушимо права панов и шляхты; заплатить все долги королевские; обратно завоевать все отнятое Москвою, для чего приведет свое войско; сохранять мир с турками и татарами; лично предводительствовать войсками; прислать 800000 злотых на военные издержки, выкупить пленную шляхту из земель русских, захваченную в последнее татарское нашествие. Наконец, выступил посол от Альфонса II, герцога феррарского, который, между прочим, обещал снабдить Краковскую академию людьми учеными, привести в Польшу художников и содержать их на своем жалованьи, воспитывать в Италии на свой счет пятьдесят молодых шляхтичей польских. Московских послов не было – никто не восхвалял достоинств Иоанна, никто не говорил о его обещаниях.

Раздвоение, соперничество, господствовавшие между вельможами и шляхтою в Польше, выразились на сейме; 12 декабря австрийская партия, состоявшая преимущественно из вельмож, провозгласила королем императора Максимилиана, а 14 шляхта провозгласила королеву Анну, с тем, чтобы она вышла замуж за Стефана Батория. Австрийская сторона имела большие надежды восторжествовать над стороною противною, потому что Литва и Пруссия преимущественно держались Максимилиана; но в начале сам император повредил своему успеху медленностию: когда явились к нему послы польские с известием об избрании, то он стал толковать с ними о перемене условий, на которых был избран; говорил, что вследствие двойного избрания он не может без помощи оружия сделаться королем польским; предлагал, чтоб для примирения обеих сторон королевою оставалась Анна, но мужем ее и королем был назначен сын его, эрцгерцог Эрнест, вместо Батория. По всему было видно, что старик Максимилиан, и в молодости не отличавшийся большою энергиею, охладел к желанию получить польский престол, когда видел, что надобно добывать его оружием. Так же медленно вел он и переговоры с Москвою, которой интересы были теперь тесно связаны с интересами Австрийского дома. Мы видели что союзы, заключенные между Москвою и Австриею против Польши при Иоанне III и сыне его Василии, кончились ничем. При Иоанне IV сношения возобновились по поводу дел ливонских: в 1559 году император Фердинанд I писал Иоанну, чтоб он не воевал Ливонии, принадлежащей к Священной Римской империи, и возвратил завоеванные уже места. Иоанн отвечал, что если цесарь хочет быть с

ним в любви и братстве, то пусть пришлет великих послов, с которыми обо всех делах договор учинится. Великие послы не приезжали, и, несмотря на то, мы видели, что Иоанн требовал от поляков и Литвы избрания австрийского эрцгерцога в короли; это требование царя объясняется требованием султана не выбирать императора или его сына; враждебные отношения Австрии к Турции обеспечивали Московское государство в том, что между Польшею и Турциею не будет заключено союза и что польский король из Австрийского дома, опасаясь постоянно Турции, будет искать московского союза, для которого не пожалеет Ливонии. В июле 1573 года приехал в Москву императорский гонец Павел Магнус с грамотою, в которой Максимилиан II предлагал Иоанну соединенными силами противиться возведению на польский престол Генриха французского; гонец рассказывал о Варфоломеевской ночи, которая очень опечалила его государя: «Король французский воевал с королем наваррским и умыслил злодейским обычаем, чтоб с ним помириться; помирившись, сговорил сестру свою за наваррского короля, и тот приехал на свадьбу, и с ним много больших людей приехало; тут король французский зятя своего, наваррского короля, схватил и посадил в тюрьму, и теперь сидит в тюрьме, а людей его, всех до одного, с женами и детьми, в ту же ночь побил и сказал, что побил их за веру, что они не его веры; побил и своих людей, которые одной веры с королем наваррским: всего в то время побил до 100000. Всем христианским государям пригоже о том жалеть и кручиниться, а с тем злодеем французским не знаться. А вот теперь французский король брата своего отпускает на Польское королевство по ссылке с турецким султаном, и от того цесарю кручина. Цесарю хотелось, чтоб на Короне Польской был или сын его, или государь московский и у них была бы по старине любовь и братство; а приговорил цесарь, чтоб государство поделить: Польскую Корону – к цесарю, а Литовское Великое княжество – к Московскому государству – и стоять бы им заодно против турецкого и против всех татарских государей. А если королевич французский будет на Короне Польской, то с турецким у них будет союз, а христианству будет большая невзгода и пагуба». Иоанн отправил в Вену гонца Скобельцына выразить императору всю готовность свою стараться о том, чтоб Польша и Литва не отошли от их государства; о Варфоломеевской ночи писал: «Ты, брат наш дражайший, скорбишь о кровопролитии, что у французского

короля в его королевстве несколько тысяч перебито вместе и с грудными младенцами: христианским государям пригоже скорбеть, что такое бесчеловечие французский король над стольким народом учинил и столько крови без ума пролил». Скобельцын возвратился безо всякого ответа, с жалобами на дурное обхождение с ним гонца императорского Павла Магнуса; скоро приехал и последний с жалобами на Скобельцына, обвинял его в том, что он не хотел взять цесаревой грамоты, о самом цесаре говорил невежливо и вел себя неприлично. Царь велел позвать Скобельцына к ответу, и тот во всем оправдывался: например, грамоты императорской он не захотел взять потому, что в ней Иоанн не был назван царем. Иоанн отписал императору, что вследствие его жалоб он положил опалу на Скобельцына, но при этом дал понять, что вина последнего и правота Павла Магнуса вовсе в его глазах не доказаны: «Мы велели ближним своим людям Скобельцына расспросить перед твоим гонцом Павлом, и Скобельцын сказывал, что Павел взял у него в долг 400 ефимков, а отдал только 138 и много бесчестья ему делал, а потому и взводит на него такие дела. Нашим гонцам на обе стороны пригоже таких дел вперед не делать и до нас кручин не доносить, чтоб от их бездельных врак между нами братской любви порухи не было». Потом приезжали в Москву другие гонцы с извинениями, что Максимилиан за большими недосугами не мог условиться с царем насчет дел польских; эти извинения очень сердили Иоанна; сердило его и то, что вместо послов являлись от императора купцы, хотевшие выгодно поторговать в Москве. Наконец в декабре 1575 года явились великие послы Иоган Кобенцель и Даниил Принц. Пристав, провожавший их, доносил государю о речах толмачей посольских, взятых в Польше: «Литовским людям не хотелось послов чрез свою землю пропускать, но, боясь цесаря, пропустили, а слово об них в Литве такое: идут послы от цесаря к московскому государю на совет, чтоб им заодно промыслить и Литовскую землю между собою разделить». Иоанн хотел дать понять послам, как поздно они приехали, как неприлично было императору в продолжение столь долгого времени присылать одних гонцов да купцов; он велел остановить послов в Дорогобуже, куда явились боярин Никита Романович Юрьев, князь Сицкий и дьяк Андрей Щелкалов с таким наказом от царя: «Приехавши в Дорогобуж, устройте съезжий двор и, сославшись с цесаревыми послами, съехаться с ними на этом дворе и спросить их от

имени государя, за каким делом присланы они от цесаря? Если послы откажутся объявить, зачем они присланы, то говорить им: «Не дивитесь, что государь велел вас на дороге спрашивать, не давая вам своих очей видеть, всякое дело живет по случаю: прежде не бывало, чтоб послов на дороге спрашивали о деле, но не бывало прежде и того, чтоб такие ближние люди ездили так далеко говорить с послами о деле; случилось так потому, что от государя вашего, цесаря Максимилиана, приезжали к государю нашему торговые люди, а сказывались посланниками и гонцами; государь наш велит им почесть оказывать как пригоже посланникам и гонцам, а посмотрят – так это гости, торговые люди! Вот почему теперь государь и послал нас, ближних своих людей, спросить вас, какие вы люди у цесаря и по прежнему ли обычаю приехали?» Послы отвечали, что такие речи им очень прискорбны и что они не могут передать цесаревых речей никому другому, кроме самого великого государя; если торговые люди назывались посланниками и гонцами, то цесарь велит их за то казнить, а они, послы, ближние люди у цесаря и приехали за тем, чтоб подтвердить прежний союз, уговориться и о литовском деле, и о всяком христианском прибытке. Максимилиан прежде писал, что ему нельзя вступить в переговоры с московским государем за великими недосугами; Иоанн, узнавши об ответе Кобенцеля и Принца, послал им такую грамоту: «Вы бы о том не поскорбели, что мы вам теперь очей своих вскоре видеть не велели, потому что у нас много дела, были мы в отъезде; а как приедем в Можайск, то сейчас же велим вам быть у нас».

Н. Нёшатель. Максимилиан II, император Священной Римской империи. Около 1566 г.

Д. Арчимбольде. Император Максимилиан II с женой и тремя детьми. Около 1563 г.

Содержанием посольских речей были два требования, чтоб Иоанн содействовал избранию эрцгерцога Эрнеста в короли польские и великие князья литовские и чтоб оставил в покое Ливонию. «Избрание Эрнеста в короли, – говорили послы, – будет очень выгодно твоему величеству: ты, Эрнест, цесарь, король испанский папа римский и другие христианские государи вместе на сухом пути и на море нападете

на главного недруга вашего, султана турецкого, и в короткое время выгоните неверных в Азию; тогда по воле цесаря, Папы, короля испанского, эрцгерцога Эрнеста, князей имперских и всех орденов все цесарство Греческое восточное будет уступлено твоему величеству и ваша пресветлость будете провозглашены восточным цесарем». Иоанн велел сказать послам, что на основании прежних предложений со стороны императора на престол польский должен быть возведен эрцгерцог Эрнест, но Литва должна отойти к Московскому государству. Послы отвечали, что этому стать нельзя, ибо у Короны Польской с Великим княжеством Литовским крепкое утверждение, чтоб друг от друга не отстать и быть под одним государем; что же касается до Киева, то эрцгерцог Эрнест, как будет избран в короли, для братской любви уступит его вместе с другими немногими местами царю; о Ливонии же цесарь велел нам только помянуть, а много о ней не велел говорить. Иоанн велел отвечать послам, и в ответе этом высказалось сомнение относительно цесаревых обещаний: «Если между государями такое дело начинается о союзе, вечном братстве и дружбе, то надобно, чтоб это было крепко и неподвижно. Пусть бы все союзные Максимилиану государи, папа римский, короли испанский, датский, герцоги, графы и всякие начальники прислали к нашему государю послов вместе с цесаревыми и утвердили бы докончанье – стоять всем на всех недругов заодно». После этих переговоров Иоанн отпустил послов с такими речами к императору: «Хотим, чтоб брата нашего дражайшего сын, Эрнест, князь австрийский, был на Короне Польской, а Литовское Великое княжество с Киевом было бы к нашему государству Московскому. Ливонская же земля изначала была наша вотчина, и нашим прародителям ливонские немцы дань давали, да, забыв правду, от нас отступили; Ливонской земле и Курской (Курляндии) всей быть к нашему государству, да и потому Ливонской земле надобно быть за нами, что мы уже посадили в ней королем голдовника (подручника) своего Магнуса. Так брат бы наш дражайший, Максимилиан цесарь, в Ливонскую землю не вступался и этим бы нам любовь свою показал; а мы Ливонской земли достаем и вперед хотим искать. К панам польским пошлем, чтоб они выбрали в короли Эрнеста князя, а к литовским – чтоб оставались за нами. Если Литва не согласится отстать от Польши, то пусть и она выбирает Эрнеста; если же и Польша и Литва не согласятся иметь государем ни нас, ни Эрнеста, то нам с

цесарем Максимилианом над ними промышлять сообща и в неволю приводить».

Но Кобенцель и Принц вели переговоры с московскими боярами, когда владения Ягеллонов поделались уже, только не между Иоанном и Эрнестом, а между Максимилианом и Баторием. С вестию об избрании Максимилиана и Батория приехал к царю из Литвы московский гонец Бастанов; но он доносил, что в Литве многие не надеются, чтоб кто-нибудь из избранных утвердился на престоле, а думают, что царь еще может взять верх над обоими. Литовская Рада отправила посольство к Иоанну с объявлением, что избран Максимилиан по приказу царскому; возвратился Новосильцев; он тоже доносил, что царь мог бы иметь успех, если б действовал скорее и решительнее. Когда он отдал царскую грамоту с жалованным словом Яну Ходкевичу, то последний сказал ему: «Только бы государь такие грамоты прежде к нам прислал, то давно был бы избран. Государь домогался от нас опасных грамот на своих послов; но я приказывал с Ельчаниновым, чтоб государь отправлял послов скорее и без опасных грамот: опасные грамоты потому не посланы, что к ним все паны радные прикладывают свои печати, но из панов одни служат вашему государю, а другие его не хотят и потому печатей своих не прикладывают. Услыхавши о гонце Бастанове, я думал, что он едет к нам с грамотами, с жалованным словом и указом, но он приехал ни с чем; мы уже поневоле выбрали Максимилиана; Максимилиан-цесарь стар и болен, и мы тебя затем держим, что ждем от цесаря присылки, думаем, что он откажется от престола; ляхи обирают на государство Обатуру (Батория) и к нам уже в другой раз присылают, чтоб мы его выбрали; но нам ни под каким видом Обатуру на государство не брать: Обатура – турецкий посаженник, как нам отдать христианское государство бусурманам в руки».

Паны действительно находились в затруднительном положении, выбравши двух королей; их вывели из этого затруднения медленность Максимилиана и быстрое движение Батория, который, подтвердивши все предложенные ему условия, 18 апреля 1576 года уже имел торжественный въезд в Краков, а 1 мая короновался. Максимилиан в апреле 1576 года писал к царю: «Думаем, ты давно уже знаешь, что мы в прошлом декабре с великою славою и честью выбраны на королевство Польское и Великое княжество Литовское, думаем, что

вашему пресветлейшеству то будет не в кручину». Иоанн отвечал: «Мы твоему избранию порадовались; но после узнали, что паны мимо тебя выбрали на королевство Стефана Батория, воеводу седмиградского, который уже приехал в Краков, короновался и женился на королевне Анне, и все паны, кроме троих, поехали к нему. Мы такому непостоянному разуму у панов удивляемся; чему верить, если слову и душе не верить? Так ты бы, брат наш дражайший, промышлял о том деле поскорее, пока Стефан Баторий на тех государствах крепко не утвердился; и к нам отпиши с скорым гончиком, как нам своим и твоим делом над Польшею и Литвою промышлять, чтоб те государства мимо нас не прошли и Баторий на них не утвердился». Но Максимилиан, вместо того чтоб промышлять вместе с царем над Польшею, сердил его просьбами не трогать убогой Ливонии, тогда как Иоанн, наоборот, видя, что в Польше сделалось не так, как он желал, решился во что бы то ни стало покончить с Ливониею.

Мы видели, что здесь кроме поляков Иоанн должен был воевать и с шведами, занявшими Ревель. После неудачной осады этого города Иоанн в конце 1571 года сам приехал в Новгород, приказавши полкам собираться в Орешке и в Дерпте для войны со шведами в Эстонии и Финляндии. Но прежде ему хотелось попробовать, не согласятся ли шведы, испуганные его приготовлениями, уступить без войны Эстонию. Для этого он призвал шведских послов и предложил им не начинать войны до весны будущего года, если король Иоанн пришлет других послов в Новгород, с ними 10000 ефимков за обиду прежних московских послов и 200 конных воинов; обяжется свободно пропускать в Россию медь, олово, свинец, нефть, также лекарей, художников и ратных людей. Послы подписали эту грамоту; говорили, что король во всем исправится и добьет челом; необходимым условием мира Иоанн поставил отречение короля от Эстонии; кроме того, требовал, чтоб король заключил с ним союз против Литвы и Дании и в случае войны давал ему 1000 конных и 500 пеших ратников; наконец, требовал, чтоб король включил в царский титул название шведского и прислал свой герб для помещения его в герб московский. Все эти требования относительно титула и герба были не иное что, как запросы, считавшиеся необходимыми в то время; от них запрашивающий легко отказывался, смотря по большей или меньшей твердости, оказываемой противною стороною; тон этих запросов, разумеется, соответствовал

значению тех государств, к которым обращались с запросами; мы видели, какие формы допускались в сношениях с Швециею и Даниею: челобитья, пожалование и т. п. Но эти формы давно уже оскорбляли королей шведских; понятно, как должен был оскорбиться король Иоанн запросами царя; он не отправил новых послов для заключения мира; мало этого, орешковский наместник, князь Путятин, доносил государю, что Выборгский королевский наместник писал ему непригоже, будто бы сам царь просил мира у шведских послов. Иоанн отвечал на это королю такую грамотою: «Скипетродержателя Российского царства грозное повеление с великосильною заповедию: послы твои уродственным обычаем нашей степени величество раздражили. Хотел я за твое недоуметельство гнев свой на твою землю простреть, но гнев отложил на время, и мы послали к тебе повеление, как тебе нашей степени величество умолить. Мы думали, что ты и Шведская земля в своих глупостях сознались уже; а ты точно обезумел, до сих пор от тебя никакого ответа нет, да еще Выборгский твой прикащик пишет, будто нашей степени величество сами просили мира у ваших послов! Увидишь нашего порога степени величества прощенье этою зимою; не такое оно будет, как той зимы! Или думаешь, что по-прежнему воровать Шведской земле, как отец твой через перемирье Орешек воевал? Что тогда доспелось Шведской земле? А как брат твой обманом хотел отдать нам жену твою, а его самого с королевства сослали! Осенью сказали, что ты умер, а весною сказали, что тебя сбили с государства. Сказывают, что сидишь ты в Стекольне в осаде, а брат твой, Эрик, к тебе приступает. И то уже ваше воровство все наружи: опрометываетесь, точно гад, разными видами. Земли своей и людей тебе не жаль; надеешься на деньги, что богат. Мы много писать не хотим, положили упование на Бога. А что крымскому без нас от наших воевод приключилось, о том спроси, узнаешь. Мы теперь поехали в свое царство на Москву и опять будем в своей отчине, в Великом Новгороде, в декабре месяце, и ты тогда посмотришь, как мы и люди наши станем у тебя мира просить».

Король отвечал на это бранным же письмом, писал не по пригожу. Тогда Иоанн в конце 1572 года вступил в Эстонию с 80000 войска; Виттенштейн был взят приступом, при котором пал любимец царский, Малюта Скуратов Бельский; пленные шведы и немцы, по известиям ливонских летописцев, были сожжены. Овладевши Виттенштейном,

Иоанн возвратился в Новгород, а к шведскому королю отправил новое письмо: «Что в твоей грамоте написана брань, на то ответ после; а теперь своим государским высокодостоинейшие чести величества обычаем подлинный ответ со смирением даем. Во-первых, ты пишешь свое имя впереди нашего – это непригоже, потому что нам цесарь римский – брат и другие великие государи; а тебе им братом назваться невозможно, потому что Шведская земля тех государств честию ниже. Ты говоришь, что Шведская земля – вотчина отца твоего; так дай нам знать, чей сын отец твой, Густав, и как деда твоего звали, и на королевстве был ли, и с которыми государями ему братство и дружба была, укажи нам это именно и грамоты пришли. То правда истинная, что ты мужичьего рода. Мы просили жены твоей Екатерины затем, что хотели отдать ее брату ее, польскому королю, а у него взять Лифляндскую землю без крови; нам сказали, что ты умер, а детей после тебя не осталось. А что ты писал нам о брате своем, Эрике, что мы для него с тобою воюем, так это смешно: брат твой, Эрик, нам не нужен, ведь мы к тебе о нем ни с кем не приказывали и за него не говаривали; ты безделье говоришь и пишешь, никто тебя не трогает с женою и с братом, ведайся себе с ними, как хочешь. Спеси с нашей стороны никакой нет, писали мы по своему самодержавству, как пригоже».

Неизвестный художник. Стефан Баторий, король польский и великий князь литовский. 1578 г.

Русские воеводы продолжали военные действия в Эстонии: взяли Нейгоф и Каркус; но в чистом поле, как почти всегда, по недостатку военного искусства они не могли с успехом бороться против шведов,

хотя и малочисленных: близ Лоды они потерпели поражение от шведского генерала Клауса Акесона Тотта. Весть об этом поражении и о восстании черемис в Казанской области заставила Иоанна снова предложить мир королю шведскому. С этим предложением отправлен был гонец Чихачев. Король, думая, что привезенная им царская грамота написана в прежнем тоне, не хотел брать ее от гонца, велел прежде взять ее вельможам и прочесть. Но в наказе послам прежде всего говорилось, чтоб не отдавать грамоту никому, кроме самого государя, вследствие чего произошли сильные споры между Чихачевым и шведами. «Приехал ты в нашего государя землю, так и должен исполнять нашу волю, что нам надобно», – говорили шведы. «Приехал я в вашего государя землю, а волю мне исполнять царского величества, своего государя, а не вашего», – отвечал Чихачев. Шведы грозили, что не дадут ему съестных припасов; гонец отвечал: «Пусть умру с голоду: одним мною у государя не будет ни людно, ни безлюдно». Шведы говорили ему: «Ты это сделал негораздо, что ехал без королевской опасной грамоты; сам знаешь, что государь твой нашему государю большой недруг; государя нашего короля хотел извести, государыню нашу королеву хотел к себе взять, землю повоевал, два города взял, послов наших бесчестил да писал к нашему государю грамоту неподобную; и над тобою государь наш сделает то же, если не отдашь нам грамоты своего государя». Чихачев не дал. Тогда один из шведов ударил гонца в грудь, примахивал к шее обухом и топором, кричал: «Отсеку голову!» – и бранил непристойными словами. Чихачев сказал ему: «Если б я, царского величества холоп, сидел теперь на своем коне, то умел бы я тебе ответ дать; а я сюда не драться приехал». Стали гонца и людей его обыскивать, раздевали, разували, все искали царской грамоты, но не нашли; перешарили все вещи, разломали сундуки с образами, образа раскидали по лавкам и, уходя, пригрозили гонцу: «Уже быть тебе на огне, если грамоты не отдашь». Но угроза не подействовала, и король принял Чихачева, сам взял от него грамоту; после приема вельможи приехали потчивать гонца и говорили: «Теперь грамоту государь твой написал не по-старому, можно между государями делу статья, а король думал, что письмо будет по-старому». Чихачев был задержан; король писал Иоанну, что он задержал гонца и не отпустит его до тех пор, пока царь не отпустит двоих шведских толмачей, задержанных им от прежнего посольства; писал, что не

пришлет великих послов, опасаясь, чтоб и с ними не поступлено было так же, как с прежними, а что послы от обоих государей должны съехаться на границе для мирного постановления. Иоанн отвечал, чтоб король присылал великих послов, потому что на рубеже послам ни о чем нельзя уговориться: «А нашего гонца тебе держать было незначем: толмачей мы оставили в своем государстве поучить учеников, и один умер, а другой учит двоих учеников шведскому языку и живет без всякой нужды. Прежде ваши толмачи русской грамоте в нашем государстве учивались, и только что толмач твой отделается, мы его к тебе и отпустим». Король отвечал прежнее: «Не хотим к тебе великих послов посылать, потому что ты, мимо опасной грамоты, дурно обошелся с нашими послами; ты разрушил мир, ты и должен отправить к нам послов, а не хочешь, вышли их на границу. Ты пишешь, что толмачи учат твоих русских ребят, но мы отправили их с нашими послами для нашего дела по нашему наказу, а не у подданных твоих детей учить». Толмач отослан был на размен, и князь Сицкий отправился на рубеж, на реку Сестру, куда с шведской стороны приехал адмирал Флеминг. Начали спор, где послам вести переговоры; Флеминг требовал, чтоб вести их на мосту, в шатрах; Сицкий отвечал, что таких великих дел на мосту не делают, и настоял, чтоб швед перешел на русский берег реки. Мира заключить не могли; царь требовал Эстонии и присылки 200 человек шведов нарядных для войны с Крымом и за это уступал королю право сноситься прямо с ним; но король требовал последнего безо всяких уступок с своей стороны; заключили только перемирие на два года (от 20 июля 1575 до 20 июля 1577 года) между Финляндиею и Новгородскою областью, дело же об Эстонии должно было решиться оружием, если король не поспешит отправить своих великих послов в Москву для заключения мира.

Я. Матейко. Стефан Баторий и его жена Анна Ягеллонка. Около 1875 г.

Это странное перемирие объясняется желанием Иоанна сосредоточить все свои силы в Ливонии, не отвлекаясь войною в других местах. Он не оставлял прежнего плана – сделать из Ливонии вассальное королевство, выдал племянницу свою, Марию Владимировну, за Магнуса, но дал последнему только городок Каркус и не дал вовсе назначенных в приданое за Марию денег; он боялся, чтоб Магнус на русские деньги не нанял войска, с которым стал бы

действовать против русских. Немедленно по заключении мира со шведами московские войска явились под Пернау и овладели им, потерявши на приступах 7000 человек, по известиям ливонских летописцев; воевода Никита Романович Юрьев обошелся очень милостиво с жителями Пернау, позволил им со всем добром выйти из города и, чего не могли тут захватить с собою, то взять после. Гелмет, Ермис, Руэн, Пуркель сдались русским тотчас по завоевании Пернау. В начале 1576 года 6000 русских вторглись снова в Эстонию; Леаль, Лоде, Фикель, Габсаль сдались им без выстрела; жители Габсаля вечером после сдачи затеяли пиры, танцы; русские удивлялись этому и говорили: «Что за странный народ немцы! Если бы мы, русские, сдали без нужды такой город, то не посмели бы поднять глаз на честного человека, а царь наш не знал бы, какую казнию нас казнить». Эзель был опустошен; Падис сдан после однодневной осады; шведы тщетно покушались взять его снова.

В генваре 1577 года 50000 русского войска явилось под Ревелем и расположилось здесь пятью лагерями; у осаждающих было три орудия, стрелявшие ядрами от 52 до 55 фунтов; 6 орудий стреляли ядрами от 20 до 30 фунтов; четыре стенобитных орудия бросали каменные массы в 225 фунтов; из 15 орудий стреляли ядрами от 6 до 12 фунтов; при каждом орудии находилось по 700 ядер. Но если по тогдашнему времени этот наряд и считался значительным, то в Ревеле было его в пять раз больше, притом осажденные приняли все меры против пожаров, которые должны были произойти от стрельбы осаждающих; составлен был отряд из 400 крестьян под предводительством Иво Шенкенберга, прозванного Аннибалом, сына ревельского монетчика; эти храбрецы вместе с шведскими и немецкими ландскнехтами делали днем и ночью беспрестанные вылазки. После полуторамесячного безуспешного обстреливания русские сняли осаду и удалились. По уходе московских войск в Ревеле объявлена была свобода всем ратным людям идти опустошать русские владения в Ливонии, и вот поднялись все уличные бродяги, даже калеки, на добычу; ограбленные крестьяне присоединились к толпам грабителей, чтоб грабить свою же братью.

Летом сам царь выступил в поход из Новгорода, но вместо того, чтоб идти к Ревелю, направил путь в польскую Ливонию; Ходкевич не решился с малочисленным войском противиться Иоанну и удалился. Город за городом сдавались царю и его воеводам, с одной стороны,

королю Магнусу – с другой. Скоро Магнус стал требовать, что уже время ему, названному королю ливонскому, войти во владение всеми местами, которые заняты были русскими; но до Иоанна доходили уже вести о сношении Магнуса с польским королем и герцогом Курляндским, и потому на требование Магнуса он отвечал: «Хочешь брать у нас города – бери: мы здесь от тебя близко, ты об этих городах не заботься: их и без тебя берегут. Приставов в твои городки, сколько Бог помощи подаст, пошлем, а деньги у нас – сухари, какие случились. Если не захочешь нас слушать, то мы готовы, а тебе от нас нашу отчину отводить не следовало. Если тебе нечем на Кеси жить, то ступай в свою землю за море, а еще лучше сослать тебя в Казань если поедешь за море, то мы свою вотчину, Лифляндскую землю, и без тебя очистим». Велев своим воеводам занять города, которыми овладел Магнус, и приблизившись к Вендену, где находился сам ливонский король, Иоанн приказал ему явиться к себе; Магнус отправил к нему сперва двоих послов, но Иоанн велел их высечь и отослать назад в Венден. Жители этого города умоляли Магнуса, чтоб не раздражал царя дальнейшим бесполезным сопротивлением, ехал бы к нему сам и умолил за себя и за них. Магнус поехал в царский стан, впустивши прежде русских ратных людей в город, но замок не был сдан. Увидавши Иоанна, Магнус бросился перед ним на колени и просил о помиловании. «Если б ты не был королевским сыном, – отвечал ему Иоанн, – то я бы научил тебя, как мне противиться и забирать мои города». Магнуса отдали под стражу. В это время немцы, укрывшиеся в Венденском замке начали стрелять; одно ядро чуть-чуть не задело самого царя; тогда Иоанн поклялся, что не оставит в живых ни одного немца в Вендене. Уже три дня продолжалась осада замка; осажденных видели, что далее защищаться нельзя, и решились взорвать себя на воздух, чтоб не ждать мучительной смерти и не видать, как татары будут бесчестить их жен и дочерей. Духовенство одобрило это решение, и 300 человек, большею частию благородного происхождения, заперлись в комнате, под которую подкатали четыре бочки пороха; приобщившись святых таин, зажгли порох и взлетели на воздух. Жители города испытали то, от чего осажденные в крепости избавились добровольною смертью.

Овладевши еще несколькими местами, Иоанн окончил поход, в Дерпте он простил Магнуса, дал ему несколько городов в Ливонии и право называться королем ее; Магнус отправился в Каркус, Иоанн –

через Псков в Александровскую слободу. Но с отбытием царя дела пошли иначе в Ливонии. Шведы напали на Нарву, поляки явились в южной Ливонии и брали здесь город за городом; Магнус передался полякам. Осенью 1578 года русские воеводы осадили Венден, но после трех неудачных приступов сняли осаду, заслышав о приближении неприятельского войска. Поляки напали на них вместе со шведами; татарская конница не выдержала и обратилась в бегство, русские отступили в свой лагерь и отстреливались там до самой ночи; четверо воевод – князь Иван Голицын, Федор Шереметев, князь Андрей Палецкий и дьяк Андрей Щелкалов, убежали с конницею из стана; но воеводы, которым вверен был наряд, не захотели покинуть его и были захвачены на другое утро неприятелем; пушкари не отдались в плен: видя, что неприятель уже в стане, они повесились на своих орудиях. При этом поражении погибло четверо воевод, четверо было взято в плен; всего, по счету ливонских летописцев, русских погибло 6022 человека из 18000. Следующий, 1579 год долженствовал быть решительным для Ливонии; Иоанн готовился к новому походу; в Псков привезли тяжелый наряд, назначенный для осады Ревеля, но этот наряд получил другое назначение: враг явился на русской почве.

Мы видели, как Стефан Баторий быстрым движением предупредил медленного Максимилиана и короновался в Кракове; Литва, Пруссия, державшиеся Максимилиана, не видя со стороны его ни малейшего движения, должны были признать королем Стефана; упорно стоял за Максимилиана только один Данциг. Жители Данцига объявили, что до тех пор не признают Стефана королем, пока не будут подтверждены их права и пока не будет сделано какого-нибудь соглашения с императором. Известие о смерти последнего привело их в большое затруднение; но, надеясь на проволочки сеймов, они решились продолжать борьбу; стали нападать на смежные с их городом шляхетские земли, разорять католические церкви. Дело могло быть решено только оружием, и Баторий осадил Данциг. Волнения противной стороны, неприятности на сейме, наконец, осада Данцига заставляли Батория до времени не разрываться с Москвою. В июле 1576 года он отправил к Иоанну послов Груденского и Буховецкого с предложением не нарушать перемирия и прислать опасную грамоту на великих послов; о том же писали и паны радные к боярам. Бояре отвечали панам: «Мы удивились, что государь ваш не называет

нашего государя царем и великим князем смоленским и полоцким и отчину нашего государя, землю Лифляндскую, написал в своем титуле. Государь ваш пришел на королевство Польское с небольшого места, с воеводства Седмиградского, которое подчинено было Венгерскому государству; а нашего государя все его братья, великие господа, главные на своих королевствах, называют царем. Вам бы, паны, пригоже было советовать Стефану-королю, чтоб вперед таких дел не начинал, которые к разлитию христианской крови приводят». Послов не позвали обедать за то, что они не объявили о родстве Батория, но опасную грамоту на великих послов дали. Узнавши о походе Иоанна в Ливонию в 1577 году, о взятии там городов у поляков, Баторий писал Иоанну с упреком, что, пославши опасную грамоту и не объявивши войны, забирает у него города. Иоанн отвечал: «Мы с Божиею волею отчину свою, Лифляндскую землю, очистили, и ты бы свою досаду отложил. Тебе было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с Седмиградского княжества на Корону Польскую и на Великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю. От нашего похода в Лифляндскую землю наша опасная грамота не порушилась; неприязни мы тебе никакой не оказали, искали мы своего, а не твоего, Литовского Великого княжества и литовских людей ничем не зацепили. Так ты бы кручину и досаду отложил и послов своих отправлял к нам не мешкая». Эти послы – воевода мазовецкий Станислав Крыйский и воевода минский Николай Сапега – приехали в Москву в январе 1578 года. Начали говорить о вечном мире; но с обеих сторон предложили такие условия, которые давно уже делали вечный мир невозможным: кроме Ливонии, Курляндии и Полоцка царь требовал Киева, Канева, Витебска и в оправдание своих требований вывел родословную литовских князей от полоцких Рогволодовичей. «Эти князья, – говорил он, – были славные великие государи, наши братья, во всей вселенной ведомые, и по родству нам братья, поэтому Корона Польская и Великое княжество Литовское – наши вотчины. Князья и короли польские были в равенстве, в дружбе и любви с князьями галицкими и другими в той украине, о Седмиградском же государстве нигде не слышали; и государю вашему, Стефану, в равном братстве с нами быть непригоже, а захочет с нами братства и любви, так он бы нам почет оказал». Послы оскорбились и указывали на царя Давида, избранного из низкого

звания; Иоанн велел отвечать им на это: «Давида-царя Бог избрал, а не люди; слышите Соломона, духом святым глаголющего: «Горе дому, им же жена обладает, и горе граду, им же мнози обладают». В том ваша воля: мятежом человеческим хотя бы кого и хуже родом выбрали – то вам государь; а нам с кем пригоже быть в братстве, тот нам и брат, а с кем непригоже, тот нам и не брат. Вы говорите, что мы вашего государя укоряем, но мы его не укоряем, пишем про него правду; можно было бы нам про него и хуже писать, да не хотим для христианства».

*«Правдивые и ужасные известия о жестоком враге московите».
Гравюра на титульном листе информационной листовки г. Аугсбурга.
1563 г.*

*Взятие Полоцка войсками Стефана Батория 30 августа 1579 г.
Гравюра из хроники А. Гваньини. 1580-е гг.*

Согласились продолжить перемирие еще на три года от 25 марта 1578; в грамоте, написанной от имени царя, внесено было условие: «Тебе, соседу нашему, Стефану королю в нашей отчине, Лифляндской и Курляндской земле, в наши города, мызы, пристанища морские, острова и во всякие угодыя не вступаться, не воевать, городов не заседать, новых городов не ставить, из Лифляндии и Курляндии людей и городов к себе не принимать до перемирного срока». Но в польской грамоте, написанной послами от имени Стефана, этого условия не было. Московские послы Карпов и Головин поехали к Стефану, чтоб присутствовать при его присяге в сохранении перемирия: но Баторий уже не хотел мириться. В феврале 1578 года созван был сейм в Варшаве, где рассуждали, с которым из двух неприятелей должно начать сперва войну — с ханом крымским или царем московским? Татары во время похода под Данциг нападали на польские границы: следовало бы им отомстить; но какой добычи можно надеяться от

народа бедного, кочевого? Притом надобно бояться, чтоб война татарская не возбудила турок против Польши, ибо хан – подручник турецкий. Силы московские огромны, но чем могущественнее неприятель, тем славнее победа над ним, а наградой будет Ливония – край богатый и по приморскому положению своему могущий принести большие выгоды. Положено было вести войну наступательную; вычислено, сколько нужна войска для нее, сколько денег для войска, назначены поборы. Для всех этих приготовлений нужно было время, а потому Баторий в марте 1578 года писал царю, чтоб тот не предпринимал военных действий в Ливонии до возвращения послов своих из Литвы, с которыми паны будут вести переговоры об этой стране. Царь почти целый год держал гонца Баториева и медлил ответом, дожидаясь следствий похода воевод своих в Ливонию; Баторий поступал таким же образом с послами московскими: их задерживали на дороге, спорили о титуле государей, наконец представили королю в Кракове; принимая их, Баторий не хотел, вставши, спросить о здоровье царя, как водилось прежде; послы, видя нарушение старого обычая, не хотели править посольство; тогда Волович, подканцлер литовский, сказал, им: «Пришли вы не с обычаем к обычаю; вашего приказа здесь не будут слушать; как здесь вам скажут, так и делайте; если за вами есть дело, то ступайте к руке королевской и правьте посольство, а государь наш, Стефан-король, не встанет, потому что ваш государь против его поклона не встал». Послы отвечали, что король царю не ровня, да и потому еще царь не встал, что тогда неизвестно было, чего хочет король, мира или войны, а теперь заключено перемирие. Им отвечали, что они могут ехать назад; послы уехали назад ни с чем и были еще задержаны в Литве.

Иоанн, обеспокоенный дурным оборотом своих дел в Ливонии и задержкою послов в Литве, писал к Стефану: «Ты, сосед наш, мимо прежнего обычая послов наших задержал; дело, которое по договору послов твоих крестным целованием утверждено, до сих пор еще не довершено. А послам нашим с твоими панами о Лифляндской земле говорить нечего, потому что с ними об этом наказа нет; то дело особенное, а ты для него шли к нам своих великих послов немедленно». Между тем еще в декабре 1578 года царь приговорил с боярами, как ему, прося у Бога милости, идти на Немецкую и Литовскую землю; распорядив полки, он в июле 1579 года выехал в

Новгород, куда явились к нему послы Карпов и Головин с известием, что Баторий идет к московским границам. Вместе с этим они доносили, что из литовской шляхты идут с Баторием немногие охочие люди, которые захотели идти на своих грошах, а которые не захотели, те нейдут; из польских панов и шляхты никто нейдет, кроме наемных людей. Говорил король панам и шляхте, чтоб шли с ним всею землею к Смоленску или Полоцку; но паны радные королю отговаривают, чтоб к Полоцку и Смоленску не ходил, а стоял бы за Ливонию; король говорил им, чтоб шли с ним всею землею в Ливонию достигать тех городов, которые Москва захватила, но паны ему отговаривают, чтоб он сам и в Ливонию не ходил, а послал бы наемных людей; паны большие людей королю посулили, а шляхта людей дать не хочет, говорит: ведь с нас деньги на наемных людей уже взяты! Паны, желая потешить короля, начали уговаривать шляхту, чтоб шла с ним в Ливонию; но немного нашлось охотников и до сих пор у короля еще не улажено, куда ему идти.

Донесения послов были справедливы: Баторий находился в незавидном положении пред началом московской войны. Отвращение к войне уже давно овладело поляками и литовцами; частные выгоды преобладали над общим делом: литовцы боялись подвергнуть опасности свои пределы и требовали, чтоб король перенес войну в Ливонию. Но величие Батория оказалось именно в том, что он успел преодолеть все эти препятствия. Как полководец Баторий в Восточной Европе произвел тот переворот в способе ведения войны, какой уже давно произведен был на Западе. Войско в Восточной Европе сохраняло еще прежний, средневековый, или, лучше сказать, азиатский, характер: в нем преобладала конница, тогда как на Западе этот характер уже изменился: здесь конница, видимо, уступала первое место пехоте, здесь государи давно уже убедились в необходимости иметь под руками постоянное войско, состоявшее первоначально из наемных ратников. Мы видели характер наших войн не только до Иоанна III, но при нем, при сыне и внуке его войн с Литвою: ратные толпы входили в неприятельскую землю, страшно опустошали ее, редко брали города и возвращались назад, хвалясь тем, что пришли поздорову с большою добычею; литовцы платили тем же; но движения с их стороны были слабее вследствие указанных уже прежде причин, и потому Москва выходила постоянно с выгодами из войн с Литвою. Несмотря, однако,

на это, даже и в войсках литовских, или, лучше сказать, между вождями литовскими, легко было заметить большую степень военного искусства, чем в войсках или воеводах московских: во всех почти значительных столкновениях с западными неприятелями в чистом поле московские войска терпели поражение. Неприятели Московского государства понимали это очень хорошо и потому старались всеми силами не допускать в него искусства, при котором оно было бы непобедимо, не пропускать в него искусных ратных людей, мастеров, не пропускать снарядов военных. И в Москве понимали это также очень хорошо; отсюда осторожность московских воевод, нежелание вступать в битвы с войсками, на стороне которых виделось большее искусство; мы должны отдать честь московским воеводам за то, что они не полагались на многочисленность своих войск, сознавая превосходство качества над количеством, превосходство искусства над материальною силою. Понимал это очень хорошо, если не лучше всех, сам царь Иоанн — отсюда господствующее, неодолимое в нем желание овладеть Ливониею, овладеть путями, ведущими к образованным народам; отсюда желание иметь в своей службе искусных в ратном деле иностранцев; отсюда домогательство, чтоб шведский король прислал ему отряд ратных людей, обученных, вооруженных по-европейски; отсюда осторожность, уклончивость, робость, происходившие в нем от отсутствия надежды на успех без особенных счастливых обстоятельств, в соединении с родовыми, от предков заимствованными осторожностью и уклончивостью. И вот в это-то время, когда московское правительство так мало надеялось на успех в решительной войне с искусным, деятельным полководцем, на престоле Польши и Литвы явился государь энергический, славолюбивый, полководец искусный, понявший, какими средствами он может победить соперника, располагавшего одними материальными средствами. Средства Батория были: искусная, закалившаяся в боях наемная пехота, венгерская и немецкая, исправная артиллерия, быстрое наступательное движение, которое давало ему огромное преимущество над врагом, принужденным растянуть свои полки по границам, над врагом, не знающим, откуда ждать нападения. Вот главные причины успеха Баториева, причины недеятельности московских воевод, робости Иоанна. Мы не можем согласиться с Курбским и писателями, слепо ему следовавшими, что причина неуспеха заключалась исключительно в

поведении Иоанна, истребившего храбрых, искусных воевод своих, ибо странно было бы говорить об искусстве воевод московских, назначавшихся не по военным способностям, а по месту, которое они занимали в Думе. Князь Петр Шуйский считался знаменитым воеводою, но что он сделал в битве при Уле (второй Оршинской)? Отец Иоаннов не истреблял воевод своих, но как вели они себя при наступательном движении Сигизмунда I, которое окончилось первою Оршинскою битвою? Видим то же отступление, ту же страшную неудачу, как и в войне с Баторием; разница только в том, что Сигизмунд с князем Острожским не имели средств воспользоваться своим успехом, какие приготовил себе Баторий с Замойским. Наконец, мы привыкли думать, что Иоанн располагал громадными войсками, которые, однако, вследствие робости его оставались в бездействии; но о числе войск московских во время войны с Баторием мы не имеем достоверных показаний, на свидетельство же псковского летописца в этом отношении менее всего можно полагаться. Приготовившись к войне, Баторий в июне 1579 года отправил в Москву гонца с ее объявлением; причиною разрыва выставлял он вступление Иоанна в Ливонию, несмотря на перемирие с Литвою. В июле, собравши войско под Свирем, король держал совет, в какую сторону лучше предпринять поход. Литовские паны по-прежнему советовали идти через Ливонию ко Пскову, потому что взятие этого богатого города может вознаградить войско за труды, а взять его нетрудно, потому что по отдаленности от театра войны им мало занимались в последнее время. Но король был противного мнения: так как, говорил он, война предпринимается для освобождения Ливонии, то странно было бы перенести войну в край, и без того уже опустошенный; притом Ливония усеяна городами и замками, осада которых повела бы к большому замедлению; наконец, переведши все войска в Ливонию, надобно было бы оставить Литву без прикрытия. Можно не чрез Ливонию, а чрез неприятельскую землю пуститься ко Пскову, но тогда в тылу останется много неприятельских крепостей и, углубившись так далеко в неприятельскую землю, трудно было бы возвратиться, трудно было бы получить подкрепления. Лучше всего взять прежде Полоцк: чрез это обеспечится и Ливония, и Литва, от которой войско не удалится, потому что Полоцк служит одинаково ключом к этим обеим странам; кроме того, взятием Полоцка обеспечится судоходство по Двине, важное для Литвы и Ливонии,

особенно для города Риги. Иоанн не знал об этом мнении Батория, думал, что война, предпринятая за Ливонию, будет введена в Ливонии, знал, что таково мнение большинства в Польше и Литве, и потому отправил большое войско за Двину в Курляндию; войско это ограничилось, по обычаю, опустошением страны и должно было скоро вернуться назад, ибо неприятель явился там, где его не ждали: в начале августа Баторий осадил Полоцк. Осажденные воеводы, князь Василий Телятевский, Петр Волынский, князь Дмитрий Щербатый и дьяк Ржевский, держались в дубовой крепости более трех недель с необыкновенным мужеством; жители, старики и женщины, бросались всюду, где вспыхивал пожар, и тушили его, на веревках спускались со стен, брали воду и подавали в крепость для гашения огня; множество при этом падало их от неприятельских выстрелов, но на место убитых сейчас же являлись новые работники. Нелегко было и осаждающим: с большим трудом могли они добывать съестные припасы в стране малолюдной, лесистой и притом еще опустошенной недавнею войною. Царь, узнавши об осаде Полоцка, двинул туда передовые отряды под начальством окольных Бориса Шеина и Федора Шереметева; но эти воеводы, увидав, что все дороги к Полоцку загорожены войсками Батория, заняли крепость Сокол и отсюда препятствовали подвозу съестных припасов к осаждающим. Кроме того, погода стояла дождливая, дороги испортились, обозные лошади падали, ратники не могли найти сухого места под шатрами; особенно страдали немцы, привыкшие вести войну в странах богатых, густо населенных; в противоположность им венгры отличались терпеливостью и неутомимостью.

*Неизвестный художник. Осада Пскова Стефаном Баторием.
Конец XIX в.*

В таких затруднительных обстоятельствах король созвал военный совет; большая часть воевод была того мнения, что надобно идти на

приступ, но король не согласился. Обещанием больших наград он уговорил венгров подобраться к стенам крепости и зажечь их со всех сторон. Выбравши ясный день, 29 августа, венгры бросились к стенам и зажгли их; пламя быстро распространилось, и осажденные не могли потушить пожара в продолжение целого дня; а между тем король с большею частью войска стоял на дороге к Соколу, боясь, чтоб тамошние воеводы, увидя зарево, не явились на помощь к Полоцку. Помощь, однако, не приходила, и осажденные начали думать о сдаче; десятеро русских спустились со стен к осаждающим для переговоров, но венгры умертвили их: они не хотели допускать до переговоров, хотели взять город приступом, ибо в таком случае они получили бы право разграбить его. С этою целию венгры без приказа королевского кинулись в город сквозь пылавшие стены, за ними – польская пехота; но осажденные уже успели выкопать ров в том месте, где прогорела стена, встретили нападающих залпом из пушек и прогнали их. На другой день пожар и напор осаждающих возобновились; тогда стрельцы с воеводою Волынским выслали переговорщиков, и город был сдан с условием свободного выхода всем ратным людям. Но владыка Киприан и другие воеводы, кроме Волынского, никак не хотели соглашаться на сдачу; они уже давно замыслили взорвать крепость, но не были допускаемы до этого ратными людьми, и, когда последние уже сдали город, владыка и воеводы заперлись в церкви св. Софии и объявили, что только силою можно будет их взять оттуда, что и было исполнено со стороны неприятеля. Добыча, найденная в Полоцке, обманула ожидание осаждающих; самую драгоценную ее часть составляла библиотека, содержащая в себе много летописей и творений святых отцов греческих в славянском переводе, – все это погибло. Те из русских, которые решились переселиться в Литву, были не очень щедро награждены Баторием; до нас дошла грамота его к дворному конюшему литовскому такого содержания: «Многие стрельцы и другие люди московские после взятия Полоцка и прочих крепостей русских поддались нам, и мы их наделили пустыми участками земли в старостве Гродненском, но им нечем обрабатывать этих участков. Так приказываем тебе взять у подданных наших в Литве кляч самых негодных и мелких штук с полтора ста и поделить их между этими москвичами».

25 сентября был зажжен и взят Сокол с страшною резнею: старый полковник Вейер, служивший у Батория, говорил, что бывал на многих битвах, но нигде не видал такого множества трупов, лежавших на одном месте. Взято было и несколько других близлежащих крепостей; с другой стороны князь Константин Острожский опустошил область Северскую до Стародуба и Почепа, а староста оршанский Кмита – Смоленскую; шведы опустошали Карелию и землю Ижорскую, осаждали Нарву, но были от нее прогнаны.

Поход 1579 года был кончен Баторием; он возвратился в Вильну. Еще в половине сентября он отправил к царю грамоту, в которой писал, что по восшествии на престол главным старанием его было сохранить мир со всеми соседями и везде он успел в этом; один только царь прислал ему гордую грамоту, в которой требовал Ливонии и Курляндии. «Так как нам не годилось, – заключает король, – исполнить это требование, то мы сели на коня и пошли под отчинный наш город Полоцк, который Господь Бог нам и возвратил: следовательно, кровь христианская проливается от тебя». Иоанн отвечал: «Другие господа, твои соседи, согласились с тобою жить в мире, потому что им так годилось; а нам как было пригоже, так мы с тобою и сделали; тебе это не полюбилось; а гордым обычаем грамоты мы к тебе не писывали и не дельвали ничего. О Лифляндской же земле и о том, что ты взял Полоцк, теперь говорить нечего; а захочешь узнать наш ответ, то для христианского покоя присылай к нам послов великих, которые бы доброе дело между нами попригожу постановить могли. Мы с тобою хотим доброй приязни и братства и по всем своим границам запретили вести войну; распорядись и ты также по всем своим границам, пока послы великие между нами братство и добрую приязнь поставят». Царь по требованию Батория отпустил гонца его, Лопатинского, который был задержан за то, что привез объявление войны. С Лопатинским отправлен был особый гонец, который должен был требовать освобождения пленных на размен и на выкуп. Это было в январе 1580 года; в марте Стефан отвечал: «Мы к тебе послов своих посылали, но ты отправил их с необычным и к доброй приязни непригожим постановлением; а твои послы, бывшие у нас, ничего доброго не постановили: так после этого теперь нам посылать к тебе послов своих непригоже; присылай ты своих к нам, и присылай немедленно. А что пишешь об освобождении пленных, то сам рассуди, приличное ли

теперь к тому время? А нужды им у нас никакой нет». Паны прислали боярам опасную грамоту на московских послов. Царь приговорил послать от бояр к панам с ответом, что они прислали опасную грамоту не по-пригожу, мимо прежнего обычая; пусть лучше наводят государя своего на то, чтоб отправлял своих послов в Москву немедленно. Иоанн отправил ответ свой Баторию с дворянином Нащокиным. «Мы послов твоих, – писал царь, – приняли и отпустили по прежним обычаям, по неволе они ничего не делали, бесчестья и нужды им никакой не было. А наши послы у тебя ничего не постановили потому, что ты не хотел подтвердить постановленного твоими послами у нас, вставил новое дело, наших послов обесчестил, принял их не по прежним обычаям и без дела к нам отослал; а потом прислал к нам гонца Лопатинского с грамотою, и какие речи написал ты в этой грамоте – сам знаешь. Если нам теперь все эти дела между собою поминать, то никогда христианство покоя не получит, так лучше нам позабыть те слова, которые прошли между нами в кручине и в гневе; ты бы, как государь христианский, дело гневное оставил, а пожелал бы с нами братской приязни и любви; а мы с своей стороны все дела гневные оставили, и ты бы» по обычаю отправил к нам своих послов». В случае нужды Нащокин должен был согласиться на отправление царских послов в Литву; касательно поведения своего московские гонцы получали в это время такой наказ: «Будет в чем нужда, то они должны приставам говорить об этом слегка, а не браниться и не грозить; если позволят покупать съестные припасы то покупать, а не позволят – терпеть; если король о царском здоровье не спросит и против царского поклона не встанет, то пропустить это без внимания, ничего не говорить; если станут бесчестить, теснить, досаждать, бранить, то жаловаться на это приставу слегка, а прытко об этом не говорить, терпеть».

Баторий отвечал что он уже садится на коня и выступает с войсками своими туда, куда Господь Бог укажет дорогу; впрочем, будет ждать московских послов пять недель, считая от 14 июня. Иоанн отвечал на это, что уже назначил послов – стольника князя Ивана Сицкого-Ярославского и думного дворянина Романа Пивова, но что в такой короткий срок, как назначил король, им не успеть и на границы, не только в Вильну. Баторий отвечал, что все эти отсрочки ведут только к упущению удобного времени для войны, что он выступает в поход, но что выступление нисколько не препятствует московским послам

приехать к нему для переговоров туда, где он будет находиться с войском. Ясно было, что Баторий пересылался с царем только для того, чтоб выиграть время, чтоб собраться с силами, достаточными для успешного похода. Для этого ему нужен был почти целый год: вместо благодарности многие встретили его с упреками, упреки эти были опровергнуты на сейме благодаря искусству и красноречию знаменитого канцлера Замоиского; но нельзя было скоро действовать при недостатке денег, при медленности, с какою собирались войска. Деньги король кое-как собрал, пожертвовал свои, занял у частных людей, причем также много помог ему Замоиский; брат Батория, князь седмиградский, прислал опять значительный отряд венгров; но все еще было мало пехоты; шляхта никак не хотела служить в ней; надобно было набирать ее из городских жителей, но последние были непривычны к военной службе. Придумали средство составить пехоту из людей крепких, способных к перенесению трудов и лишений: положили в королевских имениях из 20 крестьян выбирать одного, которого по выслуге срочного времени освобождать самого и все потомство от всех крестьянских повинностей. В Москве также не теряли времени, собирали деньги и войско, но здесь не было искусных в военном деле иностранных дружин, здесь не было полководцев, которые бы могли равняться с Баторием. Не зная ничего о намерениях последнего, Иоанн должен был опять растянуть свои войска, послать полки и к Новгороду, и к Пскову, к Кокенгаузену и к Смоленску; сильные полки должны были оставаться также на южных границах, где мог явиться хан; на северо-западе надобно было отбиваться от шведов. При отправлении к литовским границам крещеного татарского царевича, великого князя Симеона Бекбулатовича и боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского в разряде читаем: «То дело государь положил на Боге, на великом князе Симеоне и боярине И. Ф. Мстиславском с товарищами: как их Бог вразумит и как будет пригоже государева и земского дела беречь и делать». По монастырям отправлены были грамоты: «Здесь на нас идет недруг наш, литовский король, со многими силами; мы к нему посылали о мире с покорением, но он с нами мириться не хочет и на нашу землю идет ратью. И вы б пожаловали, молили Господа Бога и Пречистую Богородицу и всех святых, чтоб Господь Бог отвратил праведный свой гнев и православного христианства державу сохранил мирну и целу,

недвижиму и непоколебиму, а православному бы христианству победы дал на всех видимых и невидимых врагов».

Баторий решил двинуться к Великим Лукам, но, чтобы скрыть это от неприятеля, приказал войску собраться под Часниками; место это находится в равном расстоянии и от Великих Лук, и от Смоленска, вследствие чего до последней минуты оставалось неизвестным, к которому из этих городов король направит путь. Он выступил к Великим Лукам с 50000 войска, в числе которого находилось 21000 пехоты. Деревянная крепость Велиж была зажжена калеными ядрами и сдалась, Усвят последовал ее примеру. Баторий стоял уже у Великих Лук, как явились к нему в стан послы московские – князь Сицкий и Пивов; от самой границы их уже встречали неприятностями, дерзостями: посланный к ним навстречу на рубеж от оршанского воеводы Филона Кмиты назвал последнего воеводою смоленским; послы сказали на это: «Филон затевает нелепость, называя себя воеводою смоленским; он еще не тот Филон, который был у Александра Македонского; Смоленск – вотчина государя нашего; у государя нашего Фионов много по острожным воротам». Когда послы поехали к королю в стан, то гайдуки начали стрелять из ручниц возле лошадей посольских, и пыжи падали на послов. Король, принимая их, против государева имени и поклона не встал, шапки не снял, о здоровье государевом не спросил. Послы требовали, чтоб Баторий снял осаду Лук, и тогда они станут править ему посольство, ибо им наказано править посольство в земле королевской, а не под государевыми городами. На это им паны отвечали: «Ступайте на подворье!»; виленский воевода говорил им вслед: «Ступайте на подворье! Пришли с бездельем, с бездельем и пойдете». Послы просили, чтоб король отошел по крайней мере от Лук на то время, когда они станут править посольство, – не согласились; просили, чтоб не велел в это время промышлять над городом, – не согласились и на это; послы начали править посольство, уступали королю Полоцк, Курляндию, 24 города в Ливонии, но король требовал всей Ливонии, Великих Лук, Смоленска, Пскова, Новгорода. Послы просили позволения отправить гонца в Москву за новым наказом; гонец был отправлен, но Баторий не дожидался его возвращения: после долгих стараний Замойскому удалось, наконец, зажечь крепость; осажденные начали переговоры о сдаче, но венгры, боясь лишиться добычи,

самовольно ворвались в город и начали резать всех, кто ни попадался. Поляки последовали их примеру; Замойскому удалось спасти только двоих воевод. Князь Збаражский с польскою, венгерскою и немецкою конницею разбил князя Хилкова под Торопцом; Невель, как скоро был зажжен, сдался; Озерище сдалось еще прежде пожара; крепкое Заволочье отбило первый приступ, но потом также принуждено было поддаться Замойскому. Не так счастлив был оршанский воевода Филон Кмита: с 9000 литвы он подошел к Смоленску, с тем чтоб сжечь посады; но в деревне Настасьине пришли на него царские воеводы, Иван Михайлович Бутурлин с товарищами, и сбили с станов; Кмита вечером стал в крепком месте в обозе, а ночью ушел из него; Бутурлин на другой день погнался за неприятелем, настиг его в 40 верстах от Смоленска, на Спасских лугах, и разбил, взял знамена, шатры, 10 пушек, 50 затинных пищалей и 370 пленных. Баторий взятием Лук кончил свой поход 1580 года. В феврале 1581 года литовцы пришли ночью к Холму, взяли его и оставили за собою, выжгли Старую Русу, в Ливонии взяли замок Шмильтен и вместе с Магнусом опустошили Дерптскую область до Нейгаузена, до границ русских. С другой стороны, шведский полководец Понтус Делагарди вошел в Карелию, в ноябре 1580 взял Кексгольм, причем, по известиям ливонских летописцев, было истреблено 2000 русских. В Эстонии шведы осадили Падис (в 6 милях от Ревеля); осажденные под начальством воеводы Чихачева терпели страшный голод, 13 недель не отведали хлеба, переели всех лошадей, собак, кошек, сено, солому, кожи, некоторые тайно отведали, как пишут, и человеческого мяса; наконец в декабре неприятель взял город вторым приступом. В начале 1581 года Делагарди оставил Карелию и неожиданно явился в Ливонии под Везенбергом, который после сильного обстреливания сдался в марте под условием свободного выхода осажденным. В том же месяце московские воеводы, по старому обычаю, ходили из Можайска опустошать литовские земли, были у Дубровны, Орши, Могилева, под Шкловым, имели удачную битву с литовскими войсками и возвратились благополучно в Смоленск.

К. Брюллов. Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием. 1843 г. Фрагмент

А между тем Баторий хлопотал о третьем походе, занял деньги у герцога прусского, курфюрстов саксонского и бранденбургского. На сейме, собранном в феврале 1581 года, объявил, что мало радоваться успехам военным, надобно пользоваться ими; если не желают или не

надеются покорения целого Московского государства, то по крайней мере не должны полагать оружия до тех пор, пока не закрепят за собою всей Ливонии. Потом объяснял, как вредно каждый год отрываться от войска и спешить на сейм для вытребования денежных поборов, что запоздалое собиране денег заставляет терять самое удобное для военных действий время, что единственное средство для избежания этих невыгод – двухлетний побор. Сейм сначала противился королевскому предложению, потом согласился. Но при конце сейма земские послы просили короля, чтоб следующим, третьим походом постарался окончить войну, ибо шляхта и особенно ее крестьяне совершенно изнурены поборами и далее выносить их не в состоянии. Король отвечал, что он не длит нарочно войны, предпринятой для общего спокойствия и выгоды: неприятель теперь в таком положении, что легко довести его до последней крайности, продля хотя немного войну; что, исполняя желание земли, он не будет препятствовать заключению мира, как скоро принудит неприятеля уступить ему всю Ливонию.

Переговоры о мире продолжались во все это время; Сицкий и Пивов ехали за Баторием от Великих Лук до Варшавы; приставы, державши долго послов, повели их за королем к Полоцку; на дороге литовские люди послов бесчестили, посольских людей били, грабили, корму людского и конского послам не давали. В недостатке корма, впрочем, после пред послами объяснились и извинились, и Баторий старался вознаградить послов за прежние нужды, даря их винами иностранными и медом старым. Но потом опять послы начали терпеть нужду, и пристав на их жалобы отвечал: «Вам все корм давай! Ведь доброму делу не бывать; те гроши, что было вам на корм давать, надобны еще на другие дела». В Варшаве паны радные польские говорили послам великие задорные речи и непригожие слова, а гладко и склонно никто ничего не говорил; послы против их разговоров молчали, а отговаривали им без брани, слегка, по государеву наказу. Послы предлагали заключить перемирие на том условии, что каждому владеть, чем владеет, но паны с этим предложением и к королю не пошли. Царь прислал к королю гонца с требованием опасной грамоты на новых послов. «Этим послам, – писал Иоанн, – мы велели договориться подробно насчет Лифляндской земли, как делу пригоже статья; тогда по договору и людей из Лифляндской земли велим

вывести, а до тех пор ты бы, брат наш, людей не собирал и убытка казне своей не делал». Гонцу было наказано: «Если король о царском здоровье не спросит и против царского поклона не встанет, то об этом ничего не говорить». Послами были отправлены думные дворяне Пушкин и Писемский; им дан был такой наказ: «Послы не должны отдавать верющей грамоты никому, кроме короля; должны требовать, чтоб их непременно представили Баторию, а если станут их укорять, или бесчестить, или бранить, или бить, то на укоризну, бесчестье и брань отвечать слегка, не браниться; против побоев терпеть и стоять накрепко, чтоб их отпустили к королю. Если паны станут говорить, чтоб государя царем не писать, и за этим дело остановится, то послам отвечать: государю нашему царское имя Бог дал, и кто у него отнимет его? Государи наши не со вчерашнего дня государи, извечные государи; а если государь ваш не велел нашего государя царем писать, то государь наш для покоя христианского не велел себя царем писать; все равно, как его ни напиши, во всех землях ведают, какой он государь. Если не захотят писать государя братом королю, то отвечать: государю нашему братья турецкий цезарь и другие великие государи; и то нашему государю не важно, что с вашим государем пишется братом, и если государь ваш этого не хочет, то мы просто напишем без братства, что взяли перемирие государь с государем. А если станут говорить, чтоб в перемирной грамоте написать так от имени короля: учинили мы тебя (царя) в братстве и в дружбе, и в любви, – то и за этим дело не останавливать; если король не согласится писать царя смоленским, то согласиться и на это». Любопытно, что, соглашаясь на все, приказывая послам терпеть все, Иоанн не может отказать себе в удовольствии уколоть Батория, что он со вчерашнего дня государь.

Послы приехали с предложением королю всей Ливонии, за исключением только четырех городов; но король не только по-прежнему требовал всей Ливонии, но прибавил еще новые требования: потребовал уступки Себежа и уплаты 400000 золотых венгерских за военные издержки. Это вывело из терпения Иоанна. Послы отказались продолжать переговоры, просили дозволения послать к своему государю за новым наказом. Есть также известие, что послы дали знать ему о затруднительном положении Батория, который потерял брата, князя седмиградского, и мог быть вовлечен по этому случаю в большие хлопоты. Когда явился гонец Баториев с требованием нового наказа

послам, то царь против королевского имени не встал, о здоровье королевском не спросил, потому что и король этого не делал; гонцу не было поставлено скамьи, поминков у него не взяли, обедать не позвали. Иоанн отправил с гонцом к Стефану грамоту, начинавшуюся такими словами: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, по Божиему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению». Изложивши условия мира, предложенные послам, царь пишет: «Мы такого превозношенья не слыхали нигде и дивимся, что ты мириться хочешь, а паны твои такое безмерье говорят. Они говорили нашим послам, что те приехали торговать Лифляндскою землею: наши послы торгуют Лифляндскою землею, и это нехорошо; а это хорошо, что паны твои нами и нашими государствами играют и в гордости своей хотят того, чему нельзя стать! Когда на вашем государстве были прежние государи христианские, благочестивые, которые о кровопролитии христианском жалели, тогда паны-рада с нашими послами разговорные речи говаривали и многие приговоры дельвали чтоб на обе стороны любо было. Съезжаются, бывало, много раз, и побранятся, и опять помирятся, делают долго, не в один час. А теперь видим и слышим, что в твоей земле христианство умалается, потому твои паны-рада, не жалея христианской крови, делают скоро». Укорив Батория в нарушении перемирия, заключенного его послами в Москве, Иоанн продолжает: «Никогда этого не бывало; и если ты прежних государей польских пишешь предками своими, то зачем по их уложению не ходишь? Ты пришел со многими землями и с нашими изменниками, Курбским, Заболоцким, Тетериным и другими; наши воеводы и люди против тебя худо бились, город Полоцк изменою тебе отдали; а ты, идучи к Полоцку, грамоту писал ко всем нашим людям, чтоб они нам изменяли; надеешься не на воинство – на измену! Мы, не желая чрез крестное целование начинать с тобою войну, сами против тебя не пошли и людей больших не послали, а послали в Сокол немногих людей проведать про тебя. Но твой воевода виленский, пришедши под Сокол со многими людьми, город сжег новым умышленьем, людей побил и мертвыми поругался беззаконно, чего и у неверных не слыхано. Называешься государем христианским, а дела при тебе делаются не по христианскому обычаю. Христианское ли то дело, что твои паны крови христианской не жалеют, а издержек жалеют: если тебе убыток, так ты бы Заволочья не брал, кто тебе об

этом челом бил? Что это за мир: казну у нас взявши, обогатившись, нас изубытчивши, на нашу же казну людей нанявши, землю нашу Лифляндскую взявши, наполнивши ее своими людьми, да немного погодя, собравшись еще сильнее прежнего, нас же воевать и остальное отнять! Ясно, что хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь. Мы бы тебе и всю Лифляндию уступили, да ведь тебя этим не утетишь; и после ты все равно будешь кровь проливать. Вот и теперь у прежних послов просил одного, а у нынешних просишь уже другого, Себежа; дай тебе это, ты станешь просить еще и ни в чем меры себе не поставишь. Мы ищем того, как бы кровь христианскую унять, а ты ищешь того, как бы воевать; так зачем же нам с тобою мириться? И без миру то же самое будет». Послам отправлен был наказ уступить королю завоеванные им русские города, но зато требовать в Ливонии Нарвы, Юрьева и 36 других замков и на таких только условиях заключить перемирие на шесть или на семь лет. Паны возразили, что эти условия новые; послы отвечали, что так как король переменил прежние условия, то и царь сделал то же, что другого им наказа нет, и уехали на свое подворье. Переговоры кончились; Баторий выступил в поход, а к Иоанну послал грамоту, наполненную ругательствами, называл его фараоном московским, волком, вторгнувшимся к овцам, человеком, исполненным яда, ничтожным, грубым. «Для чего ты к нам не приехал с своими войсками, – пишет, между прочим, Баторий, – для чего своих подданных не оборонял? И бедная курица перед ястребом и орлом птенцов своих крыльями покрывает, а ты, орел двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!» Наконец Баторий вызывает Иоанна на поединок. Гонца, привезшего эту грамоту, государь обедать не звал и корму вместо стола дать ему не велел.

Я. Матейко. Баторий под Псковом. 1872 г.

С. Иванов. Поход москвитян в XVI в. 1903 г.

Перед выступлением в поход Баторий созвал военный совет и спрашивал, куда направить путь. Почти все были того мнения, что

надобно идти ко Пскову, ибо овладение этим городом предаст в руки королю всю Ливонию, за которую и ведется, собственно, война. Король и с ним некоторые воеводы были не прочь идти прямо к Новгороду, ибо оттуда приходили вести, что служилые люди готовы отложиться от Иоанна; но с другой стороны, было опасно, идя к Новгороду, оставить за собой такой крепкий город, как Псков, где сосредоточены были почти все силы неприятеля. Это соображение заставило Батория согласиться с большинством и выступить ко Пскову. Каменные стены крепости Острова не устояли против стрельбы, и крепость сдалась. 26 августа польские войска подошли ко Пскову, где начальствовали двое бояр князей Шуйских, Василий Федорович Скопин и Иван Петрович. Псков славился как первая крепость в Московском государстве: в продолжение целых столетий главной заботой псковичей было укрепление своего города, подверженного беспрестанным нападениям немцев; теперь обветшавшие укрепления были возобновлены и город снабжен многочисленным нарядом (артиллериею); войска, по иностранным неприятельским показаниям, было во Пскове до 7000 конницы и до 50000 пехоты, включая сюда тех обывателей, которые несли воинскую службу; число осаждающих простиралось до 100000. Король, обзревши город и узнавши от пленных о его средствах, увидал свою ошибку, увидал, что сведения, полученные им прежде о состоянии Пскова, были неверны. Он увидел прежде всего, что у него мало пехоты, что для приступа надобно было иметь ее втрое более, чем сколько было в самом деле, и пороховых запасов для осады такого города было недостаточно. 1 сентября осаждающие начали свои работы, копали траншеи; 7 сентября открыли пальбу, 8 – проббили стену и пошли на приступ, который сначала был удачен: неприятель ворвался в проломы занял две башни – Покровскую и Свиную – и распустил на них свои знамена; осажденные потеряли дух и начали уже отступать, но воевода, князь Иван Петрович Шуйский, второй по месту и первый по мужеству, угрозами, просьбами и слезами успел удержать их с одной стороны, а с другой – сделал то же печерский игумен Тихон, вышедший к ним навстречу с иконами и мощами. Сопrotивление возобновилось с новою силою: осажденные взорвали Свиную башню, занятую поляками, и согнали венгров с Покровской. Приступ был отбит; осажденные потеряли 863 человека убитыми, 1626 человек ранеными; осаждающие же – более 5000 человек убитыми, и в том числе Гавриила

Бекеша, искусного предводителя венгерского. После этого осаждающие долго не могли ничего предпринять, ибо не было пороху; послали за ним к герцогу курляндскому в Ригу. Порох привезли, но попытки овладеть городом остались тщетными: не удалась даже попытка овладеть Печерским монастырем; а между тем начались морозы, войско терпело большую нужду и волновалось, требовало прекращения войны; но снять осаду Пскова и возвратиться на зиму домой значило погубить дело, и Баторий во что бы то ни стало решился оставить войско зимовать под Псковом. Дело было чрезвычайно трудное, но у короля был Замойский. Главною заботою последнего было введение дисциплины в войске, причем самое сильное препятствие встречал он в молодых панах и шляхте, привыкших к своеволию, но Замойский не смотрел ни на что: чем знатнее был преступник, тем, по его мнению, строже должно было быть наказание; пред целым войском выставлял он на позор своевольных шляхтичей, в нужных случаях наказывал телесно, вешал преступников, строго наказывал также женщин, осмеливавшихся пробираться в обоз. Легко понять, какую ненависть возбудил против себя Замойский таким поведением; кричали: «Он с молодых лет знал только, что за книгами сидел, в италийских школах учился, военного дела не смыслит, советует королю упорно держаться под Псковом и этим советом все войско сгубит!» Бессмысленная шляхта укоряла Замойского за ученость, а сам Замойский признавался, что наука сделала его тем, чем он был, повторяя с гордостью: «*Patavium virum me fecit*» (Падуа, т. е. Падуанский университет, сделал меня человеком). Кричали, что Замойский покинет войско под Псковом на жертву голоду и холоду, а сам уедет с королем на сейм под предлогом исполнения канцлерских обязанностей; король уехал, но Замойский остался при войске. Кроме Пскова военные действия происходили на Верхней Волге, в Ливонии, в Новгородской области. К Волге пробрались Христоф Радзивилл, Филон Кмита и Гарабурда, но далеко не пошли, боясь сильных полков царских; важнее были наступательные движения шведов: они взяли Лоде, Фиккель, Леаль, Габзель, Нарву, где пало 7000 русских, Виттенштейн; наконец Делагарди перенес войну и на русскую почву, взял Иван-город, Ям, Копорье. В таком положении находились дела, когда царь решился начать снова мирные переговоры с Баторием, причем посредником явился папский посол, иезуит Антоний Поссевин.

В 1550 году Шлитт, которого Иоанн отправил в Германию для вызова ученых и художников, самовольно возбудил в императоре и папе надежду на присоединение Московского государства к римской церкви, и папа Юлий III назначил было уже посольство к царю с предложением королевского титула, за что царь должен был поклясться в повиновении апостольскому престолу. В 1561 году папа Пий IV предлагал Иоанну отправить послов своих на Тридентский собор. На все эти предложения не обращалось внимания в Москве, но когда Баторий стал грозить опасною войной, то Иоанн отправил к папе Григорию XIII посла с грамотою, в которой жаловался на Батория, посаженника султанова, и объявлял желание быть с папою и императором в любви и согласии на всех недругов. Григорий воспользовался случаем и отправил в Москву иезуита Антония Поссевина, в наказе которому говорилось: «Приобретя расположение и доверенность государя московского, приступайте к делу, внушайте как можно искуснее мысль о необходимости принять католическую религию, признать главою церкви первосвященника римского, признаваемого таковым от всех государей христианских. Наводите царя на мысль, как неприлично такому великому государю признавать митрополита константинопольского, который не есть законный пастырь, но симониан и раб турок; что гораздо лучше и славнее для него будет, если он вместе с другими государями христианскими признает главою церкви первосвященника римского; с этою целию возьмите с собою изложение веры, составленное на Тридентском соборе, в греческом переводе. Внушайте государю, какие великие следствия будет иметь союз христианских государств против турок, внушайте, что на его долю достанется большая часть славы и выгод, что ему, как соседнему и могущественнейшему владетелю, должны будут достаться многие страны турецкие; вы должны узнать подробно о количестве и качестве военных сил московских, сколько пехоты, конницы, с какой стороны государь московский думает лучше напасть на турок, нет ли какого соседнего народа, с которым бы можно было вступить в союз. Но после всех этих разговоров, воспламенивши желания государя к славным подвигам, вы обратитесь опять к главному – к духовному союзу. Если встретите затруднения, не теряйте духа, делайте что можете, употребите все средства, чтоб получить от вашего посольства хотя какой-нибудь плод; вы должны испросить позволение на постройку

одной или нескольких католических церквей в Москве для тех католиков, которые будут приезжать по торговым делам; объясните, что иначе никогда не установятся торговые сношения с католическими народами».

18 августа приехал Поссевин к Иоанну в Старицу. Между прочими дарами папа прислал царю с Антонием книгу о Флорентийском соборе и писал: «Посылаю твоему величеству книгу о Флорентийском соборе печатную; прошу, чтоб ты ее сам читал и своим докторам приказал читать: великую от того Божию милость и мудрость, и разум получишь; а я от тебя только одного хочу, чтоб святая и апостольская церковь с тобою в одной вере была, а все прочее твоему величеству от нас и от всех христианских государей будет готово». Поссевин, заезжавший к Баторию, объявил, что последний не хочет мириться безо всей Ливонии; пересказывал собственные слова Батория. «Если государь московский, – говорил король, – не хочет уступить мне малых городков ливонских, то я пойду к которому-нибудь большому его городу, ко Пскову или к Новгороду, и только возьму один который-нибудь большой город, то все немецкие города будут мои». «И я, – говорил Поссевин, – какие речи у короля слышал, те государю и объявляю, а что государь мне объявит, то я Стефану королю объявлю, а хочу свою душу и голову отдать за государскую милость». Исполняя наказ, Антоний просил, чтоб позволено было построить в Москве католическую церковь для купцов венецианских; говорил о необходимости союза всех христианских государей против турок, но давал знать, что союз этот не может быть крепок, если все государи не будут принадлежать к одному исповеданию. Уговаривая Иоанна к соединению с Римом, Поссевин говорил: «К царствам и богатствам, которых у тебя много, к славе той, которую ты приобрел расширением земли своей, прибавь славу единения с верою апостольскою и тогда великое множество небесного благословения получишь». Царь отвечал: «Мы никогда не желали и не хотим, чтоб кровопролитие в христианстве было; и Божиим милосердием от младенчества нашего чрез много лет кровопролитие в христианстве не велось. Но ненавидящий добра враг с своими сосудами ввел в Литовской земле новую веру, что называется Лютер Мартын; в ваших странах эта вера сильно распространилась; и как это учение утвердилось, так в христианстве и кровопролитие началось, а как и которым обычаем началось и почему между нами и Стефаном королем

недружба стала, мы тебе об этом после скажем; а теперь извещаем тебе, как нам быть в дружбе и в любви с папою и цесарем Рудольфом. Что наивышний папа Григорий хочет между всеми нами, государями христианскими, мирное постановление утвердить, то нам приятно и любительно. Его пресветлейшеству опасную грамоту даем, что послам его к нам приехать и отъехать добровольно. Венецианам в наше государство приезжать вольно с попами и со всякими товарами, а церквам римским в нашем государстве быть непригоже, потому что до нас этого обычая здесь не бывало, и мы хотим по старине держать». Затем Иоанн приступил к главному делу: отпуская Поссевина быть посредником между ним и Баторием, Иоанн объявил ему условия, на которых может помириться с королем: царь уступал последнему 66 городов в Ливонии, кроме того, русские города – Великие Луки, Заволочье, Невель, Велиж, Холм, а за собою оставлял 35 городов ливонских. Объясняя свои права на Ливонию, Иоанн говорил: «Паны радные говорят, что если б Ливония была исстари нашею, то предки наши с нею перемирия не заключали бы: эта земля была особная, а у нас была вотчиною в прикладе, жили в ней все немецкие люди, а писали перемирные грамоты с нашими вотчинами, Новгородом и Псковом, по нашему жалованью. Ты говоришь нам обратить все свои силы на турецкого; но как нам это сделать, пока между нами и Стефаном королем не будет мира? Мы велели послам своим поступаться, но он ни в чем меры не знает. Он просит у нас денег за убытки: он же нас воюет, нам же ему убытки платить; так не ведется и в бусурманских государствах; а кто его заставлял убытчиться? Удивляемся, как это Стефан король делает, что ни в каких государствах не ведется; уцепится за которое дело, да и хочет на своем поставить. Стефан король тебе говорил, что не хочет с нами мириться до тех пор, пока не отдам ему обещанной земли, но этому как статья? Хотя бы ему и уступили Ливонию, но вперед миру не будет же! Тут которому миру быть, что на одну сторону высоко, а на другую низко? Добро то мир, чтоб на обе стороны ровно было. Да и потому нам нельзя уступить королю всей Лифляндской земли: если нам ее всю уступить, то нам не будет ссылки ни с папою, ни с цесарем, ни с какими другими государями италийскими и с поморскими местами, разве только когда король польский захочет пропустить наших послов».

Папа Римский Григорий XIII. Гравюра из собрания библиотеки Смитсоновского института

Касательно соединения с римскою церковию Иоанн отвечал Поссевину: «Мы тебя теперь отпускаем к Стефану королю за важными делами наскоро, а как будешь у нас от короля Стефана, тогда мы тебе

дадим знать о вере». Но для Поссевина самым важным делом было дело о соединении церквей, а потому, получив такой неудовлетворительный для себя ответ, Поссевин не мог быть беспристрастным посредником при мирных переговорах: он видел явную выгоду для римской церкви в том, чтоб вся Ливония была за королем польским, ибо при помощи последнего легко было восстановить здесь падший католицизм. Вот почему главным старанием Поссевина по приезде к королю было убедить Иоанна, что Стефан, несмотря на неудачу под Псковом, решился во что бы то ни стало овладеть этим городом, если царь не поспешит заключить мир с уступкою всей Ливонии. Тогда Иоанн с сыном и боярами приговорил: «Теперь по конечной неволе, смотря по нынешнему времени, что литовский король со многими землями и шведский король стоят заодно, с литовским бы королем помириться на том: ливонские бы города, которые за государем, королю уступить, а Луки Великие и другие города, что король взял, пусть он уступит государю; а помирившись с королем Стефаном, стать на шведского, для чего тех городов, которые шведский взял, а также и Ревель не писать в перемирные грамоты с королем Стефаном». Уполномоченными для ведения переговоров назначены были князь Елецкий и печатник Алферьев; им дан был наказ держаться за Ливонию до последней крайности. Послы должны были заключить перемирие на 12 лет; если же литовские послы никак не согласятся на перемирие, то заключить вечный мир.

В декабре 1581 года в деревне Киверова Гора, в 15 верстах от Запольского Яма, начались мирные переговоры; со стороны короля уполномоченными были Януш Збаражский, князь Альбрехт Радзивилл и секретарь Великого княжества Литовского Гарабурда. Когда московские послы начали требовать части Ливонии, то паны отвечали им: «Что вы ни говорите, а государю нашему без Лифляндской земли не мириться; вы, как видно, присланы говорить, а не делать; мы не хотим торговать Лифляндскою землею; нам государь велел все окончить в три дня, и потому вы с нами говорите раньше, а нам безо всей Лифляндской земли не мириться, ни одной пяди не уступим». Они, пишут послы, хотели разъехаться и прервать переговоры, но Антоний их уговаривал и ворочал не один раз. Заключили перемирие на 10 лет от 6 генваря 1582 года на условиях, на которые, как мы видели, решился царь в совете с сыном и боярами. Сделавши главное дело, стали спорить о титулах и

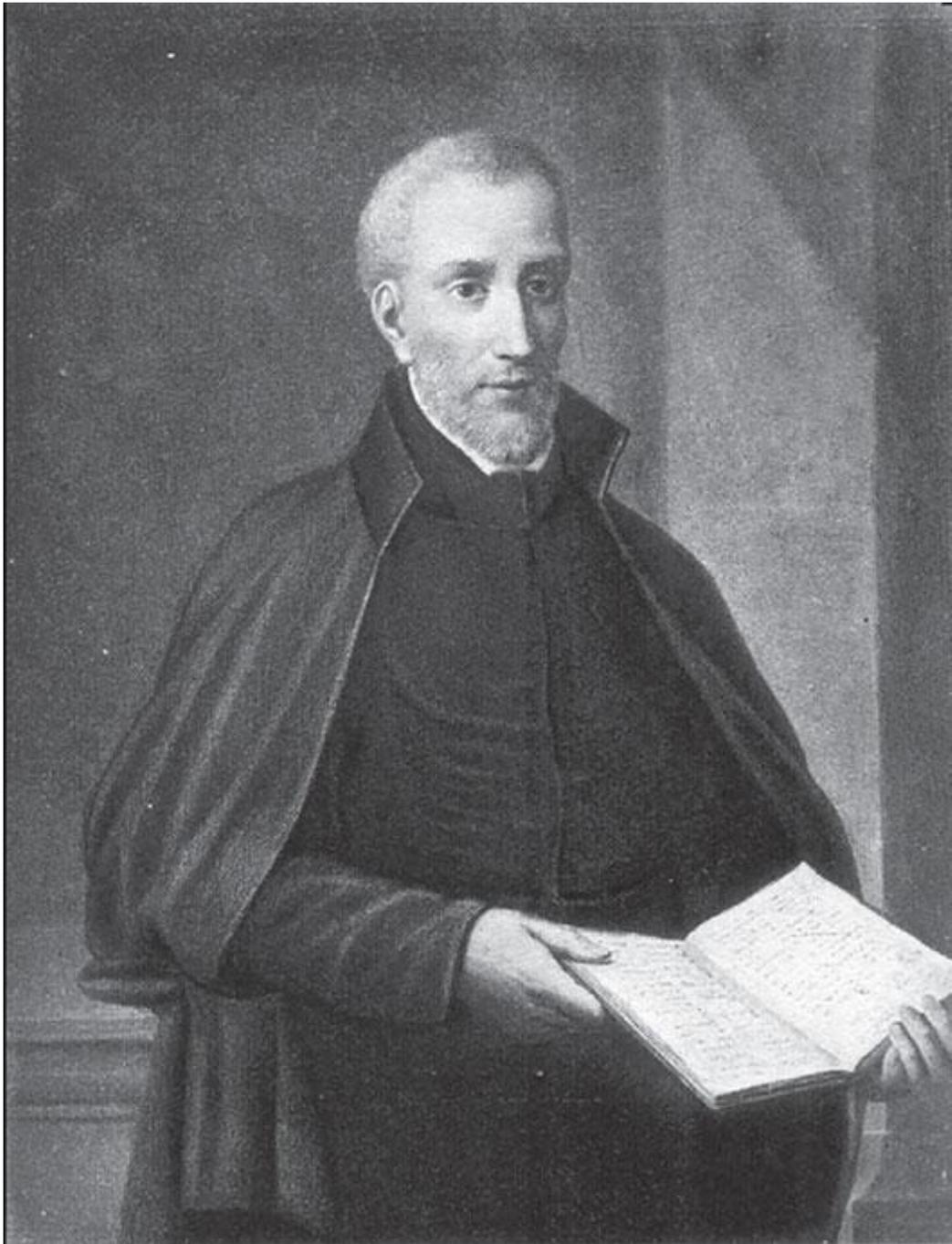
выражениях в договорной грамоте. Московские послы хотели писать своего государя царем; Поссевин возражал, что король не может дать ему этого титула без повеления папы. «Уговорить панов и Антония никак было нельзя, – пишут послы, – Антоний стоит с панами заодно». Вследствие чего положили написать Иоанна царем, государем лифляндским и смоленским только в московской грамоте. В договоре упоминалось о Поссевине как после папы Григория XIII; Поссевин, услышав это, закричал с сердцем: «Государь ваш пишет папу как простого попа, а цесарь и все государи христианские пишут папу наместником Христовым и учителем всего христианства». Когда московские послы хотели написать, что царь уступает королю Курляндию и Ливонию, то Поссевин опять стал кричать: «Вы пришли воровать, а не посольствовать!» У Алферьева вырвал из рук грамоту, кинул ее в двери, князя Елецкого взял за воротник, за шубу, перевернул, пуговицы оборвал и кричал: «Подите от меня из избы вон, я с вами не стану ничего говорить!» После этой сцены послам дали знать, чтоб они собирались домой, что переговоры кончились; тогда они по конечной неволе согласились написать, что царь уступает те города в Ливонии, которые еще за ним, а не те, которые уже завоеваны поляками.

Узнавши о заключении перемирия, царь велел отпустить королевского гонца, который привез упомянутую бранчивую грамоту; сначала было этому гонцу дали ответную грамоту, также бранчивую; но теперь ее у него взяли и дали другую, в которой царь писал: «Прислал ты к нам грамоту и в ней писал многие укорительные и жестокие слова; слова бранные между нами были прежде, а теперь между нами мирное постановление, и нам, государям великим, о таких делах бранных, которые гнев воздвигают, писать непригоже». В июне 1582 года приехали в Москву литовские послы, князь Збаражский с товарищами, для подтверждения перемирного договора и вытребовали новое обязательство, чтоб царь не воевал Эстонии в продолжение десяти лет. Приставам посольским давался такой наказ: «Если послы станут хвалиться, что король у государя много городов взял и королевские люди землю государеву во многих местах воевали, а нигде королю и его людям от государя встречи не было, то отвечать: вы на ту уступчивость не смотрите, сколько городов государь наш уступил Стефану королю в своей вотчине, в Лифляндской земле; вам этим хвастаться нечего, то дело Божие, на одной мере не стоит, а безмерного и гордого Бог

смирят, на смиренного же призывает». Между тем неприязненные действия по границам продолжались: витебский воевода Пац поставил город в Велижской волости, на устье реки Межи, на важном месте, где искони шел водный путь из Смоленска и Белой к Лукам и Торопцу. Царь послал жаловаться на это королю, впрочем, наказал послам: если король захочет разорвать мир из-за Велижской волости, то стоять за нее накрепко, но в конечной неволе уступить всю Велижскую волость в королевскую сторону. Король велел сломать городок, поставленный Пацом, и вообще принимал московских послов очень ласково. Причиной тому были неприятности, встреченные на сейме, враждебные столкновения с Швециею за Эстонию, наконец, угрозы крымского хана и султана, озлобленных нападениями малороссийских козаков. Антоний Поссевин, приехавши в Москву по заключении мира, говорил Иоанну: «Король Стефан велел тебе сказать, что он желает Московской земле прибытка, а не завладеть ею хочет; он хочет, чтоб всяким московским торговым людям был вольный проезд чрез его земли, а литовским людям точно так же во все московские земли, чтоб оба государства всякими прибытками наполнились. Король Стефан хочет идти на Перекопского, чтоб тот вперед христианской крови не разливал; Стефан король пойдет на него с одной стороны, а с другой – пошел бы на него государь московский или рать свою послал. Когда король пойдет сам на Перекопского, то государь прислал бы к нему в обоз человека доброго посмотреть, как он пойдет против Перекопского мстить за кровь христианскую. А что мы теперь с обеих сторон даем Перекопскому деньги, то лучше эти деньги отдать своим людям и защитить христианство от бусурман. Королевским бы людям ходить против Перекопского чрез государеву землю, как по своей земле, а государевым людям ходить чрез королевскую землю, по воде и по суху, как по своей земле, чтобы между государями было все заодно». Иоанн отвечал: «Нам теперь нельзя послать рать свою на Перекопского, потому что наши люди истомились от войны с королем Стефаном, да и потому, что послы наши писали из Крыма о мире, который они заключили с ханом. Мы не знаем еще, на каких условиях заключен этот мир, и если король хочет стоять с нами заодно на бусурман, то он бы приказал об этом с своими послами».

После этого Поссевин стал просить позволения говорить с царем наедине о вере; Иоанн отвечал: «Мы с тобою говорить готовы, только

не наедине: нам без ближних людей в это время как быть? Да и то порассуди: ты по наказу наивышнего папы и своею службою между нами и Стефаном королем мирное постановление заключил, и теперь между нами, дал Бог, христианство в покое. Если мы станем говорить о вере, то каждый по своей вере ревнитель, каждый свою веру будет хвалить, пойдет спор, и мы боимся, чтоб от того вражда не воздвиглась». Антоний настаивал, говорил, что брани быть не может при разговоре о вере: «Ты государь великий, а мне, наименьшему вашему подданному, как бранные слова говорить? папа Григорий XIII, сопрестольник Петра и Павла, хочет с тобою, великим государем, быть в соединении веры, а вера римская с греческою одна. папа хочет, чтоб во всем мире была одна церковь: мы бы ходили в греческую, а славяне греческой веры приходили бы в наши церкви. Если греческие книги не сполна в твоём государстве переведены, то у нас есть подлинные греческие книги, Иоанна Златоустого собственноручные и других великих святителей. Ты будешь с папою, цесарем и другими государями в любви и будешь не только на прародительской вотчине, на Киеве, но и в Цареграде государем будешь; папа, цесарь и все государи о том будут стараться». Иоанн говорил: «Нам с вами не сойтись о вере: наша вера христианская с издавних лет была сама по себе, а римская церковь сама по себе; мы в христианской вере родились и Божию благодатию дошли до совершенного возраста, нам уже пятьдесят лет с годом, нам уже не для чего переменяться и на большое государство хотеть. Мы хотим в будущем принять малое, а в здешнем мире и целой вселенной не хотим, потому что это к греху поползновение; нам, мимо своей веры истинной, христианской, другой веры хотеть нечего. Ты говоришь, что ваша вера римская с греческою одна, но мы держим веру истинную, христианскую, а не греческую; греческая слывет потому, что еще пророк Давид пророчествовал: от Ефиопии предварит рука ее к Богу, а Ефиопия все равно что Византия, Византия же просияла в христианстве, потому и греческая слывет вера; а мы веру истинную, христианскую исповедуем, и с нашею верою христианскою римская вера во многом не сойдется, но мы об этом говорить не хотим, чтоб не было сопротивных слов. Да нам на такое великое дело и дерзнуть нельзя без благословения отца нашего и богомольца митрополита и всего освященного собора. Ты, Антоний, хочешь говорить; но ты затем от папы прислан, и сам ты поп, так ты и смело говоришь».

Неизвестный художник. Антонио Поссевино. 1893 г.

Поссевин продолжал настаивать и уверять, что брани никакой не будет. Иоанн начал опять говорить: «Мы о больших делах говорить с тобою не хотим, чтоб тебе не было досадно; а вот малое дело: у тебя борода подсечена, а бороды подсекать и подбривать не велено не только

попу, но и мирским людям. Ты в римской вере поп, а бороду сечешь; и ты нам скажи, от кого ты это взял, из которого ученья?» Поссевин отвечал, что он бороды не сечет, не бреет. Иоанн продолжал: «Сказывал нам наш паробок, который был послан в Рим, что папу Григория носят на престоле, а на сапоге у папы крест; вот первое, в чем нашей вере христианской с римскою будет разница: в нашей вере крест Христов на врагов победа, чтим его, у нас не водится крест ниже пояса носить». Поссевин отвечал: «Папу достойно величать: он глава христиан, учитель всех государей, сопрестольник апостола Петра, Христова сопрестольника. Вот и ты, государь великий, и прародитель твой был на Киеве великий князь Владимир: и вас, государей, как нам не величать, и не славить, и в ноги не припадать». Тут Поссевин поклонился царю в ноги низко. Но это не произвело благоприятного впечатления; Иоанн отвечал: «Говоришь про Григория папу слова хвастливые, что он сопрестольник Христу и Петру апостолу, говоришь это, мудрствуя о себе, а не по заповедям Господним. Нас пригоже почитать по царскому величеству, а святителям всем, апостольским ученикам, должно смиренье показывать, а не возноситься превыше царей гордостью. папа не Христос; престол, на котором его носят, не облако; те, которые его носят, не ангелы; папе Григорию не следует Христу уподобляться и сопрестольником ему быть, да и Петра-апостола равнять Христу не следует же. Который папа по Христову учению, по преданию апостолов и прежних пап – от Сильвестра до Адриана – ходит, тот папа – сопрестольник этим великим папам и апостолам; а который папа не по Христову учению и не по апостольскому преданию станет жить, тот папа – волк, а не пастырь». Поссевин сказал на это: «Если уже папа – волк, то мне нечего больше говорить» – и замолчал.

Видя неудачу в главном намерении, иезуит хотел по крайней мере достигнуть двух целей, могших, по его мнению, содействовать мало-помалу сближению русских с западною церковью: он настаивал, чтоб католикам позволено было иметь свою церковь в Москве и чтоб царь отпустил несколько молодых русских людей в Рим для изучения латинского языка. Но и этого достигнуть не мог; царь отвечал: «Теперь вскорости таких людей собрать нельзя, которые бы к этому делу были годны; а как, даст Бог, наши приказные люди таких людей наберут, то мы их к папе пришлем. А что ты говорил о венецианах, то им вольно приезжать в наше государство и попам их с ними, только бы они учения

своего между русскими людьми не плодили и костелов не ставили». Посевин выехал из Москвы вместе с царским гонцом; в грамоте, отправленной к папе, Иоанн писал: «Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали; посла твоего, Антония, с великою любовью приняли; мы хотим быть в братстве с тобою, цесарем и с другими христианскими государями, чтоб христианство было освобождено из рук мусульманских и пребывало в покое. Когда ты обошлешься с цесарем и со всеми христианскими государями и когда ваши послы у нас будут, то мы велим своим боярам договор учинить, как пригоже. Прислал ты к нам с Антонием книгу о Флорентийском соборе, и мы ту книгу у посла твоего велели взять; а что ты писал к нам и посол твой устно говорил нам о вере, то мы об этом с Антонием говорили».

Неизвестный художник. Елизавета I, королева английская. Между 1600 и 1602 гг.

Мы видели, что Иоанн решил на боярском совете помириться с Баторием для того, чтоб свободнее можно было наступить на шведа, отнять у него завоеванные им города и Ревель, следовательно, в Эстонии вознаградить себя за потерю Ливонии. Русские войска имели успех в одном деле с шведами, двукратный приступ последних к Орешку был отбит; но когда в начале 1583 года Делагарди

приготовился опять вступить в русские владения, новгородские воеводы предложили ему мир; уполномоченные для переговоров съехались заключили перемирие на три года с условием, чтоб у обоих государств осталось то, чем владели до сих пор; вследствие этого за шведами остались русские города Ям, Иван-город, Копорье. Это поспешное заключение перемирия со шведами объясняют непрочностью перемирия с Польшею и особенно опасным восстанием луговой черемисы в Казанской области. Но, принимая в соображение и эти причины, можно, однако, с достоверностью положить, что главною причиною была потеря в Иоанне надежды получить какой-либо успех в войне с европейскими народами до тех пор, пока русские не сравняются с ними в искусстве ратном.

Что Иоанн не оставлял мысли о возвращении прибалтийских берегов, но был убежден, что достигнуть этого можно было только в союзе с каким-нибудь европейским государством, которое бы снабдило Россию плодами западного искусства, — это всего яснее видно из переговоров Иоанна с Елисаветою, королевою английскою. Еще в 1569 году Иоанн тайным образом, чрез английского агента Дженкинсона, переслал Елисавете следующие предложения: царь требует, чтоб королева была другом его друзей и врагом его врагов, и, наоборот, царь обязывается этим же самым относительно королевы. Англия и Россия должны быть во всех делах заодно. Король польский — недруг царю и королеве: прошлым летом был захвачен лазутчик его с письмами на имя английских купцов в России, где написано: «Я, Сигизмунд, король польский, прошу вас, английских купцов, слуг моих верных, помогать подателю этого письма и оказывать помощь русским моим друзьям как деньгами, так и всякими другими способами». Царь сначала был этим сильно оскорблен, но потом лазутчик признался, что письма были подосланы нарочно для возбуждения негодования царя против англичан и разорвания дружбы между ним и королевою и также для заподозрения сановников царских в измене. Вследствие этого царь просит королеву соединиться с ним заодно против поляков и запретить своему народу торговать с подданными короля польского. Царь просит, чтоб королева позволила приезжать к нему мастеровым, умеющим строить корабли и управлять ими, позволила вывозить из Англии в Россию всякого рода артиллерию и вещи, необходимые для войны. Царь просит убедительно, чтобы между ним и королевою учинено было

клятвенное обещание такого рода: если бы кто-нибудь из них по несчастию принужден был оставить свою землю, то имеет право приехать в сторону другого для спасения своей жизни, будет принят с почетом и может жить там без страха и опасности. Это обязательство должно хранить в величайшей тайне.

Елисавете, разумеется, не было никакой выгоды входить в такой тесный союз с царем и втягиваться в его войны с соседями; она длила время и наконец отвечала уклончиво и неопределенно, что не будет позволять, чтоб какое-нибудь лицо или государь вредили Иоанну или его владениям в той мере, в какой по возможности или справедливости ей можно будет благоразумно этому воспрепятствовать, но против общих врагов обязывалась действовать оборонительно и наступательно. Принятие царя и семейства его в Англии и содержание с почетом было обещано. Иоанн рассердился и велел написать Елисавете грамоту: «Ты то дело отложила на сторону, а делали с нашим послом твои бояре все о торговых делах. И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобой делать. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших государских головах, и о честях, и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая (обыкновенная) девица. И коли уж так, и мы те дела отставим на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашим землям прибыток, а смотрят своих торговых дел, и они посмотрят, как учнут торговати. А Московское государство покамест без английских товаров не скудно было. А грамоту б еси, которую есмь к тебе послали о торговом деле (льготная грамота английским купцам), прислала к нам. Хотя к нам той грамоты и не пришлешь, и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты, которые есмь давали о торговых делах по сей день, не в грамоты».

В угоду «торговым мужикам» Елисавета отправила в Россию любимого Иоанном Дженкинсона с грамотою, в которой писала: «Дженкинсон правдиво расскажет вашему пресветлейшеству, что никакие купцы не управляют у нас государством и нашими делами, а мы сами печемся о ведении дел, как прилично девице и королеве,

поставленной Богом, и что подданные наши оказывают нам такое повиновение, каким не пользуется ни один государь. Чтоб снискать ваше благоволение, подданные наши вывозили в ваше государство всякого рода предметы, каких мы не позволяем вывозить ни к каким другим государям на всем земном шаре. Можем вас уверить, что многие государи писали к нам, прося прекратить с вами дружбу, но никакие письма не могли нас побудить к исполнению их просьбы». Иоанн смягчился, возвратил английским купцам прежние льготы, хотя и не все, но не переставал упрекать Елисавету, что она не хочет заключить с ним союза; выражал неудовольствие и на то, что королева, обещая ему принять его в Англии, не выговаривала для себя такого же приема в России. «А похочешь нашей к себе любви и дружбы большей, – писал ей царь, – и ты б о том себе помыслила и учинила, которым делом тебе к нам любовь своя умножити. А чтоб еси велела к нам своим людем привозити доспеху и ратного оружья, и меди, и олова, и свинцу, и серы горячей на продажу».

Елисавета исполняла последнее желание, присылала и людей, нужных царю. Приславши к нему медика Роберта Якоби, аптекарей и цирюльников, Елисавета в письме своем старалась показать, какое важное пожертвование сделала она этим для царя, писала, что Якоби нужен был ей самой, аптекарей же и цирюльников послала неволею, сама себя ими оскудила. У этого Якоби Иоанн спросил, нет ли в Англии ему невесты, вдовы или девицы. Якоби отвечал, что есть, именно Мария Гастингс, дочь графа Гонтингдона, племянница королеве по матери. Любопытно, что расспросить доктора о девке, как тогда выражались, Иоанн поручил Богдану Бельскому и Афанасию Нагому, брату своей жены. В августе 1582 года отправился в Англию дворянин Федор Писемский с наказом договориться о союзе России с Англиею против Польши и начать дело о сватовстве; он должен был сказать Елисавете от имени Иоанна: «Ты бы, сестра наша любительная, Елисавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Федору показать велела и парсону б ее (портрет) к нам прислала на доске и на бумаге для того: будет она пригодится к нашему государскому чину, то мы с тобою, королевною, то дело станем делать, как будет пригоже». Писемский должен был взять портрет и меру роста, рассмотреть хорошенько, дородна ли невеста, бела или смугла, узнать, каких она лет, как приходится королеве в родстве, кто ее отец, есть ли у нее братья

и сестры. Если скажут, что Иоанн женат, то отвечать: «Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось, и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе; и если королевнина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою отставя, сговорит за королевнину племянницу». Писемский должен был объявить, что Мария должна принять греческую веру, равно как те бояре и боярыни, которые приедут с нею и захотят у государя жить на дворе. Посол должен был объявить также, что наследником государства будет царевич Феодор, а детям, которые родятся от Марии, даны будут уделы, иначе делу статья нельзя.

4 ноября Писемский представился королеве в Виндзоре; когда он отговорил свои речи, то Елисавета с веселою улыбкою отвечала: «Я брата своего и вашего государя братской любви и приязни рада и желаю, чтоб велел Бог мне брата своего, вашего государя, в очи видеть». Посол сказал: «У нашего государя со многими царями и королями ссылка, а ни с одним такой любви нет, как с тобою, ты у него сестра любительная, и любит он тебя не словом, а всею душою, вправду». Елисавета: «Я брату своему на его любви челом бью, рада быть с ним в братской любви и докончании и на всех недругов стоять заодно. Земля ваша Русская и государство Московское по-старому ли, и нет ли в вашем государстве между людьми какого волнения?» Посол: «Земля наша и государство Московское, дал Бог, по-старому, а люди у государя нашего в его твердой руке; в которых людях была шатость, и те, вины своя узнав, били государю челом, просили милости; государь им свою милость показал, и теперь все люди государю служат прямо, а государь их жалует». Потом королева спросила у посла, как ему показалась Английская земля. Писемский отвечал: «Земля Английская очень людна и угожа и всем изобильна».

После первого приема прошло много времени; посол начал скучать. Когда вельможи от имени королевы предложили ему ехать охотиться на заповедные острова, бить оленей, то он отвечал: «На королевнине жалованье много челом бью, а гулять ездить теперь не годится, потому присланы мы от своего государя к королевне по их великим делам; мы у королевны на посольстве были, а государеву делу до сих пор и почину нет. Да нынче же у нас пост, мяса мы не едим, и нам оленина к чему пригодится?» Англичане отвечали: «Мы мясо едим,

а если не поедете с нами на охоту, то королевне будет на вас досадно». Посол поехал на острова. В половине декабря в селе Гриниче Писемский имел первое совещание с английскими министрами, объявил, что король польский, союзник папы и цесаря, враждует с царем, что Иоанн хочет заключить с Елисаветою тесный союз, дабы иметь одних друзей и врагов, помогать друг другу людьми, а где нельзя людьми, то казною; чтоб королева велела пропускать к государю снаряд огнестрельный, доспехи, серу, нефть, медь, олово, свинец, велела пропускать мастеров всяких, ратных и рукодельных людей, а государь за это всякие товары велит пропускать в Англию без вывета. Английские министры соглашались на союз, однако с условием, что прежде объявления войны врагу царскому королева будет стараться помирить его с Иоанном; за это посредничество они требовали исключительной торговли. Писемский отвечал: «Пусть советники королевнины сами рассудят: можно ли Английской земле пробывать с одним русским торгом, а с другими землями не торговать и к себе других купцов не пускать ни с какими товарами? Но если Английской земле с одним русским торгом быть нельзя, то и русским людям об одном английском торгу пробывать нельзя же». Положили для окончательных переговоров отправить с Писемским в Москву посла от королевы.

Смотрини царской невесты послом Ивана Грозного в Англии. Оригинальный рисунок С. Соломко, гравер Ю. Шюблер. Конец XIX в.

После переговоров с министрами Писемский повел дело с королевою о сватовстве. Елисавета отвечала ему: «Любя брата своего, вашего государя, я рада быть с ним в свойстве. Но я слышала, что

государь ваш любит красивых девиц, а моя племянница некрасива, да и больна, лежала в оспе, лицо у нее теперь красное, ямоватое; как она теперь есть, нельзя с нее списывать портрета, хотя давай мне богатства всего света». Писемский согласился ждать несколько месяцев, пока Мария совершенно оправится. Между тем в Англии узнали, что у царя от Марии Нагой родился сын; Писемский послал сказать министрам, чтоб королева таким ссорным речам не верила: лихие люди ссорят, не хотят видеть доброго дела между нею и государем. Наконец в мае месяце 1583 года Писемскому показали невесту в саду, для того чтоб посол мог ее хорошенько разглядеть на открытом месте. Мария Гастингс, доносил Писемский царю, ростом высока, тонка, лицом бела; глаза у нея серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках тонкие и долгие. Увидавши Писемского после смотра, Елисавета опять сказала ему: «Думаю, что государь ваш племянницы моей не полюбит, да и тебе, я думаю, она не понравилась?» Посол отвечал: «Мне показалось, что племянница твоя красива; а ведь дело это становится судом Божиим».

Окончив дела, Писемский отправился в Россию с грамотами от Елисаветы к царю; королева изъявляла желание лично повидаться с Иоанном, писала: «Наша воля и хотенье, чтоб все наши царства и области всегда были для тебя отворены; ты приедешь к своему истинному приятелю и любимой сестре». Вместе с Писемским отправился в Москву английский посол Боус. Последний принял на себя очень трудное и неприятное поручение: он должен был домогаться, чтоб английские купцы получили право исключительной и беспошлинной торговли в России, и в то же время должен был отклонить союз Елисаветы с Иоанном против врагов его, ибо союз этот не приносил никакой пользы Англии, и потом отклонить брак царя на Марии Гастингс, потому что, несмотря на все желание пожилой девушки пристроиться, невеста была напугана известиями о характере жениха. Отсюда понятна неловкость Боуса и раздражительность, происходившая от затруднительности его положения.

В переговорах с боярами Боус объявил, что королева его не прежде может начать войну с врагом царским, как попытавшись помирить его с царем. Бояре отвечали на это: «Это условие как написать в договор? Если обсылатся с недругом, то недруг в это время изготовится: и как его извоевать, если он готов будет?» Боус возражал: «У нас так не

ведется, что не обославшись с недругом, да идти на него ратью». Потом Боус начал требовать исключительной торговли для англичан; бояре отвечали: «Что это за любовь к государю нашему от королевны Елисаветы, что всех государей хочет отогнать от нашей земли и ни одного гостя не хочет пропустить к государю нашему в его землю? От этого будет прибыль только одной королевне, а государю нашему убыток будет». Боус говорил: «Дорогу к Белому морю нашли гости нашей государыни, так они одни пусть и ходят этою дорогою». Бояре донесли о переговорах Иоанну, и тот велел писать в грамоту: Елисавета должна послать к Баторию с требованием, чтоб он помирился с царем, возвратил ему Полоцк и Ливонию, а не отдаст, то пусть Елисавета рать свою на него пошлет. Боус, услышавши об этом условии, сказал: «Это дело новое, мне с ним к королевне ехать нельзя, меня королевна дураком назовет». Царь соглашался, чтоб одни англичане входили в пристани Корельскую, Воргузскую, Мезенскую, Печенгскую и Шумскую, но Пудожерская останется для испанского гостя, Ивана Белоборода, а Кольская – для французских гостей. Посол говорил, что по прежней льготной грамоте одни англичане входили во все северные гавани; ему отвечали, что прежде у Московского государства было морское пристанище – Нарва; но шведы стали этому пристанищу помешку делать и вместе с шведскими пленными при этом пойманы и английские наемные люди, за что первая и вторая льготные грамоты англичанам уничтожены, а дана третья – полегче. Боус говорил, что английские купцы государю служат больше других; бояре отвечали на это, что английские гости начали воровать с недругами государевыми – шведским и датским, ссылались грамотами, также посылают в свою землю грамоты укорительные, будто московские люди ничего хорошего не знают и потому, чтоб присылали из Англии товар худой и гнилой. Сукна англичане вывозят рядовые, которые старых гораздо хуже. Боус отвечал: «Я в сукнах толку не знаю; прежний гость Томас был точно вор; а что вы говорили, что вместе со шведами пойманы были и англичане, то английским воинским людям везде вольно наниматься». Приступили к другим условиям: потерявши прибалтийские области, царь хотел, чтоб иностранные послы ездили к нему чрез Англию, Северный океан и Белое море; Елисавета соглашалась, но требовала, чтоб не проезжали в Россию через Англию папские послы, послы государей католических и тех, которые с нею не в докончании. Иоанн

уступал относительно папских послов, но не хотел уступить относительно всех других; бояре говорили: «Вера дружбе не помеха: вот ваша государыня и не одной веры с нашим государем, а государь наш хочет быть с нею в любви и братстве мимо всех государей».

И. Некрасов. Угощение иностранных послов

Наконец дело дошло до сватовства; на вопрос Иоанна, согласна ли Елисавета выдать за него племянницу, Боус отвечал: «Племянница королевина княжна Марья, по грехам, больна; болезнь в ней великая, да думаю, что и от своей веры она не откажется: вера ведь одна – христианская». Иоанн сказал на это: «Вижу что ты приехал не дело делать, а отказывать; мы больше с тобою от этом деле и говорить не станем; дело это началось от задора доктора Роберта». Посол испугался неудовольствия Иоаннова, которое могло помешать главному для англичан делу, и потому начал говорить: «Эта племянница королевне всех племянниц дальше в родстве да и некрасива; а есть у королевны девиц с десять ближе ее в родстве». Царь спросил: «Кто же это такие?» Боус отвечал: «Мне об этом наказа нет, а без наказа я не могу объявить их имена». «Что же тебе наказано? – говорил царь. – Заключить договор, как хочет Елисавета королевна, нам нельзя». Посла отпустили; он велел сказать чрез Якоби что хочет говорить с царем наедине; Иоанн велел позвать его к себе и спросил, что он хочет сказать. Посол отвечал: «За мною приказа никакого нет; о чем ты, государь спросишь, то королевна велела мне слушать да те речи ей сказать». Царь сказал ему на это: «Ты наши государские обычаи мало знаешь: так говорить может посол только с боярами, бояре с послами и спорят, кому наперед говорить, а ты ведь не с боярами говоришь; нам с тобою не спорить, кому наперед говорить? Вот если бы ваша государыня к нам приехала, то она бы могла так говорить. Ты много говоришь, а к делу ничего не приговоришь. Говоришь одно, что тебе не наказано, а нам вчера объявил доктор Роберт что ты хотел с нами говорить наедине: так говори, что ты хотел сказать!» Боус: «Я слышал, что государыня наша Елисавета королевна мимо всех государей хочет любовь держать к тебе; а я тебе хочу служить и службу свою являть». Иоанн: «Ты скажи именно, кто племянницы у королевы, девицы, и я отправлю своего посла их посмотреть и портреты снять». Боус: «Я тебе в этом службу свою покажу и портреты сам посмотрю, чтоб прямо их написали».

Не добившись ничего сам от посла, Иоанн велел боярам продолжать с ним переговоры; когда бояре спросили его опять, кто именно девицы, родственницы Елисаветы, то посол, которому сильно наскучил этот вопрос, отвечал: «Я про девиц пред государем не говорил ничего»; когда же бояре уличили его в заpiresательстве, то он сказал: «Я говорил о девицах, только со мною об этом приказу нет; государю я

служить рад, только еще моей службе время не пришло». И бояре должны были прекратить разговоры о сватовстве; стали говорить о другом, чтоб Елисавета велела пропустить чрез Английскую землю царского гонца, отправляющегося к французскому королю Генриху. Боус отвечал на это: «Половина Французской земли от своего короля отложилась и била челом нашей государыне, которая и дала ей помощь; я гонца государева повезу и думаю, что государыня наша его пропустит». После этого царь позвал опять Боуса и спросил решительно, какой же дан ему наказ. Боус отвечал, что ничего не наказано. Тогда Иоанн сказал ему: «Неученый ты человек! Как к нам пришел, то посольского дела ничего не делал. Нам главные недруги – литовский да шведский, а ты нам решительно не отвечаешь, станет ли королевна с нами вместе на этих недругов. Говоришь одно, что она прежде хочет с ними обсылатся, объявлять им об этом, но ведь это значит им на нас весть подавать! И поэтому по первому нам с королевною быть в дружбе нельзя. Говорил ты о морских пристанищах, чтоб к ним приезжали одни английские гости. Но такую великую тягость как нам на свою землю наложить? Давать дань не было бы так убыточно. Вот и по другому нам с королевною быть в дружбе нельзя, а ведь нам у нее мира не выкупать стать. Говорил ты о сватовстве: одну девицу исхулил, о другой ничего не сказал; но безымянно кто сватается?» Вместо ответа посол начал жаловаться на дьяка Щелкалова, что корм ему дает дурной: вместо кур и баранов дает ветчину, а он к такой пище не привык. Царь велел исследовать дело – дьяка Щелкалова удалили от сношений с послом; кормовщиков посадили в тюрьму. Царь послал также боярина Богдана Бельского объясниться с Боусом, почему он назвал его неученым, смягчить впечатление, которое должно было произвести на посла это слово. Боус в свою очередь оправдывался, что ничем не заслужил гнева царского, говорил он то, что ему приказано; если государь хочет с королевною любви и кровной связи, то пусть отправляет еще послов в Англию. После этого разговора царь опять позвал к себе Боуса и объявил, что не может согласиться на прошение королевны об исключительной торговле, что он даст англичанам известные пристанища, но на Печору и на Обь пускать их не может: это страны дальние, пристанищ морских там нет; водятся там соболи да кречеты, и только такие дорогие товары пойдут в Английскую землю, то нашему государству как без того быть? Боус отвечал: «В том волен

Бог да ты, государь, а королевне будет это нелюбо; что же говоришь про соболей, то соболи в наше государство нейдут, да и не носит их никто». Иоанн продолжал: «Моя просьба в том, чтоб королевна стояла заодно со мною на литовского, шведского и датского; литовский и шведский — мои главные недруги, а с датским можно и помириться: тот мне не самый недруг». Боус отвечал: «Если дашь английским гостям прежнюю грамоту, то королевна будет с тобою заодно на литовского и шведского; отправь к ней за этим послов, которые вместе и девиц посмотрят». Иоанн велел спросить у посла: «Если государь все морские пристанища уступит англичанам, то он напишет ли в договорной грамоте, что королевне быть с государем на литовского и шведского заодно?» Боус отказался за неимением наказа, причем сказал: «Государь хочет, чтоб королевна была с ним заодно на литовского, чтоб Ливонию взять; но королевна набожна: она не взяла ни Нидерландов, ни Франции, которые ей отдавались; Ливония исстари ли вотчина государева?» Иоанн оскорбился этим сомнением в справедливости его требований и отвечал, что он сестру свою, Елисавету королевну, не в судьи просит между собою и литовским королем; хочет он того, чтоб она была с ним заодно против тех, которые его вотчину, Ливонскую землю, извоевали.

На этом прекратились переговоры с английским послом; из них мы видим, что Иоанн готов уступить англичанам право исключительной торговли, что, по его собственным словам, было тяжелее дани, лишь бы только приобрести деятельный союз европейского государства против главных своих недругов, отнявших у него Ливонию. Понятно, что он искал союза и с Австрийским домом против Батория, но и в этом искании он не имел никакого успеха. Сын и наследник Максимилиана II, Рудольф II, прислал известить царя о смерти отцовской, изъявляя надежду, что Иоанн не убавит к нему и двору Австрийскому того верного, доброго, прямого, родственного расположения, какое оказывал к Максимилиану; но тут же обращался с просьбою, чтоб царь не велел бедных ливонцев войною обижать. Царь отправил к Рудольфу посланника Квашнина с объявлением, что хочет быть с ним в таком же братстве и любви, как и с отцом его, и стоять на всех недругов заодно. Рудольф отвечал: «Надеемся, что мы с вами будем в любви; а до приезда наших послов вы бы на убогую Ливонскую землю меча и огня не посылали». Когда война с Баторием приняла невыгодный оборот, царь отправил к Рудольфу с гонцом грамоту, в которой писал: «Послы

твои, брата нашего дражайшего и любезнейшего, к нам до сих пор не бывали. Ты бы к нам послов своих отправил не мешкая и договор бы с нами утвердить велел, чтоб стоять нам на всякого недруга заодно». Гонцу был дан наказ: «Если спросят, как теперь царь с литовским королем, отвечать: как я поехал от своего государя, гонец литовский был у него и отпущен в Литву, а государя нашего гонец к королю Стефану поехал. А если спросят про Полоцк, каким образом король литовский у государя вашего Полоцк взял, то отвечать: были у государя послы литовские и перемирие заключили на три года, и государь наш, на то оплошась, больших прибылых людей в Полоцке не держал. Король к Полоцку пришел нечаянно, через крестное целование, да и взял; но кто через правду и крестное целование что сделает, когда крепко бывает?» В августе того же года, когда Баторий подошел к Лукам, царь послал нового гонца к императору и в грамоте писал: «Послы твои, брата нашего дражайшего и любезнейшего, к нам до сих пор, неизвестно, по какому случаю, не бывали. А Стефан Баторий, воевода седмиградский, теперь на Короне Польской и на Великом княжестве Литовском укрепился по присылке султана турецкого и, сложась с ним и с другими мусульманскими государями вместе, кровь христианскую разливает и вперед разливать хочет. А стоят все мусульманские государи и посаженник турецкого султана Стефан Баторий на наше государство и на нас за то, что мы с твоим отцом и с тобою пересылались, желали всем христианским государям прибытка, хотели, чтоб, кроме вас, никто в Польше и Литве государем не был. И ты бы, брат наш, нам против них способствовал и братскую любовь с нами утвердил; а к Стефану королю отписал бы о таком его безмерстве, и о разлитии крови христианской, и о складке с султаном турецким, чтоб Стефан-король таких дел вперед не делал. Писали к нам из Любека бурмистры и ратманы, что ты не велел в наше государство возить на кораблях товары разные: медь, свинец и олово; не желая ли нас с тобою поссорить, распускают такие слухи? Ибо я никак не думаю, чтоб ты такой приказ дал». Рудольф отвечал с первым гонцом: «До сих пор мы все прилежно помышляли, как бы отправить к вам послов для убогих лифляндцев, но люди, которые были для этого посольства назначены, одни померли, а другие больны. А Ливонская земля принадлежит Священной Римской империи; в нынешнем вашем письме о ней ни слова не сказано». Императорские придворные утешали

московского гонца тем, что Баторию скоро нечего будет платить своим наемным войскам. С другим гонцом Рудольф отвечал: «Послы не отправлены, потому что еще не было совещания с имперскими чинами насчет Ливонии, которая принадлежит империи; царь покажет свою дружбу к имперским чинам, если не будет вступаться в остальные ливонские города; возить в Московское государство медь, свинец и олово он, Рудольф, не запрещал, а запрещен вывоз из империи оружия и всего относящегося к ратному делу еще при императоре Карле V, и потом это запрещение подтверждено при императоре Максимилиане II». По окончании войны с Баторием царь вместе с Поссевином отправил одного посланника, Якова Молвянинова, и к папе, и к императору; в грамоте к последнему изъявлял готовность приступить к союзу христианских государей против мусульманских, для чего император и все союзники должны отправить послов в Москву; и так как дело идет о союзе всех христианских государей, то император должен отменить запрещение вывозить оружие в Московское государство.

Мы видели, что Иоанн в разговоре с английским послом назвал и датского короля Фридриха своим недругом. В 1578 году последний прислал в Москву Якова Ульфельда решить дело об Эстонии, на часть которой Дания предъявляла свои права. Но царь не хотел признать этих прав. Ульфельд принужден был заключить пятнадцатилетнее перемирие на следующих условиях: король признал права Иоанна на всю Ливонию и Курляндию, за что царь уступал ему остров Эзель; король обязался не помогать Польше и Швеции в войне их с Московским государством; обязался не задерживать немецких художников, которые поедут в Москву чрез его владения. Фридрих не был доволен этим договором и начал обнаруживать вражду к Москве тем, что требовал пошлин с английских купцов, объявлял свои притязания на некоторые пограничные места.

А. Литовченко. Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею. 1875 г. Фрагмент

Мы видели, как московские силы в войне с Баторием развлекались постоянным опасением крымских нашествий. Тщетно посол московский оказывал учтивости хану, бил ему челом, обещал ежегодные подарки – хан без Астрахани не хотел давать шерти; и если не было слышно о крымцах во все продолжение войны с Баторием, то

этим Москва обязана была войне турок с персами, в которой хан должен был участвовать. Истомленный этою войною, хан мог вредить Москве, только поджигая волнения между черемисами. «Тридцать один год прошел от покорения Казани, – говорит летописец, – и окаянные бусурманы не захотели жить под государевою рукою, воздвигли рать, пленили много городов. Царь, видя их суровость, послал в Казань бояр и воевод с приказом пленить их. Но поганые, как звери дикие, сопротивлялись рати московской, побивали московских людей то на станах, то на походах; бояре и воеводы не могли их усмирить».

К. Лебедев. освоение русскими новых земель. 1904 г.

Глава седьмая

Строгановы и Ермак

Первые сношения с Сибирью. – Непрочность ее зависимости от Москвы. – Первые известия о Строгановых. – Григорий Строганов получает земли по Каме и строит городки. – Строгановы получают право заводить селения и за Уральскими горами. – Усиление козачества на Дону. – Враждебные столкновения его с государством. – Козацкий атаман Ермак у Строгановых и отправляется ими за Уральские горы. – Гнев царский на Строгановых за это. – Успешные действия Ермака в Сибири. – Он извещает об них Иоанна. – Отправление царских воевод для принятия сибирских городов у козаков. – Преждевременная дряхлость Иоанна; причины ее. – Браки царские. – Убийство сына. – Болезнь и смерть Иоанна. – Объяснение его характера и деятельности.

В то время как на Средней Волге и Нижней Каме дикие народцы делали последние отчаянные усилия, чтоб высвободиться из-под русского подданства, в то время как на Западе Польша и Швеция благодаря личным достоинствам Батория успели оттолкнуть Московское государство от моря, успели отнять у него возможность непосредственного сообщения с Западною Европою, – в то время движение русского народонаселения на северо-восток не только не прекращалось, но усиливалось все более и более: русский человек перешел наконец через Уральские горы.

Мы видели, как после завоевания Казани князья ногайские сами предложили московскому царю овладеть Астраханью, как потом мелкие владельцы прикавказские просились в подданство, чтоб иметь сильного покровителя и надежную помощь. Точно так же поступил и владелец Сибири, татарского юрта, лежавшего в середине нынешней Тобольской губернии, юрта очень незначительного самого по себе, но значительного в той пустынной стране, где на громадных пространствах редко разбросаны были малочисленные роды

разноплеменных и разнообычных жителей. В январе 1555 года пришли послы к царю от сибирского князя Едигера и от всей земли Сибирской и били челом, чтоб государь князя их и всю землю Сибирскую взял в свое имя и от всех неприятелей заступил, дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань собирать. Государь пожаловал, взял князя сибирского и всю землю в свою волю и под свою руку и дань на них положить велел; послы обязались за князя и за всю землю, что будут давать с каждого черного человека по соболю и по белке сибирской, а черных людей у себя сказали 30700 человек. Царь отправил в Сибирь посла и дорожку (сборщика дани) Дмитрия Курова, который возвратился в Москву в конце 1556 года вместе с сибирским послом Бояндою. Дани Едигер прислал только 700 соболей, об остальной же посол объявил, что воевал их шибанский царевич и взял в плен много людей, отчего и мехов собрать не с кого. Но Куров говорил, что дань было можно собрать сполна, да не захотели, вследствие чего царь положил опалу на Боянду, велел взять у него все имение, самого посадить под стражу, а в Сибирь отправил служивых татар с грамотою, чтоб во всем исправилась. В сентябре 1557 года посланные татары возвратились с новыми послами сибирскими, которые привезли 1000 соболей да дорожской пошлины 106 соболей за белку; привезли и грамоту шертную с княжею печатью, в которой Едигер обязывался быть у царя в холопстве и платить каждый год всю дань беспереводно. Но такая зависимость Сибирского юрта от Москвы была непрочна: Едигер поддался с целью иметь помощь от русского царя против своих недругов или по крайней мере сдерживать их страхом перед могущественным покровителем своим; но помощь трудно было получить ему по самому отдалению его владений от областей московских, и та же отдаленность отнимала страх у врагов его, которые надеялись безнаказанно овладеть Сибирским юртом. Действительно, мы видим в Сибири перемены: князя изгоняют, губят друг друга; Москва, не принимая никакого участия в этих переменах, требует одного – дани; князья то соглашались платить ее, то отказывались, надеясь на безнаказанность вследствие той же отдаленности. Прочное подданство Зауралья Москве могло утвердиться только вследствие известного движения русского народонаселения на северо-восток, когда русские промышленные люди приблизили свои селения к Каменному Поясу и потом задумали перейти и через него.

Неизвестный художник. Ермак Тимофеевич. Конец XVII начало XVIII вв.

В истории этого движения на северо-восток, в истории колонизации Северо-Восточной Европы с важным значением является род Строгановых. Мы видели, как ошибочно было так долго господствовавшее у нас мнение, что вся обширная область, известная под именем Двинской земли, принадлежала Новгороду Великому; мы

видели, что здесь с новгородскими владениями были перемешаны владения ростовских, а потом московских князей. От второй половины XV века, когда Иоанн III получил возможность разделить с новгородцами в Двинской земле, отобрать от них земли, принадлежавшие прежде ему и ростовским князьям, дошла до нас выпись из судейских списков о двинских землях, где обозначены отобранные у новгородцев земли. При исчислении этих земель говорится, что их искали такие-то люди на таких-то новгородцах, несправедливо эти земли захвативших; при исчислении земель, долженствующих принадлежать московскому великому князю, говорится, что искал их на новгородцах Лука Строганов. Искал ли Лука Строганов этих земель потому, что они находились у него в оброчном содержании, или потому, что был уполномочен искать их от князей московского и ростовского как известный, богатый, искусный в делах и знающий старину уроженец тех стран, – из приведенного акта решить нельзя. На богатство Строгановых при Василии Темном есть любопытное указание в грамоте царя Василия Иоанновича Шуйского, который, уговаривая в 1610 году Строгановых ссудить его значительную суммою денег, пишет к ним: «Припомните, когда вы в прежние времена выкупили из плена великого князя Василия Васильевича, какой великой чести сподобились». Мы видели, как охотно князья уступали обширные земельные участки людям, бравшимся населить их, какие льготы давали этим населителям: освобождение на несколько лет от всех податей, издержек на проезжих чиновников, право суда над поселенными людьми, кроме душегубства и суда смесного. Строгановы по своим обширным средствам являются главными населителями пустынных земель на северо-востоке: при великом князе Василии Иоанновиче внуки упомянутого Луки Строганова получили право населить пустынный участок в Устюжском уезде, в Вондокурской волости. В царствование Иоанна IV Строгановы обратили свою промышленную деятельность далее на восток, в область Камы; в 1558 году Григорий Аникиев Строганов бил царю челом и сказывал: в осьмидесяти осьми верстах ниже Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой, лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые, и всего пустого места здесь сто сорок шесть верст; до сих пор на этом месте пашни не паханы, дворы не ставили и в царскую казну пошлина

никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, в писцовых книгах, в купчих и правожных не написаны ни у кого. Григорий Строганов бил челом, что хочет на этом месте городок поставить, город пушками и пищальми снабдить, пушкарей, пищальников и воротников прибрать для береженья от ногайских людей и от иных орд; по речкам до самых вершин и по озерам лес рубить, расчистя место, пашню пахать, дворы ставить, людей называть неписьменных и нетяглых, рассолу искать, а где найдется рассол, варницы ставить и соль варить. Царские казначеи спрашивали про эти места пермича Кодаула, который приезжал из Перми с данью, и Кодаул сказал, что эти места искони вечно лежат впусе и доходу с них нет никакого и у пермичей там нет угодий никаких. Тогда царь Григория Строганова пожаловал, отдал ему эти земли, с тем чтоб он из других городов людей тяглых и письменных к себе не называл и не принимал, также чтоб не принимал воров, людей боярских, беглых с именем, татей и разбойников; если приедут к нему из других городов люди тяглые с именами и детьми, а наместники, волостели или выборные головы станут требовать их назад, то Григорий обязан высылать их на прежние места жительства. Купцы, которые приедут в городок, построенный Строгановым, торгуют в нем беспошлинно; варницы ставить, соль варить, по рекам и озерам рыбу ловить Строганову безоборочно; а где найдет руду серебряную, или медную, или оловянную, то дает знать об этом царским казначеям, а самому ему тех руд не разрабатывать без царского ведома. Льготы Строганову дано на двадцать лет: какие неписьменные и нетяглые люди придут к нему жить в город и на посад и около города на пашни, на деревни и на починки, с тех в продолжение двадцати лет не надобно никакой дани, ни ямских и селитряных денег, ни посошной службы, ни городского дела, ни другой какой-либо подати. Которые люди поедут мимо того городка из Московского ли государства, или из иных земель, с товарами или без товару, с тех пошлины не брать никакой, торгуют ли они тут или не торгуют; но если сам Строганов повезет или пошлет соль или рыбу по другим городам, то ему с соли и с рыбы всякую пошлину давать, как с других торговых людей пошлины берутся. Поселившихся у Строганова людей пермские наместники и тиуны их не судят ни в чем, праветчики и доводчики в его городок и деревни не въезжают; ведает и судит своих слобожан сам Григорий Строганов во всем. Если же людям из других городов будет дело до

Строганова, то они в Москве берут управные грамоты, и по этим грамотам истцы и ответчики без приставов становятся в Москве перед царскими казначеями на Благовещеньев день. Когда урочные двадцать лет отойдут, Григорий Строганов обязан будет возить все подати в царскую казну в Москву на Благовещеньев день. Если царские послы поедут из Москвы в Сибирь и обратно или из Казани в Пермь и обратно мимо нового городка, то Строганову и его слобожанам подвод, проводников и корму посланникам в продолжение двадцати льготных лет не давать; хлеб, соль и всякий запас торговые люди в городе держат и послам, гонцам, проезжим и дорожным людям продают по цене, как между собою покупают и продают; также проезжие люди нанимают полюбовно подводы, суда, гребцов и кормщиков. До урочных двадцати лет Строганов с пермичами никакого тягла не тянет в счету с ними не держит ни в чем. Если же окажется, что Григорий Строганов бил царю челом ложно, или станет он не по этой грамоте ходить, или станет противозаконно поступать, то эта грамота не в грамоту.

Таким образом, грамота, которою давалось право на заселение пустынных прикамских пространств, будучи сходна вообще с грамотами, которые давались населителям пустынных пространств во всех частях государства, должна была и различаться от них: Прикамская сторона была окраина, на которую нападали дикие зауральские и приуральские народцы; правительство не могло защищать от них насельника, он должен был защищаться сам, своими средствами, должен был строить городки или острожки, снабжать их нарядом, содержать ратных людей. Понятно, что к этому могли быть способны только насельники, обладавшие обширными средствами: отсюда уясняется важное значение Строгановых, которые одни, по своим средствам, могли заселить Прикамскую страну и чрез это дать возможность распространить их и за Урал. Понятно также, что Строгановы могли совершить этот подвиг на пользу России и гражданственности не вследствие только своих обширных материальных средств; нужна была необыкновенная смелость, энергия, ловкость, чтоб завести поселения в пустынной стране, подверженной нападениям дикарей, пахать пашни и рассол искать с ружьем в руке. Для наряда для пушек и пищалей в своем новом городке Строганов нуждался в селитре; царь по его челобитной позволил ему на Вычегодском посаде и в Усольском уезде сварить селитры, но не

больше тридцати пудов. Строганов построил городок, назвал его Канкором, но через пять лет одного городка оказалось мало; в 1564 году Строганов бил челом, чтоб царь позволил ему поставить другой городок, в двадцати верстах от Канкора: нашли тут рассол, варницы ставят и соль варить хотят, но без городка люди жить не смеют: слух дошел от пленников, что хвалятся сибирский салтан и шибаны идти на Пермь войною. Царь исполнил и эту просьбу, и явился новый городок – Кергедан с стенами в тридцать сажен, а с приступной стороны, для низкого места, закладен он был вместо глины камнем. В 1566 году брат Григория, Яков, от имени отца своего, Аникия Федорова, бил челом, чтоб государь пожаловал, взял их городки Канкор и Кергедан и все их промыслы в опричину, – и эта просьба была исполнена. В 1568 году тот же Яков бил челом, чтоб додано было ему земли еще на двадцать верст к прежнему пожалованию, – земля была ему дана с такими же условиями, как и прежде, но поселенцы освобождались от податей только на 10 лет.

До 1572 года в прикамских областях все было тихо, но в этом году пермский воевода донес царю, что сорок человек возмущившихся черемис вместе с остяками, башкирами и буинцами приходили войною на Каму, побили здесь пермичей, торговых людей и ватащиков 87 человек. Иоанн по этим вестям послал Строгановым грамоту, в которой писал: «Вы бы жили с великим береженьем, выбрали у себя голову доброго да с ним охочих козаков, сколько приберется, с всяким оружием, ручницами и саадаками; велели бы прибрать также остяков и вогуличей, которые нам прямят, а женам и детям их велели бы жить в остроге. Этих голов с охочими людьми, стрельцами, козаками, остяками и вогуличами посылайте войною ходить и воевать наших изменников – черемису, остяков, вотяков, ногаев, которые нам изменили. А которые будут черемисы или остяки добрые, захотят к своим товарищам приказывать, чтоб они от воров отстали и нам прямили, таких вы не убивайте и берегите их, и мы их пожалуем; а которые прежде воровали, а теперь захотят нам прямить и правду свою покажут, таким велите говорить наше жалованное слово, что мы их не накажем и во всем облегчим, пусть только собираются и вместе с охочими людьми ходят воевать наших изменников, и которых повоюют, тех имение, жен и детей пусть берут себе». Строгановы исполнили приказ: выбранный ими голова с охочими людьми ходил на государевых изменников –

одних побил, других привел к шерти, что будут вперед прямить государю.

Ермак является к Строгановым. Оригинальный рисунок Н. Дмитриева-Оренбургского, гравер Ю. Шюблер. Конец XIX в.

Утвердившись по сю сторону Урала, Строгановы, естественно, должны были обратить внимание и на земли зауральские, обещавшие им еще более выгод, чем страны прикамские. Случай к испрошению права на отыскание новых земель за Уралом скоро представился Строгановым. Новый сибирский салтан Кучум действовал враждебно против Московского государства: бил, брал в плен остяков, плативших дань в Москву; в июле 1573 года сибирский царевич Маметкул приходил с войском на реку Чусовую проведовать дороги, как бы ему пройти к Строгановским городкам и в Пермь Великую, причем побил много остяков, московских данщиков, жен и детей их в плен повел, государева посланника, шедшего в Киргиз-Кайсацкую орду, убил. Не доходя пяти верст до Строгановских городков, Маметкул возвратился назад, испуганный рассказами пленников, что в городках этих собралось много ратных людей. Строгановы, уведомивши царя о нападениях сибирского салтана и царевича, били челом, что они своих наемных козаков за сибирскою ратью без царского ведома послать не смеют, между тем как зауральские остяки просят, чтоб государь оборонял их от сибирского салтана, а они будут платить дань в Москву; для этого бы государь пожаловал их, Якова и Григорья Строгановых, позволил на реке Тоболе и по рекам, которые в Тобол впадают, крепости делать, сторожей нанимать и огненный наряд держать на свой счет, железо выработывать, пашни пахать и угодьями владеть. Предложение перенести русские владения за Урал, приобрести там новых данщиков и оборонять их без всяких издержек и хлопот со стороны правительства не могло не понравиться Иоанну; он дал Строгановым право укрепляться и за Уралом на тех же условиях, на каких они завели селения по Каме и Чусовой, с обязанностию надзирать и за другими промышленниками, которые вздумают поселиться по Тоболу и другим рекам сибирским. «Где Строгановы найдут руду железную, – говорит царская грамота, – то ее разрабатывают; медную руду, оловянную, свинцовую, серную также разрабатывают на испытание. А кто другой захочет то же дело делать, позволять ему да и пооброчить его промысел, чтоб нашей казне была прибыль; если кто-нибудь за этот промысел возьмется, отписать к нам, как дело станет делаться, во что какой руды в деле пуд будет становиться и сколько на кого положить оброку – все это нам отписать,

и мы об этом указ свой учиним. Льготы на землю тахчеев и на Тобол-реку с другими реками и озерами до вершин, на пашни, дали мы на 20 лет: в эти годы пришлые люди не платят никакой дани. Которые остяки, вогуличи и югричи от сибирского салтана отстанут, а начнут нам дань давать, тех людей с данью посылать к нашей казне самих. Остяков, вогуличей и югричей с женами их и детьми от прихода ратных людей-сибирцев беречь Якову и Григорью у своих крепостей, а на сибирского салтана Якову и Григорью собирать охочих людей – остяков, вогуличей, югричей, самоедов – и посылать их воевать вместе с наемными козаками и с нарядом. Также пожаловали мы Якова и Григорья: на Иртыше, и на Оби, и на других реках, где пригодится, для обереганья и охочим людям для отдыха строить крепости, держать сторожей с огненным нарядом, ловить рыбу и зверя безоброчно до исхода урочных двадцати лет». Таким образом, Строгановы получили право завести промыслы и за Уралом вместе с необходимым правом или обязанностью не только построить острожки для оберегания этих промыслов, не только вести оборонительную войну, но также и наступательную; эта наступательная война была необходима: за Уралом, прежде чем взять землю в свое владение, завести на ней промыслы, надобно было ее очистить от сибирского салтана, который считал ее своею собственностью. Строгановы обязывались вести эту войну на свой счет, должны были иметь свое войско; из кого же могли они составить его? На охочих инородцев – остяков, вогуличей, югричей, самоедов – была плохая надежда; мирные промышленники нуждались в передовых людях колонизации, которые вовсе не имеют мирного промышленного характера, нуждались в отыскивателях путей, новых земель, нуждались в козаках.

Мы видели уже, как вследствие географического положения древней России, открытости границ со всех сторон, соприкосновенности их с степями и пустынными пространствами, как вследствие одного из господствующих явлений древней русской жизни – колонизации – общество должно было постоянно выделять из себя толпы людей, искавших приволья в степи, составлявших передовые дружины колонизации, по имени зависевших от государства, на деле мало обращавших внимания на его интересы. Мы видели, что уже при Василии Иоанновиче рязанские козаки хорошо знали места по Дону; при сыне Василия они здесь утверждаются, принимают от места

название донских и становятся страшны ногаям, крымцам, азовцам. Не из одних, впрочем, жителей Рязанской области составлялись толпы донских казаков: на Дон шли и севруки – жители Северной Украины, подобно рязанцам, издавна славившиеся своею отвагою. Ногайский князь Юсуф писал в Москву в 1549 году: «Наши люди ходили в Москву с торгом, и, как шли назад, ваши козаки и севруки, которые на Дону стоят, их побили». Видим, что козаки городовые, находившиеся под ближайшим надзором государства, сделавши что-нибудь противное его интересам, уходили на Дон; так, путивльские козаки, замешанные в деле о грабеже крымского гонца, Левон Бут с товарищами, сказывали: было их на поле шесть человек и весновали на Донце, потом пошли было в Путивль, но на Муравском шляху встретились с ними черкасские козаки, 90 человек, взяли их с собою и крымского гонца пограбили; после грабежа Левон Бут сам-четверт пришел в Путивль, а двое товарищей его отстали, пошли на Дон. Русский гонец доносил: «Шли мы Волгою из Казани в Астрахань, и, как поравнялись с Ирргызским устьем, пришел на нас в стругах князь Василий Мещерский да козак Личюга Хромой, путивлец, и взяли у нас судно царя Ямгурчя; я у них просил его назад, но они мне его не отдали и меня позорили». На жалобы Юсуфа ногайского царь отвечал опять: «Эти разбойники живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы и прежде посылали не один раз, чтоб их переловить, по люди паши добыть их не могут. Мы и теперь посылаем добывать этих разбойников, и, которых добудем, тех казним. А вы бы от себя велели их добывать и, переловивши, к нам присылали. А гости ваши дорогою береглись бы сами, потому что сам знаешь хорошо: на поле всегда всяких людей много из разных государств». Но Юсуф не переставал жаловаться. «Холопы твои, – писал он царю, – какой-то Сары-Азман слывет, с товарищами, на Дону в трех и четырех местах города поделали да наших послов и людей стерегут и разбивают. Какая же это твоя дружба! Захочешь с нами дружбы и братства, то ты этих своих холопей оттуда сведи». Мы видели, как султан жаловался на донских казаков, приписывал им такие подвиги, о которых из других источников мы не знаем, например, что они Перекоп воевали, Астрахань взяли. Вражда была постоянная между азовскими турецкими козаками и донскими русскими: московский посол Нагой писал к государю, что ему нельзя послать вести в Москву, «потому что азовские козаки с твоими

государевыми козаками не в миру». Козаки были нужны московскому правительству в этих пустынных странах не для одного противодействия хищным азиатцам: отпуская в Константинополь посла Новосильцева через Рыльск и Азов, государь велел послать проводить его до донских зимовищ донского атамана Мишку Черкашенина. Новосильцев должен был донским атаманам и козакам говорить государевым словом, чтоб они государю послужили, его, посла, в государевых делах слушали. На Донец Северский атаманам и козакам, всем без отмены, послана была царская грамота, чтоб они Новосильцева слушались во всех государевых делах, ходили бы, куда станет посылать. «Тем бы вы нам послужили, – писал царь, – а мы вас за вашу службу жаловать хотим». Как важна была помощь козаков в степи русским послам и к какой жизни должны были привыкнуть здесь козаки, всего лучше видно из донесений послов о их многотрудном пути. Новосильцев, например, писал из Рыльска от 10 марта: «Снега на поле очень велики и осеренило их с великого мясоеда, отчего с лошадьми идти вперед нельзя, серень не поднимает: мы думаем взять салазки, а сами пойдем на ртах к Северскому Донцу. Мишкина прибора козак поместный Сила Нозрунов на твою государеву службу не пошел, воротился из Рыльска к себе в вотчину Рыльскую». Потом Новосильцев писал: «Шли мы до Донца на ртах пешком, а твою государеву казну и свой запасишка везли на салазках сами. Как пришли мы на Донец первого апреля, я велел делать суда, на которых нам идти водяным путем к Азову, и за этими судами жили мы на Донце неделю; а у Мишки Черкашенина, у атаманов и козаков не у всех были суда готовые старые на Донце, и они делали себе каюки». О возвратном пути своем из Азова Новосильцев доносил: «Как мы пошли из Азова, пришла ко мне весть, что за нами пошли из Азова полем козачьи атаманы, Сенка Ложник с товарищами, да с ними же прибираются Казыевы татары да два атамана крымских, а с ними человек с 300; хотят нас на Дону или на Украине громить с обеих сторон; а со мною донских атаманов и козаков идет для береженья немного: иные атаманы и козаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали». Любопытно, что азовский козачий атаман называется Сенка Ложник, а русский донской атаман называется Сары-Азман. Как упомянутый Мишка Черкашенин отместил за своего сына, взятого в плен крымцами и казненного, видно из следующего донесения из Крыма в Москву: «Прислал турецкий царь

чауша к крымскому царю и писал к нему: зачем ты казнил сына Мишки Черкашенина? Теперь у меня донские козаки за сына Мишкина Азов взяли, лучших людей из Азова побрали 20 человек да шурина моего Усеина кроме черных людей».

Донские козаки не ограничивались тем, что не исполняли царских и посольских приказаний или исполняли их вполонину; они нападали не на одних ногаев, азовцев и крымцев, но, разъезжая по Волге, грабили суда царские, били людей, разбивали персидских и бухарских послов, русских торговых людей. Царь принужден был выслать против них воевод с большим числом ратных людей; козаков казнили и ловили, другие разбежались, как волки, по выражению летописца, и одна толпа их отправилась вверх по Волге, где получила приглашение от Строгановых вступить к ним в службу и согласилась с радостью. Это предложение пришло не ранее весны 1579 года, хотя, собственно, можно было ожидать, что Строгановы станут прибирать охочих козаков гораздо ранее, именно с 1574 года, когда они получили царскую грамоту, дававшую им право распространять свои промыслы и по ту сторону Уральских гор. Но эта медленность объясняется легко событиями в роде Строгановых. Яков и Григорий Аникиевы умерли; остался третий брат, Семен, с двумя племянниками, Максимом, сыном Якова, и Никитою, сыном Григория, причем, как видно, Никита не жил в большом согласии с дядею Семеном и двоюродным братом Максимом. Козаки явились к Строгановым в числе 540 человек под главным начальством атамана Ермака Тимофеева; другие атаманы были: Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк. Они пришли в Чусовские городки в конце июня 1579 года и оставались здесь до сентября 1581 года. В это время, по словам летописца, они помогали Строгановым защищать их городки от нападения дикарей: в июле 1581 года 680 вогуличей под начальством мурзы Бегбелия Агтакова напали нечаянно на строгановские владения и начали жечь деревни, забирая в плен людей, но ратные люди из городков с успехом напали на них и взяли в плен самого мурзу Бегбелия. Из слов же царской грамоты 1582 года оказывается, что Строгановы не довольствовались только обороною своих городков, но посылали отряды воевать вогуличей, вотяков и пельмцев. После поражения Бегбелия Строгановы решились отпустить козаков, Ермака с товарищами, за Уральские горы для достижения той цели, с какою отцы

их испросили царскую грамоту в 1574 году. По словам летописи, 1 сентября 1581 года Строгановы, Семен, Максим и Никита, отпустили на сибирского салтана козаков, Ермака Тимофеева с товарищами, придавши к ним ратных людей из городков своих – литовцев, немцев, татар и русских, всего 300 человек, а в целом отряде с козаками было 840 человек; Строгановы дали им жалованье, снабдили съестными запасами одеждою, оружием, пушечками и пищалями, дали проводников знающих сибирский путь, и толмачей, знающих бусурманский язык.

Неизвестный художник. Торжество Ермака. Прием взятого им в плен царевича Магмет-Кула, в октябре 1581 г. Конец XIX в.

Но в тот самый день, первого сентября, когда Ермак с своею дружиною пошел на очищение Сибирской земли, толпы дикарей,

собранных пелымским князем, напали на пермские места, на Чердынь и на строгановские владения. Семен и Максим отправили в Москву грамоту с жалобой, что вогуличи поняли их слободки и деревни, усольские варницы и мельницы, хлеб всякий и сено, крестьян с женами и детьми в плен взяли, и просили, чтоб царь велел им дать на помощь ратных людей с ружьем. Иоанн велел пермскому наместнику князю Елецкому распорядиться, чтоб земские старосты и целовальники собрали с пермских волостей и Соли-Камской ратных людей со всяким оружием, человек 200; ратных людей пермичи и усольцы пусть собирают сами между собою, чтоб им от наместника убытков не было; собранное таким образом ополчение должно было помогать Семенову и Максиму острогу. Царь писал и Никите Строганову, чтоб он помогал своим родственникам.

Но в следующем году чердынский воевода Пелепелицын, вероятно не поладивший с Строгановыми, донес царю, что в то самое время, как пелымский князь напал на Пермь, Строгановы, вместо того чтоб защищать эту область, отправили своих козаков воевать сибирского салтана. Вследствие этого донесения царь велел отправить к Строгановым такую грамоту: «Писал к нам из Перми Василий Пелепелицын, что вы из своих острогов послали волжских атаманов и козаков, Ермака с товарищами, воевать вотяков и вогуличей, пелымские и сибирские места 1 сентября; и в тот же самый день пелымский князь, собравшись с сибирскими людьми и вогуличами, приходил войною на наши пермские места, к городу Чердыни, к острогу приступал, наших людей побил и много убытков нашим людям наделал. Это случилось по вашей измене: вы вогуличей, вотяков и пелымцев от нашего жалованья отвели, их задирали, войною на них приходили, этим задором ссорили нас с сибирским салтаном; потом, призвавши к себе волжских атаманов, воров, наняли их в свои остроги без нашего указа, а эти атаманы и козаки и прежде ссорили нас с Ногайскою ордою послов ногайских на Волге, на перевозах, побивали, ордобазарцев грабили и побивали и нашим людям много грабежей и убытков чинили. Им было вины свои покрыть тем, что нашу Пермскую землю оберегать, а они вместе с вами сделали точно так же, как на Волге: в тот самый день, в который приходили к Чердыни вогуличи, Ермак с товарищами пошли воевать вогуличей, а Перми ничем не пособили. Все это сделалось вашим воровством и изменою: если бы вы нам служили, то вы бы

козаков в это время на войну не посылали, а послали бы их и своих людей из острогов Пермскую землю оберегать. Мы послали в Пермь Воина Оничкова, велели ему этих козаков, Ермака с товарищами, взять и отвести в Пермь и в Камское Усолье, тут велели им стоять и зимою на нартах ходить на пелымского князя; а вы, обославшись с Пелепелицыным и Оничковым, посылали бы от себя воевать вогуличей и остяков. Непременно по этой нашей грамоте отошлите в Чердынь всех козаков, как только они к вам с войны возвратятся; а если для неприятельского прихода вам в остроге пробыть нельзя, то оставьте у себя немного людей, человек до ста, с каким-нибудь атаманом, остальных же всех вышлите в Чердынь непременно тотчас. А не вышлете из острогов своих в Пермь волжских козаков, атамана Ермака Тимофеева с товарищами, станете держать их у себя и пермских мест не будете оберегать, и если такую вашею изменою что вперед случится над пермскими местами от вогуличей, пелымцев и от сибирского салтана, то мы за то на вас опалу свою положим большую, атаманов же и козаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешать».

Ясно, что выражения грамоты: «Вы вогуличей, вотяков и пелымцев от нашего жалованья отвели, их задирали, войною на них приходили» — никак не могут относиться к знаменитому походу Ермака на Сибирь 1 сентября 1581 года; не могут относиться уже грамматически, по многократным формам; не могут относиться и потому, что известие о призыве Ермака помещено после, без связи с прежними нападениями Строгановых на вогуличей, вотяков и пелымцев; следовательно, прежде посылки Ермака 1 сентября 1581 года Строгановы уже пользовались царскою грамотою и предпринимали наступательные движения на сибирских народцев. Царь обнаруживает неудовольствие, зачем Строгановы призвали к себе волжских козаков без его указа; но это неудовольствие выражено несильно, да и гнев царский на козаков за их прежние дела на Волге выражен также несильно; непосредственно следуют слова, в которых выражается, что козаки совершенно покрыли бы свою вину, если бы защищали Пермскую землю от сибирских дикарей, и сейчас следуют распоряжения об употреблении козаков для этой защиты. Царь выражает гнев свой не за то, следовательно, что Строгановы призвали волжских охочих козаков, и не за то, что послали их за Уральские горы; он сердится за то, что они предпочли, по его

мнению, свои выгоды выгодам царским; нападениями раздражили дикарей, и, в то время как эти дикари напали на Пермскую землю и на владения Строгановых, у последних не оказалось средств для защиты своих земель и для помощи царским воеводам; царь грозит Строгановым большою опалю только в том случае, когда они будут продолжать подобное поведение, продолжать заботиться только о своих выгодах, грозит перевешать козаков только в том случае, когда они будут предпочитать службу частным людям службе царской, слушать Строгановых и служить им, а царскую землю выдавать.

Отправленный царем Оничков не мог исполнить его приказаний: Ермак с товарищами не возвратился к Строгановым из своего похода. Четыре дня шел он вверх по Чусовой до устья реки Серебряной; по Серебряной плыли два дня до Сибирской дороги; здесь высадились и поставили земляной городок, назвавши его Ермаковым Кокуем-городом; с этого места шли волоком до реки Жаровли; Жаровлею выплыли в Туру, где и начиналась Сибирская страна. Плывя вниз по Туре, козаки повоевали много татарских городков и улусов; на реке Тавде схватили несколько татар, и в том числе одного из живших при Кучуме, именем Таузака, который рассказал козакам подробно о своем салтане и его приближенных. Ермак отпустил этого пленника к Кучуму, чтоб он рассказами своими о козаках настрашал хана. Эти рассказы нагнали печаль на хана и раздумье; он собрал войско, выслал с ним родственника своего, Маметкула, встретить русских, а сам укрепился подле реки Иртыша, под горою Чувашьею. Маметкул встретил Ермака на берегу Тобола, при урочище Бабасан, и был разбит. Недалеко от Иртыша один из вельмож, или карачей, защищал свой улус: козаки разгромили его, взяли мед и богатство царское; неприятели настигли их на Иртыше, завязалась новая битва, и опять Кучумово войско было разбито; козаки поплатились за свою победу несколькими убитыми и все были переранены. К ночи козаки взяли город Атик-мурзы и засели в нем; на другой день должна была решиться их участь, надобно было вытеснить Кучума из его засеки. Козаки собрали круг и стали рассуждать, идти ли назад или вперед. Осилили те, которые хотели вперед во что бы то ни стало. На рассвете 23 октября козаки вышли из города и начали приступать к засеке; осажденные, пустивши тучи стрел на нападавших, проломил сами засеку свою в трех местах и сделали вылазку. После упорного рукопашного боя козаки победили: царевич

Маметкул был ранен; остяцкие князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своим местам. Тогда и старый хан оставил засеку, прибежал в свой город Сибирь, забрал здесь сколько мог пожитков и бежал дальше. Козаки вошли в пустую Сибирь 26 октября. На четвертый день пришел к Ермаку один остяцкий князь с дружиною, привез много даров и запасов; потом стали приходиться татары с женами и детьми и селиться в прежних своих юртах.

Козаки владели в стольном городе Кучумовом, но Маметкул был недалеко. Однажды, в декабре месяце, несколько из них отправились на Абалацкое озеро ловить рыбу; Маметкул подкрался и перебил их всех. Ермак, услышавши об этом, пошел мстить за товарищей, настиг поганых при Абалаке, бился с ними до ночи; ночью они разбежались, и Ермак возвратился в Сибирь. Весною, по водополью, пришел в город татарин и сказал, что Маметкул стоит на реке Вагае; Ермак отрядил часть козаков, которые ночью напали на стан царевича, много поганых побили, самого Маметкула взяли в плен и привели к Ермаку в Сибирь. Плен храброго Маметкула был страшным ударом для Кучума, стоявшего тогда на реке Ишиме. Но одна дурная весть шла за другою: скоро дали знать старому хану, что идет на него князь Сейдек, сын убитого им прежде князя Бекбулата; затем покинул его карача с своими людьми. Горько плакал старик Кучум. «Кого Бог не милует, – говорил он, – тому и честь на бесчестье приходит, того и любимые друзья оставляют».

Лето 1582 года Ермак употребил на покорение городков и улусов татарских по рекам Иртышу и Оби; взял остяцкий город Назым, пленил его князя, но в этом походе потерял атамана Никиту Пана сего дружиною. Возвратившись в Сибирь, Ермак дал знать Строгановым о своих успехах, что он Кучума-салтана одолел, стольный город его взял и царевича Маметкула пленил. Строгановы дали знать об этом царю, который за их службу и раденье пожаловал Семена городами – Солью Большою на Волге и Солью Малою, а Максиму и Никите дал право в городках и острожках их производить беспошлинную торговлю как им самим, так и всяким приезжим людям. Козаки от себя прямо послали несколько товарищей своих в Москву известить царя об усмирении Сибирской земли. Иоанн пожаловал этих козаков великим своим жалованьем; оставшимся в Сибири государь послал жалованье; а для принятия у них сибирских городов отправил воевод – князя Семена

Болховского и Ивана Глухова. Касательно отправления этих воевод в Сибирь до нас дошла царская грамота к Строгановым от 7 января 1584 года: «По нашему указу велено было князю Семену Болховскому взять у вас, с ваших острожков, на нашу службу, в сибирский зимний поход, пятьдесят человек на конях. Но теперь дошел до нас слух, что в Сибирь зимним путем на конях пройти нельзя, и мы князю Семену теперь из Перми зимним путем в Сибирь ходить не велели до весны, до полой воды, и ратных людей брать у вас также не велели. Весною же велели взять у вас под нашу рать и под запас пятнадцать стругов со всем струговым запасом, чтоб струги подняли по двадцати человек с запасом; а людей ратных, подвод и проводников брать у вас не велели и обиды вашим людям и крестьянам никакой делать не велели. Так вы бы тотчас велели изготовить к весне струги чтоб за ними воеводам в ваших острожках и часу не мешкать. А не дадите судов тотчас и нашему делу учинится поруха, то вам от нас быть в великой опале». Это распоряжение Иоанна относительно Сибири было последнее: он не дождался вестей ни о судьбе Болховского, ни о судьбе Ермака.

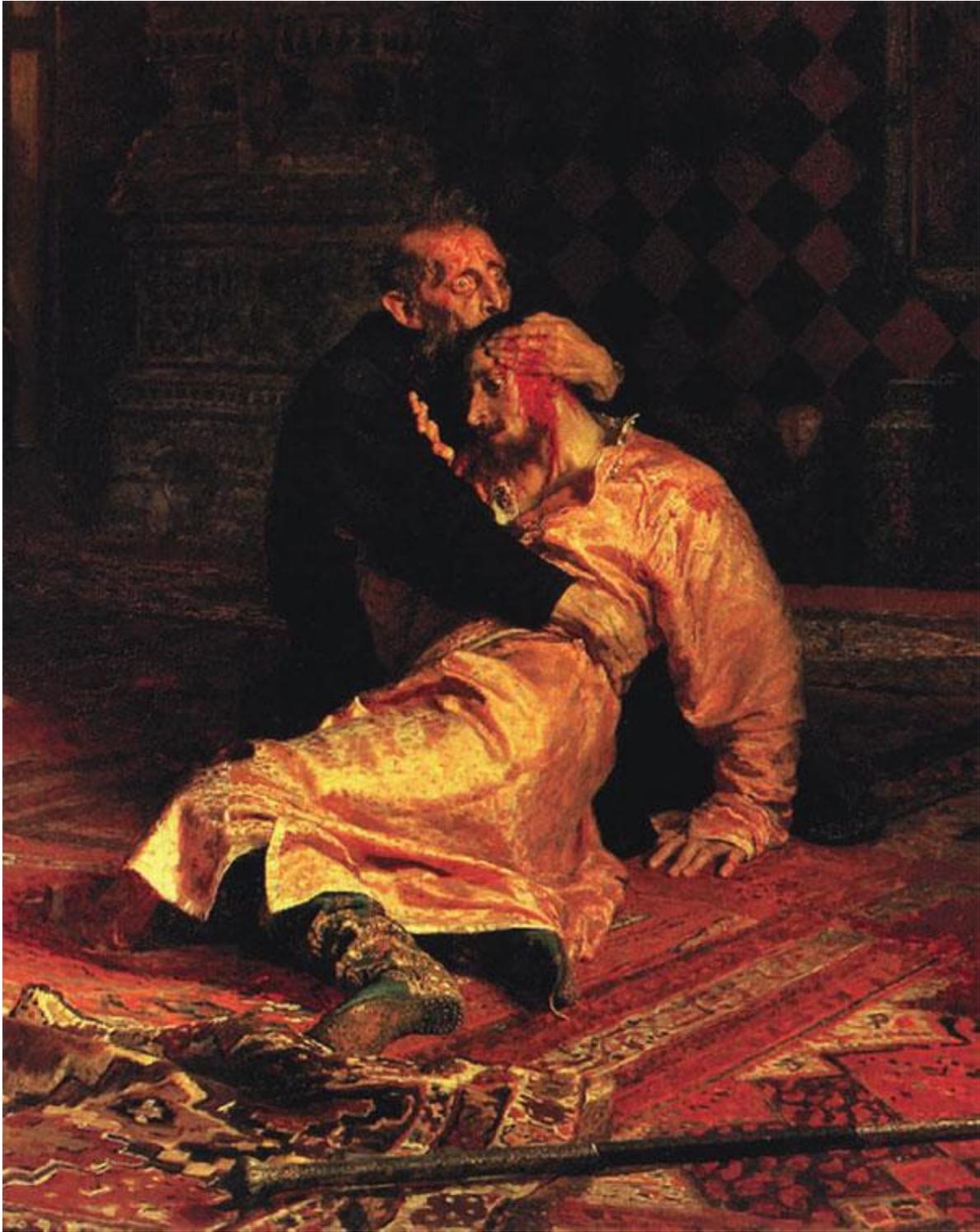

Н. Неврев. Василиса Мелентьева и Иван Грозный. 1886 г.

Еще будучи только 43 лет, в 1573 году Иоанн говорил литовскому послу Гарабурде, что он уже стар. Действительно, такая страшная

жизнь, какую вел Иоанн, такая страшная болезнь, которою страдал он, должны были состарить его преждевременно. Несчастливая война с Баторием, потеря Ливонии, унижение, претерпенное Иоанном, должны были также разрушительно подействовать на его здоровье. Наконец, сюда присоединилось невоздержание всякого рода, против чего не могло устоять и самое крепкое телосложение. Мы видели, что по смерти Анастасии Иоанн сватался к сестре польского короля, но сватовство это не имело успеха; Иоанн обратился в сторону противоположную, на Восток, и в 1561 году женился на дочери черкесского князя Темрюка, которой при крещении в Москве дали имя Марии. Выгода жениться не на русской особенно при тогдашних обстоятельствах, и красота черкешенки могли прельстить Иоанна; но легко понять, что он мог выиграть в нравственном отношении от союза с дикаркою. Мария умерла в 1569 году. В 1571 году Иоанн решился вступить в третий брак и выбрал в невесты Марфу Собакину, дочь купца новгородского; но молодая царица не жила и месяца. Иоанн не любил сдерживаться никакими препятствиями и в начале 1572 года вопреки уставу церковному женился в четвертый раз, на Анне Колтовской: он призвал архиереев, архимандритов, игуменов на свой царский духовный совет и молил о прощении и разрешении четвертого брака, потому что дерзнул на него по следующим причинам. Женился он первым браком на Анастасии, дочери Романа Юрьевича, и жил с нею тринадцать лет с половиною, но вражиим наветом и злых людей чародейством и отравами царицу Анастасию извели. Совокупился вторым браком, взял за себя из черкес пятигорских девицу и жил с нею восемь лет, но и та вражиим коварством отравлена была. Подождав немало времени, захотел вступить в третий брак, с одной стороны, для нужды телесной, с другой – для детей, совершенного возраста не достигших; избрал себе невесту, Марфу, дочь Василия Собакина, но враг воздвиг ближних многих людей враждовать на царицу Марфу; они отравили ее, и она преставилась еще до разрешения девства. Царь много скорбел и хотел облечься в иноческий образ; но, видя христианство расплениемо и погубляемо, детей несовершеннолетних, дерзнул вступить в четвертый брак. Царские богомольцы, архиепископы и епископы, видя такое царево смирение и моление, много слез испустили и на милосердие преклонились. Собравшись в соборной церкви Успения, они положили: простить и разрешить царя

ради теплого умиления и покаяния и положить ему заповедь не входить в церковь до Пасхи; на Пасху в церковь войти, меньшую дору и пасху вкусить, потом стоять год с припадающими; по прошествии года ходить к меньшей и к большой доре; потом год стоять с верными и, как год пройдет, на Пасху причаститься святых тайн. С следующего же, 1573 года разрешили царю по праздникам владычным и богородичным вкушать богородичный хлеб, святую воду и чудотворцевы меды; милостыню государь будет подавать, сколько захочет. Если государь пойдет против своих неверных недругов за святые Божии церкви и за православную веру, то ему епитимию разрешить: архиереи и весь освященный собор возьмут ее тогда на себя. Прочие же, от царского синклита до простых людей, да не дерзнут на четвертый брак; если же кто по гордости и неразумию вступит в него, тот будет проклят. Но Иоанн жил в четвертом браке не более трех лет: Колтовская заключилась в монастыре. Не имеем права двух наложниц царя, Анну Васильчикову и Василису Мелетьеву, называть царицами, ибо он не венчался с ними, и в современных памятниках они царицами не называются. В пятый и последний раз Иоанн венчался в 1580 году с Мариею Федоровною Нагою, от которой имел сына Димитрия; но мы видели, что он считал делом легким расторгнуть этот брак и сватался к англичанке. Во время пребывания Поссевина в Москве Иоанн исповедовался, но не приобщался вследствие того, что был женат на пятой жене.

*И. Репин. Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г. 1885 г.
Фрагмент*

Привычка давать волю гневу и рукам не осталась без страшного наказания: в ноябре 1581 года, рассердившись за что-то на старшего сына своего, Иоанна, царь ударил его – и удар был смертельный. Мы сказали: за что-то, ибо относительно причины гнева свидетельства разноречат; у псковского летописца читаем: «Говорят, что сына своего, царевича Ивана, за то поколол жезлом, что тот стал говорить ему об обязанности выручить Псков (от Батория)». Но Поссевин, бывший в Москве спустя только три месяца после события, рассказывает, что убийство произошло вследствие семейной ссоры: царевич вступился за беременную жену свою, которую отец его прибил. По свидетельству того же Поссевина, убийца был в отчаянии, вскакивал по ночам и вопил; собрал бояр, объявил, что он убил сына, не хочет более царствовать, и так как оставшийся царевич Феодор не способен править государством, то пусть подумают, кто из бояр достоин занять престол царский. Бояре, опасаясь, чтоб это предложение не было хитростью, объявили, что они не хотят видеть на престоле никого, кроме сына царского, и упрашивали Иоанна не покидать правления.

С небольшим два года прожил Иоанн по смерти сына; в начале 1584 года обнаружилась в нем страшная болезнь – следствие страшной жизни: гниение внутри, опухоль снаружи. В марте разосланы были по монастырям грамоты: «В великую и пречестную обитель, святым и преподобным инокам, священникам, дьяконам, старцам соборным, служебникам, клирошанам, лежням и по кельям всему братству: преподобию ног ваших касаясь, князь великий Иван Васильевич челом бьет, молясь и припадая преподобию вашему, чтоб вы пожаловали, о моем окаянстве соборно и по кельям молили Бога и Пречистую Богородицу, чтоб Господь Бог и Пречистая Богородица ваших ради святых молитв моему окаянству отпущение грехов даровали, от настоящие смертные болезни свободили и здравие дали; и в чем мы перед вами виноваты, в том бы вы нас пожаловали, простили, а вы в чем перед нами виноваты, и вас во всем Бог простит». Говорят, что больной распорядился судьбою царства, ласково обращался к боярам, убеждал сына Феодора царствовать благочестиво, с любовью и милостию, избегать войны с христианскими государствами; завещал уменьшение налогов, освобождение заключенных и пленных; в припадках все звал убитого сына Ивана. Говорят также, что испорченная природа до конца не переставала выставлять своих

требований... Смертный удар застиг Иоанна 18 марта, когда, почувствовав облегчение, он собрался играть в шашки. Над полумертвым совершили обряд пострижения, назвали его Ионою.

В. Шварц. Иван Грозный у тела убитого сына. 1864 г. Фрагмент

Долго Иоанн Грозный был загадочным лицом в нашей истории, долго его характер, его дела были предметом спора. Причина недоумений и споров заключалась в незрелости науки, в непривычке обращать внимание на связь, преемство явлений. Иоанн IV не был понят, потому что был отделен от отца, деда и прадедов своих. Одно уже название Грозный, которое мы привыкли соединять с именем Иоанна IV, указывает достаточно на связь этого исторического лица с предшественниками его, ибо и деда, Иоанна III, называли также Грозным. Мы жаловались на сухость, безжизненность наших источников в Северной Руси до половины XVI века; жаловались, что исторические лица действуют молча, не высказывают нам своих побуждений, своих сочувствий и неприязней. Но во второй половине XVI века борьба старого с новым, раздражительность при этой борьбе доходят до такой степени, что участвующие в ней не могут более оставаться молчаливыми, высказываются; явно усилившаяся в Москве с половины XV века начитанность, грамотность помогают этому высказыванию, этому ведению борьбы словом, и являются двое борцов – внук Иоанна III и Софии Палеолог Иоанн IV и потомок удельных ярославских князей, московский боярин, князь Андрей Курбский. Курбский указывает нам начало неприязни в самом собрании земли, в подчинении всех княжеств Северной Руси княжеству Московскому. Курбский указывает перемену в отношениях московских великих князей к дружине их, начало борьбы при Иоанне III, указывает на Софию Палеолог как на главную виновницу перемены, еще сильнее вооружается он против сына Иоанна III и Софии, Василия, и в Иоанне IV видит достойного наследника отцовского и дедовского, достойного продолжателя их стремлений. Слова Курбского вполне объясняют нам эти стремления Иоанна IV, стремления, обнаружившиеся очень рано, высказывавшиеся постоянно и сознательно. Нам понятно становится это поспешное принятие царского титула, желание сохранить его, желание связать себя и с Августом-кесарем и с царем Владимиром Мономахом, желание выделить себя, возвыситься на высоту недостижимую; понятно становится нам презрение к королю шведскому, к которому приписывается земля, к Стефану Баторию, многомятежным

сеймом избранному, объявление, что нет им равенства с царем московским.

Мы видели, вследствие чего Иоанн дошел до раннего сознания борьбы, которую он должен был вести, до сознания начал, которые он должен был защищать от начал противоположных. Последним во время его малолетства дана была возможность вполне обнаружиться, и это обнаружение вызвало противодействие, усиленное еще характером главного деятеля, образовавшимся также под влиянием борьбы. В борьбе этой обнаружилось значение и средства той и другой стороны; она бросила яркий свет и на прежние отношения, на древнюю историю Руси. Чтоб уяснить себе характер отношений между нашими древними князьями, нам стоило только спросить у летописцев, как эти князья звали друг друга и как звали их подданные. Встречаем ли мы в древних летописях названия: князь киевский, черниговский, переяславский, туровский, полоцкий? Нет, мы этих названий не встречаем; встречаем одни собственные имена княжеские, которые приводят обыкновенно в такое затруднение людей, начинающих заниматься древнею русскою историею. Чего нет в древних памятниках, того не должны мы искать в древнем обществе: князья не титулуются по имени своих владений, следовательно, владения эти не имели для них первенствующего значения; видим, что они называют друг друга братьями, считаются, ведут споры о старшинстве по родовой лестнице; заключаем, что господствующие отношения между ними были родовые, а не по владениям. Обратимся к нашим боярам, к их именам: что встретим? «Данило Романович Юрьевича Захарьина, Иван Петрович Федоровича». Как у древних князей, так и у бояр нет следа отношения к земельной собственности, и одно явление объясняет другое: если князья не имели постоянных волостей, меняли их по родовым счетам, то и дружина их меняла также волости вместе с ними, не могла приобрести чрез землевладение самостоятельное земское значение, зависела от князя или от целого рода княжеского. Какой был главный интерес русского боярина, это выражается в его имени: к имени, полученному при рождении или при крещении, он прибавляет имя отца деда и прадеда и крепко стоит за то, чтоб роду не было унижения; отсюда понятно становится нам явление местничества – интерес родовой господствует. Когда князей было много, когда можно было переходить от одного из них к другому, выгодное положение

дружинника обеспечивалось вполне этою возможностью; когда же эта возможность с установлением единовластия исчезла, дружинник должен был принять то положение, какое угодно было назначить для него единовластителю. В отношениях княжеских в Северной России произошла перемена; здесь родовая связь рушилась, волости обособились, и когда подчинились все Москве, то князья их явились сюда с волостными наименованиями. Но князья, отстранив от первых мест, захав, по тогдашнему выражению, старинные роды боярские, не долго удерживают за собою первенствующее положение; кроме титула, скоро ничем более не отличаются от остальных членов служилого сословия. Все это объясняет нам, почему в малолетство Иоанна IV мы видим только борьбу известных отдельных родов за первенство, почему служилое сословие так долго и упорно держалось за обычай местничества: в глубине жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно из одной сферы – с большею силою и упругостию обнаружится в другой.

Древнее начало было сильно, вело упорную борьбу; но уже государству пошел седьмой век, оно объединилось, старое с новым начало сводить последние счеты; появилось много важных вопросов, важных требований. Вторая половина XVI века, царствование Иоанна IV, характеризуется преимущественно этим поднятием важных вопросов в государственной жизни. Так, опричнина, с одной стороны, была следствием враждебного отношения царя к своим старым боярам; но, с другой стороны, в этом учреждении высказался вопрос об отношении старых служилых родов, ревниво берегущих свою родовую честь и исключительность посредством местничества, к многочисленному служилому сословию. Мы видели, что сам Иоанн в завещании сыновьям смотрел на опричнину как на первый опыт. После мы увидим, как будет решаться этот важный вопрос об отношениях младшей дружины к старшей. Понятно, что должен был явиться и громко высказаться вопрос о необходимых переменах в управлении о недостаточности прежних средств, о злоупотреблениях, от них происходящих, являются попытки к решению вопроса – губные грамоты, новое положение дьяков относительно воевод. Понятно, что в то же время должен был возникнуть вопрос первой важности – вопрос о необходимости приобретения средств государственного благосостояния, которыми обладали другие европейские народы; и вот

видим первую попытку относительно Ливонии. Век задавал важные вопросы, а во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступать немедленно к их решению. К сказанному прежде об этом характере, о его образовании и постепенном развитии нам не нужно было бы прибавлять ничего более, если б в нашей исторической литературе не высказывались о нем мнения, совершенно противоположные. В то время как одни, преклоняясь пред его величием, старались оправдать Иоанна в тех поступках, которые назывались и должны называться своими очень нелестными именами, другие хотели отнять у него всякое участие в событиях, которые дают его царствованию беспрекословно важное значение. Эти два противоположных мнения проистекли из обычного стремления дать единство характерам исторических лиц; ум человеческий не любит живого многообразия, ибо трудно ему при этом многообразии уловить единство, да и сердце человеческое не любит находить недостатков в предмете любимом, достоинств в предмете, возбудившем отвращение.

Так случилось и с Иоанном IV: явилось мнение, по которому у Иоанна должна быть отнята вся слава важных дел, совершенных в его царствование, ибо при их совершении царь был только слепым, бессознательным орудием в руках мудрых советников своих — Сильвестра и Адашева. Мнение это основывается на тех местах в переписке с Курбским, где Иоанн, по-видимому, сам признается, что при Сильвестре он не имел никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, как Иоанн, так и Курбский, пишут под влиянием страсти и потому оба преувеличивают, впадают в противоречия. Если основная мысль Курбского состоит в том, что царь должен слушаться советников, то основная мысль Иоанна состоит в том, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться к подчинению царской воли воле собственной; такое стремление в глазах Иоанна есть величайшее из преступлений, и всю тяжесть его он хочет обременить Сильвестра и его приверженцев. Вот почему он приписывает им самое преступное злоупотребление его доверенностью, самовольство, самоуправство, говорит, что вместо него они владели царством, тогда как он сам облек их неограниченную свою доверенностью; вот эти знаменитые места: «Вы ль растленны или я? Что я хотел вами владеть, а вы не хотели под моею властью быть, и я за то на вас гневался? Больше вы растленны, что не только не

хотели быть мне повинны и послушны, но и мною владели и всю власть с меня сняли; я был государь только на словах, а на деле ничем не владел». В другом месте Иоанн, щеголявший остроумием, ловкостью в словопрении, низлагает Курбского следующей уверткой, не думая, что после можно будет употребить его адвокатскую тонкость против него же самого: «Ты говоришь, что для военных отлучек мало видал мать свою, мало жил с женою, отечество покидал, всегда в городах против врагов ополчался, претерпевал естественные болезни и ранами покрывался от варварских рук и сокрушенно уже ранами все тело имеешь, но все это случилось с тобою тогда, когда вы с попом и Алексеем владели. Если это вам было не угодно, то зачем же так делали? Если же делали, то зачем, своею властью сделавши, на нас вину вскладываете!» Приводят еще третье место в доказательство, что поход на Казань предпринят не Иоанном, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: «Когда мы с крестоносною хоругвию всего православного христианского воинства двинулись на безбожный язык казанский и, получив неизреченным Божиим милосердием победу, возвращались домой, то какое доброхотство к себе испытали мы от людей, которых ты называешь мучениками? Как пленника, посадивши в судно, везли с ничтожным отрядом чрез безбожную и неверную землю». Но здесь нет ни малейшего указания на невольный поход, ибо Иоанн прямо говорит: «Когда мы двинулись»; потом Иоанн говорит ясно, что не заботились о его безопасности, везли, как пленника, уже на возвратном пути, по взятии Казани. Курбский обвиняет Иоанна в недостатке храбрости во время казанского похода, в желании поскорее возвратиться в Москву; Иоанн возвращает ему все эти обвинения и так описывает свое поведение и поведение бояр в казанских войнах: «Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Микулинского, с товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали их в опале своей, желая их казнить, а не для своего дела! Неужели это храбрость счужбу ставить в опалу? Так ли покоряются прегордые царства! Сколько потом ни было походов в Казанскую землю, когда вы ходили без понуждения, охотно? Когда Бог покорил христианству этот варварский народ, и тогда вы не хотели воевать, и тогда с нами не было больше пятнадцати тысяч по вашему нехотению. Во время осады всегда вы подавали дурные советы: когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотели домой возвратиться!

Никогда не хотели вы подождать благоприятного времени; вам и голов своих не было жаль, и о победе мало заботились; только бы поскорее домой возвратиться. Для этого скорого возвращения войну вы оставили, и от этого после много было пролития христианской крови. На приступе если б я вас не удержал, то вы хотели погубить православное воинство, начавши дело не вовремя». Как согласить эти слова: «Я посылал, если б я вас не удержал» – со словами: «Вы государились, а я ничем не владел»? Эти несогласия показывают нам ясно, с какого рода памятником мы имеем дело и как мы им должны пользоваться.

К. Венинг. Иван Грозный и его мамка. 1886 г.

Важное значение Сильвестра и Адашева, проистекавшее из полной доверенности к ним Иоанна в известное время, бесспорно, явственно из

всех источников; но вместе явно также, что Иоанн никогда не был слепым орудием в руках этих близких к нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки их советам, они советовали покорить Крым. После взятия Казани, говорит Курбский, все мудрые и разумные (т. е. сторона Сильвестра) советовали царю остаться еще несколько времени в Казани, дабы совершенно окончить покорение страны; но царь «совета мудрых воевод своих не послушал, послушал совета шурей своих». Следовательно, Иоанн имел полную свободу поступать по совету тех или других, не находясь под исключительным влиянием какой-нибудь одной стороны. Когда в 1555 году царь выступил против крымского хана и пришла к нему весть, что один русский отряд уже разбит татарами, то многие советовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на том, чтоб встретить татар, и царь склонился на совет последних, т. е. на совет приверженцев Сильвестра. Таким образом, мы видим, что Иоанн в одном случае действует по совету одних, в другом – других, в некоторых же случаях следует независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу с советниками. О могущественном влиянии Сильвестра говорят единогласно все источники; но мы имеем возможность не преувеличивать этого влияния, установить для него настоящую меру, ибо до нас дошел любопытный памятник, в котором очень ясно можно видеть отношения Сильвестра и к митрополиту и к царю. Это послание Сильвестра к митрополиту Макарию по поводу дела о ереси Башкина: «Государю преосвященному Макарию, митрополиту всея Руси, и всему освященному собору благовещенский поп Селивестришко челом бьет. Писал тебе, государю, Иван Висковатый: Башкин с Артемьем и Семеном в совете, а поп Семен Башкину отец духовный и дела их хвалит; да писал, что я, Сильвестр, из Благовещенья образа старинные выносил, а новые, своего мудрования поставил; государь святой митрополит! Священник Семен про Матюшу мне сказывал в Петров пост на заутрени; пришел на меня сын духовный необычен и многие вопросы мне предлагает недоуменные. И как государь из Кириллова приехал, то я с Семеном царю-государю все сказали про Башкина; Андрей-протопоп и Алексей Адашев то слышали ж. Да Семен же сказывал, что Матюша спрашивает толкованья многих вещей в Апостоле и сам толкует, только не по существу, развратно, и мы то государю сказали ж. И государь велел Семену говорить Матюше, чтоб он все свои речи в Апостоле изметил;

но тогда царь и государь скоро в Коломну поехал и то дело позалеглось. А про Артемья, бывшего Троицкого игумена, рассказывает Иван, что мне с ним совет был; но до Троицкого игуменства я его вовсе не знал; а как избирали к Троице игумена, то Артемья привезли из пустыни; государь велел ему побыть в Чудове, а мне велел к нему приходить и к себе велел его призывать и смотреть в нем всякого нрава и духовной пользы. В то же время ученик его Порфирий приходил к благовещенскому священнику Семену и вел с ним многие беседы пользы ради; Семен мне пересказывал все, что с ним говорил Порфирий; я усумнился, позвал Порфирия к себе, дважды, трижды беседовал с ним довольно о пользе духовной и все пересказал царю-государю. Тогда царь-государь Богом дарованным своим разумом и богорассудным смыслом ошибочное Порфириево учение и в учителе его, Артемии, начал примечать». Здесь, с одной стороны, видна высокая степень доверия, которою пользовался Сильвестр: его посылал царь к Артемию испытать, годится ли последний занять место Троицкого игумена; но, с другой стороны, ясно видно, что Сильвестр должен был обо всем докладывать Иоанну и тот сам распоряжался, как вести дело, сам вникал в него и своим разумом и смыслом подмечал то, чего не мог заметить Сильвестр; когда Иоанн уезжал из Москвы, дела останавливались. Как же после этого можно буквально принимать слова Иоанна и думать, что Сильвестр владел государством, оставляя ему одно имя царя? Всего страннее предполагать, чтоб человека с таким характером, какой был у Иоанна, можно было держать в удалении от дел! Наконец, мы считаем за нужное сказать несколько слов о поведении Иоанна относительно крымского хана после сожжения Москвы Девлет-Гиреем, потом относительно короля шведского и особенно относительно Батория; неприятно поражает нас этот скорый переход от гордости к унижению; мы готовы и по своим понятиям имеем право видеть здесь робость. Но мы не должны забывать разности понятий, в каких воспитываемся мы и в каких воспитывались предки наши XVI века; мы не должны забывать, как воспитание в известных правилах, образованность укрепляют нас теперь, не позволяют нам обнаруживать этих резких переходов, хотя бы они и происходили внутри нас. Но люди веков предшествовавших не знали этих искусственных укреплений и сдерживаний и потому не стыдились резких переходов от одного чувства к другому,

противоположному; эту резкость переходов мы легко можем подметить и теперь в людях, которые по степени образования своего более приближаются к предкам. Притом относительно Иоанна IV мы не должны забывать, что это был внук Иоанна III, потомок Всеволода III; если некоторые историки заблагорассудили представить его вначале героем, покорителем царств, а потом человеком постыдно робким, то он нисколько в этом не виноват. Он предпринял поход под Казань по убеждению в его необходимости, подкреплялся в своем намерении религиозным одушевлением, сознанием, что поход предпринят для избавления христиан от неверных, но вовсе не вел себя Ахиллесом. Иоанн сам предпринимал поход под Казань, потом под Полоцк, в Ливонию по убеждению в необходимости этих походов, в возможности счастливого их окончания, и тот же самый Иоанн спешил как можно скорее прекратить войну с Баторием, ибо видел недостаточность своих средств для ее успешного ведения: точно так как дед его, Иоанн III, сам ходил с войском под Новгород, под Тверь, рассчитывая на успех предприятия, и обнаружил сильное нежелание сразиться с Ахматом, потому что успех был вовсе неверен. Таковы были все эти московские или вообще северные князья-хозяева, собиратели земли.

К. Лебедев. Иван Грозный. 1916 г.

Но если, с одной стороны, странно желание некоторых отнять у Иоанна значение важного самостоятельного деятеля в нашей истории; если, с другой стороны, странно выставить Иоанна героем в начале его

поприща и человеком постыдно робким в конце, то более чем странно желание некоторых оправдать Иоанна. Характер, способ действий Иоанновых исторически объясняются борьбой старого с новым, событиями, происходившими в малолетство царя, во время его болезни и после; но могут ли они быть нравственно оправданы этой борьбой, этими событиями? Можно ли оправдать человека нравственной слабостью, неумением устоять против искушений, неумением совладать с порочными наклонностями своей природы? Бесспорно, что в Иоанне гнездилась страшная болезнь, но зачем же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаем глубокое сочувствие, уважение к падшим в борьбе, но когда мы знаем, что они пали, истощив все зависевшие от них средства к защите; в Иоанне же этой борьбы с самим собою, с своими страстями мы вовсе не видим. Мы видим в нем сознание своего падения. «Я знаю, что я зол», – говорил он; но это сознание есть обвинение, а не оправдание ему; мы не можем не уступить ему больших дарований и большой, возможной в то время начитанности, но эти дарования, эта начитанность не оправдание, а обвинение ему. Его жестокости хотят оправдать суровостью нравов времени. Действительно, жесткость нравов выражается и в письменных памятниках того времени: требуя установления наряда, прекращения злоупотреблений, указывали на жестокие средства как на единственно способные прекратить зло; так, например, в очень распространенном в древности сказании Ивана Пересветова «О царе турецком Магмете, како хотел сожещи книги греческия» строгий суд и жестокие казни султана прославляются как достойные подражания: «Магмет-салтан учал говорити: аще не такую грозою великий народ угрозити, ино и правду в землю не ввести». Но возможность найти объяснение в современном обществе не есть оправдание для исторического лица; да и не смеем мы сложить вину дел Грозного на русское общество XVI века, потому что оно было основано на другом начале, чем то общество, которым управлял Магмет-султан. Оно было способно выставить человека, который указал Иоанну требования этого основного начала; русское общество, выставив св. Филиппа, провозгласив устами этого пастыря неодобрение образу действий Грозного, показав, что имело закон и пророка, очистилось, оправдалось пред историею, вследствие чего Иоанн, не послушавшийся увещаний Филипповых, оправдан быть не может. Иоанн сознавал ясно высоту своего положения, свои права,

которые берег так ревниво; но он не сознал одного из самых высоких прав своих – права быть верховным наставником, воспитателем своего народа. Нравы народа были суровы, привыкли к мерам жестоким и кровавым; надобно было отучать от этого; но что сделал Иоанн? Вместо целения он усилил болезнь, приучил еще более к пыткам, кострам и плахам; он сеял страшными семенами, и страшна была жатва – собственноручное убийство старшего сына, убиение младшего в Угличе, самозванство, ужасы Смутного времени! Не произнесет историк слово оправдания такому человеку; он может произнести только слово сожаления, если, взглядываясь внимательно в страшный образ, под мрачными чертами мучителя подмечает скорбные черты жертвы: своекорыстием, презрением общего блага, презрением жизни и чести ближнего сеяли Шуйские с товарищами – вырос Грозный.

Подобно деду своему, Иоанну III, Иоанн IV был очень высокого роста, хорошо сложен, с высокими плечами, широкою грудью; по иностранным свидетельствам, он был полон, а по русским – сухощав, глаза у него были маленькие и живые, нос выгнутый, усы длинные. Привычки, приобретенные им во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выражение, хотя смех беспрестанно выходил из уст его. Он имел обширную память, обнаруживал большую деятельность; сам рассматривал все просьбы; всякому можно было обращаться прямо к нему с жалобами на областных правителей. Подобно отцу, любил монастырскую жизнь, но по живости природы своей не довольствовался одним посещением монастырей, созерцанием тамошнего быта: в Александровской слободе завел монастырские обычаи, сам был игуменом, опричники – братиею. По русским и иностранным свидетельствам, в первую половину жизни Иоанн мало занимался охотою, посвящая все свое время делам правления; когда Баторий по окончании войны прислал просить у царя красных кречетов, то Иоанн велел ему отвечать, что послал за ними на Двину и Поморье нарочно; были у него кречеты добрые, да поизвелись, давно уже он мало охотится, потому что пришли на него кручины большие. Баторий в благодарность за кречетов спрашивал, какие вещи особенно любит царь, чтоб прислать их ему; Иоанн отвечал, что он охотник до аргамаков, до жеребцов добрых, до шапок хороших, железных с наводом пищалей ручных, чтоб были добры, цельны и легки.

*Смерть Грозного. Картина А. Маймана, гравер Ю. Барановский.
Конец XIX в.*